### Национальная академия наук Беларуси Институт философии НАН Беларуси

# ФИЛОСОФИЯ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: к 90-летию Института философии НАН Беларуси

Материалы Международной научной конференции (15–16 апреля 2021 года, г. Минск)

В трех томах Том 2

МИНСК ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ» 2021 УДК [1+316](476)(082) ББК 87.3(4Беи)я43 Ф51

# Рекомендовано к изданию Ученым советом Института философии НАН Беларуси (протокол № 9 от 01.07.2021 г.)

### Редакционная коллегия:

А. А. Лазаревич (председатель), А. Ю. Дудчик (зам. председателя), М. Б. Завадский (секретарь), Т. И. Адуло, В. Б. Еворовский, Н. Е. Захарова, А. В. Колесников, Н. А. Кутузова, В. А. Максимович, С. И. Санько, А. Н. Спасков, И. И. Морозова, А. О. Карасевич, С. Г. Доронина, Н. Н. Куксачёв, Т. Е. Гриценок, Е. А. Круподеря

### Рецензенты:

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь Ч. С. Кирвель, доктор философских наук, доцент Р. А. Смирнова

Издано при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований по договору № K21–07 от 07.04.2021 г.

Философия и вызовы современности : к 90-летию Института философии НАН Беларуси : материалы Междунар. науч. конф. (15–16 апреля 2021 г., г. Минск). В 3 т. Т. 2 / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. : А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. — Минск : Четыре четверти, 2021. — 378 с.

ISBN 978-985-581-489-5 (T. 2).

Материалы конференции раскрывают состояние и перспективы философии в современном мире, выявляют горизонты трансдисциплинарного синтеза, описывают вызовы цивилизационного развития XXI века в социальнофилософском и философско-антропологическом измерениях, отражают философскую мысль Беларуси в национально-культурном и универсальном контексте, раскрывают роль культуры как фактора устойчивого социального развития и философски осмысляют проблемы COVID-19 и социальной экологии.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, специалистов органов государственной власти и управления, представителей общественных структур, аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех интересующихся проблемами современной философии и гуманитарных наук.

УДК [1+316](476)(082) ББК 87.3(4Беи)я43

ISBN 978-985-581-489-5 (T. 2) ISBN 978-985-581-487-1

- © ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», 2021
- © Оформление. ОДО «Издательство "Четыре четверти"», 2021

### СОДЕРЖАНИЕ

| Поздравления с 90-летием Института философии НАН Беларуси 11   |
|--|
| Раздел 3 Вызовы цивилизационного развития в XXI веке: социально-философское и философско-антропологическое   |
| измерения  |
| <i>Т. И. Адуло</i> От плюрализма идей – к социально-философскому знанию  |
| <b>Ю. В. Александренков</b> Социальная справедливость в развитии современного социального государства  |
| <b>В. В. Анохина</b> Модели национальной идентичности и социокультурные риски белорусского общества  |
| С. С. Антюшин "Авто-вызов" человека и философия  |
| С. А. Афанасьева Цифровое развитие общества в XXI веке и права человека  |
| <b>Н. А. Балаклеец</b> Дроны как орудие постгероической войны: вызовы и угрозы   |
| <b>Е. В. Беляева</b> Моральное доверие в цифровой среде  |
| Е. В. Беляцкая Феномен авторитарной личности в контексте   |
| гуманистического психоанализа Э. Фромма и вызовы поздней современности   |
| <b>Л. Н. Богатая</b> Наше Новое время: глобальные вызовы современности   |
| <b>Е. В. Бочарова</b> Становление профессионально компетентной личности в аграрной отрасли: современные вызовы и перспективы развития                      |
| <b>Л. И. Брага</b> "Реалистический подход" как методологическая база исследования политических процессов современного мира                                 |
| M. Bulearcă       Oil and Gas Industry under the Covid-19 Pandemic         Influences       84   |
| <b>П. М. Бурак</b> Коэволюция: генерирование ресурсов развития и ноосферное регулирование социальных и социоприродных сопряжений в условиях нестабильности |
| <b>С. А. Бурьянов, М. С. Бурьянов</b> Глобальные вызовы цифровых технологий  |

| M. Bădileanu, S. P. Ciumac, L. I. Georgescu Energy access disparities – past and present  |
|---|
| M. Bălan, S. M. Stănescu The Impact of COVID-19 on the Labour Markets   |
| M. Viarenich, S. M. Stănescu, M. Bălan Social Youth Policy of Belarus and Romania in the context of Modern Challenges                                     |
| <b>А. И. Веруш</b> Демографическая проблема как важнейший мегатренд современности   |
| <b>В. П. Веряскина</b> Вызовы цивилизационного развития в XXI веке: в поисках возможных ответов   |
| <b>П. А. Водопьянов</b> Трансформация мировоззренческих ориентаций в условиях геополитической нестабильности  |
| <b>А. А. Головач, Н. В. Медведев</b> Глобальный демографический кризис: кто виноват?  |
| С. С. Грак, И. В. Мятникова, Е. В. Сахарова Особенности поведения населения Республики Беларусь в условиях распространения COVID-19: сравнительный анализ |
| <b>О. А. Гримов</b> Мифы и идеологемы цифровизации: динамическая модель   |
| <b>Е. В. Давлятова</b> Культура в глобализированном мире  |
| <b>А. Н. Данилов</b> Цивилизационное развитие: глобальные вызовы и риски  |
| С. В. Донских Перспективы локальных цивилизаций в XXI веке: от культурной самобытности к реликтам в мире техногенной цивилизации                          |
| <ul><li>И. П. Жоголь-Лабзеева Социально-эмотивные навыки как составляющая ключевых компетенций XXI века</li></ul>   |
| <b>В. И. Жук</b> Глобализация и регионализация как отношения единства и разнообразия  |
| К. А. Королева, В. А. Игнатенко Китайская система социального рейтинга: новые формы технологической рациональности и игра 127                             |
| <b>Е. Б. Ильянович</b> Антропологические перспективы в динамике современных технологических вызовов: постантропологический контекст                       |

| В. А. Иноземцев, М. Л. Ивлева, В. Ю. Ивлев Вызовы цифровизации: на пути к новой социальной реальности                        |
|--|
| Л. Г. Интымакова, З. Г. Стародубцева Влияние глобализациионных тенденций на психологическое время личности                   |
| P. Ionel The Metamorphoses of the Perception of Journalism under the Influence of the Internet                               |
| C. Kalita Social Philosophy and Political Philosophy – the Paradigm of Community and Society                                 |
| <b>В. Н. Калмыков</b> Соотношение созерцательной и практико-<br>ориентированной функций философии                            |
| <b>А. 3. Камалиденова</b> Проблема человека в оцифрованном мире  |
| <b>Л. А. Карпец</b> Виртуальный университет в условиях пандемии  |
| <b>Т. В. Кирик</b> Зарубежные опасности для национального образования Украины  |
| <b>Г. И. Колесникова</b> "Превращенное" управление и "превращенное" сознание   |
| <b>С. Ю. Колчигин</b> Утопия как аттрактор будущего  |
| <i>И. Н. Колядко</i> Социальный кризис: онтологические и социокультурные основания   |
| А. С. Комаровская Человечество, природа, этика и право   |
| <b>Н. В. Коноваленко</b> Проблема взаимодействия свободы личности и социальной солидарности в контексте вызовов современного |
| общества   |
| <b>А. Ю. Косенков</b> Процессы цифровизации и информационное измерение социальной реальности                                 |
| <b>Н. В. Костеева, Д. А. Смоляков</b> Социально-философское измерение деятельности Институтов Конфуция                       |
| О. Ю. Кравцов         Белорусский протест-2020: конфликт гражданских           идентичностей         172                     |
| <b>Л. Е. Криштапович</b> Человек хочет быть счастливым, но этому мешает капитализм   |
| <b>В. А. Ксенофонтов</b> Военная сфера национальной безопасности 178   |
| <b>В. Н. Ксенофонтов</b> НАТО – угроза безопасности России и Беларуси (социально-философский анализ)                         |

| <b>А. В. Кузнецов</b> Пандемия коронавируса и современные футурологические                                     |
|--|
| прогнозы   |
| В. В. Кузнецов Критический анализ современного общества  |
| в леворадикальной социально-философской мысли католицизма и протестантизма                                     |
| •  |
| <b>Н. Н. Куксачёв</b> О необходимости дифференциации понятий "пол" и "гендер"                                  |
| <b>О. В. Курбачёва</b> Феномен толерантности и грани его   |
| интерпретации  |
| <b>В. С. Лапшина</b> Социокультурные вызовы современного города 195  |
| <b>И. И. Лещинская</b> Современный антропологический кризис как предмет философской рефлексии                  |
| <i>И. К. Лисеев</i> Ноосферный подход в современном образовании  |
| <b>А. І. Лойка</b> Філасофія Беларусі ў гістарычных эпохах СССР  |
| і постсавецкай рэчаіснаці  |
| <b>В. Ф. Мартынов</b> Феномен парадоксов в динамике техногенного   |
| мира   |
| С. Г. Масько, О. М. Старикова Категория "свобода" как критерий   |
| исторического развития европейской цивилизации   |
| <i>И. Я. Мацевич-Духан</i> Стиль жизни креативного субъекта как предмет  |
| социально-философской критики  |
| <b>М. А. Можейко</b> Индивидуальное бытие как творчество себя: проблема свободы в постнеклассической философии |
| <b>В. И. Молчанов</b> Пандемия и виртуальная реальность  |
| V. Moraru The Labyrinths of Symbolic Politics  |
| <b>И. И. Морозова</b> Старшее поколение и современная цифровая среда 220                                       |
| <b>Н. И Мушинский</b> Философия постмодернизма о немотивированной  |
| агрессии массовой культуры и понятие справедливости  |
| И. М. Наливайко, Е. И. Жук "Речь о повседневности" и "речь   |
| в повседневной жизни" или креативный потенциал речевых практик   |
| обыденного языка   |
| <b>Ю.</b> Ф. Никитина Имплементация предпринимательской модели   |
| университета в систему высшего образования Республики Беларусь 229   |
| C. Neagu Implications of the National and International Context Generated                                      |
| by COVID-19 on Coal Mining   |

| <b>В. И. Огородник</b> Постхристианская цивилизация Запада  |
|---|
| О. А. Павловская Философия как способ познания современного мира: социально-нравственный ракурс                             |
| <b>Б. В. Пальчевский</b> Актуальность и необходимость разработки  |
| философских аспектов дистанционного обучения в современной социокультурной ситуации   |
| <b>В. В. Петрунин</b> Глобализация религий в современном мире: феномен георелигий   |
| <b>В. В. Подкопаев, Е. Е. Орлова</b> Взаимодействие НАН Беларуси и МИД Республики Беларусь как инструмент устойчивого       |
| социально-экономического развития страны и продвижения  |
| экспортоориентированного научно-технического сотрудничества 244   |
| <b>Р. Я. Подоль</b> Дистанционное образование в современном социокультурном пространстве                                    |
| <b>О. Л. Познякова</b> Драма как инструмент трансфера идей в сознание человека  |
| А. Н. Прохоров Современные глобальные процессы и актуальные проблемы реализации права на образование в Российской Федерации |
| <b>М. М. Прохоров</b> Об одном вызове логике исторического процесса: две концепции  |
| <b>А. А. Ражкоў</b> Месца чалавека ў антрапалагічнай мадэлі А. Г. Дугіна  |
| <b>И. М. Рамникова</b> Экологическое измерение современного философского знания   |
| <b>М. М. Рогожа</b> Университет как институт в эпоху Постмодерна (ценностные аспекты)                                       |
| <b>А. В. Рубанов</b> Смыслы социального развития  |
| <b>Н. Н. Салтан, Е. М. Орленко</b> Гендерная идентичность и самовыражение человека в современном обществе                   |
| <b>В. Н. Семенова</b> К вопросу об идейно-политическом консенсусе 272   |
| C. Sima The Impact of the Pandemic on the Extraction of Ferrous and Non-ferrous Ores, Worldwide and in Romania              |
| <b>В. А. Скворец</b> Социальная эволюция человечества и модели мирового порядка 277   |

| <b>С. В. Смульский, А. О. Деркачев</b> Феномен постправды в контексте социальной рефлексии цифровой трансформации                       |
|---|
| <b>В. О. Станис</b> Статус партиципаторности в структуре цифровой культуры  |
| А. И. Стребков, Г. Г. Газимагомедов Объективность рисков индивидуального бытия в современном обществе                                   |
| <i>С. Теодор</i> Императивы формирования имиджа страны  |
| И. В. Ткачева         Социально-этические аспекты современных           технологий         290  |
| <b>Ж. В. Федорова</b> Медиапространство цифрового общества: онтология "негативизма" как идеология                                       |
| <b>А. В. Филиппович</b> Современная научная парадигма и идеологические процессы XXI века  |
| <i>С. В. Хамутовская</i> Новые технологии в "зеркале" социальных ожиданий населения Беларуси  |
| <b>Л. А. Цибизова</b> Наблюдающее и наблюдаемое в философии и психологии  |
| А. С. Цмыг Религиозный фактор процессов глобализации  |
| <i>И. А. Червинская</i> Методологические основы определения нормальной цены товара в контексте антидемпингового регулирования           |
| <i>И. В. Черникова, Д. В. Черникова</i> Трансформация университета в постиндустриальном обществе  |
| В. И. Чуешов О некоторых перспективах философской антропологии  |
| на постсоветском пространстве   |
| <b>В. И. Чуешов, Г. И. Малыхина</b> Философское образование как средство и цель в цифровую эпоху  |
| <b>В. В. Шепетнок</b> Изучение философии как способ повышения интеллектуального потенциала субъекта в условиях инновационного           |
| развития общества   |
| <b>А. Д. Шоркин</b> Философия от мира сего  |
| <b>В. К. Щербин</b> Роль философско-методологического анализа в развитии семиотики риска  |
| <b>Л. С. Яковлев</b> Деструкция образа будущего в симулякре инклюзивного капитализма как отражение социально-экономического кризиса 321 |
| капитализма как отражение социально-экономического кризиса 321  |

| <b>В. Н. Яхно</b> Информационно-компьютерные технологии в ракурсе новых этических проблем   |
|---|
| Круглый стол «Моральная субъектность  |
| в ситуации войны: как оставаться человеком  |
| в нечеловеческой ситуации?»   |
| <b>П. Боянич</b> Кода: могут ли хорошие парни победить?   |
| Пересмотр пары вопросов   |
| <b>Г. А. Ведерников</b> Анализ повседневного опыта военнослужащих в ходе локальных военных конфликтов XX века на примере войны                              |
| в Афганистане   |
| <b>А. М. Давлетшина</b> Нормативные модели поведения беженцев во время Второй мировой войны   |
| А. Ю. Дудчик Философский эскиз "этики партизана"  |
| <b>Д. М. Латышев</b> Этос бывшего священнослужителя на фронте в годы Великой Отечественной войны (на примере  |
| воспоминаний Н. С. Ерофеева)  |
| <b>А. С. Луньков</b> "Восторг, который солдат испытывает на войне": один эпизод Русско-японской войны 1904–1905 гг. глазами британского военного журналиста |
| А. Д. Назаров Армянские войска на службе византийского правителя Маврикия (582–602): поиск альтернатив в условиях конфликта с императорской властью         |
| <b>И. Н. Сидоренко</b> Концепция "тотальной войны" К. Шмитта и проблема трансформации "справедливой войны"  |
| <b>Д. М. Султанов</b> Первая мировая война и модерн: повседневность техники и ее этическое измерение  |
| <b>Е. С. Черепанова</b> Смерть на войне: проблема персонального и религиозного оправдания   |
| Круглый стол молодых исследователей   |
| «Потенциал философского знания  |
| в осмыслении проблем и вызовов XXI века»  |
| <b>А. П. Занина</b> Насыщенность фатальности или фатальность насыщенности   |
| <i>О. Г. Нестеров</i> Современное осмысление кризиса капитализма  |
| и кризиса труда   |

| Сведения об  | авторах  | 366 |
|--------------|--|-----|
| экономическо | й модернизации                                     | 361 |
| Ян Цзиньцю   | Китайский политический режим и проблемы социально- |     |

# Поздравления с 90-летием Института философии НАН Беларуси



Уважаемые сотрудники Института философии Национальной академии наук Беларуси! Примите самые искренние поздравления по случаю 90-летия вашего Института от сотрудников Института философии РАН!

К своему нынешнему солидному юбилею вы подошли с большим багажом научных достижений. В этот багаж входят, по сути, все основные направления философской науки. В рамках историко-философского направления особое место занимает изучение истории философской и общественно-политической мысли Беларуси. Промежуточным, но масштабным итогом этой работы стало издание четырёх томов шеститомной «Истории философской и общественно-политической мысли Беларуси». Но дело не ограничивается только историей. Институт разрабатывает теоретико-методологические основы устойчивого инновационного развития Беларуси в социально-культурной, научно-технической и духовно-нравственной сферах. Одним из результатов этой работы стала книга « Интеллектуальный капитал и потенциал Республики Беларусь». Институт выполняет важную координирующую роль по отношению к ведущимся в стране философским исследованиям. Примером успешной реализации этой роли стала организация «Республиканского центра фундаментальной и практической философии», объединившего усилия философского сообщества республики в решении важной задачи повышения практической отдачи от философских исследований. Думаем, что ваш опыт в этом направлении должен быть интересен и российским философам.

Ещё одним важным результатом вашей координационной деятельности стало создание «Белорусского философского общества», членами которого являются прежде всего академические и вузовские философы, но также и представители других профессий, которые в своей деятельности используют философские знания. Желаем молодому Белорусскому философскому обществу успехов в работе, а также в развитии сотрудничества с Российским философским обществом.

Уверены, что обмен опытом пойдёт на пользу обеим сторонам. Ну и, конечно же, нельзя не отметить вашу активность в организации крупных философских конференций, в том числе международных. Мы до сих пор с удовольствием вспоминаем Первый белорусский философский конгресс «Национальная философия в глобальном мире», в работе которого мы имели честь участвовать.



ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

Директору Института философии Национальной академии наук Беларуси А.А. Лазаревичу

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Коллектив Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук с самыми искренними и добрыми чувствами поздравляет вас с Юбилеем - с 90-летием со дня образования Института философии Национальной академии наук Беларуси!

За прошедшие годы Институт философии НАН Беларуси превратился в поистине уникальное научное учреждение, где проводятся фундаментальные исследования по всем направлениям философской мысли. Уникальным и неоценимым является вклад Института в сохранение и развитие философской мысли как в масштабах Республики Беларусь, так и на международной арене. Широта и многообразие исследований отражены в структуре Института. Можно уверенно говорить о том, что исследовательские подразделения Института являются сложившимися научными школами, известными далеко за пределами Республики Беларусь. Наиболее авторитетные представители научных школ Института, такие как Казимир Павлович Буслов, Альфред Степанович Майхрович, Николай Иванович Жуков, Алексей Клементьевич Манеев, Дмитрий Иванович Широканов, Леонид Фёдорович Евменов, Евгений Михайлович Бабосов и многие другие, известны не только как выдающиеся ученые, но и как талантливые педагоги, воспитавшие не одно поколение исследователей.

Результаты исследований Института, помимо академической науки, нашли свое применение в разработке комплекса теоретико-методологических оснований устойчивого инновационного развития Республики Беларусь, в социально-культурной, научнотехнической, духовно-нравственной сфере, активном сотрудничестве с органами государственной власти. Большим достижением Института является проведение в 2017 году Первого белорусского философского конгресса «Национальная философия в глобальном мире». Столь масштабный философский форум был организован в рамках мероприятий Года науки в Республике Беларусь как средство интеграции философского сообщества страны вокруг разделяемых его членами идеалов, ценностей и исследовательских задач. Участие в работе Конгресса представителей более чем 20 стран европейского, азиатского и американского континентов является ярким свидетельством места и роли белорусской философии в международном научном сообществе. Подтверждением этому является вступление Института философии НАН Беларуси в Международную федерацию философских обществ — наиболее авторитетную международную организацию в области философского знания.

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук давно поддерживает научные связи с Институтом философии НАН Беларуси, выполняя совместные научные проекты, занимаясь подготовкой и публикацией совместных научных трудов, осуществляя совместное участие в конференциях и конгрессах.

Коллектив ИФПР СО РАН от всей души желает вам, дорогие друзья, новых творческих свершений и процветания!

От имени коллектива Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,

д.филос.н.

М.Н. Вольф

#### МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (Новосибирский государственный университет, НГУ)

Уважаемые сотрудники Института философии Национальной академии наук Беларуси, коллеги!

Коллектив Института философии и права НГУ сердечно поздравляет Вас с 90-летним юбилеем!

Для человека 90 лет — это вся жизнь, а для научной организации — только начало большого пути. За это время Вы достигли серьёзных успехов. Нам хорошо известны Ваши достижения в области логики и методологии научного познания, философии науки и философии техники, философской антропологии и философии культуры, философских проблем человека и социальной экологии, истории философии и философии религии. Первый Белорусский философский конгресс в октябре 2017 года отчетливо показал насколько мы все, представители научного сообщества стран «бывшего СССР», близки, насколько мы разделяем идеалы, ценности и задачи, которые стоят перед философией в наше непростое время.

Мы рады тесным связям, сложившимся за последние годы сотрудничества между нашими организациями.

Дорогие коллеги, желаем Вам дальнейших творческих успехов, а также силы духа и крепкого сибирского здоровья!

Dues!

Директор ИФП НГУ

профессор

В.С. Диев

# ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОСОФИЯ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ», ПРИУРОЧЕННОЙ К 90-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

### Уважаемые участники международной научной конференции!

90-летие Института философии Национальной академии наук Беларуси является историческим событием как для Беларуси, так и для интеллектуального пространства современной Евразии. К своему юбилею Институт философии подошел с богатым творческим багажом новаторских идей и решений, с прочными международными научными связями и высокопрофессиональным коллективом ученых, которых объединяет любовь к науке. Институт философии Беларуси хорошо известен в Казахстане. Это — авторитетное научное учреждение со сложившейся философской традицией, уважаемый член мирового научного сообщества философов, передовой авангард национальной интеллигенции страны.

Казахстана естественным Для центром притяжения интеграционных процессах, как в географическом, геополитическом, так и в духовно-нравственном и культурно-цивилизационном отношениях, евразийское пространство, дружественные государства, связанные обшностью предшествующей совместной истории. Продолжающиеся развиваться новых исторических условиях партнёрские, взаимовыгодные торгово-экономические, культурные, научно-образовательные связи с Республикой Беларусь отвечают коренным национальным интересам Казахстана.

Геополитические разломы и социально-экономические потрясения, ознаменовавшие собой последнее столетие мировой истории и начало XXI века, не уничтожили веками складывавшееся органическое единство и духовное согласие народов, сосуществовавших на бескрайних просторах Евразии. Этот бесценный опыт жизненно важен для народов евразийских государств и в наши дни. Поэтому важнейшей задачей институтов философского и социогуманитарного профиля Казахстана и Беларуси является содействие укреплению и расширению наших межкультурных связей, упрочение и защита духовных ценностей и культурных традиций народов Евразии, функционирующих на базе смысловых значений и символов сложившихся веками форм социальной солидарности, диалога культур и народов.

В этом году Республика Казахстан и Республика Беларусь отмечают свои 30-летние юбилеи независимого развития. В эти годы наши научные и дружественные связи, развиваясь на новой основе, становились и укреплялись. Казахстанский Философский конгресс, объединяющий

философское сообщество нашей страны, активно сотрудничает с республиканским обшественным объединением «Белорусское философское общество». Эти общественные организации провели не одно совместное научно-организационное мероприятие, направленное обогащение философского знания и развитие научных исследований, а также на распространение и популяризацию среди широких слоев населения достижений казахстанской и белорусской философии и науки. Института Вступление 2017 году философии философских Международную федерацию обществ наиболее авторитетную международную организацию в области философского знания является важной вехой в его истории. В 2018 году Казахстанский Философский конгресс тоже стал членом данного международной организации.

Отрадно отметить тот факт, что многие казахстанские философы активно участвовали в работе Первого Белорусского философского конгресса «Национальная философия в глобальном мире» (18-20 октября 2017 г.), прекрасно организованным Национальной академией наук Беларуси и Институтом философии НАН Беларуси. Кроме того, наши философы участвуют в ежегодных международных научных конференциях на тему: «Интеллектуальная культура Беларуси», приуроченных к Всемирному дню философии ЮНЕСКО. При этом важно подчеркнуть, что это не односторонние, а двусторонние дружественные связи. Нам приятно, когда **ученые** Института философии Беларуси приезжают международные научные конференции, организованные в Алматы и Нур-Султане, и являются авторами статей в наших научных журналах.

Особенно мы признательны директору Института философии Беларуси, видному ученому и организатору философских исследований А.А. Лазаревичу, который не только делегирует сотрудников Института участвовать в работе казахстанских конференций, но и сам неоднократно был участником крупных международных научных форумов в Республике Казахстан. Мы также благодарны ему за работу в Международном редакционном совете журнала нашего института «Аль-Фараби».

Несомненно, исследования в области философских наук должны помочь обществу в решении фундаментальных проблем современного общественно-политического, духовно-нравственного культурного развития, которое направлено на формирование нового качества нации, опирающейся на национальный код, лучшие традиции, ценности и остающейся конкурентоспособной В **УСЛОВИЯХ** новой Неслучайно в современных условиях возрастает социальный, научный и образовательный запрос в решении проблем мировоззренческого и духовно-нравственного характера, где роль философии уникальна и значительна. Философские размышления, рассуждения и реминисценции над духовной модернизацией общества не только возвращают нас к

ценностно-смысловым истокам прошлого, но и заставляет задуматься о реалиях настоящего и будущего, о будущем наших государств, поколений, мира в целом. Наше дальнейшее сотрудничество должно быть нацелено на совместное решение этих проблем, залогом чего является наш многолетний опыт плодотворных научных контактов, проверенная временем дружба и дружеские отношения.

Уважаемые участники международной научной конференции! Открытое и доверительное обсуждение наиболее важных и актуальных проблем философии всегда способствует развитию гуманитарного знания, играющего значительную роль в современном мире. Философия всегда оказывала и продолжает оказывать воздействие на умы людей, сознание общества и личности, оставаясь в эпицентре международного научного сотрудничества и взаимодействия с исследовательскими центрами и учеными разных стран, в фокусе любознательного интереса молодого поколения, в диалоге культур Востока и Запада.

Дорогие коллеги! От всей души поздравляю коллектив Института философии НАН Беларуси с юбилейным годом! Желаю Институту огромных творческих успехов, крупных социально-значимых научных проектов и разработок, профессионального долголетия и покорения новых вершин философии.

Позвольте также пожелать участникам международной научной конференции плодотворной работы в дни научного форума, а Республике Беларусь - процветания в единой семье народов Евразии и успешного продвижения по пути независимого развития!

Директор Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК, академик НАН РК, доктор социологических наук, профессор Сейдуманов Серик Турарович

### Національна академія наук України ІНСТИТУТ ФІЛОСОФІЇ імені Г.С. Сковороди



The National Academy of Sciences of Ukraine **H.Skovoroda** 

### INSTITUTE OF PHILOSOPHY

01001, Україна, Київ, вул. Трьохсвятительська, 4, тел.: (044)278-06-05, факс: (044)278-63-66 E-mail:

4, Tryokhsviatitelska str., Kyiv 01001, Ukraine E-mail: if-ukr@i.ua

134/75 14 04 2021

Директору Института философии Национальной академии наук Беларуси Лазаревичу А.А.

### Уважаемый Анатолий Аркадьевич!

От имени Ученого совета и всего коллектива Института философии имени Г.С. Сковороды Национальной академии наук Украины поздравляю Вас и весь коллектив Института философии Национальной академии наук Беларуси с 90-летием!

Этот славный юбилей – ещё один повод заявить о ведущей роли Института философии НАН Беларуси в сохранении беларусской интеллектуальной традиции, в развитии философской науки в Беларуси, а также в представительстве беларусской философии в мировом сообществе. Сотрудничество между нашими Институтами началось еще в советские времена и с тех пор успешно развивается. Наши ученые вместе реализовали многочисленные проекты в области истории беларусской и украинской философской мысли, культурных и интеллектуальных связей между нашими народами, религиоведения, места философии в современном мире. Уверен, что в будущем наше сотрудничество будет только укрепляться и нас ждут общие проекты, конференции, публикации.

Позвольте в день 90-летия пожелать Вам и всем сотрудникам флагмана беларусской философской науки здоровья, реализации творческих планов, сохранения и развития интеллектуальных и институционных традиций, а также новых перспектив и уверенности в будущем.

Директор Института философии о имени Г.С. Сковороды ИАН Украины Член-корреспондент НАН Украины Сковороди

А.Н. Ермоленко

### Дорогие коллеги!

90-летие со дня основания Института Философии Национальной Академии Наук Беларуси особое событие не только для Вас, но и для Ваших друзей коллег из Института Философии и Социологии Национальной Академии Наук Азербайджана. Мы много раз участвовали на конференциях, которые проводились в Минске, а Вы в Баку, в наших публикациях участвовали философы Беларуси, а в Ваших философы и социологи из Азербайджана. Но дело не только в наших сегодняшних контактах, но и в том, что эти связи прошли еще и испытание временем, что предполагает, что они не спорадичны и диктуются не только прагматизмом, целесообразностью и сохранятся, думаю, в будущем. Считаем, что настало время подумать и о том, как и в каком направлении расширять и углублять эти связи, как сделать их продуктивнее. Проекты в том виде, какому мы привыкли, надо поддерживать, но, видимо, следует искать и новые варианты того, что может быть назвать проектом. Так, в не самое лучшее время - период пандемии в каком-то смысле создает новые возможности, как проведение онлайн семинаров, конференций, встреч и обсуждение самых разнообразных философских вопросов, проведение всевозможных дебатов, дискуссий.

Мы знаем, что в Институте Философии НАНБ действует несколько частности. философско-методологических междисциплинарных исследований, социально-философских И антропологических исследований, историко-философских компаративных исследований и др. Эти сферы находят и в центре исследования наших 15 научно-исследовательских отделов и двух виртуальных лабораторий. Иными словами, имеется широкая площадка для проведения онлайн семинаров по уточнению сфер расширения контактов и творческих совместных разработок. Ведь вопрос о том, как контактировать, как расширять связи, как их сделать в том числе и эффективными, что мешает нам – проблема не только управленческая, но и мировоззренческая, философская и социологическая.

Обязательно хотим отметить, что наше внимание также привлек Белорусско-китайский исследовательский Центр философии и культуры, задачами которого являются развитие совместных научных исследований и популяризация достижений философской мысли стран в интересах реализации инициативы «Один пояс и один путь». Важная и серьезная задача стоит перед этим Центром. Как мы понимаем, любые формы интеграции трудно проходят, даже тогда, когда взаимодействуют схожие культуры. Проблема же интеграции культур разных цивилизаций, даже в том случае, когда речь идет только о взаимодействии философов и культурологов, еще более противоречива. Думаем, что Ваше внимание может привлечь наш совместный труд, посвященный этим вопросам, с

китайскими, казахстанскими, итальянскими, российскими философами «Философия взаимодействия культур и новый «шелковый путь», Баку, Институт Философии и Социологии НАНА, 2020, 335 с.

На наш взгляд, основная идея инициативы «один пояс, один путь» многоканальная, многосторонняя работа по взаимодействию различных стран от Азии до Европы, и она предоставляет широкие возможности для совместной работы философов не только различных стран, но и направлений. К тому же настало время не только печатной продукции, но и электронной. Так, на сайте нашего Института (philosophy.edu.az) работает Альманах по философии времен пандемии, в котором мы хотели бы знакомиться с публикациями философов Беларуси, а можем создать совместные Альманахи и на нашем, и на вашем сайтах. Такая разнообразная работа повысит шанс на расширение и углубление нашего проверенного временем сотрудничества.

Отметим, что мы обрадовались, восхитились уровнем проведения 90летия Института Философии НАНБ, что свидетельствует о предстоящих серьезных задачах исследователей философов Беларуси, о том, что философская мысль в Вашей стране развивается, что у нее рабочие отношения с Университетами, что для вашей молодежи наше общее дело не является чуждым.

И, наконец, позвольте еще раз поздравить коллектив дружественного нам Института Философии Национальной Академии Наук Беларуси с 90-летим и пожелать многие лета. Надо признать, что Институты Философии несут серьезную роль в развитии философской мысли в тех странах, где они есть.

Директор Института Философии и Социологии Национальной Академии Наук Азербайджана

Ильхам Мамедзаде



Redakcja "Studia Rossica Gedanensia" ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Poland Telefon: + 48 58 523 31 65

### Уважаемый Анатолий Аркадьевич!

Разрешите искренне поздравить Вас и весь коллектив Института философии НАН Беларуси с 90-летним юбилеем!

Институт философии Национальной академии наук Беларуси является одной из крупных и авторитетных академических школ. В его стенах выросла целая плеяда блестящих ученых, внесших существенный вклад в развитие мировой философской мысли. Ваш институт, располагая огромным интеллектуальным потенциалом, получил обоснованное признание не только в Беларуси, но и на международной арене.

И сегодня коллектив института продолжает эффективную исследовательскую деятельность. Хорошей традицией стало самое тесное сотрудничество с крупнейшими зарубежными научными центрами, активное участие в совместных конференциях, издательских проектах и образовательных обменах. Весьма плодотворно развивается наше сотрудничество с Институтом философии Национальной академии наук Беларуси. От редакционной коллегии ежегодника Гданьского университета "Studia Rossica Gedanensia" выражаем искреннюю благодарность за огромный вклад и образцовое сотрудничество в обеспечении высокого научного уровня публикуемых текстов, а также за организацию совместных научных мероприятий.

Надеемся, что ваш институт будет и впредь вносить значительный вклад в изучение фундаментальных философских проблем и актуальных вопросов современности. А ваш неоценимый опыт и знания послужат повышению престижа белорусской науки, дальнейшему развитию гуманитарного научного знания. Выражаем надежду на продолжение международного научного сотрудничества и реализацию совместных проектов.

В честь Вашего славного юбилея разрешите пожелать Вам, всему научноисследовательскому и административному персоналу дальнейших творческих успехов на научном и общественном поприще!

Доктор гуманитарных наук, профессор Гданьского университета, главный редактор научного журнала "Studia Rossica Gedanensia"

Доктор гуманитарных наук, профессор Гданьского университета, зав. науч. Этногенетической Лабораторией заместитель гл. редактора журнала Катажина Воян

Збигнев Казьмерчик



PO1 3HF, Hants, UK

Директору института философии Национальной академии наук Беларуси А. А. Лазаревичу, оргкомитету Международной научной конференции «Философия и вызовы современности», коллегам и друзьям по философскому творчеству в республике Беларусь

### Дорогие коллеги и друзья!

От имени Университета г. Портсмута в Великобритании, с которым ваш институт сотрудничает уже много лет, позвольте мне поздравить вас с замечательным юбилеем института и приветствовать участников Международной конференции в эти непростые для всего человечества времена. Несмотря на трудности разобщения в условиях пандемии, духовно и интеллекутально наш университет и я лично остаемся на одной волне мысли с коллегами по институту философии в Минске. Наше плодотворное сотрудничество за последние годы способствовало развитию ряда важных вопросов философии науки и философской антропологии. Труды сотрудников университета продолжают влиять на направление исследований как в области собственно философии, так и ее многочисленных приложений в области естествознания. Надеюсь, что наше сотрудничество продолжится в полной мере и в будущем, что будет включать взаимные визиты и совместные публикации. Желаю всем участникам торжеств успехов и оптимизма в будущем развитии философии на земле Беларуси.

От имени университета г. Портсмута, координатор совместных проектов с институтом философии НАН Беларуси, виз. проф., д.ф.н., Алексей Всеволодович Нестерук.

Allewify =



## ACADEMIA ROMÂNĂ INSTITUTUL NAȚIONAL DE CERCETĂRI ECONOMICE "COSTIN C. KIRIȚESCU" INSTITUTUL DE CERCETARE A CALITĂȚII VIEȚII

Casa Academiei Române, Calea 13 Septembrie nr. 13, et. 2, Sector 5, cod 050711, București Tel.: (+4021) – 318.24.61 Fax: (+4021) – 318.24 62

Web: http://www.iccv.ro e-mail: iccv@jccv.ro; secretariat.iccv@gmail.com

ACADE DA ROMANÁ
ASCITUTUL DE OFACE MARIA CALITÁTH METN
GO SA A GOPTEM ANE NR. 13, BUGURESTO
EN PRAPE HESRE 128 114, 04, 207

Dear Dr. Lazarevich Anatoly,

Director of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,

It is our great pleasure to congratulate you on the 90<sup>th</sup> anniversary of the research institute you coordinate. Our collaboration research projects during last years represent an important academic asset.

We wish you a good continuation and continuous achievement of excellent research results!

With consideration

Acad. CătălinZamfir

Director of the Research Institute for Quality of Life, Romanian Academy

www.iccv.ro

MINISTERUL EDUCAȚIEI, CULTURII ȘI CERCETĂRII AL REPUBLICII MOLDOVA INSTITUȚIA PUBLICĂ INSTITUTUL DE CERCETĂRI JURIDICE, POLITICE ȘI SOCIOLOGICE

> bd. Ştefan cel Mare, 1 MD-2001, Chişinău, Republica Moldova tel/fax: (+373-22) 27-05-37;22 54-66-92 E-mail: icips.mecc@gmail.com



# MINISTRY OF EDUCATION, CULTURE AND RESEARCH OF REPUBLIC OF MOLDOVA PUBLIC INSTITUTION INSTITUTE OF LEGAL, POLITICAL AND SOCIOLOGICAL RESEARCH

bd. Ştefan cel Mare, 1 MD-2001, Chişinău, Republica Moldova tel/fax: (+373-22) 27-05-37;22 54-66-92 E-mail: icjps.mecc@gmail.com

Господину Анатолию Аркадьевичу Лазаревичу, директору Института философии Национальной академии наук Беларуси

### Многоуважаемый господин директор

Прошу Вас принять самые тёплые и сердечные поздравления в связи с 90-летием основания Института философии Национальной академии наук Беларуси. На протяжения десятилетий научные сотрудники Вашего Института плодотворно способствуют развитию и обогащению философии и философских исследований в контексте глубоких трансформаций глобального, регионального и национального уровней.

Между Институтом юридических, политических и социологических исследований и Институтом философии Национальной академии наук Беларуси установились тёплые многолетние отношения сотрудничества и партнерства в различных областях, прежде всего в реализации двухсторонних научно-исследовательских проектов и в совместной организации научных конференций, а также в подготовке высококвалифицированных научных кадрах.

Уверен, что фундамент многостороннего сотрудничества между нами Институтами будет укреплен и расширен, а научные и человеческие связи будут закреплены. Хочу отметить, что мы должны многому научится у Вас, особенно в столь непростые времена.

Прошу Вас, господин директор, передать всем Вашим сотрудникам наилучшие пожелания в творческой деятельности, здоровья и благополучия. Лично Вам, господин директор, кроме здоровья и творческих успехов, хочу пожелать философской мудрости и терпение в процессе руководства Вашим Институтом и его замечательным коллективом.

15.04.2021

y fue

С наилучшими пожеланиями
Виктор Иванович Жук, доктор хабилитат профессор,
директор Института юридических,
политических и социологических исследований



### Министерство образования, культуры и науки Национальный институт экономических исследований

MD-2064, Republica Moldova mun.Chişinău, str.Ion Creangă, 45 tel. (00 373 22) 50-11-00, fax (00 373 22) 74-37-94 site-ul www.ince.md e-mail: info@ince.md

Nr.<u>01/9 - 056</u> din <u>12.04</u> 2021

Директору Института философии НАН Беларуси к.ф.н Лазаревичу Анатолию Аркадьевичу

#### Уважаемей господин директор!

Коллектив Национального институт экономических исследований Молдовы поздравляет ученых Института философии НАН Беларуси с 90-летним юбилеем, с тем, что на своем долгом и плодотворном пути существования сумел сохранить и развить богатые философские традиции, внести существенный вклад в развитие мировой и отечественной философии, способствовал укреплению научного потенциала, повышению статуса философского знания в научной жизни и социальной практики современной Беларуси.

На протяжении десятков лет Институт расширяет научное сотрудничество с институтами различных стран, как в области философии, так и смежных дисциплин. Ежегодно организует международные научные конференции, активно пропагандирует историческое достояние белорусской интеллектуальной и духовной культуры в глазах мирового сообщества.

Институт философии плодотворно развивает научные школы по истории философской и общественно-политической мысли Беларуси; в области логико-методологических основ и структур научного познания; по философии религии, этике, эстетике; по социальной экологии; в области теории и методологии становления информационного общества. Философское осмысление глобальных и региональных проблем является важной основой для предвидения путей и способов их решения.

Институт философии проводит обширную научно-исследовательскую работу в области теоретико-методологических обоснований устойчивого инновационного развития Республики Беларусь. Значительный вклад внесен в образование и подготовку высокопрофессиональных научных и преподавательских кадров, издание нового поколения учебной литературы по философии, логике, религиоведению, другим дисциплинам.

Желаем руководству Института философии и всему научному коллективу дальнейшей плодотворной работы, новых научных идей и достижений!

Директор, Член-кор. АНМ профессор

Александр СТРАТАН



### The Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus To Anatoly Lazarevich

### Dear Anatoly Lazarevich

On the occasion of the 90<sup>th</sup> anniversary of the establishment The Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, let us to extend our worm congratulations to you, your institute and all the colleagues! Established on March 19, 1931 the Institute of Philosophy nowadays is one of the most prominent scientific institutions of the humanitarian profile in Belarus.

The Institute formed and continue to develop scientific schools on the history of the philosophical and socio-political thought of Belarus; in the field of logical and methodological foundations and structures of scientific knowledge; on the philosophy of religion, ethics, aesthetics; on social ecology; in the field of theory and methodology of the establishment of the information society. The Institute conducts extensive research work on the creation of a set of theoretical and methodological foundations for sustainable innovative development of Belarus in the socio-cultural, scientific, technical, spiritual and moral spheres, actively cooperating with state authorities. Annually the Institute publishes 20-30 scientific, educational, methodical, reference and popular science literature. The books are published in Belarusian, Chinese, Russian, English, Polish, Slovak and other languages.

We would like to emphasize, that the special place in the activity of the Institute of Philosophy occupies the cooperation with scientists and scientific organizations of the People's Republic of China. In framework agreement between Henan University and National Academy of Sciences of Belarus we actively cooperate in order to provide mutual scientific research and support for implementation the initiative «One belt, one road».

We wish the Institute of Philosophy of National Academy of Science to have farther fruitful scientific work. To administration and researches we wish new scientific achievements and all the best!

重起的

Henan University 13.04.2021



金明校区:河南省开封市金明大道 明伦校区:河南省开封市明伦街85号 电话: 0371-22868833 Http://www.henu.edu.cn





地址:广东省湛江市赤坎区寸金路29号

Add: No. 29 Cunjin Road, Chikan District, Zhanjiang, Guangdong 524048, P. R. China

http://www.lingnan.edu.cn

Tel: 0086-759-3183217 Fax:0086-759-3183218

Professor Anatoly Lazarevich

Director

Institute of Philosophy of the National Academy of Science of Belarus Minsk, Belarus

### A Letter of Congratulation

April 8, 2021

Dear Mr./Prof. Anatoly Lazarevich,

I am so pleased to hear that the Institute of Philosophy of the National Academy of Science of Belarus will celebrate the 90<sup>th</sup> anniversary of the Institute of Philosophy of the National Academy of Science of Belarus on April 15<sup>th</sup> and 16<sup>th</sup>. On behalf of all the teachers and students of Lingnan Normal University (LNU), I would like to extend my heartiest congratulations and best wishes.

Within the past 90 years, the Institute has been one of the most prominent scientific institutions in the fields of humanities and social sciences in Belarus. In addition to the research, batches of high-level talents have been cultivated from the Institute with the joint efforts of several generations of scientists. The Institute really made significant contribution to the development of Belarus even the whole world. The achievements and successful experiences of the Institute also provide us a lot of enlightenment.

For many years, the Institute and LNU have maintained great cooperative relationship in philosophy and culture research, which has promoted the common development of both parties. I still remember I went to Belarus to participate the Presidents Forum of Sino-Belarusian Universities in June, 2017, on which I signed the agreement of building the



地址:广东省湛江市赤坎区寸金路29号

Add: No. 29 Cunjin Road, Chikan District, Zhanjiang, Guangdong 524048, P. R. China

http://www.lingnan.edu.cn

Tel: 0086-759-3183217 Fax:0086-759-3183218

Sino-Belarusian Research Center of Philosophy and Culture (SBRCPC).

The main tasks of SBRCPC are to develop joint scientific research and exchange and to carry forward the scientific and cultural achievements of China as well as Belarus. Such cooperation between us has fully promoted the progress of the Belt and Road Initiative and other programs of mutual interest. Since the establishment of SBRCPC, we have jointly arranged 5 international conferences, published 5 monographs and a lot of scientific articles.

I hope that we could work together to further strengthen the cooperation and exchange between us.

We believe that long tradition of scientific work of the Institute will continue to provide the world scientific community with modern and advanced results and achievements. Wish the Institute have more brilliant achievements in the future, and wish the events of the 90<sup>th</sup> anniversary of the Institute a complete success.

Yours sincerely,

Ms./Prof. Lan Yanze

President of Lingnan Normal University



地址:广东省湛江市赤坎区寸金路29号

Add: No. 29 Cunjin Road, Chikan District, Zhanjiang, Guangdong 524048, P. R. China

http://www.lingnan.edu.cn

Tel: 0086-759-3183217 Fax:0086-759-3183218

Professor Anatoly Lazarevich
Director
Institute of Philosophy of the National Academy of Science of Belarus
Minsk, Belarus

### A Letter of Congratulation

April 8, 2021

Dear Mr./Prof. Anatoly Lazarevich,

It's my pleasure to receive your invitation. I am so pleased to hear that the Institute of Philosophy of the National Academy of Science of Belarus will celebrate the 90<sup>th</sup> anniversary on April 15<sup>th</sup> and 16<sup>th</sup>. On behalf of all the teachers, students and staffs of Lingnan Normal University (LNU), I would like to express our sincere congratulations to the Institute as well as best wishes to the ceremonial events.

After 90 years of ups and downs and the unremitting efforts of several generations, the Institute has gained impressive achievements and become one of the most prominent scientific research institutes in Belarus. The remarkable achievements which the Institute has made include scientific research, innovation and international exchanges in the fields of humanities and social sciences. It has contributed a lot to the prosperity and development of Belarus even the whole world.

The Institute and LNU have maintained great cooperative relationship in philosophy and culture research for many years. I still remember I visited the National Academy of Science of Belarus in March, 2017. At the meeting with Mr. Vladimir Gusakov, Chairman of the presidium of the NAS, we reached the cooperation agreement on the establishment of the



地址;广东省湛江市赤坎区寸金路29号

Add: No. 29 Cunjin Road, Chikan District, Zhanjiang, Guangdong 524048, P. R. China

http://www.lingnan.edu.cn

Tel: 0086-759-3183217 Fax:0086-759-3183218

Sino-Belarusian Research Center of Philosophy and Culture (SBRCPC) and joint cultivating students in master degree and strengthening academic exchanges. Later, on June 27<sup>th</sup>, 2017, we jointly established SBRCPC. It was mainly designed to develop joint scientific research and exchange as well as to carry forward the scientific and cultural achievements of China as well as Belarus. Such cooperation between us has fully promoted the progress of the Belt and Road Initiative and other programs of mutual interest. The success of SBRCPC in the past 4 years fully proves the necessity and effectiveness of our cooperation.

I sincerely hope that we can further strengthen the cooperation between our two parties and continue to make forward-looking contributions to the economic development, scientific and technological progress and sustainable social development of two countries.

Wish the events of the 90<sup>th</sup> anniversary a complete success. Wish the Institute have more brilliant achievements in the future.

Yours sincerely,

Mr./Prof. Liu Minggui

Chairman of University Affairs Administration Committee, LNU



### БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК



### 90 **лет** Институту философии НАН Беларуси

Дорогие қоллеги!

От имени всего қоллеқтива фақультета философии и социальных науқ Белоруссқого государственного университета поздравляем вас с Юбилеем!
В этот праздничный день вы по праву можете гордиться достигнутыми результатами и творчесқими свершениями!

Выражаем вам искреннюю признательность за многолетнее сотрудничество и взаимопонимание в решении задач профессионального философского знания.

Желаем вам в дальнейшем успешной реализации самых смелых планов и уверенного продвижения вперед на пути инновационного развития!

Уверены, что ваш Институт будет и впредь вносить значительный вклад в изучение фундаментальных философских проблем и актуальных вопросов

Декан ФФСН

В.Ф. Гигин

15 апреля 2021 г.

Директору
Института философии
Национальной
академии наук
Беларуси
Анатолию
Аркадьевичу
Лазаревичу



### Уважаемый Анатолий Аркадьевич!

От имени Академии управления при Президенте Республики Беларусь и от себя лично сердечно поздравляю Вас и коллектив Института философии Национальной академии наук Беларуси

### с 90-летием со дня основания!

С момента создания и по сегодняшний день Институт философии вносит значимый вклад в развитие философской науки нашей страны.

Убежден, что богатый интеллектуальный потенциал работников, верность славным традициям, высокий уровень научно-исследовательской деятельности позволят Институту философии уверенно смотреть в будущее и будут способствовать эффективной и слаженной работе на благо любимой Беларуси.

Уважаемый Анатолий Аркадьевич, в этот праздничный день от всей души желаю Вам и возглавляемому Вами коллективу крепкого здоровья, благополучия, профессиональных успехов и творческой энергии!

С уважением,

Ректор

В.В. Данилович

Директору Института философии НАН Беларуси кандидату философских наук, доценту Анатолию Аркадьевичу Лазаревичу

### Уважаемые коллеги, друзья!

Коллектив кафедры философии Учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» горячо и сердечно поздравляет Вас с большим юбилеем Института философии НАН Беларуси – с 90-летием со дня образования!

Ваш институт относится к числу крупнейших философских центров. Выдающимися учеными Вашего института созданы известные актуальные направления исследований в области философии, методологии науки, логики, эпистемологии, антропологии, этики, эстетики, истории философской мысли и др.

Фундаментальные труды, оригинальные и глубокие идеи и концепции сотрудников Вашего института обогатили белорусскую и мировую философскую культуру и во многом определили перспективы ее развития. В непростых экономических и социально-политических условиях Ваш институт выполняет важную интеграционную функцию в сфере социально-гуманитарного познания на постсоветском пространстве.

БГЭУ высоко ценит многолетнее сотрудничество с Вами. Подготовка совместных публикаций, совместное участие в международных конференциях, проводимых нашими усилиями, обмен опытом, способствуют плодотворной исследовательской деятельности.

Благодаря целеустремленности, огромной созидательной энергии, творческому поиску, высокому профессионализму, умению бережно хранить заложенные традиции, Ваш коллектив неизменно добивается успехов в осуществлении самых смелых планов и идей!

В этот праздничный день от всей души желаем всему коллективу Института философии крепкого здоровья, счастья, радости, добра, неиссякаемого энтузиазма, вдохновения, благополучия и дальнейшего процветация дальней процветация дал

Проректор по научной работе, профессор

А.А. Быков

Директор Института социально-гуманитарного

образования 925 доцент

200/

Д.Г. Доброродний

Зав. кафедрой философии, доцент

А.А. Головач

Коллектив кафедры философии Учреждения образования

«Белорусский государственный экономический университет»



### Уважаемый Анатолий Арқадьевич!

Примите наши самые искренние поздравления и наилучшие пожелания в день 90-летнего юбилея Института философии Национальной академии наук Беларуси!

Благодаря профессионализму и упорному труду ученых и сотрудников Институт философии НАН Беларуси является сегодня флагманом отечественной философской и социогуманитарной академической науки. Научно-исследовательская и социокультурная деятельность Института философии имеет неоценимое интеграционное значение для укрепления социальных взаимосвязей между фундаментальной наукой и подготовкой кадрового потенциала в высшей школе.

Мы высоко ценим значительный вклад Института философии НАН Беларуси в становление и развитие белорусской философской и социогуманитарной науки, подготовку научных кадров высшей квалификации, развитие фундаментальной культуры научного диалога академического и образовательного сообщества Республики Беларусь.

В этот знаменательный для Вашего института день мы искренне рады выразить нашу глубочайшую признательность за многолетнее конструктивное деловое взаимодействие. Мы гордимся тем, что наши учреждения связывают прочные и многогранные партнерские отношения, которые способствуют развитию белорусской высшей школы и академической науки, укреплению их статуса на международном уровне.

Желаем ученым и сотрудникам Института философии НАН Беларуси новых творческих достижений в области философских и социогуманитарных исследований, эффективных практических результатов, необходимых для дальнейшего развития кадрового и научного потенциала философских и социально-гуманитарных наук в Республике Беларусь.

Примите наши искренние пожелания Вам и всему коллективу института дальнейших профессиональных успехов, благополучия и здоровья, счастья, неиссякаемой энергии и достижения всех намеченных рубежей во благо процветания нашего Отечества.

Сискренним уважением ректор ТУО «Республи институт высшей ик

Ю. П. Бондарь

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ БЕЛОРУССКИЙ ЭКЗАРХАТ БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

# МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

имени Святителя Кирилла Туровского

МАСКОЎСКІ ПАТРЫЯРХАТ БЕЛАРУСКІ ЭКЗАРХАТ БЕЛАРУСКАЯ ПРАВАСЛАЎНАЯ ЦАРКВА

# МІНСКАЯ ДУХОЎНАЯ АКАДЭМІЯ

імя Свяціцеля Кірыла Тураўскага

ул. Зыбицкая, 27, г. Минск, Беларусь, 2200 тел./факс: (+375-17) 356-92-71; e-mail: secretariat.minda@yandex.ru p/c BY68BLBB30150102378014001001 в Дирекции ОАО "Белинвестбанк" по г. Минску и Минской области, код BLBBBY2X УНП 102378014

«15» апреля 2021 г.

# ДИРЕКТОРУ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАУЧНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ» А. А. ЛАЗАРЕВИЧУ

#### Уважаемый Анатолий Аркадьевич!

Минская духовная академия Белорусской Православной Церкви в лице администрации, профессорско-преподавательского коллектива и студенчества сердечно поздравляет Институт философии Национальной академии наук Беларуси со значимой датой — 90-летием со дня основания возглавляемого Вами научного учреждения.

В настоящее время Институт философии по праву имеет репутацию одного из наиболее авторитетных научно-исследовательских центров Республики Беларусь, осуществляющих на высоком научном уровне изучение многочисленных аспектов современной философской проблематики. На протяжении ряда последних лет Институт философии НАН Беларуси и Минская духовная академия неоднократно осуществляли успешное взаимодействие в сфере совместного проведения научных мероприятий. Наличие широкого спектра актуальных вопросов религиозно-философского характера, требующих совместного научного осмысления, обуславливает потребность в развитии и углублении сотрудничества между нашими учреждениями.

Желаем коллективу Института философии НАН Беларуси результативного творческого поиска, новых научных свершений, укреплению позиций на республиканском и международном уровне!

С искренним уважением,

ректор Минской духовной академии архимандрит Сергий (Акимов)

#### Уважаемый Анатолий Аркадьевич!

От имени коллектива Белорусской государственной академии искусств примите искренние поздравления с 90-летием со дня основания Института философии Национальной академии наук Беларуси!

За годы своей истории Институт пережил разные времена, неизменно выполняя высокую социальную миссию по сохранению и развитию историко-культурных основ национального сознания народов нашей страны, сохраняя приверженность традициям и одновременно исследуя широкий спектр актуальных проблемы развития человека и современного общества. Коллектив Института внес существенный вклад в развитие отечественной философской мысли, а представительный массив опубликованных работ, востребован не только учеными-обществоведами, но и педагогами, практическими работниками сферы культуры и искусства.

Сегодня Институт философии – это признанная в республике и за ее пределами головная мастерская свободного и интеллектуального творчества, центр междисциплинарной гуманитарной мысли.

Здоровья, счастья и удачи всему Вашему коллективу, творческих успехов, покорения новые вершин в исследовании сложных проблем смыслообразования в современной культуре!

Ректор

Белоруской государственной

академии искусств,

профессор

М. Борозна



# ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

КАНДИДАТУ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТУ

# ЛАЗАРЕВИЧУ Анатолию Аркадьевичу

В СВЯЗИ С 90-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ ОБРАЗОВАНИЯ ИНСТИТУТА

# Уважаемый Анатолий Аркадьевич!

От имени командования, профессорскопреподавательского и всего личного состава учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь» поздравляю Вас и весь ваш коллектив с 90-летием со Дня образования Института философии Национальной академии наук Республики Беларусь!

Институт философии – это достойное сочетание традиций и инноваций в области гуманитарных наук. Вы по праву можете гордиться яркими страницами биографии института, именами тех, кто стоял у истоков его создания, обеспечивает кто его авторитет востребованность сегодня. Новаторские проекты. реализованные институтом, оказали существенное влияние на становление историко-философской науки, позволили вам уверенно идти в ногу со временем. Убежден, что благодаря иелеустремленности, большой созидательной высокому профессионализму ваш коллектив и в дальнейшем будет добиваться успехов в реализации намеченных планов.

От всей души желаю вам стабильности и процветания, воплощения в жизнь всех задуманных планов, энтузиазма, вдохновения, здоровья, благополучия и новых достижений на благо нашей Родины – Республики Беларусь!

С уважением . НАЧАЛЬНИК УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ «ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ» генерал-майор В.А.Лисовский 15 апреля 2021 года

# Уважаемый Анатолий Аркадьевич!

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова горячо и сердечно поздравляет коллектив Института философии Национальной академии наук Беларуси со славным юбилеем — 90-летием со дня образования!

Отмечаемый ныне праздник является знаковым событием не только для Вашего учреждения, но и для всей страны, поскольку благодаря энтузиазму, неустанной деятельности и постоянному творческому поиску сотрудников Институт уже много десятилетий выступает академическим центром философского знания в Беларуси, по праву получившим признание у отечественной и мировой научной общественности.

Ученых Института философии отличает высокий профессионализм, интеллектуальный поиск, неиссякаемое стремление интеллектуальную культуру нашей страны. Отрадно, что современные инновационные подходы в организации научного процесса, стремление идти в ногу со временем и работать на перспективу помогает Институту оставаться настояшей кузницей специалистов высшей квалификации. В этот праздничный юбилейный день выражаем уверенность, что и в дальнейшем Вы будете приумножать славные традиции отечественной философской школы!

От всей души желаем коллективу Института философии крепкого здоровья на долгие годы, большого личного счастья и оптимизма, неизменного ощущения полноты жизни, новых научных достижений, и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество!

Коллектив кафедры философии Могилёвского государственного университета имени Аркадия Александровича Кулешова!



Ubaswaenwu konneuu!

Примите сердечные поздравления в связи с 90-летием образования одного из старейших академических центров страны - Института философии НАН Беларуси. Благодаря многолетним творческим усилиям института белорусская философская наука превратилась в заметный феномен мирового интеллектуального и духовно-нравственного пространства. Фундаментальные труды ученых Института философии НАН Беларуси в области онтологии, теории познания, антропологии, логики и методологии науки, социальной экологии, истории отечественной философии, актуальным проблемам информатизации современного общества сегодня хорошо известны как в нашей стране, так и далеко за её пределами. Отрадно отметить, что весомый вклад в научно-исследовательскую деятельность Института философии внесли и вносят ученые- выпускники Витебского государственного университета ПМ. Машерова: его нынешний директор кандидат философских наук А.А. Лазаревич, заместитель академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси кандидат философских наук В. И. Левкович, доктора философских наук М.А. Слемнёв и В.А. Тероименко, кандидаты философских наук Т.А. Торолевич, А.С. Табачков и другие.

По сложившейся традиции Институт философии выступает ответственным организатором и координатором выполнения Тосударственных научных программ в сфере фундаментальных и прикладных философских исследований. Активное участие в реализации соответствующих заданий принимает кафедра философии и социальных наук ВТУ имени П.М. Машерова. Под руководством Института философии кафедра успешно разработку научно-исследовательских осушествила «Определить состояние социокультурной среды белорусскороссийского приграничья и раскрыть её влияние интеграционных проиессов строительство u Союзного государства» (2016-2018 гг.) и «Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи и феномен «пограничного человека» (2019-2020 г.). В настоящее время коллектив кафедры приступил к выполнению нового творческого задания «Антропологические угрозы глобализованного мира и социокультурные средства минимизации» (2021-2025 гг.). Выражаю надежду, плодотворное научное сотрудничество Института философии НАН Беларуси и ВТУ имени П.М. Машерова будет не только продолжаться, но расширяться и углубляться. Желаю Институту философии устойчивого процветания и достижения новых творческих высот!

Проректор по научной работе Ярилер Е.Я. Аршанский Заведующая кафедрой Философии и социальных наук В Е.В. Давлятова



Паважаны Анатолій Арқадзьевіч!

Ад қалеқтыву Гродзенсқаға дзяржаўнаға ўніверсітэта імя Янкі Купалы і ад сябе асабіста віншую Вас і Вашых қалег са знамянальнай датай — 90-годдзем з дня заснавання Інстытута філасофіі Нацыянальнай ақадэміі навуқ Беларусі!

За гады існавання Інстытут філасофіі прадэманстраваў здольнасць захоўваць творчую ақтыўнасць, развіваць інтэлектуальны патэнцыял і фарміраваць высокую культуру філасофскага мыслення сваіх супрацоўнікаў. Навуковыя працы, створаныя пад Вашай эгідай, уяўляюць сабой яскравы прыклад навуковай доказнасці, сістэмнасці, арыгінальнасці і ақтуальнасці меркаванняў.

Сёння Інстытут філасофіі НАН Беларусі нясе важную навуковую і сацыяльную місію, з'яўляецца цэнтрам глыбокага вывучэння фундаментальных філасофскіх праблем, выступае пляцоўкай для правядзення знакавых міжнародных навуковых мерапрыемстваў — кангрэсаў, форумаў, канферэнцый, дзе ақтыўна прапагандуе філасофскія дасягненні беларускай інтэлектуальнай грамадскасці, узмацняе прэстыж беларускай філасофскай навукі.

Тродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы шчыра цэніць добрыя адносіны і шматгадовае плённае супрацоўніцтва паміж нашымі акадэмічнымі інстытутамі. Шчыра спадзяемся, што гэта ўзаемадзеянне будзе толькі ўмацоўвацца і ўзрастаць.

Жадаю Вам, паважаны Анатолій Арқадзьевіч, і ўсяму қалеқтыву Інстытута філасофіі Нацыянальнай ақадэміі навуқ Беларусі моцнага здароўя, бадзёрасці, аптымізму, міру і дабрабыту. Захоўвайце і надалей Вашыя высокія навуқовыя пазіцыі і памнажайце дасягненні і здзяйсненні на қарысць нашай Фадзімы!

3 вяліқай павагай, Рэқтар Гродзенсқага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы snoyl

І.Ф. Кітурқа





# Уважаемый Анатолий Аркадьевич! Уважаемые коллеги!

От имени всего коллектива преподавателей и сотрудников Полоцкого государственного университета примите сердечные поздравления в связи со знаменательной датой — 90-летием Института философии Национальной академии наук Беларуси.

Институт философии — одно из старейших научных учреждений гуманитарного профиля в системе Национальной академии наук Беларуси, важнейший научный и культурный центр Беларуси, ведущий разработку по широчайшему спектру философских проблем.

Сегодня наше государство остро нуждается в людях, знающих и понимающих духовные ценности и культурное наследие Беларуси и современного мира, обладающих серьезной общенаучной подготовкой. Институт ведет обширную научно-исследовательскую работу, вносит неоценимый вклад в сферу образования, подготовку высокопрофессиональных научных и педагогических кадров, издание нового поколения учебной литературы.

Институтом издаются фундаментальные труды по истории философии, логике и теории познания, этике, философии ноуки и другим отраслям современного философского знания. Сформированы и успешно развиваются научные школы по истории философской и общественно-политической мысли Беларуси; в области логико-методологических основ и структур научного познания; по философии религии, этике, эстетике; по социальной экологии; в области теории и методологии становления информационного общественно-

На сегодняшний день деятельность Института философии получила признание не только в Республике Беларусь и на постсоветском пространстве, но и в дальнем зарубежье. С каждым годом Институт философии НАН Беларуси расширяет международное научное сотрудничество, выполняя совместные исследовательские проекты с научными и учебными учреждениями России, Украины, Молдовы, Казахстана, Литвы, Латвии, Польши, Болгарии, Германии, Сповакии, Китая, Ирана, Индии и других стран.

Свидетельством международного признания стало вступление Института философии в Международную федерацию философсих обществ — наиболее авторитетную международную организацию в области философского знания.

Нельзя не отметить такие важные результаты работы Института как создание первого в истории белорусской науки философского кластера — Республиканского центра фундаментальной и практической философии (2015 г.), организацию республиканского общественного объединения «Белорусское философское общество» (2017 г.), проведение Первого белорусского философского контресса «Национальная философия в глобальном мире» (2017 г.), работу Белорусско-китайского исследовательского центра философии и культуры и многое другое.

Все вышеперечисленное свидетельствует о неоценимом вкладе всего коллектива Института философии Национальной академии наук Беларуси в культурное развитие нашего общества и государства, говорит о высочайшем профессионализме, духовном и нравственном уровне Ваших сотрудников и их учеников.

С юбилеем вас, уважаемые коллеги! Желаем всему коллективу крепкого здоровья, бодрости духа, вдохновения, профессиональных достижений, новых открытий, достойных учеников и дальнейшей пладотворной деятельности на благог ондуки в образования Республики радорусы!

С уважением, ректор Полоцкого государственного университета, доктор философских наук, профессор

О.А. Романов



### Уважаемый Анатолий Аркадьевич!

Сердечно поздравляю Вас и коллектив Института философии Национальной академии наук Беларуси с 90-летием!

В системе Национальной академии наук Беларуси ваш институт является одним из старейших научных учреждений гуманитарного профиля, который координирует проводимые в стране исследования в области философии и смежных дисциплин.

90 лет – зрелый возраст, за ним стоят успехи созидания, творческий поиск, осмысление пройденного пути и планирование дальнейшего развития.

Вы по праву можете гордиться яркими страницами становления и развития Института философии, именами тех, кто стоял у истоков его создания, и тех, кто обеспечивает его авторитет и востребованность сегодня.

Деятельность Института связана с такими знаковыми для белорусской гуманитарной науки именами, как Казимир Павлович Буслов, Альфред Степанович Майхрович, Николай Иванович Жуков, Алексей Клементьевич Манеев, Дмитрий Иванович Широканов, Леонид Фёдорович Евменов, Евгений Михайлович Бабосов и многими другими.

Институт проводит обширную научно-исследовательскую работу, значительный вклад вносится в сферу образования, работу по подготовке высокопрофессиональных научных и преподавательских кадров, издание поколения учебной литературы по философии, логике, религиоведению, другим дисциплинам, публикуются научные, учебнометодические, справочные и научно-популярные книжные издания, с каждым годом расширяется международное научное сотрудничество.

Убежден, что Ваш коллектив непременно выйдет на новые рубежи творческих свершений, внесет достойный вклад в развитие науки на благо нашей страны!

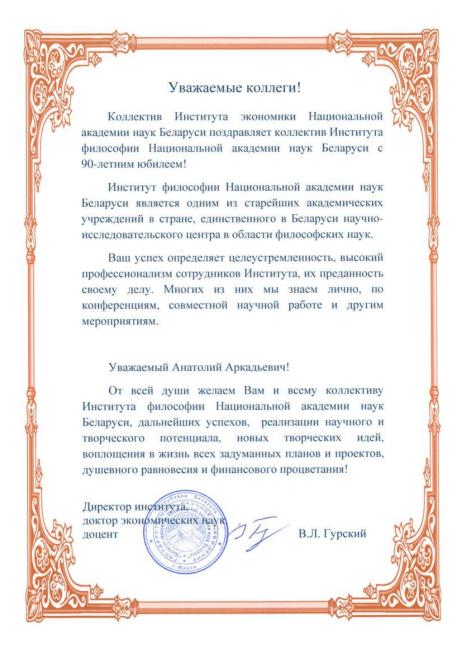
Надеюсь на дальнейшее плодотворное сотрудничество и желаю вашему институту успешного развития и процветания, вдохновения в решении непростых научных задач!

Желаю хранить, развивать и приумножать лучшие традиции института, достигать новых высот в развитии отечественной науки и подготовке специалистов!

С уважением, Ректор ГУО «Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси»

Mr. Muneeneene М.Г.Жилинский





# Паважаны Анатолій Аркадзьевіч! Шаноўныя калегі!

Ад імя калектыва Цэнтральнай навуковай бібіліятэкі імя Якуба Коласа НАН шчыра віншую Вас з юбілеем — 90-годдзем з дня заснавання. За дзевяць дзесяцігоддзяў плённай працы Інстытут філасофіі НАН Беларусі стаў вядучай ўстановай, якая арганізуе навуковую дзейнасць у галіне філасофскай навукі і займае значнае месца ў сістэме навуковых ведаў нашай краіны. Філасофія заўсёды была прызнана ў якасці дысцыпліны, якая аказвае істотны і дынамічнае ўплыў на наша грамадства. Ёй належыць асноўная роля ў асэнсаванні нацыянальных духоўных і культурных традыцый.

Абапіраючыся на шматгадовы вопыт даследаванняў, багатую тэарэтычную базу і прафесійны кадравы склад, ваш інстытут закліканы выступаць у якасці значнага навукова-даследчага цэнтра, які вядомы сваімі распрацоўкамі ў галіне сацыяльнай філасофіі, філасофіі культуры, логікі, тэорыі духоўных працэсаў, якія праходзяць у сучасным грамадстве.

За сваю дзейнасць інстытут дасягнуў значных поспехаў. Праведзена вялікая праца па распрацоўцы мер для падтрымання нацыянальна-культурнай самабытнасці айчыннай філасофскай думкі, пабудовы мадэлі ўстойлівага гуманітарнага развіцця ва ўмовах сучаснасці, фарміравання этычных і культурных ідэалаў нашага грамадства. Вынікамі сваёй навукова-даследчай дзейнасці Ваш калектыў пераканаўча даказваў і працягвае даказваць вялікае прызначэнне філасофіі як духоўнай асновы чалавечага жыцця.

У чарговы раз падкрэсліваючы значнасць той працы, якую выконвае Інстытут філасофіі НАН Беларусі на карысць нашай культуры і грамадства, хочацца з усёй шчырасцю пажадаць новых творчых вышынь, росквіту, далейшай плённай дзейнасці і поспехаў у рабоце калектыву інстытута.

Няхай ваш вопыт і веды паслужаць далейшаму павышэнню прэстыжу айчыннай навукі, развіццю гуманітарнага дыялогу і падрыхтоўцы маладых таленавітых філосафаў.

Дырэктар Цэнтральнай навуковай бібліятэкі НАН Беларусі доктар гістарычных навук



А.І. Груша

# Раздел 3 ВЫЗОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ И ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

# ОТ ПЛЮРАЛИЗМА ИДЕЙ – К СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМУ ЗНАНИЮ

Т. И. Адуло

На мировом интеллектуальном поле и постсоветском пространстве за последние годы накопилось огромное количество разнообразных идей, концепций и теорий, относящихся к предметной области философии истории. Из онжом назвать такие, как индустриальное, постиндустриальное, сетевое, ноосферное, информационное, цифровое, креативное и другие общества. Обилие трактовок социума обусловлено объективными и субъективными причинами. Объективные причины сложившейся ситуации заключаются в чрезмерной динамичности современного общества. В его бытии и функционировании ежедневно и ежечасно появляются не известные ранее грани. А кроме того, казалось бы, устоявшиеся его структуры тоже активно наполняются новым содержанием, требующим теоретического осмысления. Все это ведет к тому, что аналитики акцентируя внимание именно на новом содержании и абсолютизируя его, забывают нередко о тех устоявшихся основаниях, которые породили это новое. А это уже субъективные причины обилия трактовок современного социума.

С одной стороны, множество социальных концепций способно дать более полную картину современных общественных процессов. Но, с другой стороны, не позволяет исследователю сконцентрировать внимание на главном, существенном, определяющем, составляющем сущность социального бытия, препятствуя тем самым выработке научной социальной теории. А именно такая теория нужна человечеству в нашу разбалансированную эпоху.

Предстоит разработать не только научную, но и активную, действенную социальную теорию, базирующуюся на глубоком и всестороннем изучении самого общественного бытия. Гегель, в свое время отдавший дань уважения истории философии и очень многое сделавший

для того, чтобы превратить ее в научную дисциплину, тем не менее, советовал весьма взвешенно относиться к идеям и мыслям из прошлых эпох, ибо это «означало бы возвращение более образованного, глубже проникшего в себя духа вспять, к более ранней системе» [1, с. 106]. А ведь главной задачей философии является не воспроизведение прошлого, а созидание нового, проецирование будущего. Гегель прав.

В этой связи выскажемся о проекте так называемой практической философии, к которой в последние годы проявляется активный интерес. По сути, этот проект не является новым – еще древние греки стремились вырабатывать полезные для общества философские идеи. «Пусты слова того философа, - отмечал Эпикур, - которыми не врачуется никакое страдание человека. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезней из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезни души» [2, с. 232]. Аристотель, например, наряду с определением предмета и сущности философии впервые создал систему базовых философских категорий, т. е. тот инструмент, посредством которого познающий субъект имеет возможность не только воспроизводить в своем мышлении объективно существующие связи между явлениями и процессами окружающего мира, т. е. познавать этот мир, но и выстраивать к нему свое отношение, проецировать и творить его. До сих пор человечество пользуется разработанным древнегреческим мыслителем метолом получения научного знания - теорией аполиктического («доказательного») силлогизма, проще говоря, формальной логикой, несмотря на то, что в конце XIX – XX в. получили развитие многозначная, интуиционистская, конструктивная, символическая и другие логики. Р. Декарт является родоначальником отличной от схоластики новой науки, Ф. Бэкон – разработчиком эмпирической теории познания.

Но, пожалуй, наиболее концентрированно идея практической философии выражена К. Марксом в его одиннадцатом тезисе о Фейербахе, гласящем следующее: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [3, с. 4]. На протяжении всей своей жизни классики марксизма разрабатывали именно такую практическую философию, способную стать теоретической основой программы переустройства мира на гуманистических основаниях, и в этом плане многого достигли.

В наши дни актуальность практической философии возрастает. При этом важно не только наличие практической философии. Намного важнее наполнить ее полезным для общества содержанием. Для проектирования будущего нашего государства назрела потребность в разработке развитой философско-исторической теории, выстроенной на национальной эмпирической базе (имеются в виду национальные экономические, социологические, политологические исследования). Это не означает отказа от наработок ученых из других государств. Но не следует переоценивать

их научный потенциал, и тем более не учитывать их идеологическую и политическую заданность. Необходимо более системное философскотеоретическое понимание механизма функционирования социума для прогнозирования общественных процессов. Осуществить это можно путем диалектического синтеза двух планов исследования социума - абстрактнотеоретического и конкретно-исторического. Абстрактно-теоретический предполагает разработку понятийно-категориального аппарата философии истории. Представляется важным создать систему понятий и категорий, которая бы позволила на принятом в научном сообществе языке излагать авторское видение решения той иной или общественного бытия, дискуссировать с оппонентами и т. д. абстрактно-теоретическое исследование общества в конечном счете базируется на конкретно-историческом материале. Поэтому только абстрактно-теоретического диалектический синтез конкретноисторического планов исследования позволяют ученому раскрыть сущность социума и на базе этого спрогнозировать его динамику.

научном плане представляет интерес социальность специфический феномен бытия и как одна из базовых категорий философии истории. Феномен социальности можно представить в виде исторически складывающихся воспроизводящих системы И взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности, которые определяют типы и формы организации общества, а также характер и направленность исторического процесса. Категория «социальность» позволяет воспроизвести первичную клеточку индивидуального и социального бытия в ее динамике, а следовательно, дает возможность осмыслить и сам механизм функционирования общества в конкретные исторические эпохи. Именно поэтому она должна стать важнейшим объектом теоретического анализа для философов и ученых-гуманитариев в целом. Следует выделить три аспекта феномена социальности. Во-первых, раскрыть логику развития идеи социальности в философской мысли. Во-вторых, осуществить корреляцию философского и исторического осмысления социальности с самим историческим процессом, то есть скоррелировать логическое и историческое. Наконец, выявить специфику развития социальности в белорусском обществе за последние десятилетия с учетом тех глобальных которые в нем произошли в результате хозяйственной жизни (экономического базиса) на так называемый рыночный путь развития.

В рамках философии истории важно продолжить теоретическое осмысление социальных коллизий современного социума, выявить объективные и субъективные онтологические основания его нестабильности. При этом признать в качестве безусловного тот факт, что объективные основания нестабильности проистекают из онтологии самих

общественных процессов атрибутивного характера социальных противоречий, вне развитие которых социального организма Субъективные основания нестабильности общества связаны с деятельностью самих участников социальных процессов людей, начиная с рядовых граждан и заканчивая политиками и государственными деятелями.

В современную драматичную историческую эпоху значительно возрастает роль диалектики как орудия мыслящего духа. Именно диалектическое мышление в состоянии вскрыть основные противоречия современного глобального мира, выявить их сущность, потенции и динамику, отыскать адекватные способы их разрешения. Именно диалектика нацеливает философов на познание не внешних, вербально воспринимаемых социальных явлений и процессов, а внутренних, скрытых общественного внешнего наблюдения механизмов постигаемых посредством абстрактного мышления, что позволяет понять природу и сущность современных социальных кризисов, рисков и угроз, выработать конкретные предложения возможность предотвращению.

#### Литература и источники

- 1. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии / Г. В. Ф. Гегель. Кн. 1. СПб.: Наука, 2001. 349 с.
- 2. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М.: Политиздат, 1955. 238 с.
- 3. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 1–4.

# СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

# Ю. В. Александренков

Илея социальной справедливости лежит В основании функционирования социального государства и социального прогресса. Социальная справедливость по-разному трактуется сторонниками различных идеологических доктрин, зависит особенностей исторического развития общества и институциональной среды.

Выделяют три принципа справедливости в распределении благ: по потребностям, по заслугам и равное распределение [2]. Данные принципы доминируют в различных социальных структурах.

Согласно типологии, предложенной К. Эспин-Андерсеном, выделяют либеральный, консервативно-корпоративистский и социал-демократический типы социального государства [1]. Соответственно,

можно выделить три идеологии, сторонники которых по-разному представляют социальную справедливость — либеральную, консервативно-корпоративистскую и социал-демократическую. Данная типология широко используется в научной литературе, обоснованно критикуется и дополняется.

Либеральная идеология исходит ИЗ принципиальной недостижимости социального равенства, критикует неэффективность увеличивающейся с ростом социального государства бюрократии, нарушение прав и свобод граждан, снижение значимости труда как вида деятельности и способа самоактуализации человека. Государство должно обеспечить удовлетворение базовых потребностей граждан без подрыва ориентироваться трудовой мотивации, на адресную социальную поддержку, больше полагаться на индивидуальную инициативу граждан, их самоорганизацию и взаимопомощь.

Для консервативно-корпоративистской идеологии характерна патерналистская ориентация, уверенность в прагматической необходимости социального государства для обеспечения стабильности и порядка, отрицательное отношение к эгалитаризму и конструктивизму, вера в необходимость справедливого перераспределения благ по заслугам при индивидуальной ответственности граждан, равенство возможностей, единую нацию, необходимость сглаживания изъянов рынка. Консерваторы декларируют поддержку семьи, частной собственности, партнерство между государством, бизнесом и профсоюзами.

Социал-демократы выступают за снижение уровня бед и страданий в обществе, рост потребления и, тем самым, экономики, возможность выявления и раскрытия потенциала граждан, развитие альтруизма и социальной сплоченности посредством выравнивания доходов. Государство должно разрабатывать и реализовывать масштабные социальные программы, проводить предупредительную социальную политику, обеспечивать предоставление универсальных социальных услуг.

Данные типы социального государства можно рассматривать как идеальные. Когда идеологические оппоненты в европейских странах приходят к власти, они, как правило, не перестраивают принципиально институты, организации, законодательную базу социального государства, созданную предшественниками. Можно отметить тенденцию конвергенции европейских социальных государств последние десятилетия. Современные социальные государства используют различные принципы справедливости в планировании и реализации государственной попитики

Уровень социальной справедливости в отдельных странах может быть измерен посредством определения индикаторов и конструирования индексов. Индекс социальной справедливости в 2019 году был рассчитан для стран Европейского союза и Организации экономического

сотрудничества и развития. Данный индекс включает шесть аспектов социальной справедливости: бедность; образование; рынок труда; межпоколенческую справедливость; здоровье; социальную интеграцию и отсутствие дискриминации.

Данный индекс можно отнести к индексам измерения благополучия, предоставляющих эмпирические данные для ученых и философов. Общественное развитие требует постоянного переосмысления концепции социальной справедливости философами, учеными, политиками.

### Литература и источники

- 1. Esping-Andersen, G. The Three Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. Cambridge, 1990.-248 p.
- 2. Miller, D. Principles of Social Justice / David Miller. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 337 p.

# МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

#### В В Анохина

1. В социокультурном пространстве современной Беларуси сегодня конфликтующие стратегии как заметны которые можно аналитически представить в виде идентификации, многомерной шкалы взаимодействия «сильных» и «слабых» моделей национальной идентичности. Так, рассматривая белорусский социум как транзитивный, Л. Г. Титаренко отмечает, что среди ярко проявляющих себя вариантов можно выделить две противостоящие друг другу стратегии идентификации: националистическую и патриотическую [1, с. 8]. Согласно исследованиям. националистическая версия ориентирована возрождение белорусского языка и этноса как титульной нации суверенного государства. Другая (патриотическая) стратегия представлена официальной политикой, которая провозглашает в качестве оснований национальной идентичности белорусов сочетание патриотизма (любовь к Родине, гордость за ее прошлое и настоящее, интернационализм) с белорусского некоторыми традиционными чертами (толерантность, гостеприимство и др.). «Сильный» характер этих моделей идентичности определяет их структурную общность, на которую указывали многие современные мыслители, например «Национализм захватывает дверь, вырывает дверные молотки и выводит из строя дверные звонки, заявляя, что лишь находящиеся внутри имеют право там быть и поселиться тут навсегда. Патриотизм, по крайней мере на первый взгляд, более терпим, гостеприимен и приветлив - он перекладывает ответственность на тех, кто просит о разрешении на вход. И все же окончательный результат чаще бывает удивительно схожим» [2, с. 190]. Как показывает опыт развития ряда обществ Восточной и Центральной Европы, чья посткоммунистическая трансформация еще продолжается, между такими стратегиями национальной идентификации вполне может развиться диалог, способствующий становлению относительно единого национально-патриотического движения, опирающегося на принципы современного политического консерватизма.

- 2. Оценивая социокультурные риски модернизации белорусского социума с точки зрения подобного сближения «сильных» стратегий идентификации, из которых представлена одна этнокультурной моделью национальной идентичности, а вторая гражданско-политической, следует отметить, что возможные результаты такого синтеза весьма неоднозначны. С одной стороны, это может повысить уровень сплоченности и политической мобилизации необходимых составляющих успеха модернизационных реформ, но с другой стороны, в условиях жесткой геополитической конкуренции себе риск сближение несет эскалации социокультурных, межпоколенческих И религиозных конфликтов, обусловленных переходом «слабых» моделей идентификации в «сильные».
- 3. Обращаясь к специфике «слабых» моделей национальной идентичности современных белорусов, следует отметить, что их анализ в научной литературе связан с выделением нескольких вариаций. Одна из моделей качестве критериев национальной идентификации рассматривает ценностно-символические основания культурного комплекса восточнославянской цивилизации, включая православную религиозную традицию и советский культурный опыт [3, с. 16]. Согласно точке зрения Н. Рабчука, «слабость» этой модели имеет односторонний характер в силу отсутствия в белорусском менталитете ярко выраженного противопоставления белорусского этноса другим восточнославянских народов. Другая сторона модели демонстрирует сильный полюс идентичности, разграничивающий «своих» и «чужих» по цивилизационной линии «Запад-Восток».

Другая версия «слабой» модели предполагает формирование плюралистической гражданской идентичности. Согласно этой интерпретации, «только множественная гражданская идентичность может быть ключом к построению новой модели национальной идентичности в Беларуси» [1, с. 13]. Поскольку процессы глокализации культуры в обществах поздней современности размывают границы традиционных сообществ и приводят к детерриторизации традиций, то укорененные в старых локусах социального пространства категории идентификации больше не работают. Динамика национальной идентификации в современном белорусском социуме носит сложный и многовекторный характер. Как отмечают этнологи, необходимо принимать в расчет

факторы смены поколений, роль больших городов (интенсивность социальных коммуникаций, городской образ жизни, Интернет и сетевые сообщества, насыщенность культурными событиями), географические особенности региона, гендерно-демографические, стратовые, статусные различия и другие [4].

- 4. Риски «слабых» версий национальной идентичности несколько доминирования «сильных» рисков определенном смысле они могут быть оценены как выигрышный фактор, дающий адаптивное преимущество во встраивании в плюралистическое и сообщество. Однако космополитическое мировое конфликтном взаимодействии националистическими, патриотическилибо идентификации могут сформироваться консервативными моделями общества культурнопредпосылки раскола по региональным, цивилизационным и демографическим (различия поколений) основаниям. Специфика белорусской национальной ментальности всегда заключалась в стремлении уйти от радикализма выбора в модели «или / или», который способен разрушить органичную, но хрупкую целостность белорусского общества. Для народа, ментальными приоритетами которого являются христианская духовность, европейские стандарты повседневной жизни, парадигма восточнославянского культурного единства, необходимость цивилизационного выбора чревата непредсказуемой турбулентностью и угрозой «аннигиляции» интегративных механизмов национальной культуры.
- 5. Конфликтующие модели национальной идентичности белорусского общества указывают на высокую рискогенность социальных трансформаций, которые могут происходить в стране в ближайшем будущем. Необходимость институциональных реформ и комплексной модернизации неизбежно потребуют социальной конструирования социальной идентичности для достижения интеграции социума, восстановления доверия И Взаимодействия рассмотренных моделей национальной идентификации, а также движение от «слабой» идентичности к «сильной» (своеобразная смена полюсов) могут быть связаны с актуализацией принципиально различных образов коллективной и культурно-исторической памяти, обострением конфликтов в ее структуре. Латентность таких конфликтов будет вскрываться не только историческими реконструкциями прошлого, которые могут носить идеологически ангажированный характер, но и принципиальной вовлеченностью субъектов идентификации в актуальный морально-политический дискурс.

Своеобразный реверс механизмов традиции, позволяющий интерпретировать прошлое в рамках определенного смыслового горизонта, может быть разрушен воздействием инокультурных идеологических конструкций, ценностно-мотивирующее влияние которых многократно

усиливается средствами пропаганды. В результате вместо необходимого совмещения схем референции в интерпретациях прошлого, позволяющего минимизировать конфликты, формируемые СМИ образы истории, проецируясь в будущее, провоцируют разрывы в текстуре культурноисторической памяти народа (ситуация, когда каждый имеет свою «историю», и каждый по-своему «прав»). Интерпретация прошлого, основанная на тактичности и понимании (в герменевтическом смысле) предполагает возможность вести заинтересованный и конструктивный диалог в направлении достижения консенсуса. В эпоху «текучей» современности, социокультурные критерии когда изменчивы и плюральны, наиболее перспективной формой обращения к исторической памяти является методология интерпретации, основанная на принципах коммуникативной рациональности, предполагающая уважение и равенство всех участников диалога.

## Литература и источники

- 1. Titarenko, L. G. Post-Soviet Belarus: The Transformation of National Identity / Larissa Titarenko // International Studies. 2011. Vol. 13, No. 1. P. 11–21.
- 2. Бауман, 3. Текучая современность / 3. Бауман // Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- 3. Рабчук, М. Усходнеславянская «умма» і праблема эмансіпацыі: да пытання пра «слабую» ідэнтычнасць украінцаў і беларусаў / М. Рабчук // Трансфармацыі ментальнасці беларусаў у XXI ст. / Пад рэд. А. Я. Тараса. Рыга: Інстытут беларускай гісторыі і культуры, 2013. С. 6–47.
- 4. Этническая и гражданская принадлежность в восприятии населения современной Беларуси / Л. И. Науменко, Т. В. Водолажская. Минск: Белорусская наука, 2006. 181 с.

#### «АВТО-ВЫЗОВ» ЧЕЛОВЕКА И ФИЛОСОФИЯ

#### С С Антюшин

Человек противоречив и часто не осознает свои главные интересы, не понимает смысл и счастье своего существования, не может адекватно оценить проблемы и вызовы. Люди «... не пользуются свободами, которые имеют, но всегда требуют тех, что не имеют: у них ведь есть свобода мысли, но они упорно требую себе свободу слова» [3, с. 43]. Субъекты, не желающие руководствоваться общими для всех правилами — от убежденных преступников до политиков, сосредоточивших в своих руках самых контроль над самыми могущественными государствами — продолжают хладнокровно планировать насилие, разрушение, смерть и целенаправленно настойчиво осуществлять свои планы.

Главный вызов человечеству формируют сами люди.

В различных модусах нерациональности, с разной мерой недальновидности относится к себе и все человечество, и очень часто отдельный человек. В мире зреют один за другим конфликты, каждый из которых может, как это в истории случалось не раз, обрушить народы в очередную кровавую мясорубку. Транснациональные корпорации в остроконкурентной погоне за прибылью азартно перемалывают стремительно тающие реальные ресурсы планеты в условные капиталы. Отдельные люди с беспечной одержимостью обменивают величайший дар — собственную жизнь — на бесцельное существование, упорно транжиря бесценное время на пустую болтовню, зависть, мелочное склоки, поглощение небезопасных продуктов (питания, информационных, псевдо-духовных), не в силах преодолеть собственную ограниченность.

Осмыслить «вызов себе» как ключевую проблему социальной эволюции, препятствие внутренней гармонии, сотрудничества людей и социальных систем под силу только сообща с использованием всех видов освоения действительности, созданных человеком. Наука, искусство, инженерная мысль, образование, право чрезвычайно важны в борьбе человека за качество социального прогресса, за человеческую идентичность.

Среди наиболее общих и развитых практик особое место занимает философия. Без нее не обходится ни один из значимых видов социальной активности; она добросовестно исследует любой из них и опирается на их опыт. Философия — квинтэссенция культуры и инструмент социально-исторической сборки в конкретных процессах и ситуациях. На философском уровне мышления формируются фундаментальные принципы, методы всех конструктивных социальных технологий, элементы базы наиболее значимых видов общественной деятельности.

Так, проблемы экономики в значительной степени проистекают из ограниченности «экономического» мышления. Общечеловеческие культурные цели и смыслы «... хозяйственной жизни ... могут быть осознаны лишь в сознании, выходящем за пределы хозяйства ... Перед человеком стоит задача создания космического хозяйства» [1, с. 261]. Так ставит вопрос, и такое решение может предложить только философский уровень рефлексии. Ответственное перед настоящим и будущим отношение к ведению хозяйства «... должно быть победой жизни над смертью» [1, с. 262].

В глобальных общественных отношениях политической конкуренции требуется не меньшая широта взглядов и «включенность в общекультурный контекст». З. Бжезинский, мастер предельно практично, хотя и с точки зрения Вашингтона, оценить геополитическую ситуацию на планете, подчеркивает опасное смещение акцентов в механизмах регулирования глобальных отношений. «Сегодня ... сила разрушения превышает силу управления. И средства разрушения становятся более

доступными ... как для государств, так и политических движений. В результате ... безопасность для всех становится лишь относительной» [2, с. 699]. Бесстрастий политик понимает силу рационально-конструктивного преодоления вызовов, порожденных самим человечеством. «Теперь глобальное лидерство должно сопровождаться социальной сознательностью, готовностью к компромиссам ... и подлинным уважением к разнообразным человеческим традициям и ценностям» [2, с. 699].

Понять и победить ограниченность, осмыслить свою несовершенства человека, общества, также их достижения возможности, соотнести их с характером отношений с природой, выработать стратегию развития человечества – все это не может решиться без философии. И ориентироваться в решении проблемы преодоления глобальных вызовов, обеспечения социальной стабильности следует на интересы не частных группы, социальных слоев, корпораций, а общества в целом. Ведь цивилизация – подлинный творец и результат культуры, то есть, человечности в самом широком смысле слова. А цель социальной стратегии – качество жизни всего человечества и отдельного человека.

Но человек скован собственной темнотой, духовной ограниченностью, примитивностью представлений и целей. «Что за сила связывает меня? ... я скован цепью из темных фантазий, тревожных снов, беспокойных мыслей, мрачных предчувствий и безотчетных страхов. Цепь эта упруга, ... но ее нельзя разорвать» [3, с. 59]. И все же разорвать ее необходимо.

Выход видится в том, чтобы было «больше культуры», которая, как не парадоксально, все дальше «уходя от природы», должна все больше соответствовать ее «условиям» и законам. Ответственность философии в преодолении «недопонимания человеком себя» и своего места в мире, в противодействии самому главному вызову — «авто-вызову» — чрезвычайна, роль — неоценима. Философия не просто должна соответствовать своей атрибутивной миссии и остроте противоречий современности, но и постоянно совершенствовать методологическую и мировоззренческую базу рациональной конструктивности в отношениях между людьми и общества с природой. Народы «... должны воссоздать свою культуру, свой духовный мир, найти свою модель ... общества, свою "экологическую нишу"» [4, с. 36–37].

## Литература и источники

- 1. Бердяев, Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
- 2. Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / Збигнев Бжезинский. М.: АСТ, 2014. 702 с.

- 3. Кьеркегор, С. Или–или. Фрагмент из жизни / С. Кьеркегор / Пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. 4-е изд. М.: Академический проект, 2019. 775 с.
- Моисеев, Н. Н. Пути к созиданию / Н. Н. Моисеев. М.: Республика, 1992. 255 с.

# **ЦИФРОВОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА В ХХІ ВЕКЕ** И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

## С. А. Афанасьева

XXI век ознаменовался воздействием технологических факторов на отношения, под влиянием цифровых технологий обшественные устоявшиеся государственные и общественные институты претерпевают Современные цифровые технологии, Интернет предпосылками цифровой революции, трансформации различных видов Цифровые общественных отношений. технологии применяются практически во всех сферах деятельности человека, на базе использования цифровых сетей формируются принципиально новые институты институты цифрового права, цифровая экономика, новый способ производства и другое. Цифровое развитие общества способствует цифровизации права в целом и его отдельных институтов, в частности, прав человека.

В современном мире человек выступает как особый субъект права, обладающий одинаковыми правами и свободами. На каждом этапе развития государства конкретизируют права человека в законодательстве, учитывая различные особенности страны, исторические, экономические, этнические, духовные, политические, социальные, психологические и т. п. Очевидно, что в настоящее время назрела потребность конкретизировать права человека, учитывая цифровую трансформацию общественных отношений, непосредственно влияющую на реализацию универсальных прав и свобод человека и гражданина. С одной стороны, век новых технологий способствует эффективному осуществлению прав и свобод, появлению новых гарантий, механизмов их реализации, с другой стороны – повышает риск их нарушений. Цифровизация права требует глубокого осмысления и формирования в связи с этим нового эффективного механизма реализации прав и свобод человека, и гражданина, совершенствования уже существующих гарантий.

Цифровая модель развития современного общества способствовала появлению новых прав человека и гражданина, состав и содержание прав человека значительно расширились. Человек, являясь участником всемирного цифрового пространства, становится носителем ранее неизвестных прав, «цифровых прав», таких как права «на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на

доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности к сети Интернет, право выражать сети общаться И мнения В неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на анонимность (обезличенность) конфиденциальность, информации» [1]. оцифрованной персональной «Цифровые целесообразно относить к правам нового поколения, поколению цифровых прав. В литературе данную категорию прав принято также обозначать как информационные, виртуальные права. Цифровые права - это, прежде всего, все права человека, связанные с использованием новейших и функционированием в технологий цифровой среде, сформировавшиеся как результат индустриальной революции. Ряд международных правовых актов закрепляют необходимость обеспечения и (Окинавская «цифровых прав» хартия информационного общества (2000 г.), Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом Тысячелетии» (2003 г.), План действий Тунисского обязательства (2005 г.), Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» (2013 г.).

Большинство стран мира создают благоприятные условия для применения информационных и коммуникационных технологий, тем самым обеспечивая совершенствование гарантий реализации не только цифровых прав и свобод, но и иных фундаментальных прав личности. Совершенствуется национальное и международное законодательство о фундаментальных правах человека, административные процедуры, в том числе в электронной форме.

Кроме τογο, в связи глобальной цифровой революцией c наибольшую актуальность приобретает осуществление не только непосредственно «цифровых прав», но прав, способствующих И обеспечению и защите «цифровых прав». Особую значимость приобрели интеллектуальных защиту цифровых прав, право право различных электронно-вычислительных устройств использование средств связи, право на неприкосновенность частной информационной среды, авторские права, право на создание и публикацию цифровой информации и доступа к ней, нарушения которых в современном мире приобретают массовый характер.

Новые цифровые возможности существенно упростили реализацию отдельных видов прав и свобод человека и гражданина. Так, значительные изменения можно наблюдать в процессе реализации отдельных политических прав и свобод (право на обращения, свобода слова и другие), электронные технологии значительно облегчили реализацию отдельных социальных, культурных прав и свобод (право на социальное обеспечение, право на образование). Вместе с тем, цифровые технологии не только

расширяют возможности реализации прав человека, но и обуславливают риск их нарушений, в том числе и со стороны государства. Так, власть значительно усилила контроль за цифровыми технологиями, активно блокирует неугодные контенты в сети Интернет. Цифровизация общественных отношений значительно затрудняет защиту частной жизни, защиту персональных данных. Стремительное развитие технологий углубляет конфликт интересов государства и общества в вопросах обеспечения отдельных видов прав человека.

Актуальной проблемой в современном мире становится проблема обеспечения прав человека в сети Интернет. Так отдельные государства могут ограничивать доступ к отдельным Интернет-ресурсам. Банальным ограничением свободы в Интернет могут выступать экономические факторы, так, например, отдельные граждане не имеют доступа к сети в связи с отсутствием возможности оплачивать услугу или приобрести специальное оборудование для выхода в Интернет. Имеет место и географический фактор, жители некоторых малонаселенных пунктов лишены возможности доступа к Интернету в силу его отсутствия там вообще. Кроме того, причинами ограничений свобод могут выступать низкий уровень правовой культуры и культуры прав человека, правовой нигилизм и инфантилизм самого человека, отсутствие элементарных умений и навыков пользования электронными устройствами для выхода в сеть.

Поскольку цифровые технологии предоставляют не только новые возможности человечеству, но И создают угрозы фундаментальных прав и свобод человека, в настоящее время назрела проблема правового регулирования поведения в сети Интернет как на национальном, так и международном уровнях. Кроме того, учитывая, что глобальные сети не имеют национальных границ, большую актуальность, наш взгляд, имеет международное правовое регулирование. Представляется целесообразным дальнейшее совершенствование уже существующих и действующих международных актов, а также разработка и принятие единого международного акта, регулирующего поведение в сети Интернет, где ключевым должен стать принцип свободы Интернета и надлежащий баланс между правами в процессе их реализации. В этой связи особого внимания заслуживает идея Андрэ Сантини принять Всемирную декларацию цифровых прав человека, которая бы определила гарантии свободы человека в современный век новых цифровых технологий и защитила бы фундаментальные права и свободы. Также интересна идея С. Н. Шахрая о создании первой в мире «Цифровой Конституции», которая послужила бы прочной основой для качественно нового уровня демократии в цифровом обществе. цифровизации общественных отношений перед государствами обществом актуальным стало, во-первых, определить новые права человека, во-вторых, определить перспективы развития традиционных базовых прав и свобод.

Так, применение стандартов в области прав человека онлайн становится нормой. Права человека онлайн универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны, а выработка эффективных механизмов их защиты становится важной задачей мирового сообщества. Вместе с тем, практика реализации международных актов и анализ существующего национального законодательства в этой сфере свидетельствуют о том, что действующий механизм реализации прав человека не в полной мере отвечает потребностям времени, эпохе информационных технологий. Цифровизация, век цифровых технологий оказывают самое непосредственное влияние на осуществление универсальных прав человека, способствуют появлению новых прав и свобод, диктуют необходимость трансформации и расширения фундаментальных ценностей и требуют разработки новой совершенной концепции по развитию законодательства в этой сфере.

#### Литература и источники

- 1. Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире / В. Д. Зорькин // Российская газета Столичный выпуск. 2018. № 115 (7578) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/ 2018/ 05/ 29/ zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html. Дата доступа: 20.02.2021.
- 2. Права человека в условиях глобализации и их защита в международном частном праве (междисциплинарное исследование). Т.1 / Под общ. ред. А. И. Кривенького. М.: МГПУ, 2016. 212 с.

# ДРОНЫ КАК ОРУДИЕ ПОСТГЕРОИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

#### Н. А. Балаклеец

Отличительной чертой современных войн является использование в них новых видов военной техники, которая не просто повышает боеспособность армий, но принципиально меняет парадигму войны. На смену традиционной военной технике, требующей непосредственного присутствия человека, приходят беспилотные летательные аппараты (БПЛА), управляемые дистанционно. Дрон, используемый в боевых операциях, — это не просто техническое средство надзора и уничтожения неприятеля. Он может быть признан символом провозглашенной западными теоретиками постгероической эпохи [4; 5].

Ведение боевых действий с помощью дронов, безусловно, меняет характер современных войни специфику деятельности их участников. В связи с появлением высокотехнологичных инструментов военной разведки

и уничтожения людей в постгероических обществах отпала необходимость многомилионных армиях, требующих постоянных вливаний. Комбатанты, некогда с орудием в руках защищавшие честь своего государства и готовые отдать за него жизнь, уступают место операторам БПЛА или кибербойцам, военные действия для которых развертываются на экране компьютерного монитора и напоминают реализацию сценария компьютерной игры: «Дрон превращает своего оператора из солдата в офисного работника или "deskjockeywarrior" (букв. – воин рабочего стола; в данном случае – аналогия с диск-жокеем), как его называет австралийский философ Роберт Спэрроу» [3, с. 256]. Появление дронов привело не просто к изменению способа организации военной деятельности комбатантов, речь идет о трансформации их modus'a vivendiкак такового. Если традиционно в жизни солдата можно четко выявить мирные и военные временные модусы, то для оператора БПЛА стирается граница между военным и мирным временем. Военная деятельность оператора дрона встраивается в структуру его жизненного мира, поскольку непосредственно после дистанционного выслеживания жертв и совершения убийств он возвращается домой, к привычному кругу близких людей и повседневных дел. Дистанционное ведение военных действий приводит и к изменению способа взаимодействия комбатантов армии, разрушению V них чувства солидарности товарищества: в условиях изоляции от кровопролитных боевых действий солдаты не испытывают острой потребности в братской взаимопомощи и взаимовыручке.

Вооруженное насилие в постгероическую эпоху не становится более гуманным и справедливым. Происходит резкая асимметризация боевых действий, обусловленная гигантскими технологическими разрывами между лидерами И аутсайдерами научно-технического прогресса. Современная война переходит в фазу беспрецедентного асимметричного противостояния, в котором сталкиваются компьютерные технологии и архаичные человеческие действия, беспилотники могут совершать односторонние вооруженные атаки на людей, лишенных возможности обороняться и просто не готовых к нанесению ответного удара. Если в традиционных войнах использование оружия далеко не всегда приводило к убийству врага, то война с использованием дронов отличается особой беспощадностью и безжалостностью к ее жертвам. Врага не окружают, не интернируют в лагерь для военнопленных, не допрашивают, ликвидируют, не вступая с ним в контакт, причем, без всякого риска для собственной жизни. По сути, подобные формы вооруженного насилия напоминают, скорее, карательную акцию, нежели классическую войну.

В отличие от солдат и офицеров, чья доблесть проявлялась на поле боя в непосредственной схватке с врагом, современные комбатанты перешли к «таргетированному» (т. е. прицельному, с заранее намеченной

жертвой) убийству, исключающему любую возможность риска для собственной жизни. «Враг» для оператора дрона — это комбинация пикселей на мониторе компьютера, а «подлинная военная деятельность» [1, с. 255] — бой — вообще отсутствует. Комбатанты, участвующие в высокотехнологичных вооруженных конфликтах, могут находиться в условиях безопасности и комфорта, что в принципе несовместимо с ведением войны. Таким образом, дронизированное насилие переворачивает традиционные представления о войне. Очевидно, что в этих условиях проблематичным становится понятие воинского героизма, ибо герой действует в ситуации непосредственной угрозы жизни и возможности вооруженного ответа со стороны противника.

Очевидно, что стремление максимально обезопасить себя и нанести как можно больший ущерб врагу в смертоносной ситуации войны и в прошлые эпохи приводило к нарушению этоса честного поединка. Лишь в теории война может рассматриваться как подобие дуэли, в которой сходятся два равных по силе и оружию противника [7, с. 296]. В истории обнаружить различные сценарии асимметричного противостояния, которое не могло быть преодолено или уравновешено. К таким асимметричным конфликтам могут быть отнесены военные западноевропейских действия представителей государств неевропейцев, не знавших государственности. В истории колониальных войн можно найти массу примеров негероического поведения, которое демонстрировали оснащенные новейшими образцами оружия комбатанты задолго до провозглашения постгероической эпохи. Как утверждает Мартин ван Кревельд, «европейские войска вели себя так, как будто они были не на войне, а на сафари. Они истребляли местных жителей, как животных, не делая различия между вождями, воинами, женщинами и детьми» [2, с. 72]. В условиях отсутствия у соперника, не обладающего достаточной военно-технической мощью, ресурсов для симметризации вооруженного противостояния, война становится жестокой расправой над недифференцированными массами людей, односторонней и грубой демонстрацией силы.

Ведение военных действий с помощью боевых дронов является не просто очередным шагом на пути асимметризации военно-политических конфликтов. По свидетельству Грегуара Шамаю, речь идет о принципиальном изменении правил войны: парадигма, предполагающая противостояние двух бойцов, сменилась другой парадигмой: атакующий охотник и добыча, которая убегает или прячется от него: «В противостоянии двух сошедшихся в схватке противников цель состоит в победе одного и поражении другого — они оба должны сойтись лицом к лицу, чтобы победить. Сценарий охоты на человека принципиально отличен, так как отлична стратегия каждого из игроков. Беглец старается избежать захвата, тогда как его преследователь стремится настигнуть и

схватить свою добычу — охотнику для победы требуется конфронтация, а беглецу для победы необходимо скрыться» [6, с. 42]. Таким образом, военные действия приобретают черты «игры в прятки», которая сводится к «соревнованию тех, кто прячется, и тех, кто ищет» [6, с. 43].

Атаки дронов могут решить локальные военно-политические задачи, однако в долгосрочной перспективе они способны привести к нежелательным для постгероических Голиафов последствиям — агрессии со стороны местного населения и появлению новых очагов терроризма. Критика дронизированных военных действий, которая исходит от западноевропейских интеллектуалов, актуализирует проблему поиска образцов подлинного героизма в постгероических обществах.

## Литература и источники

- 1. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука», 1994. 448 с.
- 2. Кревельд, М. ван. Трансформация войны / М. ван Кревельд. М.: ИРИСЭН, Социум, 2015. 320 с.
- 3. Куманьков, А. Д. Война в XXI веке / А. Д. Куманьков. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 296 с.
- 4. Люттвак, Э. Стратегия: Логика войны и мира / Э. Люттвак. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 392 с.
- 5. Мюнклер,  $\Gamma$ . Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках /  $\Gamma$ . Мюнклер. М.: Кучково поле, 2018. 384 с.
- 6. Шамаю, Г. Теория дрона / Г. Шамаю. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. 280 с.
- 7. Bröckling, U. Drohnen und Helden / U. Bröckling // Helden Heroisierungen Heroismen. Bd. 4. Vom Weihegefäß zur Drohne. Kulturen des Heroischen und ihre Objekte. Würzburg: Ergon-Verlag GmbH, 2016. S. 291–301.

# МОРАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

#### Е В Беляева

Причина внимания к феномену доверия коренится в общих характеристиках современного мира, который характеризуется как глобальный и рисковый одновременно, который подвержен непредсказуемым изменениям и в целом осуществляет глобальную трансформацию своих оснований. Середина XX века была ознаменована кризисом прежних форм доверия, выработанных культурой модерна. Возможно, развитие доверия как составляющей современного общества должно стать симптомом перехода от капитализма как чисто экономического общества к обществу социальной морали, где основные

ресурсы и время тратятся на взаимопомощь и солидарность, где люди заняты не вещами, их производством и потреблением, а друг другом. На этом пути начался поиск новых путей нравственной жизни и соответствующих им этических программ. Дополнительную актуальность исследование проблемы доверия стало приобретать по мере становления цифрового общества.

Наиболее значительные исследования данного феномена принадлежат Н. Луману, А. Селигмену, Ф. Фукуяме, П. Штомпке, однако, наряду с социологическими и психологическими аспектами доверия имеет смысл рассматривать и его моральные аспекты. Если доверие представляет собой ценность современного социума, то помещение его в контекст моральной аксиологии дает дополнительные возможности для его понимания.

Специфика морального доверия состоит, в первую очередь, в его предмете: оно является доверием к нравственным качествам другого человека, к его моральной субъектности, к осуществимости моральной регуляции в принципе. С переносом нравственных отношений между людьми в цифровую среду возникает определенный вопрос относительно сохранения их субъектности в таких условиях. С одной стороны, цифровой мир – продолжение обычной социальной реальности. Если на ранней стадии функционирования интернета люди скрывались за никнеймами, что задавало особую игровую прелесть отношений, то сейчас основное пространство интернета предполагает регистрацию, авторизацию, привязку к номеру телефона и даже к паспортным данным пользователя. серьезные технические усилия ДЛЯ идентификации индивида в сети. С другой стороны, сама организация сети подчиняется программным алгоритмам, даже не искусственный интеллект, а простые программы-боты изучают запросы пользователей, отслеживают цифровые следы, предлагая возможности и направляя лействия пользователя. Все чаще в цифровой среде человек общается не с живым человеком, а с ботом, отвечающим на однотипные вопросы клиентов. Перед программистами ставится задача создавать роботов для общения, идеально психологически подходящих для конкретного человека. Встает вопрос не только о нравственном отношении с роботами (можно ли их обижать, делать им зло), но и о том, является ли сам человек в таком общении моральным субъектом, а не объектом манипуляции (пусть самой добросовестной и направленной к его благу). Поэтому вопрос о моральном доверии в цифровой среде – это в первую очередь онтологический вопрос о природе субъектности человека как способности быть причиной своих действий.

Во-вторых, моральное доверие зиждется на предположении, что большинство людей являются нравственными, добросовестными, честными, склонными к морали. Как показывает П. Штомпка, доверие

проявляется «как ожидание добродетельного поведения со стороны других по отношению к нам» [3, с. 37]. В виртуальном пространстве до последнего времени царило почти безграничное доверие пользователей к безопасности общения. Доверие переходило в доверчивость, при которой люди выкладывали в сеть не просто личные данные, но все подробности своей жизни, включая интимные. Только когда это стало предпосылкой не только киберпреступлений против собственности, но разнообразного троллинга и буллинга, потребовалось моральное урегулирование этих вопросов. Если реальности дразнилкам травле онжом противопоставить практические действия, реальность нравственных санкций, то поддержание добропорядочности в виртуальной среде требует особых механизмов. Установка на веру в добрую природу людей и в мораль как особую реальность человеческих отношений, является очень важной, поэтому ее реализацию в цифровой среде надо всячески поддерживать и обеспечивать.

В-третьих, моральное доверие авансируется, предполагает взаимность, но не рассчитывает на него, чем отличается от договорных форм социального обмена. В то же время именно сетевое взаимодействие в цифровой среде создает такие механизмы, которые вынуждают индивида к соблюдению правил и договоренностей. С. Ю. Барсукова уже давно писала о «вынужденном доверии сетевого мира», которое создается не личными добродетелями, а возможностью сообщества регулировать поведение своих членов с помощью механизмов группового принуждения к добросовестности [1, с. 54]. Интенсивные личные взаимодействия, которые обеспечивает цифровая среда, оказываются гораздо более эффективными, чем официальные процедуры и правила, которые постоянно пытаются разработать для ее регулирования [1, с. 60]. При этом в цифровом мире человек принадлежит ко множеству сетевых сообществ и может авансировать свое моральное доверие, обзаводясь новыми знакомыми. Конечно, друзья в реальности и френды в сети – это группы лиц, не совпадающие ни по составу, ни по характеру отношений. Если личная дружба предполагает безграничное авансированное доверие, то доверие к сообщениям и действиям френдов более слабое, но, как отмечалось, устойчивое за счет поддержания сетевого контакта.

В-четвертых, особенность морального доверия состоит в том, что оно – не гносеологический, а аксиологический феномен, нравственная ценность. Поэтому и в цифровой среде моральное доверие связано не столько с уверенностью в истинности получаемой информации, сколько с переживанием справедливости и солидарности людей. Благодаря социальным сетям люди научились взаимодействовать, решать свои и коллективные проблемы на новом уровне. Связи, которые обычно расцениваются как «слабые» (в отличие от «сильных» связей в реальности с родственниками и коллегами по работе), создают и способы

установления солидарности в широком общественном масштабе.

Особое значение доверие в цифровой среде приобретает в период социальной напряженности. Когда общественная реальность перестает соответствовать базовым моральным ценностям, «сетевая сплоченность предполагает наличие претензий к социальному окружению» [1, с. 56]. Профессор Ю. В. Веселов также констатирует, что «доверие не связано с общественным согласием — как раз наоборот, чем больше протестных акций в стране, тем выше доверие (то есть доверие людей друг другу скорее производится в таких социальных акциях)» [2, с. 138]. Следует заметить, что именно моральная позиция, а не политические или идеологические взгляды, являются в протестной среде маркером определения свой / чужой. Моральное доверие объединяет социальный протест, и попытки разрушить его старательно пресекаются, чему цифровая среда только способствует.

В-пятых, доверие как феномен не только межличностной, но и общественной морали подразумевает нравственное одобрение социальных институтов, в функционировании которых воплощены определенные моральные ценности. При переносе в цифровую среду недоверие к государственным и общественным институтам может умножаться на недоверие к самим цифровым технологиям, но может и повышаться за счет того, что технологии способны обеспечить четкость общения с инстанциями, которую не может обеспечить чиновник.

Таким образом, моральное доверие обладает спецификой по сравнению другими его формами. цифровой среде проблематизируются такие аспекты морального доверия как способность человека быть субъектом морали, вера в то, что большинство людей являются нравственными, зато укрепляется соблюдение правил и договоренностей, основанное на моральном давлении упрочивается солидарность общественных движений, налаживаются новые механизмы реализации доверия к социальным институтам.

Работа выполнена в рамках 9490-8.1ГПНИ/6540172.

# Литература и источники

- 1. Барсукова, С. Ю. Вынужденное доверие сетевого мира / С. Ю. Барсукова // Полис. 2001. № 2. С. 52–61.
- 2. Веселов, Ю. В. Доверие в цифровом обществе / Ю. В. Веселов // Вестник СПбГУ. Сер. Социология. 2020. Т. 13, Вып. 2. С. 129–143.
- 3. Давыденко, В. А. «Светлые» и «темные» стороны доверия: анализ идей участников мирового научного форума «Trust» (Токио, 18–20 ноября 2017 г.) / В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, Д. В. Лазутина // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исслед. 2018. Т. 4, № 1. С. 28—75.

# ФЕНОМЕН АВТОРИТАРНОЙ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА Э. ФРОММА И ВЫЗОВЫ ПОЗДНЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

# Е. В. Беляцкая

- 1. Обращаясь к анализу такого сложного психологического и одновременно социокультурного феномена как «авторитарная личность», следует, прежде всего, вспомнить происхождение данного термина. Понятие это было введено в философский дискурс Э. Фроммом с целью описания особенностей определенного социального характера. Анализируя социокультурные факторы, определяющие его специфику, он выявил тесную связь между институциональной организацией современного ему индустриального общества и развитием деструктивных тенденций в поведении людей. С точки зрения Э. Фромма, социальный характер, будучи совокупностью типических черт, присущих большинству членов определенной группы, возникает «в результате общих для них переживаний и общего образа жизни» [1, с. 281]. Важно, что выделяя тип личности, исследователь рассматривает его в тесной взаимосвязи индивидуального и социального аспектов развития человека, поскольку для него авторитарная личность – это не индивидуальный феномен, обусловленный превратностями личной судьбы, бессознательных комплексов и особенностями психической конституции, а явление социальное, в котором пересекается действие экономических, социально-политических идеологических факторов. И Э. Фромму, психологические механизмы, ответственные за формирование автократической личности, обнаруживаются в масштабных проявлениях общественного развития. Специфика такого типа отчасти обусловлена эффектом поглощения личности толпой в условиях отчуждения и атомизации индивидов в массовом индустриальном обществе, на что, Э. Фромма указывали многие представители социальнофилософии Франкфуртской критической стратегии И школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Х. Аренд и др.).
- 2. Важное методологическое значение для гуманистического психоанализа имеют два обстоятельства. Во-первых, наличие и масштаб разрыва в определении «нормальности (здоровья)» человека с точки зрения требований общества, с одной стороны, и с позиции индивида, его субъективного ощущения счастья (благополучия), с другой. Во-вторых, понимание того, что авторитарный социальный характер является продуктом определенных социальных отношений и коммуникации, он формируется как групповой феномен.
- Э. Фромм подчеркивает, что ключевой проблемой при анализе авторитарного типа личности является «особого рода связанность

индивида с внешним миром, а не удовлетворение или фрустрация тех или иных человеческих инстинктивных потребностей» [1, с. 26]. Поэтому рассматривая авторитарный социальный характер сквозь призму таких особенностей, как жажда власти, ненависть к другим, догматизм и стереотипность мышления, разочарование, фрустрация, беспокойство перед лицом обременительной свободы и экзистенциального одиночества, он все же не сводит данный феномен к одной, психологической проекции. Эвристичность предлагаемого Э. Фроммом подхода позволяет рассмотреть авторитарную личность как многомерный феномен, порождаемый сложной констелляцией социокультурных, политических и социально-экономических условий современной жизни.

3. Несмотря на определенный инвариант значений, вкладываемых в понятие «авторитарная личность», данный феномен особенным образом проявляет себя в различные периоды развития современных обществ. В первой половине XX в., когда «первый» модерн, достигнув кульминации накануне І-й мировой воны, стал клониться к упадку, актуализация потребности в авторитарном социальном характере была обусловлена такими процессами, как разрушение традиционных социальных, прежде всего, семейно-родственных связей в условиях быстрой урбанизации и дифференциации модернизированного социальной социума, доминирование ценностей успеха, индивидуализма, прагматической рациональности и атомизация социальной жизни, анонимность и формальная функциональность контактов в городах и др. Вместе они способствовали деформации межличностных отношений на массификация культуры, образования, политики и т. д. Характеризуя роль капитализма в формировании авторитарного типа личности, Э. Фромм отмечает, что «структура современного общества воздействует на человека одновременно в двух направлениях: он все более независим, уверен в себе, критичен, но и все более одинок, изолирован и запуган» [1, с. 115]. Авторитарные режимы, восторжествовавшие в ряде стран Европы и Азии к середине XX в., обеспечивали востребованную возможность «бегства от избавления от чувства одиночества и заброшенности посредством идентификации с авторитетом государственной власти, партии, либо харизматического лидера. Авторитарный харизматический свою реализовывал жажду самоутверждения лидер, очередь, посредством самоидентификации (самозамещения) авторитета отца, утраченного в распадающемся институте традиционной семьи. Так складывались устойчивые зависимости между авторитарными лидерами и группами (в том политическими числе, выражающие взаимную нужду атомизированных индивидов друг в друге, которая реализовывалась посредством отрицания свободы во имя порядка, централизации властных полномочий и регламентации всех аспектов общественной жизни. Очевидно, что «первый» модерн порождал своих авторитарных чудовищ в поисках упорядоченного и гарантированного будущего, поскольку основной темпоральной интенцией современности является направленность в будущее, которая обретает нормативное значение для всех модернизирующихся социумов.

- 4. Особенность «второго» модерна, согласно концепциям К. Леккарди, У. Бека, Э. Гидденса, З. Баумана и др., связана с радикальным изменением пространственно-временных характеристик общественной Ускорение И радикализация социальных изменений. обусловленные НТР и глобализацией, изменяют образы будущего, превращая время из ресурса социальной деятельности «Текучая» катастрофы. современность (3. Бауман) плюрализует и смешивает «жизненные миры» индивидов, отрывая их от родных мест - устойчивых локусов социального пространства, и забрасывая в иные социокультурные и цивилизационные миры, которые также подвержены необратимому потоку изменений. Идентичности плюрализуются, сталкиваясь друг с другом в мультикультурных социумах, для которых характерна лабильная социальная структура, стремящаяся к «уплощению» иерархий и формированию сетевых форм организации. Информационная революция погружает личность в бесконечный знаний, калейдоскоп объемы которых превосходят возможности упорядоченной и рефлексивной ассимиляции. И главное, «второй» модерн названный Э. Гилденсом «радикализированной» современностью) обнажает новый образ будущего – «мировое общество риска» (У. Бек), в котором состояние возрастающей неопределенности становится нормой и элементом повседневного существования. В этих условиях зарождается новая «тоска» по авторитаризму в социумах, исторически не готовых к вызовам глобализации.
- 5. Авторитарный тип личности, характерный для поздней современности («радикального» и / или «рефлексивного» модерна), также формируется путем «бегства от свободы», однако обусловлен иными факторами, проистекающими из социокультурных условиях общества риска. Поскольку, как подчеркивали И. Пригожин и И. Стенгерс, «с увеличением динамической сложности ...роль стрелы времени, эволюционных ритмов возрастает» [2, с. 265], радикальный «второй» модерн «уменьшает количество долгоживущих параметров порядка и, соответственно, увеличивает короткоживущие параметры, объективно затрудняя молодым детализированное планирование будущего» [3, с. 28].

В социальных системах это создает предпосылки доминирования тактических пелей И интересов политической деятельности облегчает стратегическими, что приход к власти авторитарных обещающих «выживания» популистских лидеров, возможность (тактический интерес) в условиях «саморазрушающейся» современности. Радикализация протестных движений, характерная для последнего десятилетия, во многом является следствием «разрывов» современности (Э. Гидденс), в том числе, дистанциации пространства и времени, утраты доверия к экспертным системам и реакции на усиление функций контроля со стороны национальных государств, политический и экономический суверенитет которых все больше подвергается эрозии под воздействием глобализации.

#### Литература и источники

- 1. Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Эрих Фромм. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
- 2. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 310 с.
- 3. Кравченко, С. А. Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение / С. А. Кравченко // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 24–34.

# НАШЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

#### Л. Н. Богатая

Словосочетание «глобальные вызовы современности» привычным для современного информационного контента. Проблемы с климатом, пандемия, миграционные процессы, гуманитарные последствия применение новых технологий – все это перечень только наиболее острых параллельно с которыми всплывает множество требует Возникающая ситуация разработки особых подходов дисциплин. Усилия самих различных философов специалистов быть полезны выработке специального методологов ΜΟΓΥΤ терминологического аппарата, эффективного для осмысления происходящего.

В настоящее время внимание привлекают, в первую очередь, два выражения, обозначающие особенности современных культурных процессов.

Первое — «четвертая индустриальная революция», активно проясняемое Клаусом Швабом — немецким экономистом, основателем и президентом Всемирного экономического форума в Давосе с 1971 года [3]. Второе словосочетание более привычно в среде российских экономистов — «шестой технологический уклад». Оба терминологических выражения весьма полезны, однако, и это вполне естественно, они не исчерпывают существующего разнообразия точек зрения на происходящее и естественно ожидать появления других конструктов, характеризующих современную культурную ситуацию с иных точек зрения. «Наше Новое время» — один из таких конструктов, позволяющий подчеркнуть характерные черты

переживаемого десятилетия.

Обычно выражение «Новое время» связывается с расцветом науки и светской культуры, вызванными эпохой Возрождения. Новое время породило науку в современном понимании этого слова. Наука, в свою очередь, стимулировала развитие новых технологий, определивших технологический взлет, кульминацией которого стало наступление цифровой эпохи.

Несмотря на все очевидные достижения науки, конец XX и начало XXI века сопровождались определенным скепсисом по отношению к ее дальнейшему развитию. Причины отмеченного во многом связаны с глобализационными процессами, охватившими, в том числе, систему высшего образования. Эти процессы стимулировали сильное неравенство развития разных университетов. Многие университеты фактически оказались на грани выживания в связи с невозможностью выдержать конкуренцию с крупнейшими глобальными образовательными центрами, работающими нал созданием высокотехнологичных продуктов.

В итоге: с одной стороны, появляются вполне оправданные сомнения по поводу возможностей развития устаревающей «малобюджетной» науки, которая не вызывает симпатий у представителей молодого поколения, с другой – сохраняется понимание того, что «настоящая» наука все же есть.

Словосочетание «Наше Новое время» призвано подчеркнуть бесспорную важность Науки, научных методов, которые являются бесценным достоянием человечества, но одновременно обращает внимание на востребованность Новой науки.

Таким образом, *конструкт* «Наше Новое время» фиксирует следующие наиболее отличительные черты переживаемых времен.

- 1. Продолжение развитие Науки как важнейшего стимулятора будущих технологических инноваций. Отличительной особенностью науки Нашего Нового времени должна стать паритетность развития самых разнообразных ветвей научного знания гуманитарных, естественных наук, математики, информационных дисциплин. Отставание или даже пренебрежение развитием гуманитарных исследований ведет к определенному перекосу. Параллельно технологиям high-tech столь же стремительно должны развиваться технологии high-hume высокие гуманитарные технологии, направленные на развитие самого человека.
- 2. Наше Новое время, формирующееся в условиях развития нового технологического уклада, должно характеризоваться фундаментальными изменениями в системе высшего образования. Эти изменения связаны с внедрением онлайн образовательных и исследовательских технологий. Эти технологии, с одной стороны, смогут обеспечить оперативный доступ к наиболее актуальной научной информации, с другой позволят перевести сам процесс обучения на качественно иной, более высокий, эффективный

уровень.

- 3. Местоимение «наше» призвано подчеркнуть важнейшую черту переживаемых времен, которую можно было бы обозначить как «коллективность» («новую коллективность»). Понимать это можно следующим образом. Цифровые технологии позволяют легко собирать группы людей со всего мира (из самых удаленных уголков любой страны) для реализации того или иного проекта. Для этого уже нет необходимости в физических перемещениях. Тем самым для каждого человека возникнет значительно больше возможностей для приложения своих сил и умений (до этого люди были существенно ограничены условиями, существовавшими в том или ином регионе). У человека появляется возможность действительно «сродного» труда, о котором в свое время говорил Г. С. Сковорода. Одновременно это будет труд в группе с другими людьми, с коллективом единомышленников, делающих общее дело.
- 4. «Наше Новое время» это время равноправного развития самых разнообразных культур. К сожалению, пока это может показаться чрезвычайно «оптимистичным» прогнозом, но, тем не менее, несомненная ошибка «старого» Нового времени заключена в европоцентризме, в рамках которого стандарты развития одной культуры стали переноситься на другие культурные среды. Агрессивность подобной технологии приводила стиранию уникальных особенностей И возможностей разнообразных национальных культур, развивая в них комплексы культурной неполноценности. В этой связи очень важно еще раз обратить внимание на развиваемые Б. Латуром илеи симметричной антропологии [1].
- 5. «Наше Новое время» это время переосмысления взаимодействия Человека с Планетой. Экологический, климатический кризисы стимулировали пробуждение миллионов людей, ставших на защиту планеты и ее обитателей. Антропоцентризм видится опасным явлением, как и европоценризм. «Новая коллективность» это не только объединение людей, но и единение всех живых существ, обитающих на нашей Планете.

В заключение хочется подчеркнуть следующее. Мы все переживаем времена эпохального характера. Скорее всего, это не просто смена технологического уклада, а фундаментальный культурный сдвиг, связанный с проявлением новых культурных универсалий, о которых размышлял В. С. Степин [2]. Эпохальные подвижки пока лишь предчувствуются в сложных процессах современности, но важно уже сейчас усмотреть главное. Цифровая культура, развитие искусственного интеллекта несомненно добавляют человечеству множество испытаний, но одновременно даруют главную возможность — возможность восстановления человеческой целостию.

#### Литература и источники

- 1. Латур, Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур // Пер. с фр. Д. Я. Калугина; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Издво Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
- 2. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
- 3. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. Изд-во Форс, 2019. 208 с.

# СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО КОМПЕТЕНТНОЙ ЛИЧНОСТИ В АГРАРНОЙ ОТРАСЛИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

#### Е. В. Бочарова

Компетенция выступает одной из ведущих характеристик индивида как субъекта профессиональной деятельности. Компетентный специалист не просто знает и владеет способами профессиональной работы, он способен самостоятельно разрешать возникающие проблемы в условиях действующих вызовов и ограничений, используя для этого все разнообразие возможностей [1]. Вызовы и угрозы являются различными формами опасности, как свойства среды. Выделяют реальные, вымышленные, актуальные и потенциальные опасности. Вызов — не вполне осознаваемая, не непосредственная опасность, на которую необходимо реагировать. Угроза — это конкретная опасность, которая требует незамедлительных шагов по ее сдерживанию. Существуют вызовы, которые оказывают существенное влияние на формирование профессионально компетентной личности в сельском хозяйстве.

К числу современных вызовов, воздействующих на развитие профессиональных компетенций работника, мы можем отнести, прежде всего, экономические вызовы, когда происходит игнорирование норм производственной демократии, включающей взаимное свободное общение между сотрудниками, тщательный подбор персонала, конструктивных дискуссий для формулировки В сельскохозяйственной отрасли организации. наблюдается несоответствие полученного образования требованиям со стороны причине отсутствия единого подхода руководства по профессиональных компетенций в области бизнеса, образования и науки. «Цифровое неравенство», а также высокие кредитные ставки приводят к ограничению возможностей у малого и среднего бизнеса для внедрения и распространения технических и технологических нововведений.

Новые экологические вызовы, такие как ухудшение плодородия почв и качества воды, заброшенность многих сельских поселений, рост опасных

гидрометеорологических явлений (резкие перепады атмосферного давления и температуры воздуха, засухи, наводнения) подрывают устойчивость развития современного сельского хозяйства и требуют от всех заинтересованных сторон (работников, работодателей, власти) дальнейшего совершенствования профессиональных навыков.

Ценностные вызовы проявляются в угрозе традиционному образу жизни сельских сообществ через рост предпочтений селянами городского образа жизни. Снижается привлекательность типично сельских профессий, особенно в молодежной среде. Имидж сельскохозяйственного ремесла значительно уступает показателям 20–30-летней давности.

Социальные вызовы весьма многообразны в своем проявлении. По данным статистики, каждый десятый сотрудник в сельском хозяйстве старше 60 лет. Доля молодых специалистов (до 30 лет) в возрастной структуре занятых уменьшилась с 17,8% в 2017 году до 16,2% в 2018 году [2, с. 48]. Занятость в аграрном секторе экономики в 2018 году по сравнению с 2017 годом снизилась с 7,1% до 6,9% [3, с. 122]. Это связано в том числе с тем, что цена труда работника сельского хозяйства очень низкая. Так, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сельского хозяйства составляет 28699 руб [4, с. 108], что по сравнению со среднероссийским уровнем, немногим более 60% – является неприлично низким. Рассчитывать на существенные изменения в оплате и стимулировании труда в аграрной отрасли весьма затруднительно. На многих сельскохозяйственных предприятиях с избыточной величиной занятости сотрудников не увольняют, но продолжают выплачивать низкие зарплаты, что связано с узкопрофильностью производства, отсутствием свободных вакансий, а также привычкой работать на одном месте десятки лет. Неопределенность дохода оказывает влияние на развитие будущих профессиональных компетенций работников отрасли. Для того, чтобы оставаться привлекательными на рынке труда, работникам необходимо знать, какие навыки им необходимы.

отсутствует личная Однако отрасли заинтересованность сотрудников в повышении уровня профессиональных компетенций. По результатам федерального статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании, проведенного в июне, июле, августе 2020 ограничена работающими года (выборка респондентами, агропродовольственном комплексе) [5] процессе непрерывного В образования участвуют 35,2% работников сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства. Около 65% не испытывают потребности в обучении. Можно предположить, что одной из причин нежелания профессионально самосовершенствоваться является работниками области использования полученных дополнительно навыков и компетенций.

Основными ответами на обозначенные вызовы являются: развитие

конкуренции в сельском хозяйстве путем ослабления административного влияния; увеличение текущих инвестиционных расходов на организацию дополнительных рабочих мест; обновление и модернизация системы непрерывного профессионального образования; государственная поддержка основных программ подготовки и переподготовки кадров в отрасли. Реализация вышеперечисленных мер поможет оказать позитивное влияние на решение текущих и будущих проблем работников сельского хозяйства, а также успешно противостоять современным вызовам.

# Литература и источники

- 1. Бочарова, Е. В. Система компетенций работников агропромышленного комплекса / Е. В. Бочарова // Историческая и социально-образовательная мысль. -2017.-T.9, № 5/1.
- 2. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). М.: Росстат, 2018. С. 48.
- 3. Российский статистический ежегодник 2019. М.: Росстат, 2019.
- 4. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности // Труд и занятость в России 2019. М.: Росстат, 2019.
- 5. Федеральное статистическое наблюдение участия населения в непрерывном образовании [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gks.ru/ free\_doc/new\_site/ population/ trud/ obraz2020/ index.html. Дата доступа: 12.04.2020.

# «РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

# Л. И. Брага

Сегодня в связи с пандемией коронавируса вопрос о выживании стоит крайне остро перед всем человечеством, независимо от форм организации политической жизни. В современном «агрессивном», контексте общественного бытия, когда от тщательно выверенной политики без преувеличения зависит выживание, особый смысл и значение с необходимостью приобретает та исследовательская методология, которая специальной литературе «реалистический подход». Указанный исследовательский опирающийся на идею политического реализма, уходит корнями далеко в прошлое, солидаризируясь с традицией европейского политического реализма, идущей от Макиавелли к Т. Гоббсу, К. Марксу, итальянским теоретикам элит, М. Веберу, Й. Шумпетеру и пр. Формулировка и изложение основных положений реалистического подхода применительно к реальностям современного мира принадлежит перу итальянского

политического теоретика Д. Дзоло, который опубликовал первое издание своего труда под соответствующим названием «Демократия и сложность: реалистический подход» уже около 30 лет назад [1].

Дистанцируясь от ставшего привычным для западной политологии «моралистического подхода» к проблеме демократического развития, Д. Дзоло попытался сосредоточить преимущественное внимание на изучении той реальности, в которой вынуждены сегодня функционировать политические системы, и проанализировать, как эта реальность влияет на систему демократии, вынуждая ее деформироваться. Для изучения и той социально-политической реальности, складывается в условиях развития постиндустриальной эпохи, Д. Дзоло использует ключевое понятие «сложность», полагая, что оно лучше всего способно отразить специфику нынешнего общественного существования. Считая идею сложности ключевой в осмыслении социальной реальности наших дней, автор в разработке своей концепции исходит из гипотезы о том, что «путь к реалистическому анализу состояния и будущего демократии открывают идея сложности и тесно связанная с нею концепция социальной сложности» [1, с. 26].

Опираясь на постулат о возрастании социальной сложности в условиях развития постиндустриального общества, Д. Дзоло попытался проанализировать, как возрастающая сложность современных обществ влияет на западную демократическую традицию. Д. Дзоло, в частности, показывает, что демократия в современных постиндустриальных обществах подвергается беспрецедентным эволюционным стрессам, существенно меняющим ее облик, тем самым, лишая классические и неоклассические теории демократии способности оказывать сегодня сколько-нибудь реальную помощь. Модель демократии, основанной на участии, абсолютно не актуальна в эпоху глобальной экспансии политической, экономической и военной власти. Необходимо отрыто и честно признать, что сегодня в эффективном функционировании тех систем, которые мы называем демократическими, нет практически ничего, «народным суверенитетом», называется «участием», «представительством», «консенсусом» [1, с. 10].

Основной вывод сводится к идее о том, что появление новых и беспрецедентных форм эволюционных стрессов, характерных для все более усложняющегося общества, приводит к разрушению тех ценностей, которые традиционно связывают с демократией, и, прежде всего, таких как участие. Тенденции общественного развития уводят с политической сцены индивидов в качестве главных субъектов политической жизни, которые в рамках демократической традиции мыслились обладающими автономией, измеряемой в категориях суверенитета, рациональности и ответственности. Главным «автономным субъектом» политической жизни отныне становятся группы (крупные общественные и частные

организации, партии, профсоюзы), в то время, как индивид, не связанный ни с какой организацией лишается какой-либо автономной политической субъектности [1, с. 187]. В то же время, свое первоначальное политическое значение утрачивают и массовые политические партии, будучи вытесненными в этом смысле новыми политическими субъектами [1, с. 11]. На этом фоне формируются новые политические субъекты, представленные уже не партиями, а узким кругом «элитарных предпринимателей», реально участвующих в выборных кампаниях. В результате, складывается ситуация, при которой узкий круг избранных контролирует массы избирателей, а не наоборот.

Эффективное управление сложными современными обществами требует соответствующего уровня политического мышления способности к управлению. В рамках постиндустриальных обществ создается ситуация, при которой решение сложных проблем оказывается доступным только для специалистов, в то время, как широкая общественность в лице отдельных индивидов демонстрирует свою недостаточную компетентность. Поэтому в политической жизни на роль главных действующих лиц все больше выдвигаются ученые, эксперты, профессиональные консультанты, представляющие некие могущественные и престижные организации, в то время, как средний, рядовой гражданин, руководствующийся исключительно личным опытом и предпочтениями, становится все более маргинальной фигурой. К тому же, разнообразие и изменчивость дифференцированных интересов, что характерно для сложных обществ, крайне затрудняют выработку консенсуса, обеспечения эффективного демократического ДЛЯ управления. Необходимость снижения социальной сложности в контексте растущей уязвимости информационных обществ, с одной стороны, усиливает привлекательность «децизионизма» - стратегии принятия политических сиюминутных решений без учета каких-либо общих интересов. С другой – требует все более жестких и скрытых форм снижения социальной сложности.

В условиях, когда проблема выживания приобретает особую остроту, главной функцией политической системы, с точки зрения реалистического подхода, должно стать «снижение страха посредством селективного регулирования социальных рисков» [1, с. 308]. Поэтому политика сегодня должна заниматься выполнением своих непосредственных светских функций организации конкретных интересов, улаживания конфликтов, гарантирования безопасности и защиты гражданских прав [1, с. 307]. Исходя из этой задачи, эффективность политической власти должна определяться тем, на сколько эта власть способна уменьшить сложность. «Уменьшение страха селективного посредством регулирования социальных рисков» закономерно ведет к концентрации власти и существенному ограничению / изоляции числа политических игроков на

политической сцене, но, в то же время, выдвигает и особые требования к политического процесса, субъектам такие как компетентность ответственность, способность действовать быстро и профессионально. Выводы и предположения, содержащиеся в труде Д. Дзоло, находят свое в развитии современных политических реальное подтверждение процессов. Сегодня уже многие аналитики указывают на то, что авторитарные тенденции в современном мире нарастают, в то время как эпоха торжества глобализма несет с собой кризис государственных суверенитетов, парламентов партийного также закат И представительства [2; 3].

«Реалистическая теория», как любая другая научная теория, не может претендовать на универсальность и завершенность. Тем не менее, нельзя не учитывать ее плодотворного характера в условиях кризиса классических / неоклассических демократических теорий, позволяющего избавиться от иллюзий и морализаторства в отношении процессов демократизации, разворачивающихся в современном мире, и с более реалистических позиций подойти к анализу актуальных феноменов политической жизни, а также сосредоточиться на поиске эффективных механизмов решения проблем выживания общества, не терпящих отлагательства.

### Литература и источники

- 1. Дзоло, Д. Демократия и сложность. Реалистический подход / Д. Дзоло. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010. 320 с.
- 2. Freedom-house-democratia [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tv8.md/ 2019/ 02/ 06/ freedom-house-democratia-din-lume-in-declin-cum-sta moldova-la-acest-capitol/. Дата доступа: 10.05.2019.
- 3. Кузь, М. Новый авторитарный мир [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://inosmi.ru/ world/ 20140322/ 218865194.html. Дата доступа: 21.01.2019.

# OIL AND GAS INDUSTRY UNDER THE COVID-19 PANDEMIC INFLUENCES

#### M. Bulearcă

Oil and gas industry worldwide faced at perhaps the worst crisis in the last 100 years, generating a triple effect: managing pandemic situation caused by coronavirus and lockdown measures (while ensuring energy demand), the rapid decline in oil prices, and the sharp decline in demand for petroleum products. Therefore, witnessing the invasion of the world market with huge quantities of crude oil, on Thursday, April 9, 2020 [1], OPEC, Russia and other allies (known as OPEC+) agreed on a record reduction in oil production by 9.7

million barrels/ day, in May and June 2020. Subsequently, OPEC+ would restrict oil deliveries by 8 million barrels/ day between July and December 2020, and by 6 million barrels / day between January 2021 and April 2021.

At the same time, global fuel demand decreased by about 30 million barrels / day (representing 30% of world deliveries), as a result of mobility restrictions and the restriction of economic activities. Reducing oil supplies by 15 million barrels / day will not be enough to stop the rapid filling of storage facilities.

Moreover Monday, April 20, 2020, was a day that will go down in the history of financial markets as the first time that *the price of oil reached a negative value*. This is the Futures contract maturing in May 2020, which depreciated in a few hours by over 300% and ended Monday's session at a price of -37.63 dollars / barrel [2]. Specifically, the holders of these contracts were willing to pay to avoid the physical delivery of the oil at maturity. The reason: as global storage capacity is approx. 6.8 billion barrels, with 60% being occupied, refineries were unwilling to process crude oil due to low fuel demand because of restrictive measures [3].

In conclusion, since oil demand began to fall amid blockages in the fight against the coronavirus pandemic, analysts have tried to predict when demand will return to pre-crisis levels, thus estimating V, U or L shaped forecasts. There is a growing consensus among major international forecasting agencies that a return to normal oil demand will take longer than expected – probably by 2022 [4]. Many analysts believe that a V-shaped recovery in total global oil demand is not possible yet.

With regard to the crude oil extraction and refining sector in Romania, according to data provided by OMV Petrom [5], following the lockdown, total hydrocarbon production at group level (including deposits in Kazakhstan) decreased by 1%, crude oil increased by 2%, while gas production decreased by 3%, while fuel demand decreased significantly due to reduced mobility, leading to a decrease of more than 30% in fuel retail sales in the second half of March, 2020, as well as adjustments to the utilization rate of the Brazi refinery to just over 80% (instead of 96%). In Petrom fuels delivery network, the largest of Romania, gasoline prices dropped significantly below one euro per litre; for example, only in April, 2020, let alone, there were four successive reductions in gasoline and diesel prices, which intensified competition between the main suppliers on the domestic market. This evolution of the pump price took place in the conditions in which the Romanian Government decided to cap fuel prices, an incomprehensible decision on a market already characterized by a sharp collapse in demand.

Regarding the natural gas extraction sector in Romania, the major domestic companies SNGN Romgaz [6] and OMV Petrom [5] have reduced their production since the beginning of April, 2020, by approx. 8.5% in just 2 weeks, adapting to the collapse of consumption, which decreased on average by

almost 40%. Lockdown measures have "seized" even the industrial consumption, basic in summer, when residential is reduced seasonally. Moreover, the degree of filling of deposits and, in particular, the reduction of gas consumption, as a result of the economy lockdown, put considerable pressure on the price.

In Romania, the oil and gas industry can become an engine for post-pandemic economic recovery, given its share in the economy through investments, annual contributions to the state budget, and the number of employees [7; 8]. For these reasons, we further present possible solutions for the medium and long term development of the hydrocarbon extractive industry in Romania: increasing the reserve base by exploiting deposits in the offshore area of the Black Sea; realization of interconnections of the national transport systems with the similar ones from the neighbouring countries; resizing the capacity of underground natural gas storage facilities; reshaping the natural gas market; attracting funds for investments in the hydrocarbon resource exploitation industry; digitalization of activities in the hydrocarbon extraction industry.

#### References

- 1. Stevens, P. OPEC and allies finalize record oil production cut after days of discussion / P. Stevens // CNBC. April 12, 2020.
- 2. Walker, A. US oil prices turn negative as demand dries up / A. Walker // BBC News. April 21, 2020.
- 3. Winck, B. Global oil storage could be maxed out in just 3 weeks, driving "substantial volatility" / B. Winck // Business Insider. April 27, 2020.
- 4. Paraskova, T. What's Holding Back A Full Recovery In Oil Demand / T. Paraskova // OilPrice.com [Electronic resource]. Date of access: 21.06.2020.
- 5. OMV Petrom, Report January June 2020 and Q2 / 20. July 29, 2020.
- 6. SNGN ROMGAZ, Half-yearly report (S1-2020) and Financial statements as of June 30, 2020. August 14, 2020.
- 7. Bulearcă, M. European policies for natural resources management and their applicability in Romania / M. Bulearcă, C. Neagu, C. Sima, D. Mărguș. Bucharest: Center for Industry and Services Economics, 2019.
- 8. Bulearcă, M. Ways to develop the Romanian hydrocarbons industry in the next decade / M. Bulearcă, C. Popescu // Review of Management and Economic Engineering. 2019. Vol. 18, № 3 (73). P. 367–391.

# КОЭВОЛЮЦИЯ: ГЕНЕРИРОВАНИЕ РЕСУРСОВ РАЗВИТИЯ И НООСФЕРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И СОЦИОПРИРОДНЫХ СОПРЯЖЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

## П. М. Бурак

предлагаемом исследовательском подходе, нацеленном выявление продуктивной роли коэволюционной стратегии в осмыслении причин масштабного развертывания, усложнения и обострения всевозможных диалектических противоречий, рисков и вызовов в современном обществе и в его взаимодействии с природой, превращения их в никем не контролируемый, стихийный процесс нарастания опасной нестабильности, мы руководствуемся идеей необходимости регулирования спонтанных коэволюционных процессов. Именно спонтанность внутрисоциальных и социоприродных процессов коэволюнии является одним ИЗ наиболее явных резонирующих дестабилизации распространяющейся на механизмов организации социальных систем - от человечества в целом до подъема психологического напряжения в заботе о будущем и «вибрации» беспокойства, с угрозой утраты организующей гуманистической роли ценностных ориентаций в сохранении социально востребованной жизнеспособности отдельного индивида. Такого рода цепная реакция расстраивания и разэлементаривания кооперативных традиций общества является вызовом будущему мирового сообщества, порождающим противоречий в сфере повседневных социокультурных коммуникаций больших, потребительски настраиваемых масс людей. Принцип выгоды, отождествляемый с единственно достойным благом, управляет поведением и расщепляет целостность гуманистической личности, социальной корпоративных группы, единомышленников на противопоставляемые части. Часть культуры, генерирует бескорыстное служение, гуманистическое самопосвящение, предпочтение долга, справедливости и заботы о других и об общем благе и т. д. отделяется от смысложизненных ориентаций радикализирующегося потребительства, как мусорные качества от которых следует избавляться на ПУТИ наслаждения комфортом Происходящее столкновение ценностей и радикализация позиций ведет к противоречиям накопления и выброса энергии энтропии с одной стороны и трудного добывания энергии упорядочения и кооперирования созидательных импульсов. Снова, как и ранее в истории общества, но в других условиях, в других формах, с другими возможностями и возникает потребность В консолидирующей организационной миссии и формировании регулятора, соединяющего противоположности направляющего процесс достижения И устойчиво приемлемой обшества самосохранения целостности социальном проекте и в социоприродном воспроизводстве отношений, доминирование ценности выгоды человека абсолютного блага в его «требовании взятки» от природы. Обе тенденции – формирование отношений в обществе и отношений общества к природе, взаимосвязаны и обе основаны на стремлении односторонней выгоде, прежде всего материальной. Эти тенденции устарели по направленности своего содержания и по результатам. Они привели к синхронно - резонансным экологическому и антропологически социальному кризисам, угрожающим катастрофическим событий в русле неуправляемых цивилизационных изменений и, пока что, недостижимостью реальных возможностей покинуть фарватер стратегии дальнейшего движения по совершенствованию потребительского образа жизни и сохранения соответствующего ему социального неравенства. Кроме отсутствия необходимой воли для опережения складывающегося глобального цивилизационному вызова направлению затягивается и формирование согласованного селективного механизма регулирования складывающихся противоречий общества потребления, их функционирование осуществляется стихийно, что лишь увеличивает разнообразие и усиливает энтропийный характер развития отношений в мире.

В нашем понимании теоретическое обоснование и практическая направленность механизмов разрешения противоречий, лежащих в основе современного общества, строиться должны фундаментальных черт коэволюции, которые выявляются на основе единства диалектики, эволюционного подхода, системного анализа и синергетики и совместного, ноосферного ее регулирования. Обозначим важнейшие идеи. Сущность коэволюции не может быть сведена к некоему единственному варианту сопряженного бытия взаимозависимо объектов. Коэволюция как социальное, социоприродное и природное явление, осуществляющееся стихийно, имеет объективный многонаправленный И характер разнообразные функции взаимозависимо существующих систем, отражает многомерность их природы и направлена как на сохранение относительной автономии каждой из них в процессах взаимодействия, формирует и воспроизводит и изменяет их связи. Это также означает, что в совокупности разнообразных отношений систем коэволюция осуществляет взаимное генерирование ресурсов их сосуществования посредством избирательного взаимного «отъема» вещества, энергии и информации (биологические и социальные систем), сохраняет и воспроизводит внутрисистемные и межсистемные противоречия как источник их активности, различий и способности взаимодействия. Сохранение

диалектических противоречий систем как источника динамической стабилизации их природы позволяет регулировать тенденции коэволюции, регулируя ее дестабилизационные процессы. В современном обществе с ее нестабильностью происходят разнообразные процессы стихийной коэволюции и не происходит должная регулятивная настройка ее множественных трендов на доминирование безопасной устойчивости. Коэволюция имеет свойство асимметричности. Это связано с асимметричностью макро – и микромира (обосновано Э. Янчем), с прогрессивной эволюцией, формирующей неравновесность с неживой природой, с неравновесностью общества и техносферы по отношению к внутрисоциальным неравенством и конфликтностью. Необходимо уточнять сущность коэволюции, ее структуру, функции и разнообразие направлений.

# ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

С. А. Бурьянов, М. С. Бурьянов

Сегодня человечество живет в сложном, динамичном и противоречивом мире. В последние десятилетия развитие планетарных общественных, а также с ними связанных природных, техногенных и космических взаимодействий существенно ускорилось. Но при этом, обусловленная неравномерностью развития, разбалансированность предопределила появление новых глобальных вызовов, многие из которых связаны с новыми цифровыми технологиями. В условиях динамичного изменения современных общественных отношений, с одной стороны, направленных на рост технологического прогресса и формирование единой глобальной системы, а с другой, несущих нестабильность и новые глобальные вызовы, представляется актуальным исследование путей их преодоления.

В конце XX — начале XXI вв. персональные компьютеры и глобальная сеть Интернет ознаменовали формирование планетарного информационного пространства и переход к эпохе информационной глобализации 3.0 с новыми существенными экономическими возможностями для реализации потребностей людей, а также с новыми вызовами.

В XXI в., чуть более пятнадцати лет назад, начался переход к цифровой глобализации 4.0. И это уже не только доступ к глобальной информационной сети и возможности передачи информации. Влияние нового научно-технологического скачка на развитие всех сфер жизни и формирование связанности современного мира огромно. Сегодня почти все трансграничные взаимодействия осуществляются с использованием технологий 4.0. Не случайно современные исследователи отмечает

фундаментальность происходящих общественных трансформаций «в самом широком спектре областей, включая, для примера, искусственный интеллект (ИИ), роботизацию, Интернет вещей (ИВ), автомобили-роботы, трехмерную печать, нанотехнологии, биотехнологии, материаловедение, накопление и хранение энергии, квантовые вычисления» [1].

Глобальные проблемы и необходимость достижения устойчивого развития последние десятилетия находятся в фокусе внимания ООН [2]. В частности, они отражены в ее актах: начиная с Декларации социального прогресса и развития (1969) до Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций (2000) и Итоговой повестки глобального развития на период после 2015 г., а также документах, посвященных проблемам цифровой глобализации. Осенью 2020 г. А. Гуттериш отметил, что использование цифровых технологий на благо всех представляет собой глобальную «быть задачу, так как призвано инструментом, уравновешивающим и ускоряющим достижение Целей в области устойчивого развития (ЦУР)» [3]. А в начале 2021 г. А. Гуттериш в своем выступлении в ГА ООН указал на катастрофические риски новых технологий

Можно выделить ряд глобальных вызовов, порождаемых новыми цифровыми технологиями четвертой промышленной революции.

Во-первых, крайне серьезной глобальной угрозой представляется милитаризация киберпространства и цифровая гонка вооружений. В настоящее время создание и применение кибероружия и его компонентов находится вне международного права и представляет собой «практически бесконтрольный процесс» [4, с. 7]. Исследователи выделяют следующие основные виды средств программно-технического кибервоздействия: «"логическая бомба", "программный вирус", "троянский нейтрализатор текстовых программ, скрытые интерфейсы для входа в малогабаритные устройства ДЛЯ вывода радиоэлектронной аппаратуры» [2, с. 36]. Угрозы глобальной безопасности представляют автономные роботизированные системы, которые могут быть в состоянии принимать решения, касающиеся жизни и смерти людей, без их вмешательства.

Во-вторых, глобальной угрозой правам человека могут стать основанные на цифровых технологиях системы слежения и идентификации. В частности, в указанном контексте правозащитники выделяют: создание централизованных баз данных, введение цифровых пропусков, широкое внедрение видеокамер с распознаванием лиц и др. В 2020 г. глобальная пандемия послужила предлогом для более активного внедрения технологий больших данных, распознавания лиц и биометрии, а в итоге для нарушений прав человека.

В-третьих, информационно-цифровое неравенство существенно усиливает чрезмерное социальное, культурное и экономическое

неравенство. Подобные проблемы затрагивают женщин, мигрантов, беженцев, внутренне перемещенных лиц, пожилых людей, молодежь, детей, инвалидов, сельское население и коренные народы. Реализация весьма спорных концепций «цифрового государственного суверенитета», «цифровых национальных интересов» и «цифровой национальной безопасности» (за которыми стоят узкие интересы элит) не только подрывают формирование глобальной информационной системы, но также ограничивают доступ к информации, способствуют нарушениям прав человека, а также усилению и без того чрезмерного неравенства.

В-четвертых, искусственный интеллект (ИИ) заслуживает отдельного упоминания, так как несет величайшие потенциальные возможности улучшения жизни людей во многих областях, но также может создать не менее масштабные угрозы устойчивому развитию, безопасности и даже самому существованию цивилизации. Кроме упомянутого выше использования технологии ИИ в военных целях и для установления контроля над людьми, исследователи указывают на связанные с ИИ катастрофические риски. В целом, исследования рисков искусственного интеллекта, обусловлены ожиданиями существенного прогресса в его развитии.

Международно-правовая система норм и механизмов в области прав требует существенного реформирования в направлении формирования эффективных механизмов их реализации, включая существующие инструменты защиты. С учетом объективной тенденции перехода к цифровой глобализации 4.0, а также в связи усилением новых цифровых угроз глобальной безопасности, необходимым условием их преодоления является научная разработка, международно-правовое закрепление и реализация глобальных цифровых прав человека [5, с. 65]. Принятие Декларации (а затем и пакта) глобальных цифровых прав человека на уровне ООН призвано запустить процесс обновления фундаментальных гарантий реализации прав человека в условиях неравномерного развития глобальных процессов и усиления цифровых угроз 4.0. В современных реалиях жизненно необходимо создать курс цифровизации, ориентированный на развитие каждого человека и устойчивое развитие человеческой цивилизации, а также организовать внедрение технологий таким образом, чтобы максимизировать выгоды и сократить негативные непреднамеренные последствия и злонамеренное использование.

#### Литература и источники

- 1. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution. Crown Business / K. Schwab. New York, 2017. 192 p.
- 2. Бегичев, А. В. История создания и деятельности Лиги Наций / А. В. Бегичев, А. А Галушкин // Вопросы истории. 2019. № 9. С. 108—113.

- 3. Guterres advocates for digital world that 'strengthens human rights, advances peace [Electronic resource]. Mode of access: https://news.un.org/ en/ story/ 2020/ 09/ 1073292. Date of access: 21.02.2021.
- 4. Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности / Отв. ред.: А. Г. Арбатов, Н. И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН; Политическая энциклопедия, 2018. 270 с.
- 5. Бурьянов, М. С. Врата в глобальное право: глобальные цифровые права человека / М. С. Бурьянов // Научные труды Московского гуманитарного университета. -2020. -№ 2. -C. 63–66.

#### **ENERGY ACCESS DISPARITIES - PAST AND PRESENT**

M. Bădileanu, S. P. Ciumac, L. I. Georgescu

"Society as such is nowhere to be found; it appears in the form of welldefined societies - social units - families, villages, cities, regions, states, nations" said D. Gusti in his lectures held in France and the USA in 1946-1947 years [1, p. 2]. The great sociologist stated a truth that tends to become perennial: "Evolution has not brought the peasants new freedoms, but new burdens, servitudes, obligations for which nothing is given in return" [1, p. 7]. The vulnerability of the rural environment is studied according to the social, environmental and economic impact generated by the reform of the energy system and the creation of the international energy market [2, p. 81–117], and according to the specific causes of poverty and the orientation towards potential proactive solutions. In Moldova, studies focus on aspects of energy poverty amid the lack of opportunities to address sustainable development and the promotion of the green economy, climate change, energy security [3, p. 79-82]. Energy poverty is also treated according to the possibilities of addressing the issue as a whole, instead of being fragmented into partial components and indicators [4]. According to some authors, lower-income households (as the rural ones) consume more energy, being dependent on outdated appliances with low energy efficiency, which leads to a higher share of energy expenditure in disposable income.

The lack of interest of the decision makers for the problems of the rural community, doubled by the absence of comparative statistical information regarding the rural / urban environments led to the increase of the gaps between the two categories of population. These gaps are manifested in various forms: the level of prices and hence the share of energy expenditure in disposable income, the number of beneficiaries of energy aid and their amount, access to infrastructure, the stage of transition to modern energy sources, difficulties in energy supply, the structure of consumption, the differences in the endowment with household appliances, the level of thermal energy consumption per household, etc. For the urban consumer of thermal energy, most local authorities

have approved the coverage by subsidies of the difference between the cost of production-distribution-supply and the price found in the invoices issued to the population. For the rural consumer of thermal energy, the dependence on the firewood supply will remain the main problem for the future, both in Romania and in Moldova.

In the context of the new economic crisis, the spectrum of escalating energy poverty levels is even more pronounced. Financial insecurity has led to increased delays in the payment of utilities, which requires more attention to vulnerable groups. It is obvious that the new economic crisis generated by the pandemic has only deepened the differences between urban and rural areas, the latter much more vulnerable due to the lack of means of influencing the political factor.

The European Commission's activities in the field of pandemic control have focused on the following priority areas: public health, research and innovation, combating misinformation, employment and the economy, crisis management and solidarity, digital solutions, emergency support, transport and mobility [5, p. 7–22]. For the future, the hopes related to the implementation of the Recovery Plan are directed towards the quick remedy of the negative effects of the crisis and the capitalization of the global experience gathered during this hardship. The current conditions could open the gates for a new approach to closing the gaps between urban and rural areas, by capitalizing on the synergistic potential between the two.

#### References

- 1. Bădescu, I. Școala Gusti: perenitatea unei paradigme, comunicare cu ocazia omagiului marelui sociolog Dimitrie Gusti [Electronic resource]. Mode of access: https://academiaromana.ro/ com2005/ pag\_com05\_0223.htm. Date of access: 05.04.2015.
- 2. Vlad, I. V. Strategia de dezvoltare a României în următorii 20 de ani. Proiect 3 Securitate și eficiență energetică. Vol. II. Editura Academiei, 2016.
- 3. Efremov, C. Tranziția energetică și principalele provocări pentru Republica Moldova // Conferința tehnico-științifică a studenților, masteranzilor și doctoranzilor, Universitatea Tehnică a Moldovei, 26–29 martie, 2019. Chișinău. Vol. 1 [Electronic resource]. Mode of access: http://repository.utm.md/ handle/ 5014/ 2825. Date of access: 05.07.2019.
- 4. Arsenopoulos, A. Assessing Resilience to Energy Poverty, in Europe through a Multi-Criteria Analysis Framework. Sustainability 2020 [Electronic resource]. Mode of access: https://doi.org/ 10.3390/ su12124899. Date of access: 07.12.2020.
- 5. Juc, V. Uniunea Europeană o provocare majoră în condițiile pandemiei / V. Juc // Revista de Filosofie. Sociologie și Științe Politice. 2020. № 1.

#### THE IMPACT OF COVID-19 ON THE LABOUR MARKETS

M. Bălan, S. M. Stănescu

The COVID-19 pandemic has a radical impact on the lives of people and societies, its implications oversee health problems and including significance economic and social consequences. COVID-19 affects the viability of businesses and endangers many jobs, with an acute impact on the livelihoods of many citizens.

The measures taken by most countries to reduce the spread of the virus have had an immediate impact on the labour market in terms of massive job losses, reduce the number of working hours, the sudden shift to home work in which companies and organizations have been forced to develop/impose teleworking policies.

The major discrepancy between countries does not appear in the magnitude of the economic shock caused by the pandemic, but in the way their labour markets will further cope with it.

The restrictions generated by COVID-19 affected 77% of employees worldwide at the beginning of 2021 (close to the 85% peak reached at the end of July 2020).

As a result of the health crisis, in 2020, 8.8% of working hours (worldwide) were lost, compared to the fourth quarter of 2019, the equivalent of 255 million full-time jobs. Working-hour losses in 2020 were approximately four times higher than during the global financial crisis in 2009.

In relative terms, employment losses were higher for women (5.0%) than for men, and for young employees (8.7%) than for older workers. The loss of jobs in 2020 has mainly translated into increased inactivity, and less into unemployment. Thus, the number of inactive people increased by 81 million, which led to a reduction in the global labour force participation rate by 2.2 percentage points in 2020 (up to 58.7%). The number of unemployed worldwide increased by 33 million people in 2020, and the unemployment rate increased by 1.1 pp (up to 6.5%).

Trends in workplace closures vary considerably across the world's main regions. With a second wave of the pandemic sweeping across Europe in the second half of 2020, the Europe and Central Asia region has seen a marked increase in restrictions. At the start of 2021, 20% of workers in the region were living in countries with economy-wide closures for all but essential workers – the highest share among the five major regions of the world.

The paper presents a brief comparative analysis of the effects of the COVID-19 pandemic on the labour market worldwide, in Europe and in Romania.

# SOCIAL YOUTH POLICY OF BELARUS AND ROMANIA IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES

M. Viarenich, S. M. Stănescu, M. Bălan

Young people make up a significant proportion of the citizens of Romania and Belarus and play a key role both in the age structure of the population and in the implementation of the state's social policy. Given the current demographic trends in both Romania and Belarus, characterized by an increase in life expectancy, potential migration of young people, attitudes towards the age of marriage, age of birth of children and their number in the family, young people have a huge influence on the demographic configuration in both countries. The systematic and effective integration of young people into society, their entry into the labor market is one of the main goals of social policy in both countries, since, according to global trends, young people are an extremely vulnerable category of the population when entering the labor market and keeping a job in the current economic conditions. Subject to both social exclusion and discrimination. All this requires the adoption of concrete social policy measures with long-term prospects and measurable goals.

Comparative studies and analysis of sources have shown that this population group, both in the Republic of Belarus and in Romania, has received sufficient attention in recent years. One of the main methodological limitations for a specific comparison of the levels, volumes and effectiveness of the implementation of social policy in relation to the youth of the two countries is the fact that there are no comparative country studies. As an alternative, from the available statistical data, general directions were selected, which also differ in the method of filling and in the method of data collection. In Romania, in statistical data, age categories are subdivided in great detail (0–4, 5–9, 10–14, 15–19, 20–24, 25–29, 30–34, 35–39, 40–44, 45–49, 50–54, 55–59, 60–64, 65–69, 70–74, 75–79, 80–84, and 85 plus), in Belarus they are formed differently: youth – 14–19, 20–24, 25–30, although the representatives of the younger generation include people under 31 years old, in other sources and up to 34 years old. In Romania, in many scientific sources, young people include only students (up to 24 years old inclusive), sometimes also up to 34 years old.

There is also a peculiarity of the implementation of youth social policy in the two states. In Romania, it is a component of the national policy implemented within the EU, which sets the framework and determines the direction of development of national youth policy in most of its member countries. The system of European institutions of youth policy has come a long way of formation and development. Youth policy itself in the EU is an area of subsidiary competence of the European Union. Despite the fact that youth policy is the responsibility of the member states, the EU has the ability to implement its own measures to support, coordinate, adjust and supplement the policies

implemented by the EU member states. Thus, in 2009, the document "EU Youth Strategy: Investment and Empowerment" was adopted, which begins with the words: "The future of Europe depends on youth" [1].

Youth problems, and in European political documents, young people are usually referred to as people aged 13 to 30; other age divisions can also be used in statistical descriptions of young people – they are among the European political priorities. Over the past 20 years, according to the European Union's Renewed Social Agenda, focused on creating and realizing new opportunities for citizens (2009), European youth policy has been built on two important components:

- 1. a new economic model, which is based on creativity and innovation, the development of creativity, education at all levels and the widespread use of digital technologies;
- 2. the continuation of the implementation of the goals of social policy, which were considered in the twentieth century as the most important, the construction of a society of welfare for all citizens (And it is precisely with welfare that the frequently used concept of the Welfare State is associated, developed in theories related to social well-being and which makes it possible to compare the ideal model of social policy and the real situation, especially taking into account the different levels of development of the countries of the EU) [1].

The proposed strategy is based on a combination of two approaches: investing in the young generation and their well-being, while at the same time empowering young people with broader social empowerment in order to renew society and its values.

Within the framework of the EU social policy, since 1988, special programs have been implemented aimed at supporting young people, providing them with ample opportunities both in education and in employment. The main principles of this policy are the support and strengthening of an active civic position and the development of various forms of youth activity, its social and professional integration, taking into account the issues of youth policy in determining the goals and objectives of the development of other social spheres (health care, anti-discrimination, etc.).

The report of the European Commission (2012) on the state of affairs in the field of youth policy was an important step towards studying and analyzing the current situation both at the European level and in individual European countries. Employment, social inclusion, health and well-being were identified as the main challenges facing young people. According to the report, only additional support for the younger generation at the pan-European and national levels will help minimize the impact of the crisis in the European economy. The modern generation of young Europeans is the most educated, technically advanced and mobile in history, but it also faces high social and other risks generated by globalization, climate change, etc. One of the main social problems of young people at the present stage is unemployment.

The Youth Strategy assumes cooperation between the EU countries for the following basic goals: (1) creating more opportunities for youth (2) expanding youth access to all social resources (3) strengthening solidarity between society and the younger generation. It is necessary to realize these goals in various areas, the first of which is education. At the time of preparation of the document, only 80% of 20–24-year-old EU citizens had a complete secondary education, a quarter of 15-year-olds had problems with reading skills, 6 million young Europeans dropped out of school. Therefore, the most important tool in the field of education should be the support of additional (non-formal) education, improving its quality, formal recognition of its results and integration into the system of existing professional qualifications. Another important area of youth policy is to support the creativity and entrepreneurship of young people, to attract their attention to the fields of science and art, to recognize and fund young talents, and to develop start-up practices.

Today, in the most general terms, the promising directions of EU policy are reflected in the "Europe 2020" strategy, which was adopted in 2010 [2].

The European Commission has identified the following main drivers of economic growth: knowledge, green economy and high employment. To achieve the set goals, seven main initiatives have been put forward, and all of them to one degree or another are related to youth policy. First of all, this applies to programs such as "Youth on the Move" (2007–2013), the goal of which is to fully unleash the potential of the younger generation in the field of education and training, increase its mobility, and increase the importance of informal employment and participation. The implementation of the initiative to create new qualifications and jobs should lead to an increase in professional skills and the development of competencies, link educational practices with the needs of the labor market and support "lifelong learning" skills, including those acquired outside the general education system. All this should expand the employment opportunities of the younger generation.

The European Youth Strategy 2019–2027 includes the following messages: "Let young people be the architects of their own lives, support their personal development and growth to autonomy, build their resilience and equip them with the life skills they need to cope with a changing world. Encourage and equip young people with the necessary resources to become active citizens, agents of solidarity and positive change, inspired by the values of the EU and European identity. Improve policy decisions regarding their impact on youth in all sectors, in particular in employment, education, health and social inclusion. To contribute to the eradication of youth poverty and all forms of discrimination and to promote the social inclusion of youth" [3].

Within the EU, efforts have also been made to develop a special system of indicators to better assess the situation of young people [3].

To characterize the problems of education, the following indicators were proposed: the share of 18–24 year olds who do not have a secondary education;

the proportion of 15-year-olds who fail in reading, mathematics, science; the proportion of 30–34 year olds with higher education; finally, the proportion of 20–24-year-olds with complete secondary education. To assess the role of culture and creativity in the lives of young people, completely new indicators were proposed for different age groups (15–19, 20–24, 25–30 years old), based on the results of previous surveys (including telephone interviews). In particular, this is the proportion of young people who have been engaged in amateur performances (playing musical instruments, singing, writing poetry, photographing, etc.) over the past 12 months (1); (2) those who participated in cultural life (visiting museums, galleries, cinemas, concerts, theaters, etc.); (3) participating in the work of sports clubs, youth cultural organizations, associations, etc.

Finally, as an important indicator of youth readiness for intercultural dialogue and communication, it was proposed to determine the percentage of young people who study two or more foreign languages at the third (higher) stage of general secondary education. It should be noted that according to the results of sociological research conducted in 2017–2018 by the Information and Analytical Center under the Administration of the President of the Republic of Belarus, measures taken in the Republic of Belarus to support young citizens find a response in their answers to the question "What generation (yours or parents), in your opinion, are there more opportunities to achieve your dreams, your goals in life?" [4].

Thus, 40% of survey participants are more likely to note the superiority of their generation. It is believed that the conditions for upward social mobility were better among the older generation, 29%. 26.5% of respondents spoke about equality of opportunities for realizing their potential. The majority of boys and girls (66%) are sure that in order to achieve success in life it is necessary to have such qualities as purposefulness and hard work. On average, 46% of survey participants note the willingness to take risks, education and intelligence, 41% each — honesty, decency, culture, politeness and non-standard thinking, behavior, creativity. A third of young people (34.5%) consider communicability an important quality for success in life, 29.5% — willpower. Optimization of social policy requires detailed study and serious analysis.

Cross-country comparisons will allow studying international experience and preparing recommendations for improving the efficiency and optimization of social policy in their countries, taking into account national interests.

#### References

1. An EU Strategy for Youth – Investing and Empowering. A Renewed Open Method of Coordination to Address Youth Challenges and Opportunities [Electronic resource]. – Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM: 2009:0200:FIN:EN:PDF. – Date of access: 25.05.2021.

- 2. EUROPE 2020. A European Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth [Electronic resource]. Mode of access: http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET %20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20 version.pdf. Date of access: 25.05.2021.
- 3. Fecioru, B. Măsuri de îmbunătățire a șanselor tinerilor pe piața muncii (Measures to Increase Youth Employability on the Labor Market) / B. Fecioru // Quality of Life Journal. 2008. Vol. 19, № 3–4. P. 317–327.
- 4. Штрихи к портрету молодого поколения 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bisr.gov.by/ mneniya/ shtrikhi-k-portretu-cifrovogo-pokoleniya-belorusskaya-molodezh-obrazca-2020-goda/. Дата доступа: 05.12.2020.

# ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА КАК ВАЖНЕЙШИЙ МЕГАТРЕНД СОВРЕМЕННОСТИ

# А. И. Веруш

Джон Нейсбит в 1982 г. в своем футурологическом исследовании, анализируя тенденции развития американского общества конца XX века, выделил мегатренды, которые должны были, по его мнению, определить облик и суть «нового общества» на два десятилетия вперед. Большинство спрогнозированных им мегатрендов нашли свое подтверждение в дальнейшем. Однако, за прошедший с момента издания книги период, а это уже более 40 лет, некоторые мегатренды, выделенные Джоном Нейсбитом потеряли свою актуальность, а новые заявили о себе. И не смотря на то, автор строил свой прогноз в русле мегатрендов Соединенных Америки, илея социального прогнозирования, Штатов сама концептуализации будущего в русле мегатрендов оказалась весьма полезной и продуктивной. Тем более, что многие оценки Джона Нейсбита и его прогнозы не устарели. Да и сам термин «мегатрендов» как долгосрочных крупномасштабных, процессов мирового развития, определяющих качественное содержание текущего миросистемы, прижился и устоялся.

Вместе с тем, представляет интерес, насколько изменились мегатренды мирового развития за те годы, которые не попали уже в фокус футурологического прогноза Джона Нейсбита. Насколько они оказывают влияние на все страны, включая ведущие мировые державы? Как эти государства распознают или нет негативные мегатренды, могут ли что противопоставить им или обернуть их в свою пользую? Несомненно, одним из важнейших мегатрендов современности стала демографическая проблема. Суть ее состоит в неравномерном среди стран и регионов приросте населения Земли, когда менее развитые страны дают подавляющее большинство прироста населения мира. Данные, полученные в ряде стран Азии и Латинской Америки, показывают, что при невысоком

уровне экономического и социального развития рождаемость в этих странах очень высока, хотя во многих из них проводится политика по регулированию рождаемости.

то развитый Запад имеет отрицательную же время демографическую динамику коренного населения. Снижение рождаемости во многом стало трендом, характерный для всего западного общества. И если в Нигере, Мали, Афганистане, Анголе, Сомали коэффициент фертильности, по данным Всемирного банка, выше 5, то в таких развитых станах как Швеция, Канада, Финляндия он намного ниже порогового значения демографической безопасности. При том, что в среднем по планете Земля этот показатель ровняется 2,4, в Еврозоне он достигает лишь 1,5 [1]. Без миграционного профицита население такой развитой страны как ФРГ сокращалось бы уже с 1972 года, поскольку с этого периода в стране ежегодно умирало больше людей, чем рождалось. По оценкам статистиков, в 2019 году в ФРГ родились от 770 до 790 тысяч человек, при этом умерли от 920 до 940 тысяч [2]. Германия страдает от хронического дефицита рождаемости, а ее население является одним из самых старых в мире. В лидеры по сокращению численности населения входят и такие страны как Болгария, Латвия, Литва, Украина, Польша, Венгрия, которые по прогнозам на 2050 год потеряют от 23 до 15% всего населения. Стареющее население становится все более серьезной проблемой современности для пенсионных систем даже развитых стран.

Масштабные глобальные миграционные потоки, влияющие на демографическую ситуацию стран-реципиентов, разворачиваются в противоток перемещению центра мирового экономического развития и идут в основном с Востока на Запад. В настоящее время в Европе проживает 35 млн неевропейцев, из которых, по самым приблизительным подсчетам, около 20 млн являются мусульманами. Неравномерность прироста населения, миграционные потоки приводят к обострению ряда других проблем в Европе, таких как изменение расово-этнического состава населения, трудности ассимиляции и обособленного существования иммигрантов. Несоразмерность прироста населения в развивающихся странах, в свою очередь, сталкиваются с трудностями по удовлетворению их социальных потребностей.

Во многих странах есть свои демографические проблемы, которые складываются из нескольких составляющих. Имеет место эта проблема и в Республике Беларусь, где демографическая ситуация характеризуется низкой рождаемостью, дисбалансом в средней продолжительности жизни мужчин и женщин и низким коэффициентом фертильности. И хотя ряд вышеназванных проблем, характерных для Европы, таких как миграционный прирост, изменение расово-этнического состава населения и вытекающих из этого вопросов не характерны для Республике Беларусь, вместе с тем, мы в тренде современности, поскольку демографическая

проблема на многие годы будет определять нашу экономику, состояние рынка труда, социальную политику, пенсионную систему и многое другое.

#### Литература и источники

- 1. Fertility rate, total (births per woman). The World Bank [Electronic resource]. Mode of access: https://data.worldbank.org/ indicator/ SP.DYN.TFRT.IN. Date of access: 10.03.2021.
- 2. Численность населения Германии достигла рекордного уровня [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.moyby.com/ news/ 380678/. Дата доступа: 10.03.2021.

# ВЫЗОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В ХХІ ВЕКЕ: В ПОИСКАХ ВОЗМОЖНЫХ ОТВЕТОВ

# В. П. Веряскина

Вопросы, связанные с образом будущего в его различных измерениях становятся в XXI веке важными потому, что мир вступает в эпоху неопределенности, обусловленной многообразием складывающихся трендов развития как на глобальном, так и на региональном уровнях, формируется новый мировой порядок. «На смену противостоянию социализма и капитализма приходит конфликт интересов, ценностей и идентичностей с сильными национальными, религиозными и историкокультурными акцентами» [1, с. 11]. Изменения носят системный характер, они затрагивают экономику, политику, социальную сферу, инновации и технологии. Для России, прошедшей этап социализма в своей истории, вопрос о выборе пути в будущее имеет принципиальное значение. Для того, чтобы развитие носило осознанный, отрефлексированный характер, важно понимание того, какие именно вызовы цивилизационного развития доминируют в качестве складывающихся трендов, каково их содержание и возможные прогнозы и сценарии развития. Обратимся к их репрезентации, краткой интерпретации и возможным сценариям, как ответам на эти вызовы.

Главные вызовы цивилизационного развития XXI века как они представлены в концептуальных подходах экспертного сообщества

Прежде всего следует отметить концептуальный подход, развиваемый учеными Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова (ИМЭМО РАН). В работах экспертного сообщества этого института под руководством Академика А. А. Дынкина проводится регулярно анализ складывающихся мировых тенденций. В одном из фундаментальных трудов последнего времени «Мир 2035. Глобальный прогноз», обозначены и проанализированы с соответствующими сценарными прогнозами

следующие вызовы.

Вызов в мире идей обусловлен противоречиями между различными системами, которыми среди конкуренция за влияние на сознание людей. Вызовы в мире политики связаны с усилением конфликтности, а в сфере социальной политики связаны с растущим неравенством в старых и новых формах и поисками путей адекватного на них реагирования. Это вызовы новейших технологий, резко повышающие их роль как фактора, влияющего не только на экономическое развитие, но и на индивидуальное и общественное сознание [2]. Это вызовы неравномерности развития стран и вследствие масштабных структурных промышленности, энергетике, финансовой сфере, а также культурного разнообразия и климатических изменений. Каждому из этих направлений системных трансформаций на основе методологии анализа сложных посвящен анализ. результате формируется В складывающихся трендов, которые ведут к будущему, причем, не всегда желаемому.

Миру предстоит столкнуться с масштабным переформатированием структуры общества: размыванием среднего класса и уходом в недосягаемый отрыв новой элиты, формирующейся на базе экономики знаний и инноваций постиндустриального типа цивилизационного развития. В прогнозе подчеркивается, что в мире начала XXI века так и не выработана новая концепция развития, способная стать альтернативной «безответственному развитию», основанному на эксплуатации природных ресурсов, использовании технологий манипулирования общественным сознанием.

В качестве ключевого ответа на вызовы предлагается идеал продвижения к «желаемому завтра», определяемый как *ответственное развитие*. В качестве приоритетов такого развития выдвигается идея использования возобновляемых источников, в первую очередь интеллектуальных источников социальных инноваций и нематериальных стимулов жизнедеятельности. Этот приоритет выделяет значимость роли человеческого потенциала, творчества и культурно-этических мотиваций в деятельности. Складывающиеся тенденции позволяют прогнозировать будущее, к которому следует готовиться. «Наибольшее изменения прогнозируется в сфере труда, занятости, социальной сфере, мотивации развития человека» [1, с. 43–44].

Важно также отметить, что в образе будущего возникнут проблемы, решение которых необходимо предлагать и продумывать уже сегодня. Сокращение качественных рабочих мест и рабочих мест вообще, перевод на «безлюдные технологии» ведет к распространению бедности и неравенства в еще больших масштабах, чем это было в индустриальную эпоху. Как реакция на эти процессы идет «размывание социального

государства» и среднего класса. Эти изменения усилятся в будущем, они воспринимаются как нарушение справедливости и могут принимать форму межэтнических, межконфессиональных и социально-экономических конфликтов. Разрыв по доходу, статусу будет усиливаться, а элита станет искать новую модель недестабилизирующего неравенства. Многомерный конфликт идентичностей, считают эксперты, выдвигается на роль ключевого фактора политических и социокультурных трансформаций.

заслуживающих выделить еще ряд концептуальных подходов. Это исследовательский проект «Вызов 2035» практиков бизнеса, подготовленный группой аналитиков И акцентирующий проблематику будущего в связи с наступлением нового технологического уклада, исследующего влияние новейших технологий на общества И человека. мире разворачивается трансформацию В конкуренция за образ будущего, особенно это касается гуманитарной сферы. В этой связи остро стоят вопросы о радикальном продлении человеческой жизни на основе современных технологий; возникновение рынка человеческих способностей; изменение общественного отношения к приватной персональной информации, поскольку речь идет о сохранении суверенитета личности под воздействием всепроникающих СМИ и глобальных информационных структур масс-медиа. Эти вызовы и предлагаемые на них ответы в значительной мере центрированы на этических и моральных императивах, о путях реализации которых на практике стоит думать уже сейчас.

Следует отметить важные, на наш взгляд, концептуальные подходы иностранных авторов. Джон Урри [4] (Институт социального будущего Ланкастерского Университета) предлагает к рассмотрению сценарий будущего, связанный с промышленным производством, будущим города и климатом. Представляется интересным для данной темы и анализ 3. Баумана [5].

В итоге можно отметить, что происходит фазовый переход от индустриальной эпохи к постиндустриальной эре, где инновации на основе науки и технологий будут определять будущее развитие цивилизации. Важно при этом учитывать фактор культуры и целеполагания в выборе пути в будущее, а концепции будущего позволят увидеть возможности и риски развития и предложить пути решения проблем, с которыми человечество еще не сталкивалось.

### Литература и источники

- 1. Мир 2035. Глобальный прогноз // Под ред. Академика А. А. Дынкина. М.: Магистр, 2017. 352 с.
- 2. Срничек, М. Капитализм платформ / М. Срничек // Пер. с. англ. и науч. ред. М. Добряковой. М.: Высшая школа экономики, 2019. 128 с.

- 3. Агамерзян, И. Р. Вызов 2035 / И. Р Агамерзян. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 240 с.
- 4. Урри, Дж. Как выглядит будущее? / Дж. Урри // Пер. с англ. А. Матвиенко; под науч. ред. С. Щукиной. М.: Дело, 2018. 320 с.
- 5. Бауман, 3. Ретротопия / 3. Бауман // Пер. с англ. В. Л. Силаевой; под. науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

# ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

#### П А Водопьянов

В настоящее время человечество оказалось в плену глобальных потрясений, обусловленных неравенством между бедными и богатыми, жизненного пространства И природных ресурсов, нарастанием пандемических заболеваний, нехваткой финансовых средств негативными явлениями многими другими политической. экономической и социальной сферах жизни общества. свидетельствует о том, что мировое сообщество оказалось в состоянии экологической и глобальной нестабильности, выход из которой возможен на основе нравственного обновления общества с целью достижения безопасного будущего. И главную роль этом плане мировоззренческие ориентации, которые определяют основные направления человеческой деятельности, ориентированные потребностей людей. Ныне удовлетворение сложившийся социально-экономического развития базировался преимущественно на антропоцентристской ориентации во взаимодействии общества и природы и привел, в конечном итоге, к глобальному экологическому кризису. Высокие уровни жизни, достигнутые в странах Запада базировались на антропоцентристской ориентации на основе достижений науки и за счет захвата колоний и полуколоний. Достаточно напомнить, что такая высокоразвитая страна как Англия с населением 37 млн человек в свое время подчинила своему господству 370 млн человек за счет покорения других стран. И подобного рода политика проводится и сегодня некоторыми странами на основе осуществления новых форм экспансии и неоколониализма. Не подлежит сомнению и тот факт, что средства массовой информации в различных странах транслируют искаженную информацию о социальной реальности, манипулируя общественным сознанием, что приводит к массовому протесту против правительственных кругов правящих элит.

Известно, что наиболее значимыми способами формирования мировоззрения являются теоретическое и духовно-практическое отношение к окружающей действительности. В процессе теоретического

познания важно установить целостную картину реальности, определить ее соответствие действительности или предметам познания в практической деятельности, достигая тем самым целей человеческой деятельности. Эти общеизвестные положения познавательного процесса в соответствии с интересами той иной страны национальными ИЛИ подвергаются трансформации соответствующей подменяются и поддельными, ненастоящими и во многих случаях искаженными представлениями об объективной реальности.

условиях нарастания социальных потрясений жизни обусловленных современного общества, ростом напряженности, навязыванием прав демократии и господства странами Запада, и прежде всего США, спадом производства мировой экономики в связи с пандемией, обострением противоречий в идеологической сфере – эти и другие негативные явления вызывают необходимость обоснования объективных прогнозов дальнейшего развития общества и управления глобальными процессами.

Вышеназванные негативные явления в жизни мирового сообщества во многом обусловлены трансформацией мировоззренческих ориентаций, вызывая обострение отношений между различными странами, утрату традиционных общечеловеческих ценностей, усиливая противоборство в информационной сфере, обуславливая искажение остроты стоящих перед человечеством глобальных проблем.

К числу такого рода глобальных проблем относятся проблемы экологического, экономического, социального, технологического, геополитического характера.

К основным экологическим угрозам следует отнести глобальное потепление, снижение биологического разнообразия, загрязнение атмосферы, литосферы и гидросферы, истребление лесов, опустынивание, кислотные осадки, накопление отходов, природные катастрофы, землетрясения, наводнения, извержение вулканов, перенаселение, нехватка продовольствия, которые представляют угрозу ближайшему будущему человечества.

Глобальное изменение климата связано с возрастанием наводнений, ураганов и засухи, сокращением зоны вечной мерзлоты и таянием ледников, что может привести к затоплению огромных территорий.

Сохранение биологического разнообразия обеспечивает нормальное функционирование биосферы и ее устойчивость. На протяжении геологического времени появление все новых и новых видов обеспечивало стабильность биосферы как важнейшей ее закономерности. В последние годы происходит стремительное сокращение биологического разнообразия в результате разрушения среды обитания, ее загрязнения и интенсивного использования биологических ресурсов. Это приводит к деградации биосферы, к нарушению пригодных для обитания природных территорий.

Иными словами, главными угрозами для ближайшего будущего человечества являются разрушение биосферы, сокращение жизненного пространства, в результате техногенной деятельности и истощение запасов природных ресурсов, что в конечном итоге может привести к глобальной экологической катастрофе уже в недалеком будущем.

Глобальные экономические риски касаются спада производства, кризисных явлений в бюджетной, банковской, инфраструктурной сферах, обусловленных падением цен на активы, ценовой нестабильностью на сырье, энергоносители, продовольствие и других негативных явлений в экономике.

Социальные риски связаны с неравномерными демографическими процессами в различных странах, разрывом в потреблении между богатыми и бедными странами, неуправляемыми миграционными процессами, недостатком продовольствия и водных ресурсов, порождающими голод, угрозой распространения болезней пандемического характера и несовершенством системы с их устранением, нарастанием политической и социальной нестабильности.

Глобальные риски в технологической сфере связаны с отрицательными последствиями научно-технического прогресса, представляющими угрозу для ближайшего будущего.

Широкое внедрение автоматизации И роботизации производственных процессов сопровождается сокращением миллионов специальностей, что приводит к сокращению рабочих мест и к массовой безработице. Технологические риски относятся к области создания искусственного интеллекта, которые могут привести к массовому контролю над поведением людей, позволят контролировать психическое состояние личности, ее политические взгляды, страхи и надежды, предсказывать ее чувства и решения, манипулировать ими и принимать решения за ее действия и поступки. Контроль над поведением людей в состоянии привести к утрате индивидуальности личности, к тому, что с помощью средств создания искусственного интеллекта открывается возможность ее зомбирования, к принятию нужных решений за людьми, управляющих алгоритмами.

Как подчеркивал в свое время К. Лоренц, человек воспитанный машиной утрачивает свои чувства и эмоции и смотрит на окружающий мир как на нечто чуждое и враждебное. Уже сегодня созданные алгоритмы навязывают людям новые стандарты жизни — что купить, что почитать и посмотреть, чему верить, где работать, кому доверять. Иными словами, происходит процесс зомбирования людей — рекламой, телевидением, Интернетом и другими средствами массовой информации, которые приводят к тому, что люди могут просто потерять контроль над своей жизнью.

Все это приводит к разрушению традиционных ценностей за счет

внедрения низкопробной культуры, создания ложной картины социальной реальности путем возможности изгнания из сознания людей их индивидуальности, привязанности и семейными традициями, подмены истины на ложные представления, ориентации на комфорт и удовольствие.

Более того, угрозы и вызовы технологического характера оказывают негативное влияние на жизнь человечества, на его зависимость от технических систем, которые могут вызвать аварии, нарушить нормальное функционирование промышленного производства и финансовой системы, сферу услуг и коммуникаций.

Потребность изменения сложившихся мировоззренческих ориентаций неразрывно необходимостью обеспечения связана c стабильного социально-экономического развития при сохранении благоприятной окружающей среды и рациональном использовании природно-ресурсного потенциала. Данная ценностная ориентация, четко зафиксированная в стратегии устойчивого развития, принятой мировым сообществом еще в 1992 году, была направлена на ограничение экономического роста и промышленного развития в целом. Однако, как показало дальнейшее развитие общества, несмотря на грозные очертания экологического кризиса, в мире не произошло радикальных изменений в плане конкретной реализации стратегии и в изменении мировоззренческих ориентаций: стремительно нарастает разрыв в потреблении между бедными и богатыми странами, все более усиливаются межнациональные конфликты на международной арене, вспыхивают и разгораются военные действия во многих регионах мира, со всей остротой обнажились грозные очертания экономического кризиса, затронувшего практически все страны мирового сообщества. Эти и другие опасные тенденции представляют реальную угрозу для ближайшего будущего человечества и связаны в первую очередь с утратой традиционных нравственных ценностей, духовной деградацией человека и зыбкой верой в достижение стабильного будущего.

Выход из такого рода затруднений связан не столько с решением социально-экономических, экологических или даже геополитических проблем, а с необходимостью радикального изменения сознания людей, их мировоззрения и нравственных ценностей.

Иными словами, для преодоления кризисных явлений в жизни общества необходимо в первую очередь направить усилия на разработку концептуальных оснований и мероприятий по устранению причин экологического и духовного кризиса, который угрожает ближайшему будущему человечества и главную роль в этом отношении играет характер мировоззренческих ориентаций во взаимодействии общества и природы.

# ГЛОБАЛЬНЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС: КТО ВИНОВАТ?

#### А. А. Головач, Н. В. Медведев

Сегодня глобальные проблемы у всех на слуху и наш мир стал более сложным. Как их решать, кто виноват в этом, и каковы будут последствия решения либо ухудшения глобальной проблемы, каковы будут прогнозы все это еще предстоит выяснить философам, экономистам, социологам. демографии, народонаселения интересовались Конфуций, Аристотель, Платон, Ф. Аквинский, Т. Мор, Ж.-Ж. Руссо, Т. Мальтус, К. Маркс, Ж. Кондорсэ, Д. Медоус, А. Смит, члены «Римского клуба» (международная организация, которая занимается исследование глобальных проблем современности и долгосрочными перспективами развития) и др.

Социальный кризис – это нарушение стабильного развития, определенное выражение общественных, культурных и экономических конфликтов. Социальный кризис – процесс быстрого обострения противоречий в обществе, увеличение критической массы конфликтов до такого предела, за которым следует разрыв социальных связей [1, с. 349]. Демографический кризис, как и другие виды кризисов, представляется нам в виде отдельных кризисов, например, таких как экономический, финансовый, антропологический, политический, правовой (проблема бесконфликтного развития мирового сообщества). Эти виды кризисов являются составляющими любого общества. В современной философской и социально-экономической ситуации вопросы демографии и эволюции господствующего В обшепланетарном человека биологического вида приобретают все более возрастающие масштабы. Вклад Т. Р. Мальтуса в виде идеи о том, что сегодня очевидным стал факт зависимости народонаселения и средств существования стал почти законом.

Нищета и голод охватывают все более широкие сегменты человечества, а оптимальная численность населения в ряде регионов мира явно превышена. Основное содержание демографического кризиса сегодня можно увидеть в следующих тенденциях: в развитых странах (страны Западной Европы) c прогрессивными изменениями, наблюдается демографический кризис, который характеризуется падением рождаемости, сокращением численности населения, старением населения. В странах Азии, Африки, Латинской Америки происходит заметный рост народонаселения. При этом развивающиеся страны имеют, как правило, низкий уровень экономики, которого было бы недостаточно, чтобы обеспечить свое население необхолимым продовольствием, материальными благами, работой, образованием. Возрастает нагрузка нетрудоспособного населения на трудоспособное. В странах третьего мира

проживает в 3 раза больше населения, чем в развитых.

Наиболее остро демографический кризис наблюдается в развивающихся странах, с низким уровнем социально-экономического развития. Во многих из подобных стран проводятся мероприятия по снижению рождаемости, однако, они не приносят больших успехов, т. к. населению присущ низкий уровень грамотности. Всему человечеству, всем государствам и ученым еще предстоит решать проблемы демографического кризиса через различные национальные программы, через планирование семьи, через социально-экономические реформы.

# Литература и источники

1. Бородуля, А. А. Онтологические основания социальных кризисов / А. А. Бородуля // Научные труды РИВШ. – 2019. – № 18. – С. 344–352.

# ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

С. С. Грак, И. В. Мятникова, Е. В. Сахарова

Прошедший 2020 год ознаменовался появлением и распространением в мире новой эпидемии коронавируса, которая кардинальным образом повлияла на все сферы жизнедеятельности человека. В повседневной жизни произошли изменения, которые требуют от индивидов и социальных групп изменений в ориентациях, установках, связанных с трудовой и потребительской деятельностью, а также ставит перед необходимостью выработки новых практик поведения.

Рассмотрим результаты исследования «Мнение населения Беларуси о COVID-19», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси. Методом телефонного опроса в апреле и ноябре 2020 года были опрошены по 600 респондентов в возрасте от 18 лет, проживающих в городских и сельских населенных пунктах Республики Беларусь.

Актуальность данного проекта заключается в необходимости изучения мер, которые используют жители республики для собственной безопасности и своих близких, что определяет их поведение в новых эпидемиологических условиях. Выбор тех или иных мер является одним из составляющих поведения. Сравнительный анализ данных позволит рассмотреть особенности поведения в условиях распространения СОVID-19.

По результатам апрельского опроса наиболее эффективными мерами в условиях распространения коронавируса считались отмена массовых мероприятий на территории страны (49,1%) и самоизоляция (41,4%). Это и отображается в поведении людей через соблюдение мер безопасности —

регулярное мытье рук и использование антисептика (88,8%), ограничение посещения торговых центров и досуговых мест (70,4%), редкие выходы из дома (60,3%).

Вместе с тем население страны рассматривает в качестве эффективных мер в условиях распространения коронавируса закрытие границ (32,7%), введение карантина на территории страны (28,8%) и закрытие досуговых мест (24,9%). Их соблюдение отображается в следующей поведенческой реакции — ограничение пользования общественным транспортом (56,6%), общения с пожилыми людьми (51,4%) и отмена поездок за границу (43,6%).

По прошествии 6 месяцев отношение (оценки) к противоковидным мерам несколько изменились. Следует отметить, что соблюдение санитарно-гигиенических норм получило одобрение у населения. Так, регулярное мытье рук и использование антисептических средств отметили свыше 95% опрошенных, а ношение медицинских масок в общественный местах — в два раза больше по сравнению с апрельским опросом. Соответственно, и поведение можно охарактеризовать как практикопрофилактическое, о чем свидетельствует принятие указанных выше мер (см. рис. 1).

Позиция «реже выхожу из дома» уменьшилась на 8,2%, но немного увеличилось число использующих доставку необходимых продуктов на дом. Но при возросшей роли соблюдения гигиенических норм поведение остается адаптированным к новым реалиям. Переход на удаленную работу немного снизился в своих показателях, но при этом ограничился вход посторонних на территорию предприятия (35,0% в апреле против 43,8% в ноябре) и организованы соблюдения санитарно-гигиенических мероприятий.

Многие противоковидные меры остались на «апрельских позициях», что говорит об их признании и соблюдении населением в условиях распространения COVID-19. Поведение принимает самосохранительный характер, адаптированное к сложившимся условиям.

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие меры Вы предпринимаете, чтобы обезопасить себя и своих близких в условиях распространения коронавируса?»



Таким образом следует отметить, поддержания что ДЛЯ адаптационно-поведенческих механизмов важным представляется необходимость соблюдения противоэпидемических мер населением (гигиена рук, соблюдение дистанции, ношение масок). В современных условиях необходим качественно новый тип адаптации социального субъекта с целью своевременного реагирования на потребности в поддержании «противоковидного поведения» населения.

Необходимо признавать и подтверждать новые социальноповеденческие нормы. Пробуя новое поведение, люди часто могут чувствовать себя немного неуверенно, как будто они единственные, кто поступает так. Важно помочь им и показать, что такая схема действий одобряема, и многие действуют так же. Если люди чувствуют, что есть и другие, кто ведет себя аналогично, они с большей вероятностью будут продолжать следовать новым поведенческим схемам.

Каждая страна должна внедрять всесторонний комплекс мер,

соответствующий ее возможностям и ситуации, чтобы замедлить передачу вируса. Сложившаяся ситуация заставила людей внимательнее относиться к своему здоровью и вопросам гигиены. Сейчас все чаще можно услышать мнение, что пандемия коронавируса навсегда изменит нашу жизнь. Проведение мониторинга изменения поведения создаст возможность для профилактической работы среди населения.

# МИФЫ И ИДЕОЛОГЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

# О. А. Гримов

Мы можем предложить примерную динамическую функционирования в общественном сознании (в разнообразных видах и форматах) мифов и идеологем о цифровых технологиях (общие контексты цифровизации и ее конкретные репликации проанализированы в источниках [1–4]). Общий цифровой дискурс как практика оценки, анализа и прогноза цифровизации располагается между двумя полярными координатами, которые условно соответствуют технооптимизму и технопессимизму. Данные полярные точки объединены принадлежностью к социальным практикам использования технологий и связанной с этим рефлексии (индивидуальной, институциональной). Сам цифровой дискурс распадается на ряд субдискурсивных пространств, в которых формируются определенные мифы и идеологемы, которые фактически сводятся к устойчивым оценочным конструкциям (комплексам), имеющим как эмоциональное, так инструментальное значение. При этом мифы больше тяготеют к неформальной, «контрсистемной» стороне цифрового дискурса, идеологемы - напротив, служат его официальным обеспечением и сопровождением. Иными словами, мифы и мифологемы относятся в основном к сфере индивидуальных потребительских практик и оценок, а идеологемы - к сфере властных отношений и практик управления в сфере цифровизации (на уровне политических сил, крупных технологических корпораций и т. д.); хотя границы между ними, как мы увидим далее, могут быть достаточно условными. Непосредственно мифы и идеологемы зависят от степени осведомленности о технологии, практического опыта ее применения, от общего уровня инновационности / традиционности социальной группы или общества в целом.

В цифровых субдискурсах формируются следующие виды мифов и илеологем:

1. политические (репликациями полярных координат технопессимизма и технооптимизма здесь является бинарная оппозиция «цифровой контроль – цифровая свобода»);

- 2. био-онтологические (бинарная оппозиция: «киборгизация, восстание машин цифровое бессмертие»);
- 3. метафизические, в том числе, духовно-религиозные, философские (бинарная оппозиция: «уничтожение человеческой субъектности улучшение человеческой природы»);
- 4. социальные и культурные (бинарная оппозиция: «деградация социальных связей и культурных институтов свобода социального и культурного творчества»);
- 5. психологические (бинарная оппозиция: «невроз, подавление сублимация, снятие напряжения»);
- 6. экологические (бинарная оппозиция: «техногенные катастрофы новое экомышление и экотехнологии»);
- 7. экономические (бинарная оппозиция: «неравенство и расслоение общество благосостояния»).

Очевидно, что «стержнем» данных субдискурсивных пространств и мифов / идеологем является обший акцент на всесторонней технологизации и акселерации различных сфер жизни. Следует отметить, что данный перечень является примерным и может быть дополнен; данные субдискурсивные пространства диффузны и могут порождать общие мифы и идеологемы (например, био-онтологические и метафизические). Принципиальным является то, что представленные в данной модели субдискурсивные пространства и их мифы / идеологемы позволяют осуществить кластеризацию основных групп рисков и перспектив развития цифровых технологий, а также особенностей их развития и применения. Важно также, что действительное существование артефактов и состояний, представленных в полярных координатах не всегда можно проследить эмпирически; многие из них являются лишь идеальными конструкциями. Опорные бинарные оппозиции субдискурсивных пространств задают потенциальный коридор – аффорданс (в том числе, темпоральный) практик говорения о рисках и перспективах, которые возникают в процессе применения соответствующих технологий. Следует предложенная модель не исчерпывает всего многообразия репрезентаций цифровой реальности в различных дискурсивных пространствах. Актуальным остается вопрос выработки полной классификации дискурсивных пространств опыта, форм репрезентации, которые должны сопрягаться с типами знания о «цифре», наличными социальными практиками и соответствующими темпоральными горизонтами; важной является проблема эмпирической верификации.

Представленная нами модель является попыткой обобщить данные проведенных исследований (анкетный опрос и анализ документов) и очертить контуры процессов развития и функционирования социальных мифов и идеологем как своего рода оценок, фиксирующих коллективное восприятие (в том числе, эмоциональное) артефактов и технологий

цифровизации в пространстве между двумя полярными координатами установок. Предложенные виды мифов и идеологем, а также диапазон возможных значений технопессимизма и технооптимизма формируют динамическую матрицу, каждое конкретное значение которой может отвечать определенной форме общественного сознания, содержание которой может изменяться со временем.

Темпоральные координаты цифровых технологий существенное влияние на практики их социального конструирования и дискурсивной репрезентации. Общая темпоральная конфигурация развития и акцепции цифровых технологий является сложной и определяется неравномерностью опыта вовлеченности в практики применения технологий. Как было установлено, содержание и форма манифеста технологического развития, а также его интуиции, надежды и опасения, определяются временем написания текста, накопленным цивилизационным опытом, степенью вовлеченности субъекта в практику применения технологий. При этом программные тексты могут как отражать реальность, так и перформативно производить ее. Темпоральность цифровых технологий особенно заметно проявляет себя в виде различных темпоральных конфигураций, присущих опыту взаимодействия индивида, социальной группы или общества в целом – с современными технологиями. Неравномерность распространения технологий, высокая стоимость их для отдельных групп населения, ряд возможных ограничений использования (институциональных, правовых), а также разный уровень технологической и инновационной культуры порождают сложные противоречивые сопиоментальные конструкции, которых ΜΟΓΥΤ сочетаться артефакты технологические социальные самых различных темпоральностей.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, проект № 19–18–00504.

## Литература и источники

- 1. Grimov, O. Social space of the informational technology development / O. Grimov // 3-rd International multidisciplinary scientific conferences on social sciences and arts (SGEM 2016). Book 3. Anthropology, archaeology, history and philosophy. Vol. 2. P. 841–848.
- 2. Асеева, И. А. Философские основания и методологические ресурсы новой парадигмы сложности / И. А. Асеева, А. В. Маякова // Философия и культура. 2015. № 8. С. 1117–1125.
- 3. Асеева, И. А. Аксиологические приоритеты VI технологического уклада / И. А. Асеева // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 124—137.
- 4. Гримов, О. А. Природа и специфика конструктивной активности субъекта в социальных сетях / О. А. Гримов, Г. Е. Корявко // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 3 (42), Ч. 2. С. 209–214.

#### КУЛЬТУРА В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ

## Е. В. Давлятова

Глобализация — это реальность нашего времени, меняющая привычный уклад жизни людей, культурные нормы, обычаи и нравы. Глобализационные процессы охватили все сферы жизни современного общества, в том числе и в культурной сфере, что привело к усилению межкультурных контактов на всех уровнях. Изменения в области культуры, связанные с интеграционными процессами, далеко неоднозначны.

В качестве положительных тенденций можно назвать широкий доступ к культурным ценностям других национальных культур, их взаимообогащение, возможность доступа к достижениям мировой культуры во всех уголках мира, качественное улучшение информационных потоков, средств связи и т. д.

К негативным последствиям глобализации можно отнести заметное ослабление влияния традиционных национальных культурно-исторических ценностей в обществе. Этому способствует распространение массовой потребительской психологии, для которой вычурность, безудержное потребление становятся главным критерием успеха в жизни. Происходит подмена традиционных норм человеческого общежития духовными суррогатами, размываются грани морального и аморального, разрываются связи с корневой системой Создаваемая СМИ информация о смыслах является не столько символической, сколько симулятивной. Прежние символы заменяются симулякрами, роль которых выполняют престижные вещи, поп-звезды, навязываемые рекламой. Обостряется стандартизации личности, ее обезличивания.

В условиях глобализации важным фактором человеческого бытия является информация. Следует учитывать, что она перестает быть ценностно-нейтральной, порой приходит на смену смыслу и ведет к обострению антропологических проблем. «В информационную эпоху все большее значение в жизни людей приобретают социальные сети. Социальная сеть является не только уникальным источником нужной информации, но и средством построения, организации и визуализации человеческих взаимоотношений» [1, с. 283]. Согласно отчету данных цифровых технологий, в январе 2021 года Интернетом пользовались 4,66 миллиарда человек, что на 316 миллионов больше, чем в прошлом году, а число пользователей социальных сетей на данный момент составляет 4,20 миллиарда человек, что составляет 53,6% населения всей планеты [2].

Иинформация и искусственный интеллект становится важным средством манипулирования сознанием людей. Технологии

искусственного интеллекта позволяют знать все о политиках, журналистах, учителях, общественных деятелях (включая их личную жизнь). Используя личные данные, можно изучить тип личности, ее политические взгляды, сексуальные предпочтения, слабости психики и т. д. С развитием и использованием новых технологий, возможность установления тотального контроля над личностью стало реальностью. Угрозу для общества и представляет сетевой психологический И распространение фейковых новостей, инсинуаций с целью дискредитации политики государства или отдельных политических лидеров. Такие технологии все чаще приводят к социальным конфликтам, являясь спусковым крючком так называемых «цветных» революций. «Снижение уровня образованности общества, которое наблюдается в последние десятилетия, является не меньшей, чем его социальное расслоение глобальной угрозой. Этот феномен обусловлен двумя основными факторами. Первый из них - это рост населения в странах с низким уровнем образования. Второй фактор – снижение качества образования в развитых странах» [3, с. 24].

Таким образом, современный человек меняется как интеллектуально, так и духовно, а узкопрофессиональный интеллект молодого специалиста может привести в будущем к новым социальным и политическим проблемам. Неосмотрительный отказ в процессе образования от культурных традиций, духовно-ценностных установок и мотиваций, решения экзистенциальных проблем чреват серьезными социальными деформациями.

Последствия глобализационных процессов привносят в современный мир новые риски, оказывающие как положительное, так и отрицательное воздействие на общество, при этом раскрывая и новые возможности. Необходимо научиться правильно, использовать их и корректировать в интересах всего общества. Эффективным ответом на возникшие гуманитарные вызовы и угрозы должна явиться фундаментализация поколения, образования подрастающего укрепление философскомировоззренческих духовно-нравственных И оснований воспитательного процесса, наполнение гуманистическим содержанием всей образовательной среды общества. Развитие науки, грамотное внедрение информационных технологий в образовательный процесс может дать позитивный результат при условии сохранения духовного потенциала общества, его моральных инвариантов. Анализ глобальных изменений и угроз развитию современной цивилизации должен носить комплексный характер.

Работа выполнена в рамках темы ГПНИ «Антропологические угрозы глобализирующегося мира и социокультурные средства их минимизации» (задание подпрограммы «Философия» 12.4.04).

#### Литература и источники

- 1. Слемнев, М. А. Молодежь в информационном обществе: антропологические угрозы и социокультурная защита / М. А. Слемнев // Материалы 72-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов. Витебск, 2020. С. 282–283.
- 2. Digital 2021: последние данные исследования We Are Social и Hootsuite [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mmr.ua/ show/ digital-2021-poslednie-dannye-issledovaniya-we-are-social-i-hootsuite. Дата доступа: 11.03.2021.
- 3. Колин, К. К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке / К. К. Колин // Стратегические приоритеты. 2014. № 1. С. 6–30.

# ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ

#### А. Н. Данилов

По прошествии четверти века «мир по-прежнему в поиске своего нового лица, контуры которого лишь фрагментарно проступают сквозь военные столкновения, передел территорий, борьбу за влияние и ресурсы» [1, с. 6]. В процессе глобализации возникает совершенно новый мир, речь идет о новом типе цивилизационного развития. Цивилизации и типы цивилизационного развития дазличаются, прежде всего, по системе ценностей, по тем жизненным смыслам, которые составляют духовную матрицу общества, по которым люди живут (это понимание человека, природы, деятельности человека, традиций и инноваций, личности, власти). В зависимости от того, как эти жизненные смыслы, понимания складываются в культуре, это становится программой, по которой люди осуществляют свою жизнедеятельность, поведение, общение.

Сам по себе процесс цивилизационного развития сложен, динамичен и многовариантен. Общество потребления, доминирующее ныне в мире, зачастую рассматривается в качестве единственно возможной перспективы современной цивилизации, а его идеалы и ценности представляются в качестве образца для подражания. Предполагается, что ценностные установки такого рода общества обладают целым рядом преимуществ перед всеми прочими социальными и культурными типами организации общественной открывают безграничные жизни И возможности экономического развития для тех регионов, которые их принимают. Все более очевидными становятся и проблемы, возникающие в ходе реализации ценностных установок потребительского общества. Вопрос лишь в том, являются ли эти проблемы преходящими сложностями в движении такого типа общества к торжеству во всемирном масштабе, или же они свидетельствуют о его исторической ограниченности и об отнюдь

не безусловной преемственности его ценностных установок? Последний вопрос тем более важен для обществ, где данный тип организации социально-экономической и культурной жизни не является органичным, и где возможны иные перспективы развития цивилизации.

В условиях глобальной нестабильности возникают связи и взаимодействия, которые фиксируют некую новую целостность. Здесь с методологической точки зрения важно зафиксировать, с каких позиций мы эту целостность будем рассматривать. Интересен сам механизм и мотивы выбора нового, роль в этом действе столкновения культур, конфликт ценностей, зарождение и укоренение новых жизненных смыслов. Поэтому так важно определить некоторые общие тенденции развития, чтобы разобраться: как все же рождается наше будущее и что выберет история на этот раз.

В многообразии новых вызовов, рисков, конфликтов, всевозможных трансформаций осуществляется выбор стратегии развития. «В истории человечества можно выделить два типа цивилизационного развития — традиционалистский и техногенный. Каждый из них включал в свой состав соответствующие виды цивилизаций, отличающиеся друг от друга видовой спецификой, но вместе с тем объединяемые общими типологическими признаками. В стандартной цивилизационной концепции акцент сделан на специфике различных видов цивилизации. Их различие определяют через особенности культурно-генетического кода, в соответствии с которым они воспроизводятся» [2, с. 7].

мир сегодня находится состоянии ценностной трансформации. В этой ситуации возникает вопрос: если идет процесс глобализации, то на какие ценности, какие жизненные смыслы сейчас ориентироваться? Есть ценности западного общества и то, как они реализованы в потребительских обществах западных (прежде всего, это Западная Европа, США), и есть остальной мир, где много, так сказать, «пережитков» или следов традиционалистских культур, которые по-своему были трансформированы в процессах модернизации. Кстати, эти процессы модернизации и есть перенос духовных матриц, прежде всего, западных обществ с заимствованием технологий и систем образования (через науку, технологию и систему образования) на традиционалистскую почву. В результате получился некий гибридный сплав развития.

В настоящее время практически нет традиционалистских обществ в чистом виде, все общества модернизированные. Поэтому среди современных техногенных обществ можно выделить общества двух типов: которые выросли на собственной основе (это Запад — Северная Америка, Канада, страны Западной Европы) и страны, которые ступили на этот путь, пройдя через эпоху модернизации и которые сохранили в себе следы традиционных культур и многие ценности этих культур. И вот сейчас возникает вопрос: как дальше идти? Как вступить в этот новый переход?

Сейчас Запад позиционирует себя так: есть традиция, есть история – берите наши идеи, наши ценности, живите по ним и вы будете жить материально благополучно, как и мы. Такая мысль устойчиво повторяется и воспроизводится в современных либеральных программах. Если бы речь шла об очередной модернизации, то, может быть, это так бы и было. Но дело в том, что сейчас техногенная цивилизация сама вступила в такую стадию развития, когда она вызвала глобальный кризис, с которым сама уже не справляется (это экологический кризис, это антропологический кризис). Этот кризис порождает массу других, более частных, кризисов: это и экономический, и финансовый кризис, и кризис культуры. Поэтому, речь идет о каком-то выборе новых стратегий развития. А если выбираются новые стратегии развития, то возникает вопрос, как можно положить в основу новой стратегии развития те ценности, которые привели к этим кризисам? Можно ли их дальше пролонгировать и будет ли это счастливый путь для человечества. Или же надо к ним критически отнестись? Тогда вопрос ставится так: на какой основе разные ценности мы будем сопрягать и вырабатывать новую ценностную базу для нового глобализующегося мира. Если сейчас все меняется, то какие тенденции у этого развития.

Конечно, сейчас нельзя сказать, какая будет новая система ценностей в новой цивилизации, она только зарождается. Есть только точки роста, которые ее могут обозначить хорошо, но выход к этим точкам роста может быть вовсе не на Западе, а, может быть, как раз в тех культурах, которые сохранили традиционную почву под воздействием модернизационных процессов. Эти ценности формируются через систему образования и науку.

Запад и Восток в настоящее время меняются местами по своим ценностям, по образу жизни, даже ментальности, копируют политические системы. Далеко не нужно ходить за примером, возьмем Китай — восточная культура. А сегодня она какая: западная или восточная? С точки зрения классических представлений о Западе и западных ценностях кажется, что это уже Запад. Политическая система трансформируется, экономическая система достаточно либеральна. Тот традиционализм культуры, который был свойственен китайской цивилизации — сегодня это перманентная модернизация и технологизация жизни.

Современный тип цивилизационного развития противоположен традиционному доиндустриальному типу развития общества в том смысле, что те типы общества были не виртуального характера. Человек, культура, сознание человека работало с реальными вещами. Сегодня сознание окунулось в мир виртуальных отношений. Мы делаем ставку на интеллектуальные технологии, знание, информацию. Это феномены хорошие, но это феномены нематериального плана. Сознание теряет привычные границы верификации, связанные с предыдущими эпохами, когда человек мог верифицировать условия поведения и свои ценностные

идеалы. А современный мир – мир виртуальных отношений. Он тоже вносит явные изменения, трансформацию ценностного сознания, мышления человека.

### Литература и источники

- 1. Данилов, А. Н. Новые геополитические реалии будущей цивилизации / А. Н. Данилов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 4—12.
- 2. Степин, В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития / В. С. Степин // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 3. С. 6–11.

# ПЕРСПЕКТИВЫ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В XXI ВЕКЕ: ОТ КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ К РЕЛИКТАМ В МИРЕ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

## С. В. Донских

Получивший широкое распространение на рубеже XX-XXI вв. в отечественной философской мысли и социально-гуманитарных науках цивилизационный подход по-прежнему привлекает внимание белорусских мыслителей и ученых. В тоже время ряд известных философов скептически воспринимали продуктивность цивилизационной парадигмы для осмысления социально-культурных реалий XXI века. В частности, В. С. Степин отмечал, что вести речь об уникальных в культурноисторическом плане локальных цивилизациях можно лишь относительно традиционного общества. Для индустриального или современного общества речь может идти только об одной техногенной цивилизации. Неразрывно связанные с традиционными обществами цивилизации зиждутся на уникальных механизмах адаптации к различным природно-климатическим социально-историческим И условиям. Техногенная цивилизация фундирована все более высокотехнологичными механизмами преобразования как природного, так и социального неизбежно окружения. Поэтому техногенная шивилизация интегрирует трансформирует, или ассимилирует Bce локальные цивилизации, которые история сохранила к XIX-XX вв. [1, с. 68-79].

В. С. Степин скептически относился к отождествлению глобальной техногенной цивилизации с западной цивилизацией. Философ отмечал, что понятие «западная цивилизация» указывает лишь на регион ее возникновения, а стремительная динамика техногенной цивилизации преобразует западную цивилизацию в не меньшей степени, чем предшествующие ей локальные цивилизации [1, с. 71]. В данном контексте В. С. Степин принципиально разошелся в выводах и оценках с известным мыслителем А. А. Зиновьевым, который утверждал, что в современном

глобальном обществе или «сверхобществе» осталась только западная цивилизация, которая подавила всех своих конкурентов и устранила альтернативные «точки роста» для других цивилизаций [2, с. 431]. Современная западная общественно-политическая мысль зафиксировала этот факт в лапидарной форме «The West over the rest».

Основные тенденции социально-экономического развития мировой цивилизации после кризисного 2009 г. подтвердили правоту В. С. Степина. С одной стороны, магистральной линией преодоления кризиса признается форсирование научно-технического прогресса в форме Четвертой промышленной революции. С другой стороны, технологическое и экономическое первенство в глобальном мире единой техногенной цивилизации постепенно переходит от США к Китаю. Уникальность китайской цивилизации столь очевидна, что в отличие от Японии или Южной Кореи второй половины XX в. применительно к Китаю невозможно говорить о вестернизации и рецепции западных ценностей и социокультурных норм.

Однако идеи А. А. Зиновьева заслуживают внимания не только как экспликация «западнизма» как идеологической позиции, но также с точки зрения глубокого понимания современных цивилизационных процессов. Локальные цивилизации традиционного общества можно охарактеризовать как большие культурно-исторические традиции с претензией на универсализм. С точки зрения уровня технологического развития традиционного общества, это была неподъемная задача для локальных цивилизаций, что, в конечном итоге и предопределило их временную ограниченность. Однако в мировоззренческом плане некоторые локальные цивилизации дали начало современным мировым религиям: буддизму, христианству и исламу. Тем самым они частично реализовали заложенную в каждой цивилизации интенцию к универсальности.

Любая цивилизация, как традиционного, так и техногенного типа — это сложная исторически развивающаяся социально-культурная система. Помимо особенностей материальной культуры, в первую очередь уровня технологического развития, она в обязательном порядке будет иметь ярко выраженные этнокультурные особенности. Приобщение к благам и достижениям античной цивилизации было возможным лишь через эллинизацию или романизацию. Интегрируя и трансформируя локальные цивилизации в единый глобальный мир, техногенная цивилизация неизбежно сталкивается с аналогичными проблемами. Поэтому бизнескультура, интеллектуальная и политическая культуры современной техногенный цивилизации стремительно вестернизируются по т. н. «англосаксонской модели», а сферы ІТ и прикладных наук в принципе не знают другого языка, кроме английского.

Прочие сферы социокультурной жизни не уничтожаются. Как проницательно заметил немецкий философ Г. Люббе, они становятся

реликтами. Чем быстрее темпы развития техногенной цивилизации — тем больше мир реликтов, не физически изношенных, но морально устаревших вещей, орудий труда, технологий и даже идей [3, с. 406—407]. Локальные цивилизации традиционного общества вытесняются в сферу досуга, становятся объектом праздного интереса и свободного времяпровождения. Техногенная цивилизация осуществляет тотальную музеефикацию всего и вся. Вплоть до музеев пыток и утюгов. При этом все цивилизационное и культурное разнообразие человечества трансформируется в аттракцион: от тематических парков и клубов исторической реконструкции до компьютерных игр. В идеале, техногенная цивилизация претендует на то, чтобы сохранить и восстановить все локальные цивилизации. Платой за это благодеяние является статус реликтов, который локальные цивилизации получают в мире техногенной цивилизации.

### Литература и источники

- 1. Степин, В. С. Философская антропология и философия культуры / В. С. Степин. М.: Альма Матер, 2015. 532 с.
- 2. Зиновьев, А. А. Глобальный человейник / А. А. Зиновьев. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006.-448 с.
- 3. Люббе,  $\Gamma$ . В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем /  $\Gamma$ . Люббе // Пер. с нем.; под ред. В. Куренного. М.: Высшая школа экономики, 2019.-456 с.

# СОЦИАЛЬНО-ЭМОТИВНЫЕ НАВЫКИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ XXI ВЕКА

#### И. П. Жоголь-Лабзеева

Социально-эмотивные навыки наряду с когнитивными навыками рассматриваются как результат образования, служащий основой формирования и развития креативной экономики, являются важным фактором социальной адаптации и достижения успеха в современных условиях. Инновационный потенциал общества в этом контексте неразрывно связан с образовательными результатами выпускников в сфере личностного развития: креативностью, эмоциональным интеллектом, умением работать в команде, сформированностью критического мышления и другими умениями, навыками, качествами, образующими ключевые компетенции XXI века.

Выделяются такие социально-эмотивные навыки, как открытость опыту, добросовестность / настойчивость, экстраверсия, приятность в обхождении, эмоциональная стабильность, умение справляться со стрессовыми ситуациями, возникающими в ходе коммуникации, способность устанавливать надежные отношения с другими людьми,

умение использовать свой эмоциональный опыт при принятии решений и др. [1; 2].

Социально-эмотивные навыки являются непосредственным отражением эмоционального интеллекта личности, который включает в себя способность понимать свои эмоции и эмоции других людей, а также управлять ими.

Умение управлять имкипоме многом во определяет способствует формированию коммуникативную культуру личности, самомотивации и способности сдерживать импульсивное поведение. Данные умения, навыки играют важную роль в процессе обучения и в других сферах деятельности, определяющих социальную адаптацию и социализацию личности. Отсутствие самоконтроля при выражении своих эмоций или их постоянное сдерживание не являются благоприятными по своим последствиям, могут вызывать психосоматические заболевания проблемы социального характера (девиантное конфликты с окружающими и др.).

необходимости умения управлять своими значимым показателем эмоционального интеллекта является способность осознавать и понимать свои эмоции, а также эмоциональные состояния других людей. Недостаточно сформированные умения идентифицировать свои эмоции и адекватно их выражать могут способствовать проявлению склонности к насилию и деструктивному поведению. В качестве основных психологических факторов развития эмоционального рассматриваются: развитие саморефлексии, эмпатии как способности сопереживать другому человеку, правильно распознавая эмоциональное состояние, синтония (инстинктивное созвучие окружающих), способность заражаться настроением наличие определенных эмоциональных знаний и навыков, ощущение своей эмоциональной компетентности, внешний локус контроля. Важным условием гармоничного эмоционального развития человека также является адекватное самовосприятие и самопринятие [3].

Изучению вопросов формирования эмоционального интеллекта и социально-эмотивных навыков учащихся было посвящено исследование, которое проводилось в 2020 / 2021 учебном году в ходе республиканского мониторинга качества образования в рамках направления «личностное развитие учащихся». В качестве диагностического инструментария использовался тест (опросник) «ЭмИн» Д. Люсина, а также анкеты для учащихся IX, XI классов и их родителей. В исследовании приняли участие 1497 учащихся и 1307 родителей учащихся.

Результаты тестирования показали, что у большинства учащихся выявлен средний (37,3%) или высокий (24,9%) общий уровень эмоционального интеллекта. Очень высокое значение по данному показателю продемонстрировали 17,0% участников исследования, низкое и

очень низкое – у 12,4% и 8,4% соответственно.

По шкале «управление эмоциями» высокие и очень высокие значения зафиксированы примерно у половины опрошенных (47,6%), а по шкале «понимание эмоций» — у 28,9%. Данные цифры свидетельствуют о том, что в старшем подростковом возрасте у учащихся развиваются способности сдерживать, контролировать свои эмоции, взаимодействовать с другими людьми. Но они все же еще не всегда хорошо понимают сами себя и других, умеют анализировать причины тех или иных эмоциональных состояний. У учащихся может вызывать сложности распознавание и вербализация своих эмоций. Недостаток понимания и адекватных способов выражения эмоций часто является причиной внутренней дисгармонии, эмоционального напряжения и конфликтов в отношениях с окружающими.

Как показало проведенное анкетирование, учащиеся не всегда обладают соответствующими социально-эмотивными навыками. Несмотря на то, что более половины опрошенных (53,2%) считают, что у них сформировано умение понимать и распознавать собственные эмоции, только около трети участников исследования (36,0%) по результатам теста имеют высокие и очень высокие значения эмоционального интеллекта по данной шкале.

О сформированности у учащихся эмоционального интеллекта также свидетельствуют следующие ответы, полученные в ходе анкетирования: «Я принимаю себя таким, какой есть» (60,9%), «Я стараюсь, чтобы мои слова не ранили чувства других людей» (59,9%), «Прежде, чем обвинять других, я пытаюсь понять, почему они так поступили» (51,3%), «Если я чувствую непонятное раздражение, тревогу или подавленность, я пытаюсь проанализировать, что их могло вызвать» (50,1%).

Подобные особенности поведения, внутреннего состояния характерны для тех, кто обладает развитым эмоциональным интеллектом. К числу таких признаков также относится умение прощать других людей, способность сопереживать, представлять, что один человек может испытывать на месте другого, заражаться его эмоциональным состоянием. По результатам анкетирования около 30% учащихся считают, что у них достаточно выражены данные способности.

По мнению психологов, синтоничность формируется и развивается в детском возрасте, и чаще всего этому может препятствовать гиперопека со стороны родителей и переоценка ими способностей своего ребенка. Это также является причиной формирования эгоцентризма и завышенной самооценки. При этом отмечается, что те, у кого самооценка завышена, склонны к проявлению жестокости чаще, чем люди с заниженной самооценкой [3; 4].

О степени развития эмоционального интеллекта свидетельствует интерес к внутреннему миру, эмоциональным переживаниям других

людей. В ходе анкетирования 42,0% опрошенных выразили согласие с утверждением «мне интересно анализировать эмоциональные состояния и причины поступков других людей»; около трети (34,7%) ответили «скорее да, чем нет». Варианты ответов «скорее нет, чем да» и «нет» указали соответственно 18,9% и 4,4% респондентов.

Аналогичные ответы были получены относительно такого показателя, как способность легко устанавливать контакты с другими людьми, которое является важным коммуникативным умением. Проведенный корреляционный анализ выявил наличие статистически значимой связи между показателями «общий уровень эмоционального интеллекта» и «умение устанавливать контакты».

По результатам анкетирования большинство учащихся знают, как: контролировать свои эмоциональные реакции (72,5%), правильно вести себя в конфликтных ситуациях (73,8%), правильно реагировать на троллинг, буллинг со стороны других учащихся (74,1%), производить благоприятное впечатление на других людей (71,8%), говорить «нет» другим людям, если это необходимо (67,3%).

При этом более половины опрошенных (56,9%) испытывают недостаток информации относительно того, как эффективно справляться с кризисными ситуациями. Около 40% не всегда знают, как справиться со страхом перед испытаниями (экзаменами, конкурсами и др.), публичными выступлениями, унынием, разочарованием, как замотивировать себя чтото делать, когда одолевает лень и апатия. У некоторых (7,4%) ситуации экзамена, публичного выступления вызывают очень сильную тревожность, и они не владеют способами преодоления этих состояний.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что изучаемая проблема является достаточно актуальной для современного белорусского общества, требует своего дальнейшего изучения, разработки необходимых управленческих решений и практических рекомендаций по совершенствованию образовательного процесса в учреждениях общего среднего образования в целях развития социально-эмотивных навыков учащихся, более эффективной подготовки к жизни в современном обществе.

### Литература и источники

- 1. Кинг, Э. Интеллект, индивидуальность и креативность: высвобождение силы интеллекта и личностных качеств для создания креативной и инновационной экономики / Э. Кинг, Р. Хэсли. Всемирный банк, 2015.
- 2. Валуева, Е. А. Оценка эффективности программ развития эмоциональных способностей школьников / Е. А. Валуева, Е. М. Лаптева, В. В. Овсянникова // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7, № 2. С. 70–79.
- 3. Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии / И. Н. Андреева. Новополоцк: ПГУ, 2011. 388 с.

4. Bushman, B. J. Threatened egoism, narcissism, self-esteem, and directed and displased aggression: Does self-love or self-hate lead to violence / B. J. Bushman, R. F. Baumeister // Aggress. Behav. (Abstr. 13th World Meating of International Society for Research on Aggression, Manwah, N. Y., 1999). − 1999. − Vol. 25, № 1. − P. 17.

# ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ОТНОШЕНИЯ ЕДИНСТВА И РАЗНООБРАЗИЯ

# В. И. Жук

Отношения между участниками международных отношений строятся не только по вертикали, но и по горизонтали, за счет их диверсификации. Децентрализация международных отношений, уменьшение «государственноцентризма» сопровождается негосударственных агентов. Эти процессы, глобализацией и регионализацией, не исключают, но взаимодополняют друг друга. Глобализация вместе с транснационализацией усилили пространственно-временных взаимозависимость, изменив размер параметров и одновременно усилили зависимость между «центром» и «периферией».

Отражая глобальные реалии после холодной войны, категориальный аппарат науки о международных отношениях также претерпел изменения. более соответствующие новым обстоятельствам. Новым содержанием понятия «политика», «международная «международный порядок» на том основании, что реальные отношения вышли за рамки строго «центристского государства», а понятие «полюс» уже не связано исключительно с геополитическим измерением, а демонстрирует принадлежность К геоэкономическому Структурные связи основных факторов разворачиваются горизонтально, а в их основании лежит принцип баланса сил, с учетом относительной иерархии, которая проявляется вертикально в отношениях между центром и периферией.

Глобализация оказывается необратимым явлением и выражением единства мира, а регионализация — определяющий фактор занятости и достижения многостороннего сотрудничества, в том числе на трансграничном уровне. Глобализация и регионализация — это общие отношения единства и разнообразия, они не находятся в антагонистических конфликтных отношениях.

Процессы глобализации и регионализации вместе с формированием единственной наднациональной структурой, порождающие международные правительственные организации и транснациональные корпорации, составляют детерминанты, влияющие на эрозию

территориального суверенитета, но это не приводит к исчезновению государства как института, наоборот, приспосабливаясь к новым реалиям, оно остается важным и активным агентом. Сосуществование и сотрудничество институциональных систем разного уровня и структурнофункционального характера, образующих сложную сеть симметричных и асимметричных взаимодействий, несомненно, определяют международные реалии в ближайшей и средней перспективе, влияют на возможные траектории геополитического развития.

В этом смысле это полностью оправданное разделение на международном и транснациональном уровне, но при этом процессы пересекаются, образуя конгломерат с асимметричный структурой и с многочисленными иерархиями. Государство — не единственный международный игрок, на мировой арене консолидированы негосударственные агенты, доля которых имеет международный рост.

Повышение роли экономики знаний и технологий формирует порядок, обеспечивающий увеличение веса геоэкономического фактора по сравнению с геополитическим. Эта тенденция усиливается участием в процессах многостороннего торгово-экономического сотрудничества. Но нельзя недооценивать роль военного фактора в международных отношениях, которая подтверждается в многочисленных интервенциях, организованных и осуществленных, как правило, в коалициях. Регулирование международных отношений осуществляется с использованием принципов и норм международного гуманитарного права, применяемых целью оправдать военное вмешательство многонациональных коалиций.

При глобальной иерархии управление мировым порядком обеспечивается основными игроками в контексте секторальной гегемонии. Оно осуществляется не только государствами, но особенно торгово-экономическими ассоциациями. Отмечая роль транснациональных корпораций и мировых финансовых рынков, надо иметь ввиду, что первые занимают только определенные сегменты экономики, а влияние последней действительно имеет глобальные масштабы.

Обеспечение международной безопасности и миротворчество продолжают быть причиной военно-политических союзов, поэтому роль военно-политического фактора не потеряла своей актуальности.

# КИТАЙСКАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО РЕЙТИНГА: НОВЫЕ ФОРМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ИГРА

К. А. Королева, В. А. Игнатенко

Система социального рейтинга, будучи одновременно технологической и социальной инновацией, претендует на интеграцию

различных сферы жизни. В этом плане она затрагивает сферу приватности и фактически лишает человека анонимности, хотя в ее основу заложена идея всеобщего блага.

Единый информационный центр анализирует 160 тысяч различных параметров из 142 учреждений. Главная задача проекта, состоит в том, чтобы закрепить права граждан, достойных доверия, и напротив, лишить прав тех, кто его не заслужил. Так «система социального кредита направлена на гармонизацию общественных отношений, на повышение динамической стабильности общества и государства. Важно, для традиционной китайской философии и формальное признание статуса. Система социального кредита позволяет, в том числе, точно указать на социальный статус человека или предприятия» [2].

Назначением китайской программы является переконфигурация социальных запретов и поощрений, основанием для которых является доверие в его экономическом значении. В данном случаете предполагается полный контроль, учет и неотвратимость последствий.

Важным элементом рейтинга является его интегрированность с социальными сетями и пользовательскими сервисами, что делает данные гражданина публично доступным достоянием, дополнительно стимулируя его к набору баллов – для демонстрации своей благонадежности окружению, и в порядке конкуренции. «Следовательно, в рамках такой геймификации доверия онжом было гиперконкурентоспособности между гражданами за получение наивысших возможных баллов. Примечательно, что только будучи подключенными к сети, люди будут проверяться на предмет их активности и получать соответствующие баллы в агрегированной форме. По мере того, как жизнь потребителей все теснее переплетается с Интернетом для получения основных необходимых услуг, вряд ли будет существовать какая-либо возможность отказаться от этой рейтинговой системы» [1]. Подобная рационализация социальных отношений является следствием того типа мышления, который Герберт Маркузе характеризовал как технологическая Ее посылки инструментальность рациональность. сортировка, упорядочивания и контролирование природных сил. В качестве следствия установления такого типа мышления выступает последующая инструментализация межчеловеческих отношений. В данном случае технологическая и социальная инновации являются одним и тем же явлением.

При этом, вполне может быть, что этот опыт для сознания жителей травматичен, чем европейцев. «Отличительная ДЛЯ особенность логики Древнего теоретико-игровая Китая это концептуализация стратегемной ориентированности менталитета, что предопределило очевидный приоритет когнитивной эффективности над само собой разумеющееся формальной правильностью.

Наибольшей стратегической привлекательностью обладало именно дедуктивное рассуждение, понимаемое как рациональное основание безошибочного прогноза относительно исхода той или иной антагонистической игры. Ключевым допущением оказывается здесь условие детерминировости игры, т. е. существование выигрышной стратегии для одного из ее игроков (либо для A, либо Б), что позволяет гарантированно предсказать выигрыш / проигрыш каждого из них» [3].

Система социального рейтинга претендует на коренную реорганизацию социального. Но организация подобного рода систем является закономерным следствием развития технологического типа рациональности, сохраняя и интенсифицируя родовые для него качества, в том числе противоречия и риски.

### Литература и источники

- 1. Ramadan, Z. The gamification of trust: the case of China's "social credit" / Z. Ramadan // Marketing Intelligence & Planning. 2018.
- 2. Галиуллина, С. Д. Система социального кредитования в Китае как элемент цифрового будущего / С. Д. Галиуллина [и др.] // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. -2018. -№ 4 (26). C. 114–121.
- 3. Крушинский, А. А. Логика Древнего Китая / А. А. Крушинский // Философский журнал. М.: ИФ РАН, 2016. Т. 9, № 4. С. 111–127.

# АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ: ПОСТАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

#### Е Б Ильянович

# Проблема человека в современной философии

Проблема человека стала одной из концептуальных доминант нашего времени. Технологическое развитие современной цивилизации, справедливо именуемой техногенной, не имеет антропологического смысла, и не будет иметь необходимого социального эффекта без активизации рационального, духовного потенциала человека. Такого потенциала, который устоит под воздействием глобальных вызовов и предложит действенные инструменты для соответствующего ответа и преодоления последних. Одной из таких масштабных угроз является вызов ускоряющейся технологизации и цифровизации жизни. Вступление в эру Шестого техноуклада, который несет в себе Четвертая промышленная революция [1, с. 12], по-новому проблематизирует бытие человека в мире.

Для философии, которая зрит в вечность, важно, несомненно, каков человек вообще, какова его родовая сущность? Он концептуализируется в философской мысли как фундаментальная проблема. Но не менее важным

в эпоху сверхскоростных технологий и глобальных трансформаций является и то, каков человек сегодня, каким он будет завтра? Как он себя ощущает в этом мире? Изменится ли природа человека под воздействием высоких технологий, и кем он станет? Утратит ли антропологические характеристики, или сохранит их в новом виде? Эти вопросы составляют ядро проблемного поля философской антропологии как современной дисциплины, как раздела философии. Сегодня философская антропология рефлексирует не только над сущностью человека, т. е. его неизменными характеристиками, но и над его мироотношением (в том числе, – в быстроменяющейся реальности), которое предстает в экзистенциальных характеристиках.

философии В современной начинает набирать обороты постантропологический дискурс, который складывается на футурологических и трансгуманистических идей, возникающих на фоне развертывания конвергентных НБИКС-технологий и киберфизических систем Индустрии 4.0 как ведущих инструментов промышленной революции грядущего Шестого технологического уклада. основные положения трансгуманистов, предлагающих собственный сценарий человеческого будущего.

Трансгуманистическая эволюция и антропологические перспективы 4.0

Ключевая идея трансгуманизма – направляемая современными научными достижениями и технологическими средствами эволюция человека в постчеловека через промежуточную форму – трансчеловека. По сути, они ведут разговор о цифровом «апгрейде» человека. Отбрасывая экзистенциальные характеристики человека, биологизируя его сущность, и, вместе с тем, отталкиваясь от «несовершенства биологической природы» человека, они предлагают коренным образом изменить ее и грядущую реальность, реальность совершенства. Трансгуманисты создают собственную антропологию. Она выстраивается на основе двух ключевых понятий – трансчеловек и постчеловек. Трансчеловек – это переходная форма бытия, обладающая как привычными для человека характеристиками, так и постчеловеческими качествами. Постчеловек будет представлять уже новый вид, венчающий антропологическую эволюцию как сверхразвитое на рациональном и биологическом уровнях существо. Как пишет один из ведущих идеологов трансгуманизма Ник Бостром, постчеловек - это «...потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком» [2]. Подобная антропологическая трактовка вызывает много вопросов и побуждает к рефлексии, равно как и сценарий будущего. Вместе они не могут не вызывать беспокойства у философов, так как таят в себе угрозу разрушения человеческой целостности, если не природы. Во всяком случае - в теоретическом плане. Постантропологическую трансформацию

предполагается осуществить на научно-технологической Трансгуманизм опирается на последние достижения и результаты НБИКСконвергентных технологий, учитывает важнейшие глобальные социальные и экономические трансформации нового технологического выстраивает свою концепцию «совершенствования человека» в тренде Четвертой промышленной революции, но, по сути, технологизирует и цифровизирует человека до предела. Постчеловек, трансгуманизма, будет жить в искусственной реальности – цифровой, виртуальной реальности, целостный человеческий где раскрывающийся комплексе сущностных экзистенциальных характеристик, невозможен. Невозможен, потому, что трансгуманистической допускается модели самостоятельное существование сознания, отделенного от тела, либо не имеющего его вовсе. В этой модели человека нет места сфере ценностей, норм и смыслов, а есть саморазвивающийся Искусственный интеллект, который если и имеет нечто общее с разумом, то не рефлексивным, и уж тем более не духовно-, или социально-ориентированным.

Как утверждает современный философ, специалист по исследованию трансгуманизма, В. А. Кутырев, понятие постчеловека стоит в одном ряду с уже распространенными понятиями из разряда «пост», например «...постмодернизм, постистория, постхристианство, постискусство» [3, с. 99], в основе которых лежит идея о глубинном перерождении человека, его замены чем-то принципиально новым, иным, сначала как функции, а потом — как субстрата, материала.

Само по себе антропологическое моделирование — вопрос, проблематизирующий бытие современного человека с новой силой. Вопрос, ставящий человечество в пограничную ситуацию. К чему может привести всецелая, неуправляемая технологизация человеческой жизни, догадаться не трудно. И подобные перспективы не взывают восторга у рефлексивно мыслящих людей. Другой вопрос заключается в том, что технологическую революцию не остановить. Индустрия 4.0 будет завоевывать не только сферу производства в глобальном масштабе, но и все сферы жизни человека. Данное обстоятельство заставляет задуматься над усилением роли гуманитарных технологий в этом процессе, чтобы человек смог стать в нем не объектом, а субъектом — т. е. управлять инновациями, а не быть функцией или фактором технологического развития (лишь «человеческим фактором»). Иначе, человек шестого технологического уклада либо переродится в иную форму жизни, либо исчезнет вовсе

# Литература и источники

1. Шваб, К. Технологии Четвертой промышленной революции / Клаус Шваб, Николас Дэвис. – М: Эксмо, 2018. – 320 с.

- 2. Бостром, Н. FAQ по трансгуманизму / Ник Бостром [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/ book/ bostrom\_nik/ faq\_po\_transgumanizmu.html. Дата доступа: 10.03.2021.
- 3. Кутырев, В. А. Последнее целование. Человек как традиция / В. А. Кутырев. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с.

# ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НА ПУТИ К НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В. А. Иноземцев, М. Л. Ивлева, В. Ю. Ивлев

Развитие современной техногенной цивилизации, в которой в результате стремительных изменений в сфере высоких технологий цифровизации, актуализируются процессы требует должного представителями философского осмысления научного сообщества. Синергетический рост цифровых технологий, включающих большие данные, искусственный интеллект, нейроморфные вычисления, технологии компьютерного зрения, виртуальную реальность, интерфейсы «мозг компьютер», интернет вещей многие другие современные И инновационные разработки, порождает вызовы цифрового мира. Это приводит к пониманию формирующегося цифрового общества как новой социальной реальности, которая качественно предполагает формирование и потребление цифровых ресурсов во всех системах жизнедеятельности социума посредством цифровых технологий.

Исследование процессов цифровизации позволяет приступить к выявлению основополагающих тенденций формирования социальной реальности. Распространение цифровых технологий характеризуется их всепроникающим характером. В связи с этим, большинство развитых стран рассматривают как одну из важнейших задач государственной политики задачу разработки программ цифровых технологий. Данное обстоятельство вызывается тем, что от разработки реализации этих программ зависит технологический, но И социальный прогресс, экономическая конкурентоспособность страны в целом, ее место в мировой экономике, способность развивать демократические институты и многие другие параметры. В такой ситуации определяющими становятся не только последствия внедрения цифровых технологий, но и те принципиально новые возможности, которые появляются в обществе.

Большинство специалистов, изучающих процессы цифровизации, обращают внимание на то, что цифровая трансформация социума является жизненно важным стимулом его развития, приводя к увеличению мобильности человека. При этом адаптационные возможности личности не совпадают с взрывоопасным ростом цифровых и иных современных

технологий, порождая множественные психологические риски. Вхождение человека в глобальное цифровое общество влечет за собой трансформацию не только форм и содержания его жизнедеятельности, но и социальных отношений, формированию новой социальной реальности.

Наряду с позитивными тенденциями формирования новой социальной реальности, которые обусловливаются спецификой цифрового общества, о которых сказано уже достаточно много и выявление которых показывает, что технико-технологические достижения, основанные на рациональном познании, существенно изменяют облик современного техногенного мира, необходимо отметить и негативные тенденции, присущие новой социальной реальности. Так, процессы цифровизации как объективные и неизбежные порождают одну из наиболее значимых угроз, в виде перспективы массовой безработицы. Сокращению при этом в первую очередь подвергнется средний класс, поскольку именно их рабочие места будут замещаться роботами.

Негативные тенденции особенно наглядно всплывают, во-первых, в связи с обсуждением проблемы взаимоотношения процессов цифровизации и процессов духовной жизни общества. Во-вторых, они обнаруживаются при обсуждении политических процессов, происходящих в развитых странах западной цивилизации. Первая негативная тенденция формирования новой социальной реальности состоит в противоречии между интенсивными технико-технологическими информационными процессами, активизацией массовой и интраперсональной коммуникацией, с одной стороны, и нравственными ценностями общества и духовными потребностями человека, с другой.

Приоритет технико-технологических изменений и экстраполяция науки сферы жизнедеятельности общества способствует распространению технологической рациональности, которая оказывает регрессивное воздействие на нравственные, эстетические, познавательные и другие ориентации человека. Усовершенствование коммуникаций, появление электронной демократии и новых форм занятости кроме позитивных процессов несут с собой определенную угрозу, создание так называемых «черных дыр» цифрового общества. К ним относятся шифровом обществе проблемы безработицы нерешенные обездоленности, неравенства между людьми, имеющими доступ к информации и не имеющими к ней доступа, проблемы национализма, доминирования религиозных и единовластных структур власти. Под влиянием цифровых технологий перестраивается вся система отношений человека с материальным миром. Данные процессы позволяют утверждать, что духовное обнищание человечества заключается в катастрофическом отставании духовности от экономического и технико-технологического прогресса современной техногенной цивилизации. Можно сказать, что цифровое общество трансформируется в общество, лишенное гуманности,

в котором происходит разрушение самой человеческой природы.

Процессы духовной жизни социума в период становления и развития требуют от представителей общества интеллигенции новых мировоззренческих ориентиров, поиска сплачивающих различные слои населения, определяющих их ценностные ориентации, моральные нормы. Обсуждению этих проблем в настоящее время посвящается множество научных конференций, диспутов дискуссий, на которых рассматриваются проблемы, связанные предупреждением дальнейшей дегуманизации общества, обузданием негативных последствий научно-технических достижений, выдвигаются идеи перспективности гуманистической ориентации. Общество является гуманистическим настолько, насколько ценится в нем отдельно взятый человек. Именно эта идея должна использоваться в качестве важнейшего критерия развития цифрового общества. Поддержание идеи построения гуманистического предполагает общества распространение миролюбия, переключение огромных военных расходов на социальное социальные программы. Развитые страны предоставлять развивающимся странам различные экономические, культурные и социальные льготы и меры безопасности. Также возникает необходимость в установлении нормативов этических ценностей.

Следующая негативная тенденция формирования новой социальной реальности связана преимущественно с политическими процессами, происходящими в последние десятилетия в развитых странах западной цивилизации. Именно в этих развитых странах, в которых уже сформировалось цифровое общество, особенно острой становится проблема гражданского общества в новых исторических условиях. Ряд западных исследователей (3. Бауман, У. Бек, Ж. Бодрийар и многие другие) пишут о глубоком кризисе, переживаемом гражданским обществом в тех развитых странах западной цивилизации, которые послужили его колыбелью.

Рассмотренные негативные формирования тенденции социальной реальности и анализирующие их теоретические концепции цифрового общества следует дополнить еще одним положением. В этом обществе в характерных для него условиях утраты личностной размывания традиционных социальных идентичности, трансформации привычных социальных институтов, повышения степени рисков, у людей возникает мотивация к восстановлению привычных форм жизни или замене их альтернативными формами, а главное - готовность развивать необходимую для этого деятельность. Констатируя утрату идентичности, нельзя игнорировать тот факт, что далеко не все готовы с ней смириться. Попытки восстановить утраченную идентичность или обрести новую идентичность в изменившихся социальных условиях могут принимать организованную форму социальных движений, попыток

создания социальных сетей, других форм взаимодействия индивидов.

Социальная реальность, в том числе и новая, формирующаяся в условиях цифрового общества, является единой, включающей материальные, политические и духовные процессы. Поэтому многие современные исследователи небезосновательно считают, что подход, который основан на разделении экономики, политики и культуры, является скорее догмой либеральной идеологии, чем отражением реальных механизмов функционирования современного техногенного мира.

Исследование выполнено при финансовой поддержке  $P\Phi\Phi U$  в рамках научного проекта № 19–511–44003 («Социальное знание: вызовы современной техногенной цивилизации»).

# ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ ЛИЧНОСТИ

Л. Г. Интымакова, З. Г. Стародубцева

В современном мире процесс глобализации протекает все более интенсивно с каждым годом. Сейчас глобализационные тенденции затрагивают практически все культуры, нации, сообщества, вовлеченные в социальные и культурные процессы. Соответственно, мы наблюдаем процесс замены традиционного понимания личности на потребителя, обладающего максимально унифицированными характеристиками. Сегодня социум предлагает этому потребителю систему универсальных ценностей – брендов, которые одинаково значимы в любой стране или культуре. Это не может не сказаться на субъективном мироощущении нашим современником многих явлений и процессов, протекающих в действительности, в том числе, на переосмыслении им понятия времени и временных рамок собственного существования.

В конце XX — начале XXI века резко возрастает количество воздействующих на конкретного человека источников информации, зачастую противоречивых. Эти потоки информации становятся до такой степени обширными и устойчивыми, что наш современник, приспосабливаясь к условиям собственного существования, вынужден перейти от поиска информации как одной из основных форм саморазвития к необходимости выбирать из этого мощного потока то, что соответствует ценностным предпочтениям субъекта [1, с. 42].

Переход современной истории К плюрализму времен формирования сопровождается сменой основных источников фундаментальных личностных ценностей. Если в предыдущие эпохи в качестве таких источников сакральных ценностей выступали религиозные структуры, государство, нация и т. п., то в наше время охарактеризованный плюрализм источников высокой выше велет к подвижности индивидуальных ценностей.

Расширение рамок социального существования субъекта за счет передвижения, выбора места жительства и работы, получения широкого потока различных, часто противоречивых сведений, предлагаемых мировым сообществом за счет многочисленных информационных каналов, приводит к отрыву личности от системы традиционно формируемых в конкретном социуме, стране, культуре, конфессии, нации и т. п. ценностей. Более того, общество на современном этапе его развития транслирует самые разнообразные системы ценностей, демонстрируют различные формы бытования, происхождение и разнящиеся темпоральные структуры [2, с. 173]. А это, в свою очередь, приводит к тому, что вопрос детерминированности прошлого, настоящего и будущего превращается в проблему, иногда неразрешимую.

В условиях глобализации в нашу эпоху именно время наиболее ярко и четко отражает механизмы социального воспроизводства и бытования не только общества, нации, государства, но и личности. Такая высокая значимость феномена времени объясняется характерной тенденцией нашей эпохи: возрастанием динамики социальных ценностей. В современном мире они размыты благодаря процессам инфляции и десакрализации традиционной системы ценностей, которые предстают для конкретной личности как сторонняя формализованная система предписаний [3, с. 11]. Таким образом, ценности переходят в разряд натурализированных, а их ключевыми характеристиками становятся неустойчивость, универсальность, динамичность. Еще одной характерной особенностью современности становится тот факт, что объективной основой их оценки становится монетарное мышление.

Известно. способно фиксироваться что социальное время исключительно происходящие социальном через изменения. пространстве. Соответственно, на уровне личности ЭТИ отражаются в виде трансформации мировоззрения и структуры самой личности, а также в изменениях в ее восприятии и традиционных ценностей, характерных для данного общества, и текущих оценок происходящих событий.

Таким образом, мы приходим к выводу, что анализ психологического времени личности в условиях глобализации является актуальным, с одной стороны, для понимания динамики трансформации социальных норм и корреляции этого процесса с формированием личностных установок и ценностей, а с другой стороны, для изучения созидательных процессов в рамках самого социума.

#### Литература и источники

- 1. Гудков, Л. Время и история в сознании россиян. Статья вторая / Л. Гудков // Вестник общественного мнения. -2010. № 2. С. 13–61.
- 2. Абульханова, К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.
- 3. Горяинов, В. П. Критерии поступательности, обратимости, стагнации и предсказуемости социального времени / В. П. Горяинов // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 3–16.

# THE METAMORPHOSES OF THE PERCEPTION OF JOURNALISM UNDER THE INFLUENCE OF THE INTERNET

#### P. Ionel

The impetuous development of the Internet makes it one of the main challenges of our time. The increased rate of growth of the audience in the virtual environment significantly exceeds the similar rhythms Radio and Television, at the time of their extent. If some years ago, it was not at hand for anyone to send any information to a large audience, today you can, at any time, publish any information on the Internet in a very short time and with very little money.

Much of the media experts appreciate and support the idea that the internet, the radio, the television and the mobile telephone are separate, distinct domains, but, in reality, they now form one video-audio-textual universe. The future means the unification the radio, television and the internet, and not their distinct, independent, separate operation.

Listeners, viewers and internet users, in particular young people, find it irrelevant whether they get their informational content from radio, television, computer or mobile phone.

The emergence and assertion of new media to the public, the development of socialization platforms and of other ways and formats of producing and transmitting information, such as Facebook, Twitter, iPhone, iPad, Google, "smart TV", etc., permanently enrich "information of the audience", modifying it substantially relative to that of traditional media.

At present, it is estimated that most of the materials on the Internet are taken from newspapers, radio and television. The internet, in some way, has only a collection of information and social networking as a new form of interpersonal communication.

The internet provides an unlimited distribution: where, how and when at the will of its users. At the moment, according to the use degree, the internet ranks after the omnipresent performing mobile phone. This means that the broadcasting time of shows becomes less important, and the percentage of services at the consumer's request increases.

Nowadays, the phenomenon is growing stronger, more concretely and correctly the tendency for users to get involved in carrying out of programs, which is relevant [1, p. 77]. The recent industry changes media industry prompted the communication specialists to identify and define, and to identify, to draw the attention on the "citizen journalism" in the online activity of non-journalists users, which is an outstanding performance in the media system.

Young people, especially, want to be involved and even have control over or priority in this area. They are creators, producers, commissioners and broadcasters. It is noted that the public turns fom consumer into media producer, contributing more or less, to the shape and the effect of these media products [2, p. 704].

The rapid evolution of technology has completely changed the traditional logic and practice of the production and distribution of the journalistic content [3, p. 233]. Currently, there are many people who can have information that they consider valuable and distribute it to a numerous and informed public.

Many important companies from the media field accepted the idea and understood that the contribution of "the so-called occasional journalists" cannot be neglected and therefore they created, with the help of the new media technology, specialized platforms where users can contribute with a particular content, such as: CBSEyeMobile (CBS), uReport (Fox News), Sharek (Al Jazeera), Your news (BBC), iReport (CNN), etc.

This process has to be analyzed by experts, but it has to be understood firstly by journalists, because now non-professionals who may come up with a so-called journalistic product may invade social platforms. In any case, it is becoming increasingly clear that the Internet is bringing about radical changes in the very perception and the nature of journalism activity.

#### References

- 1. Moraru, V. Jurnalismul cetățenesc reflecție a inovațiilor actuale în sfera mediatică / V. Moraru, P. Ionel // Moldoscopie (Probleme de analiză politică). 2018. № 2 (81). P. 76–85.
- 2. Campbell, V. Theorizing Citizenship in Citizen Journalism / V. Campbell // Digital Journalism. 2015. Vol. 3, № 5. P. 704–719.
- 3. Ariel, V. F. Política y Comunicación: conciencia cívica, espacio público y nacionalismo / V. F. Ariel, V. Moraru, J. M. Roca. Madrid: Los Libros de La Catarata, 1999.

# SOCIAL PHILOSOPHY AND POLITICAL PHILOSOPHY – THE PARADIGM OF COMMUNITY AND SOCIETY

C. Kalita

The problem of the community and society relations is the fundamental

issue, the resolution of which determines both the political vision and the actions to preserve the status quo (community) or changes (society) of the community. These concepts are often treated as synonyms, but their difference is dichotomous. Defining community and society, I used a complete division in which both categories are excluded on the basis of contradiction. There are many communities (they are contradictory), and society is one and is a complement to the universal class (collectivity). The dispute over the essence and function of community and society from the perspective of social philosophy [1, s. 82]. This positioning of the problems enables, while maintaining the dichotomous division, determining the community and society essence, although the answer is already made that the community will be disproportionately more defined than society.

The changes of collective life are a fact, and the task of philosophers is to understand them, but also to "provoke intellectual" for further changes, which may be a consequence of their proper understanding. However, as the analysis shows, the understanding of the community essence is much simpler than the society which indeterminacy demands researching (e.g. sociology, social philosophy), while the community can be described (e.g. anthropology, history). I am arguing that sociology arose as a science as a result of perceiving the community crisis that followed the capitalism development in the late nineteenth century (which may be a trivial claim today), but also the rise of sociology and the research object like society constitution led – contrary to intentions of the creators of this science – to accelerate the community crisis, and thus increase the intensity of changes in collective life. Sociology, instead of a remedy for the community crisis, became its cause and deepened its further crisis.

The historical background of reflections on the community and society determines the main dichotomy of understanding community and society in antiquity (Plato – Aristotle), thus, it establishes its historical, and most importantly fundamental background of the dispute without which we would not be able to understand the questions about the essence and the importance of community and society. Here is an elementary question of social philosophy: "why are people together?". I put forward a thesis in response to them, that a supporter of the community (Aristotle) will indicate the naturalness of being together, and giving primacy to thinking about the community in terms of society (Plato), will emphasize the functionality of collective life. The historical background of the dispute about the cause of "being together" also shows how complex this phenomenon is and how difficult without falling into excessive simplifications is to analyze and categorize them in a dichotomous division.

Ferdinand Tönnies introduced to the science two basic terms Gemeinschaft and Gesellschaft, which gained the encyclopedias status in its original sound. These are not just terms that express names defining the community and association / society [2, p. 17]. They are something more – cognitive categories – hence the problems associated with their interpretation,

especially with Gesellschaft. But Tönnies also poses a fundamental problem for the transformation of collective life, how it transforms: does the community during the time become a society, or are they alternative forms to each other? Maybe the author of Gemeinschaft und Gesellschaft is the most "archaic" thinker among those presented in my book, but it is also the most inspiring, or perhaps testified by its high "quotability" by authors dealing with the issue of the community and society alongside Robert Putnam, Émile Durkheim and Howard Rheingold (the latter certainly cannot be called "archaic"). It all shows that we are further condemned to the exegesis of his views (in principle one book), but treating it as an inspiration and not a dogmatic resolution of the issues of the community, it can be and is creative (e.g.: Žižek, Nisbett).

Therefore, all intellectual effort comes down to the possibilities to present the perspective based on the community and society critical analyses. It is the attempt to appreciate the society, as well as its formation method, not the political one, but social one. Hence, there are analyses related with the shift of morality towards the ethics, considerations regarding the role of money in the community integration processes, and finally the communal and social nature of the division of labor, or finally the hope in the transformation of collective life expressed in the form of so-called New Social Movements. The trust plays an important role in the consolidation of a collective life so does a constant warning against community radicalism whose the aim is to appropriate the entire space of that life. The community that dominates generates exclusion processes – this is the most serious accusation that can be made. You must also protect the right to secrecy and not be tempted by the comfort of "no need for secrets".

The state as a political formation should serve, whether to safeguard the community interests and play a controlling role. It is the society that creates the reality, whereas the state, acting in a political way, is to perform only auxiliary functions. Political autonomy is as dangerous as the dominant, hegemonic, religious, economic, ethnic or ideological community beyond any control. We need to appreciate social thinking at the expense of political thinking which imposes its narrative, and to which we are historically accustomed. It is time to change thinking habits (postulate) or at least increase the possibility to accept other proposals concerning the community, thinking in public terms about the broadly understood sociology and public philosophy.

The purpose of this article will be achieved when we manage to shift the focus in thinking about the community life. Mere realizing an alternative to a different approach to the society or the community already undermines their current ways of understanding. The anxiety, formerly demonstrated, cannot be silenced. The threat to the community cohesion is, as Bauman points out, the fact of emergence, within its awareness, the occurrence of an alternative to the existing order which initiates the process of its foundation destruction. Paying attention is already undermining the status quo of the current state of the community, and it is, contrary to conservatives, the beginning of the change

(development). To paraphrase Peter Sloterdijk, who transformed Marx's dictum, one can state that philosophers have flattered the communities, rather than provoke them [1, s. 31]. Thus the philosopher's provocation also consists of showing the existence possibility, even if only in theory, of alternatives in the o collective life organization.

#### References

1. Kalita, C. Wspólnota versus Społeczeństwo. Spór na temat istoty oraz funkcji wspólnoty i społeczeństwa z perspektywy filozofii społecznej / C. Kalita. – Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2018. – 375 s. 2. Tönnies, F. Community and Civil Society / F. Tönnies; trans. J. Harris, M. Hollis. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 266 p.

# СООТНОШЕНИЕ СОЗЕРЦАТЕЛЬНОЙ И ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ФУНКЦИЙ ФИЛОСОФИИ

#### В. Н. Калмыков

Философия реализует множество взаимосвязанных, дополняющих и одновременно находящихся в оппозиции друг к другу, функций: рационально-рассудочную и образно-эмоциональную, интегративную и плюралистическую, культурно-творческую и опирающуюся на традиции, критическую охранительную, ориентированную порядок, определенность и нацеленную на хаос, неопределенность бытия и его фрагментов, созерцательную и практико-ориентированную. Пифагор выделял три образа жизни – чувственный, практический и созерцательный. Именно последний, по мнению этого мыслителя, свойственен философам. Созерцательность. пожалуй. онжом выразить как любопытство. Аристотель считал любопытство одной из человеческих особенностей. Созерцательность можно трактовать как обращенность философии на себя. Действительно, философия есть не только рефлексия над основаниями бытия, но и относительно дистанцирована от мира, самодостаточна. Начиная с И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса, философия превращается в самодостаточную, саморазвивающуюся реальность, которая перестает быть только совокупностью общих выводов других конкретных наук, а сама с помощью собственных средств выводит и обосновывает свои положения, выступая по отношению к наукам в роли общего мировоззрения, методологии и логики их развития.

Взаимосвязь науки и философии образно выразил И. Кант: философия может нести факел перед своей госпожой, наукой, а не только шлейф позади. Философия обеспечивает поиск новых подходов к изменению картины мира, идеалов и норм науки. Различные науки, в свою очередь, оказывают влияние на философию. В философии «переплавлены»

многие понятия конкретных научных дисциплин, например, из психологии: «архетип», «бессознательное»; из этнографии: «традиция», «контекст»; из логики и лингвистики: «дискурс», «символ»; из когнитивных наук: «информация», «сеть». Под воздействием синергетики обогатился понятийный аппарат диалектики. Отныне науки не только испытывают на себе, но и сами оказывают методологическое влияние на философию [1, с. 5]. Взаимосвязь между философским и научным знанием предстает как диалектическое единство различных уровней в рамках общего способа познания и преобразования мира и человека в мире.

Наряду с обращенностью философии на себя утвердилась тенденция ориентации философии на практику, на вызовы бытия, что подчеркивали многие философы: Т. Гоббс, К. Маркс, П. Л. Лавров, В. С. Соловьев, Э. Гуссерль, Н. А. Бердяев, А. Тойнби и др. Назначение философии состоит в том, полагал Гоббс, что мы можем на основании наших знаний по мере сил и способностей вызвать действия для умножения жизненных благ [2, с. 49]. Маркс писал, что «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [3, с. 266]. Марксизм в трактовке направленности философии на преобразование действительности проводит идею практического гуманизма в противовес иллюзорному, абстрактному гуманизму, то есть акцентирует внимание на реальных, необходимость создания прежде всего, экономических условий для достойной человека жизни. для возвышения Современные философы (Р. Г. Апресян, А. А. Гусейнов, Н. И. Лапин, Ю. Хабермас и др.), углубляя концепцию практического гуманизма, называют некоторые фундаментальные ценности общества реального гуманизма: жизнь человека, его достоинство, ненасилие [4, c. 12]. Конечно, конкретного ценность индивида должна согласовываться с ценностью существования других Я и с ценностью естественной природы, всего живого.

Философия не дает готовые рецепты, а опосредованно влияет на практику через формирование научного мировоззрения, диалектического стиля мышления, культуры поведения и действия людей, что нередко приводит к новым способам познания и жизнедеятельности [5, с. 54]. Философия обобщает материал исторического развития культуры, участвует в свершении научных революций, готовит категориальный аппарат, новые способы понимания, осмысления и переживания человеком мира. Философия – и эвристика научного поиска, и средство адаптации научных знаний к господствующим в культуре мировоззренческим установкам [6, с. 256]. Философия формирует первичные гипотезы о природе конкретных явлений, вырабатывает философские подходы к тем или иным природным и общественным реалиям, подготавливая их последующую конкретную научную разработку. Так, обоснование Ю. Майером и Д. Джоулем неуничтожимости энергии и эквивалентность

ее взаимопревращений было подготовлено выдвинутым Р. Декартом положением о постоянстве количества движения в природе, идеей Ф. Шеллинга о взаимопревращении энергии из одной формы в другую. Сформулированные Ф. Энгельсом и В. И. Лениным идеи о неисчерпаемости атома и электрона получили обоснование в физике.

Созерцание есть не что иное как узнавание. Потребность в развитии науки как познания ведет свое начало от универсальной, свойственной всему живому, и особенно человеку, потребности в информации, узнавании. В. А. Энгельгардт узнавание относил к числу атрибутов жизни. Вместе с фиксированием какого-либо положения вещей в языке (узнавании, познании) должен указываться путь для действия. Р. Эмерсон определил: мысль – цветок, слово – завязь, деяние – плод. Между бытием и разумом есть посредник – это деятельность и язык (Ю. Хабермас). В истории человечества взаимосвязаны: 1) появление языка и создание с его помощью информационно-когнитивной базы человеческой деятельности; 2) создание технологии как целеориентированной деятельности. Итак, практико-ориентированная функции созерцательная И философии органично дополняют друг друга.

#### Литература и источники

- 1. Обсуждение книги «Энциклопедия эпистемологии и философия науки» (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2010. № 11. С. 3–24.
- 2. Гоббс, Т. К читателю. О теле / Т. Гоббс // Избр. произв.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1964. С. 49–60.
- 3. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 264–266.
- 4. Лапин, Н. И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии / Н. И. Лапин // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 3–15.
- Калмыков, В. Навстречу жизни. Способна ли философия влиять на практику?
   Калмыков // Беларуская думка. 2008. № 3. С. 54–61.
- 6. Калмыков, В. Н. Философия как практико-ориентированное знание / В. Н. Калмыков // Актуальные вопросы научно-методической и учебноорганизационной работы: Высшая школа в условиях инновационного развития: материалы научно-методической конференции / В 3 ч. Ч. 2. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2008. 314 с.

### ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ОЦИФРОВАННОМ МИРЕ

#### А. З. Камалиденова

Мы живем в сложное и странное время. С появлением цифровых технологий человек и мир изменились. Мир разделился на offline и online. Усилился феномен социального отчуждения. Человек теперь не просто

винтик гигантского механизма социума «человейника», который всегда довлеет и поглощает его. В настоящее время люди становятся рабами глобальной сети, потребителями огромного количества информации. Произошла подмена знания информацией. Современному человеку сложно отличить информацию от дезинформации, истинное от ложного, подлинное и настоящее от искусственного и неестественного. Человек, у которого отсутствует аналитическое и критическое мышление, особенно это касается молодого поколения, поглощает, как правило, на ряду с необходимой и нужной информацией бесполезную и порой вредоносную. Он оказался не готов противостоять такому масштабному информационному натиску со всех сторон.

Человек сегодня – «оцифрованная единица». Цифровизация поглощает и захватывает, деформирует живого индивида и так уже обезличенного социумом. Позволит ли человеку плоскость «нулей и единиц» на холодном экране почувствовать себя живым и настоящим? Эгоцентрическое мышление современного человека, ориентированного на расчет, выгоду, доход и прибыль, наше насилие над природой приведут к трагическим последствиям. Планета Земля страдает от разрушительной хищнической человеческой деятельности. Все это сильно отразилось на Экологическая нравственности. катастрофа содержании приведет к антропологической, и мировому сообществу необходимо осознать данный трагический факт. Нравственность, духовность, культура в новых условиях, в которых победил культ власти и денег, отошли на задний план. Человек теряет нравственные и духовные ориентиры, став «оцифрованной единицей» среди людей, ставшими «физлицами».

Интересно отметить, что в свое время великий немецкий философ Фридрих Ницше гениально отобразил экзистенциальный кризис человека. Он справедливо назвал себя «философом будущего». Он указывал, что человек утрачивает свои сильные стороны и качества. Он становится неким ручным домашним животным. «(...). Смыслом всякой культуры является выведение из хищного зверя "человек" некой ручной и цивилизованной породы животного, домашнего животного» [1, с. 327]. В известной мере, отсюда наше отвращение к современному человеку, к самим себе. «(...). Пресмыкающееся "человек" занимает авансцену и кишмя кишит на ней, что "ручной человек", неисцелимо посредственный и тщедушный, уже сноровился чувствовать себя целью и вершиной, смыслом истории, "высшим человеком" (...)» [1, с. 328]. Ф. Ницше отмечает, что Европа смердит такими усталыми, болезненными, посредственными, мелкими людьми. «Скверный воздух! Скверный воздух! То, что ко мне приближается нечто неудавшееся; то, что я вынужден обонять потроха неудавшейся души! (...)» [1, с. 329].

Великий философ ставит диагноз обществу, человеку в частности. Он рассуждает о западном человеке: «Ибо так обстоит дело: измельчание и

нивелирование европейского человека таит в себе величайшую нашу опасность, ибо зрелище это утомляет (...). Нынче мы не видим ничего, что хотело бы вырасти (...)» [1, с. 329]. По мнению Ф. Ницше, человек вместо того, чтобы расти вверх, создавать мир красоты и великих шедевров, прорастает вкривь да вкось. Так рождается больная душа, душевный мрак, чем незаметнее, тем опаснее. «Прочитанное с какого-нибудь отдаленного маюскульное письмо нашего земного существования соблазнило бы, пожалуй, к выводу, что Земля является по сути аскетической звездой, уголком, заселенными надутыми, высокомерными и гадкими тварями, которые не в состоянии отделаться от глубокой досады на себя, на землю, на всякую жизнь, и только тем и заняты, что причиняют друг другу боль, из удовольствия причинять боль – возможно, единственного их удовольствия» [1, с. 404]. Почему исчезли лучшие благородные люди? Куда исчезли герои, масштабы, величины? Как обмельчал современный человек? Разве мыслитель не предупреждал нас? На мой взгляд, послание великого Фридриха Ницше заключалось в обращении к нам, потомкам. «Я ненавижу обывательщину гораздо больше, чем грех». Его призыв – «человек есть то, что должно превозмочь», «человек есть канат, натянутый между обезьяной и сверхчеловеком». Если отвлечься от некоторых категоричных суждений, то в творческом наследии Ф. Ницше можно найти ответы в поисках ценностных ориентаций и личностного роста. Можно победить мстительную зависть слабых, начав с самих себя.

Одним из решающих факторов преодоления всеобщего кризиса является развитие личности. Оно включает нравственное, духовное, интеллектуальное, эмоциональное, физическое развитие человека. Развитие личности означает быть лучшим человеком, насколько возможно. Полагаю, что самая важная задача и цель развития и совершенствования личности — это преодоление тотального эгоизма. Каждый из нас, на индивидуальном уровне, должен четко и ясно осознать, что наступило время двигаться от вопроса: что я могу взять от мира? к вопросу: что я могу дать миру? Двигаться от конкуренции, борьбы, конфликта, состязательности к сотрудничеству, сотворчеству, интеграции и созиданию.

#### Литература и источники

1. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / Ф. Ницше. – Минск: ООО «Попурри», 2001.-624 с.

# ВИРТУАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

# Л. А. Карпец

Пандемия коронавируса вынудила внести существенные коррективы в образовательный процесс, значительно ускорив переход на дистанционную форму обучения. Современный социум, оказавшись в ситуации карантина, требует интенсификации темпов развития, обращая внимание на необходимость быстрого и качественного повышения квалификации, ее получения или изменения. Доминировавшие до недавнего времени теории исчезают, уступая место искусственным гибридным форматам практических навыков и технологий с ограниченной зоной социальной ответственности. «Подобные гибриды – яркие по форме, привлекательные, хорошо упакованы – легко разрушаются, распадаются на составные части, но зато так же быстро возникают в новой конфигурации» [1, с. 153].

Изменения в парадигмальном подходе к образованию логически приводят к необходимости формирования нового типа образовательного пространства, который бы обеспечивал возможность непрерывного обмена знаниями и информацией, снимая любые границы, особенно временные и пространственные. Пандемия повсеместно ускорила переход к открытому образовательному пространству, основанному на инструментальной опирающемуся последние достижения рациональности на информационных технологий как основного средства обучения. Обращение к ним обеспечивает сокращение затрат и широкий спектр применения, начиная с обычных текстовых сообщений и заканчивая интерактивными упражнениями, сопровождающимися различными материалами наглядности. Открытое образование отрицает роль преподавателя как обладателя таинственных знаний, отводя ему роль ментора, наставника ученика, который только направляет на пути к знаниям, а не диктует их. Поэтому фактически это может быть своеобразной интерпретацией сократовской маевтики. Образование не только интенсифицируется, но и индивидуализируется, прислушиваясь к потребностям каждого участника учебного процесса, становясь гибким и открытым к новаторству. Собственно, воплощение таких принципов приводит к постепенному изменению самой системы образования, реконструируя взгляды на знания, организацию учебного процесса и роли его участников.

Университет постепенно автономизируется, освобождаясь от руководящей роли государства в образовании. Это приводит одновременно к его открытости к изменениям и развитию, и к отсутствию четкого места в структуре общественных отношений. Распространение же рыночных отношений на сферу образования приводит к его маркетизации и

постепенной прагматизации. Стоит помнить, что высшее образование отводит важнейшую роль самообразованию и самостоятельной работе: нельзя, онжом только научиться. Нужно рассматривать и анализировать свое знание изнутри, а не только извне. Речь идет не о присвоении чужого опыта, а о построении собственного, что гораздо сложнее... В себе нужно оценивать не только наличие интереса и желания учиться, но и готовность и способность приложить усилия к тому, чтобы научиться учиться» [2]. Это обусловлено сложной системой мотивации, движущей ролью которой является внутренняя мотивация, формируется из-за стремления исследовать ту или иную проблему, овладеть той или иной дисциплиной, найти верный путь решения задачи. Таким образом, должен сформироваться своего рода гносеологический каркас образовательного процесса, который бы вызвал заинтересованность и инициативность на пути к получению образования.

Система образования в условиях пандемии находится в состоянии поиска новой образовательной парадигмы, которая позволила бы дать достойный ответ на призывы времени и избавиться от устаревших пережитков прошлого, которые несут в себе стагнацию и упадок. Необходим поиск оптимальной ролевой модели для формирования системы образования, приемлемой в условиях дистанционного обучения. В процессе интеграции в европейское культурное пространство была предпринята попытка внедрения Болонского процесса в образовательные стандарты. На пути к этому педагоги столкнулись с большим количеством сложностей, прежде всего с отсутствием необходимой адаптации положений Болонского процесса в социокультурной среде страны [3, с. 68]. Высшая школа страны ориентирована на обеспечение национальной экономики высококвалифицированными рабочими, которые обладают навыками критического мышления, имеют высокий уровень профессионализма и с легкостью способны овладеть последними достижениями в развитии информационных технологий.

Использование дистанционного обучения сегодня осуществляется преимущественно в составе традиционных систем. Примером такого подхода является успешное использование системы управления курсами Moodle – веб-приложения, которое позволяет создавать сайты для online-обучения и находится в свободном доступе. Эта учебная платформа объединяет преподавателей и студентов в единую интегрированную систему для создания персонализированной учебной среды. Применение такой технологии позволяет сосредоточить внимание на студенте в качестве субъекта обучения, апеллируя к синергетической концепции образования, развития диалога вместо монологического изложения информации. Таким образом, наблюдается смена ролей: каждый участник образовательного процесса становится не только учеником, но и учителем. Сам же педагог перестает быть обычным источником информации,

становясь более образцом для подражания, только направляя на пути к достижению целей каждого конкретного курса.

новой образовательной парадигмы Воплощение концентрацию внимания, прежде всего на ученике, который является полноправным субъектом учебного процесса в силу распространения подхода к образованию. Развитие информационного требует унификации общих стандартов для конкурентоспособности будущего работника, а также постоянного повышения квалификации и обновления компетентности, ведь мир, в который включено образование, постоянно меняется и развивается. Ситуация, связанная с карантинными мерами, ускорила процесс виртуализации сферы образования. Применение новых информационных технологий позволяет, в свою очередь, привлечь новые методы обучения в соответствии с требованиями новых стандартов. В связи с этим обращение к модели построения дистанционного образования, которая реализуется именно с помощью технологий, таких как компьютеры, сеть Интернет и современные средства телекоммуникации, становится целесообразным [4, с. 123]. Субъекты учебного процесса в таком случае дистанцируются друг от друга, не теряя при этом основных учебных компонентов.

Кроме ситуации с пандемией, увеличение спроса на дистанционные образовательные услуги обусловлено рядом преимуществ. При сохранении стандартных условий поступления В вуз студент непосредственный доступ к учебным материалам, цифровым записям лекционных и семинарских занятий, практических задач с методическими рекомендациями по их выполнению, электронной библиотеке и тому подобное. При этом, студент изучает основной материал самостоятельно, выделяя для этого удобное время. Взаимодействие с преподавателем осуществляется через различные коммуникационные приложения и электронную предоставляя непосредственно почту, возможность обращаться к нему при наличии нерешенных вопросов.

# Литература и источники

- 1. Покровский, Н. Е. Трансформация университетов в условиях глобального рынка / Н. Е. Покровский // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 4. С. 152—161.
- 2. Зинченко, В. Дистанционное образование: к постановке проблемы / В. Зинченко // Интернет-журнал «Эйдос» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eidos.ru/ journal/ 2000/ 0207–02.htm. Дата доступа: 05.05.2020.
- 3. Газнюк, Л. М. Вища освіта: навчання у конгрегації майстрів чи з болонськими модулями і кредитами? / Л. М. Газнюк, Ю. А. Семенова // Матеріали VI Міжнародної науково-практичної конференції із проблем сучасної інтелегенції. Харків: Народна українська академія, 2009. С. 67—70.

4. Бейлін, М. В. Інструментальне знання в освітній діяльності / М. В. Бейлін, Л. А. Карпець // Modern educational space: the transformation of national models in terms of integration: Conference Proceedings, October 26, 2018. — Leipzig: Baltija Publishing, 2018. — P. 121–124.

# ЗАРУБЕЖНЫЕ ОПАСНОСТИ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ

#### Т. В. Кирик

В этот исключительно сложный для всего мира, Беларуси и Украины не только о максимально быстром момент хочется помечтать исчезновении всех разделов между государствами для победы над пандемией COVID-2019, но и о возобновлении нормальной деятельности школ всех видов и уровней. Наш анализ случаев значительных экономических и социальных успехов народов в разных уголках планеты в условиях углубляющейся глобализации доказал определяющую роль не а повышения знаний и производственной природных ресурсов, компетентности всего населения. Всем известен Сингапур, но нам больше импонирует успех «страны Святого Патрика» - Республики Ирландии, расположенной на одноименном острове. Если все годы независимости Украина уходила от среднего для Европы положения на самое дно, то ирландцы отказались от чужих советов и образцов, избрали собственный путь в информационное общество без сооружения индустриального перехода. Укажем только один факт: если до начала истинно независимого развития значительная часть молодежи вообще не желала получать излишнее для работы на семейных фермах среднее образование, то даже сейчас мировые ИКТ-лидеры, имея большой выбор в Азии, считают желательным размещать в Ирландии те подразделения, где от персонала требуется не только знание английского языка, но и индоевропейская культура, интеллект и способность к постоянному саморазвитию.

Став независимыми, украинцы совершили множество ошибок. Не будем соревноваться с историками, а рассмотрим свою профессиональную область — высшее образование. Исчезновение Госплана и прочих мощных инструментов советского строя открыло для молодежи путь в вузы почти без ограничений, ведь сразу же вырос негосударственный сектор со всеми его достоинствами и недостатками. К сожалению, экономический развал и неспособность элиты страны воспользоваться шансами глобального рынка и роста технологий привела не к ирландскому успеху, а, выскажемся дипломатически, к его полной противоположности. Считаем важным этот вопрос и объяснимся детальнее на уровне исследования образовательных парадигм.

Тема нашего продолжающегося докторского исследования -

эволюция мировоззренческих ценностей по ступенькам «гуманизм → неогуманизм → неогуманизм» (трансгуманизм не обещает ничего хорошего, упоминать и характеризовать не будем). Если гуманизм расцвел в развитом феодализме в эпоху образовательного и научного лидерства латинского языка, то лучший и успешный вариант неогуманизма предложила Германия в период своего рывка к высшим индустриальным технологиям. Идеалом вуза, как известно, стал Берлинский исследовательский университет и в слиянии обучения и научных исследований, и в материальном обеспечении этого дела.

Нам крайне важно указать на тот факт, что позже почти все страны мира видели стратегию развития своей высшей школы в копировании немецких стандартов. В итоге к началу нового тысячелетия в системе оценки достижений стали доминировать академические рейтинги вузов, а в научной сфере – примитивизм индексов Хирша, параметров цитирования и т. д., и т. п.

Задуманная Германии образовательная парадигма ≪для положительного прогресса» с течением времени стала не только изживать себя, но и применяться «плохими парнями для плохих дел». Намного больше других «преуспела» Германия, поэтому неогуманизм потерял прилагательное «немецкий» и местами возрождается уже «по-новому». Напомним, что полученная Украиной в 1991 году часть научнообразовательного комплекса СССР, была почти на 100% ориентирована на обеспечение государственных целей в «обороне и наступлении». Наши реформаторы, сменяя друг друга, создавали планы и проекты, а весь комплекс двигался по инерции. Он терял фрагменты, но не менялся по существу в целях и задачах, так как элита страны не употребляла, например, термина «технологические уклады», не могла создавать стратегические прогнозы на 20-30 лет, избрав в итоге копирование чужого. В образовании Украина отказалась от самостоятельности и просто копировала неподходящие образцы.

В итоге не было никаких несомненных успехов. К тому же, в порыве лакейства был проигнорирован процесс мировых изменений. Законы родной нам философии провозглашают не только непрерывность Великой Эволюции, но и неизбежность перехода количественного роста в качественные трансформации. Ярким проявлением этого закона на Западе мы считаем создание первого в мире рейтинга вузов, нацеленного не на войну, а на спасение человечества через экозащитную деятельность. Учет успехов тысяч вузов мира именно в этом деле привел к появлению весной 2020 года перечня почти 700 вузов под названием Ітраст Rankings 2020 [1].

Через полгода после этого Украина получила новейшее достижение в теории и практике высшего образования — созданную в Министерстве образования и наук книгу с названием «Стратегия развития высшего образования в Украине на 2021–2031 годы» [2]. Это результат

многомесячной работы десятков специалистов, поэтому следует относиться к нему с уважением, а для предложений его переориентации и улучшению приводить только очень веские факты.

Первый и наиболее важный мы обнаружили в следующем виде: «Главной проблемой развития высшего образования остается отсутствие долгосрочной стратегии социально-экономического развития Украины. что затрудняет создание модели высшего образования, адекватной целям будущего страны» [2, с. 5]. Поэтому более 100 ее авторов были вынуждены выполнять положения vстаревших документов последних направленные на «движение в Европу» через выполнение общеизвестных 30 требований и рекомендаций, часть из которых является вредной для экономики Украины и снижает уровень жизни многих тысяч наших граждан (пример – жесткое требование публиковать научные статьи только в журналах из базы данных Scopus-WoS). Хуже всего то, что под угрозой потерять место труда участники авторского коллектива работали для того, чтобы «понравиться Европе».

Вот важный пример этого. В указанной книге не только большое внимание обращено на реноме наших университетов в мире и их положение в большинстве рейтингов, но и акцентирована необходимость улучшений этих показателей для входа «в европейское научнообразовательное пространство». Современное положение вузов Украины детально указано в таблице с названием «Украина в ведущих мировых рейтингах университетов 2018-2020 годов». Нас неприятно поразило отсутствие в таблице данных из мирового экологически ориентированного рейтинга Impact Rankings 2020, стоявшего в Интернете задолго до созыва всей группы авторов. А экорейтинг-2020 нам очень выгоден, ведь Украина имеет в нем 10 заведений, Китай – 9, а Германия – всего лишь два. Наше объяснение: Китай и Германия азартно выполняли старые стандарты, игнорируя решение ООН 2015 г. о «17 целях для устойчивого развития». Китай погрузился в «хиршеманию» и резко снизил реальное качество научных публикаций. В итоге вынужден был категорически запретить применение индексов и начал создавать собственную систему оценивания образования и науки. Жаль, что руководители Украины все еще игнорируют положительный пример Китая и некоторых других стран, продолжая выполнять приказы и рекомендации ЕС.

Закончим тезисы советом мыслить критически и самостоятельно, обратив особое внимание на то, что именно сейчас начало быстро возрастать число ноосферных технологий, способных не только защитить мир от новых пандемий, но и от экологического коллапса. Информацию о них студенты получают только от нас, так как в англоязычном Интернете ее вообще нет.

#### Литература и источники

1. Impact Rankings 2020 [Electronic resource]. — Mode of access: https://www.timeshighereducation.com/ rankings/ impact/ 2020/ overall#!/page/ 0/ length/-1/ sort\_by/ rank/ sort\_order/ asc/ cols/ undefined. — Date of access: 05.02.2021.

2. Стратегія розвитку вищої освіти в Україні на 2021—2031 роки. МОН України, 2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.reform.org.ua/ proj\_edu\_strategy\_2021—2031.pdf. — Дата доступа: 05.02.2021.

# «ПРЕВРАЩЕННОЕ» УПРАВЛЕНИЕ И «ПРЕВРАЩЕННОЕ» СОЗНАНИЕ

Г. И. Колесникова

«Любая демократия приводит к диктатуре подонков» Альфред Нобель

«Превращенное сознание», термин М. К. Мамардашвили [1], актуален для понимания сущности мировых политических процессов, начиная с середины XX века. Наличная взаимосвязь в системе субъектобъектных отношений предопределяет то, что субъект воздействия также трансформируется, как и объект, на который он воздействует, искажая, порой, единое социокультурное пространство. Начиная с конца XX века, можно констатировать возникновение нового социального феномена — «превращенного управления».

Связь науки и управления, если рассматривать ее как должное, заключается в следующем: наука дает рекомендации для власти, что и как надо изменить, чтобы народ благоденствовал. Однако связь власти с наукой «превращена». Прослеживается закономерность: образование, здравоохранение культура, три «кита» здоровой наиии последовательно уничтожаются, в том числе, через разрушение культурного кода (видоизменения народных сказок и внедрения в них маркеров чуждой культуры-бескультурья) под видом новой культуры, преподнесение вандализма в костюме авангарда, двойных стандартов, пронизывающих все уровни жизни (например, никто не будет рисовать на полотне великого художника, но «полотна» словесные в виде романов, пьес переделывают, не стесняясь, под видом «нового прочтения»). При этом официальный курс – это консерватизм. Но «если говорить о ядре консервативного мышления, то оно содержится в апологетике силы, культа экономической, военной, политической. В ЭТОМ консерватизм выступает как одна из важнейших философских основ гегемонизма» [2, с. 96]. Исходя из этого определения, видно, что ориентация на консерватизм современной правящей политической элиты

носит декларативный характер, а истинной целью ее деятельности является создание в сознании масс очередного квазисимулякра, так как применяемый ими проект «Демократия» предусматривает достижение двух стратегических целей: во-первых, всячески «показывать миру ту опасность, которая исходит из Москвы», во-вторых, «изображать США и их политику как оплот мира и свободы, защитника от мирового коммунизма» [2, с. 117]. Отсюда: демократизация российского общества, активно внедряемая с момента распада СССР, есть не что иное, как продолжение данного проекта по уничтожению Российской империи или, вернее, того что от нее осталось после первого акта трагедии (октябрьской революции 1917 года), и русского народа в принципе. «Общество можно считать тоталитарным, когда все его структуры становятся вопиюще искусственными, то есть когда правящий класс утратил свое назначение, однако цепляется за власть силой или мошенничеством» [3, c. 97], отмечал Джордж Оруэлл. Возьмем, к примеру, новейший мировой квазисимулякр под названием «Covid-19» [4]. Цикл полной перестройки организма на всех уровнях (психофизиологическом, интеллектуальном, ментальном) проходит за 28 суток. Карантинные меры длятся уже год. В клинической психологии априорен тезис, согласно которому, чем ниже возможность мобильности, тем выше склонность к панике. Следовательно, изоляция стран - это сознательное насаждение властью панической тревоги у населения, а с позиции того, что карантин стал мировым, приведение в панику всего населения планеты: отфильтровка непокорных (тех, кто нарушал режим), а также введение в состояние покорности большинства. Кроме того, под видом карантина пресечение массовых протестов, которые прокатываются волной по континентам по причине бедственного положения народа, в котором он оказался под руководством бессменной политической элиты – новой плеяды «вечно живых». Подобно тому, как христиане разрушали языческие храмы Древнего мира и на их основании строили свои, так и сейчас, в сущности, мы видим одну из акций, преследующую эту же цель – перекодировку сознания, только более тонкими методами.

Возникает вопрос: если люди идут на такие ухищрения ради достижения власти и ее удержания, то весьма вероятно, что они знают чтото такое очень важное, что делает все эти меры оправданными. Но есть и второй вариант ответа: если рассматривать их действия с точки зрения нейрофизиологии, то выходит, что их дофаминовая система просто подсаживается на удовольствие от власти. Впрочем, ничего «такого» они не знают. С точки зрения психологии — это деформация личности на основе чувства неполноценности в сочетании с ограниченностью интеллектуального потенциала. Именно отсюда стремление к власти как к способу самоутверждения, неуемная страсть к унижению всего того, что лучше тебя. В какой-то мере это согласуется с организационными устоями

животного мира, где наиболее приспособляемы примитивные структуры (тараканы, например, были еще во времена древнего Египта). К тому же для продвижения во властных структурах нужны иные способности адаптивные, как в джунглях. Система «превращенного управления», по сути, основана на примитивной мотивации семейства головастиковых. Самодостаточный человек в подлинно человеческом смысле, то есть не как представитель вида homo sapiens, а как носитель подлинно человеческих качеств, устремлен на самосовершенствование всех своих жизненных сил и способностей, на «достижение совершенства и пребывание в нем» (Платон). И то, что сейчас идет активная пропаганда «философии головастиков» или «человека потребялющего» (понятие «успех» заменяет понятие «счастье» также, как несколько ранее понятие «счастье» вытеснило понятие «благо»; «богатство» вместо «творчество»; «толерантность» вместо «сострадание терпимость»; «благотворительность» бескорыстной ИЗ априорной помощи законодательном уровне включило в себя элемент «или на льготных условиях» [5]), доказывает, что суть, цель пропаганды – увести людей с Пути Истины. Подобно тому, как с пути духовного развития перешли на технократический: костыли вместо крыльев. Это не вопрос протеста протест против сбившихся против прогресса. Это приоритетов / ориентиров. Кстати, в Брахманизме есть раздел, преподносимый как истинный, но содержащий ложные идеи, назначение которого - сбить с пути демонов, чтобы они не могли обрести просветления и, как следствие, освобождения из сансары - круга перерождений. Однако, если с теоретико-аксиологических высот вернуться к практике, то страна, ведомая «превращенной властью», обречена на уничтожение, поскольку «страна, народ которой нездоров, некультурен и необразован – не имеет будущего» [6, с. 114]. Цель истинной власти должна заключаться в заботе о благе государства, у которого два критерия: народ – благоденствует; страна – процветает. И именно благо народа должно стоять на первом месте, поскольку главное достояние любого государства – люди.

# Литература и источники

- 1. Мамардашвили, М. К. Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания) / М. К. Мамардашвили. М.: Высшая школа, 1968.-191 с.
- 2. Волкогонов, Д. А. Психологическая война: Подрывные действия империализма в области общественного сознания / Д. А. Волкогонов. М. Воениздат, 1984. 320 с.
- 3. Оруэлл, Дж. Скотское хозяйство = Animal farm / Дж. Оруэлл // Пер. с англ. М. П. Карп. 3-е изд. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. 175 с.
- 4. Колесникова, Г. И. События весны 2020: реальность и квазисимулякры (социально-философский анализ) / Г. И. Колесникова // Научный потенциал. 2020. № 3 (30). С. 20—28.

- 5. ФЗ от 11.08.1995 №135-ФЗ (ред. от 18.12.2018). Статья 1. Благотворительная деятельность часть вторая введена Федеральным законом от 05.02.2018 N 15-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fzrf.su/ zakon/ o-blagotvoritelnoj-deyatelnosti-135-fz/ st-2.php. Дата доступа: 1.03.2021.
- 6. Колесникова, Г. И. Социальная политика России: концепция развития личности в 21 веке / Г. И. Колесникова // Международный научный журнал. 2017. № 3. С. 112–116.

#### УТОПИЯ КАК АТТРАКТОР БУДУЩЕГО

#### С. Ю. Колчигин

Современные проблемы настолько глобальны и серьезны, что становится необходимым менять буквально все в мировоззрении и жизнеустройстве земной цивилизации. Но что при этом взять за образец?

Лучшие умы разных народов всегда задумывались о наилучшем устроении общественного бытия и создавали модели идеального государства. Так, в платоновских диалогах «Тимей» и «Критий» рассказывается о легендарной Атлантиде. Согласно древним преданиям, она когда-то располагалась на острове в океане и отличалась удивительным совершенством во всех отношениях: инженернотехническом, архитектурном, военном.

Образ некоего идеального государства предложил в своих диалогах и сам Платон. В его утопии есть ряд черт, которые выглядят весьма актуальными. Это, например, критика торговли и торговых спекуляций, мысль о необходимости единства общества и единомыслия всех его членов, о воспитании в гражданах нравственных качеств, способных привести их к единству и единомыслию.

Любопытна интерпретация идеального государства у Фараби. В своей социальной утопии Фараби вначале дотошно излагает строение бытия, все его элементы, формы, ступени. Он считает, что люди должны иметь единое миропонимание: без этого возникает и множится рознь, неизбежно появляются «невежественные города». Если же люди Земли достигают единства в понимании Бога и Мира, они обретают настоящее счастье. В обществе в этом случае складывается взаимопонимание, взаимопомощь, социальная гармония. Но как возможно единое миропонимание? Речь, согласно аль-Фараби, нужно вести о возможности добродетельного города небольшого масштаба, по сути — общины. У Фараби это обозначается как «малые общества», в отличие от «средних» (народы) и «великих» (человечества).

Это звучит злободневно. Сегодня действительно нужны малые формы общежития людей, а не города-мегаполисы и конгломераты типа «Босваша» (Бостон-Вашингтон). Именно в малых города возможно

установление нормального экологического режима жизни, создание инновационных технополисов, а главное — образа жизни, соответствующего человеческой сути, по крайней мере, таким ее составляющим, как живое общение и единство взглядов.

Классический образец вымышленного идеального государства представлен у Томаса Мора. Его Утопия находится далеко от моря и защищена горами. Что касается ее хозяйственной жизни, то в этом идеальном обществе нет частной собственности, а деньги выведены из употребления.

Точно так же идеальный город Томмазо Кампанеллы расположен вдали от алчного внешнего мира, на высоком холме, и защищен земляным валом, бастионами и рвами. Жители Города Солнца живут общиной.

Вспомним, наконец, и утопию Фрэнсиса Бэкона. В устройстве его Новой Атлантиды главенствующее положение занимает наука. Можно сказать, что власть в этом государстве — это власть знания. Богатство, изобилие, мир, здоровье, бессмертие — все это достижимо с помощью научного познания.

Анализ утопий, имевших место в истории, показывает: как правило, они сходятся в признании необходимости нескольких факторов для успешного функционирования «идеального государства» (или, по сути, нормального человеческого общества).

- 1. Оно должно существовать в гармонии с природой, по возможности в нетронутой экологической нише: на острове, в лесу, в горах. Нормальное общество невозможно на базе крупных урбанистических кластеров. Государство-утопия это, по сути, община, или маленький город. Не мегаполис, а именно маленький городок, небольшое поселение.
- 2. В обществе-утопии отсутствует денежная система. Или, по крайней мере, ее роль в таком государстве невелика. Хозяйственные отношения строятся в нем в форме бесприбыльного обмена.
- 3. Даже при наличии абсолютно авторитетного руководителя утопическое государство нацелено на общественное самоуправление и, в идеале, успешно его осуществляет. Это связано с тем, что необходима переориентация человечества с эгоистических приоритетов на истинные, духовные ценности. Тогда будет возрастать коллективная озабоченность благосостоянием всех, и необходимость в управлении со временем исчезнет. Когда человек достигнет духовной зрелости, управлять им будет не нужно. В онтологическом смысле это означает единое поле сознания.

Действительно, если нет разделения общества на богатых и бедных, угнетаемых и угнетающих, то нет страха, ненависти и агрессии, а есть всеобщее понимание, всеобщая забота друг о друге. Это – прекрасная почва для расцвета сознания, для его преображения в тонкую и мощную способность. Люди перестанут опасаться друг друга, и поля их сознания

станут полноценно взаимодействовать. Жители страны Утопии станут получать всю необходимую информацию непосредственно из единого поля сознания и прилагать нужные усилия во благо общества. При этом отпадет необходимость в руководителе или координаторе, а тем более — в разветвленной системе власти и в специально обученных управленцах.

Конечно, история знает немало попыток построения идеального общества: это и коммуна Фурье, и колония Брукфарм в США, и опыт Советского Союза, и многие другие социальные эксперименты того же рода. Эти попытки оканчивались неудачей. Но дело в том, что ошибки возникают при осуществлении утопического проекта, в процессе его реализации. Они неизбежны, так как строится новое, никогда прежде не бывшее общество.

Кроме того, для осуществления общественного идеала в прежние века еще не настало время. Оно приходит лишь теперь, в глобальнокритический, поворотный период развития человечества. В начале расцвета цивилизации, в XIX столетии, коммуна была нежизнеспособна, но она – оптимальная форма выживания и дальнейшего развития человечества в эпоху неуклонного саморазрушения всей остальной человеческой цивилизации на планете Земля. В связи с этой реальной вопрос опасностью сегодня ставится очень остро, необходимости образования единой мировой зоны опережающего развития на основе обобщения всех исторических попыток создания духовно-экологических коммун – поселений будущего.

И сами эти новые типы человеческих поселений становятся в современном мире все более популярными среди тех, кто увидел и прочувствовал всю бесперспективность глобальной цивилизации в нынешнем ее виде. В мире сегодня свыше 5000 альтернативных сообществ. Основу новых форм общежития людей составляют принципы, которые не утратили своего значения со времени фурьеристских колоний: бережное отношение к природе, братство и взаимопомощь, справедливое распределение продуктов и доходов от общего труда и т. д.

Существуют, разумеется, внешние угрозы для современного «Города Солнца». Это связано, среди прочего, с интересами крупного капитала и его олигархов, которые ради извлечения прибыли из новых территорий, разработки новых месторождений нефти, газа, меди или золота готовы всячески воспрепятствовать становлению нового типа человеческого общества. Но внешние угрозы выступают и катализаторами еще более ревностного исполнения законов духовного развития, подлинно человеческого отношения друг к другу и к окружающей природе.

В целом можно сказать, что утопии суть образцы будущего, так же как и само формирующееся будущее. Утопия — вовсе не иллюзия. Утопической иллюзией является как раз надежда на то, что человечество будет и впредь жить на прежних основаниях, эгоистических и

потребительских.

То, что уничижительно называют утопией, есть реальность, взывающая к своему осуществлению. И двигаться вперед необходимо не «от утопии к науке», а на основе духовно-практического отношения к миру и людям. Двигаться к построению будущего подлинно человеческого общества, модель которого запечатлена в классических и современных «утопиях».

# СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ

#### И. Н. Колядко

трансформации фундаментальных Процессы оснований современных модернизирующихся и переходных социумов обусловлены, прежде всего, происходящей реинтерпретацией ключевых ценностных и познавательных принципов, образующих смысловое ядро национальных культурных традиций. Увеличивается число социальных противоречий, впоследствии приводящих к «мощнейшим социальным деструкциям в виде кровопролитных войн, тоталитарного насилия над личностью, деградации культуры и прочего» [1, с. 37], что в особенности отчетливо показал прошедший век. Однако и в веке XXI-м одной из ключевых проблем является эскалация насилия, что нередко находит свое выражение репрессивном воздействии современных информационнокоммуникационных технологий на субъекта деятельности и связано «с опасностью тотального информационного насилия, порождающего новые технологии контроля и социальные практики» [2, с. 28].

Таким образом, следует признать, что идеи восходящего развития и усовершенствования общества (идеи прогресса), которые играли значимую роль в самосознании европейской цивилизации, в современной социальной теории сменяются идеей социального кризиса (П. Штомпка). Последний все чаще рассматривается как «хронический, всеобщий, не оставляющий надежд на улучшение» [1, с. 37]. В то же самое время кризис можно интерпретировать и как «вызов» (А. Дж. Тойнби) для социальной системы, способствующий переосмыслению ценностных приоритетов, соответствие с которыми осуществляется общественное развитие. «Импульс каждому этапу такого исторического упорядочения, – отмечает В. В. Василькова, - дает изменившееся внешнее воздействие, которое Тойнби называет Вызовом истории. Ответом на Вызов является переструктурирование системы, причем каждая система сама определяет свой путь, свою реакцию на действие одной и той же силы» [3, с. 237]. При этом социальный кризис определяется как функционально амбивалентный деструктивный аспект кризиса феномен: если характеризуется

возрастающим воздействием негативных факторов, которые способствуют делегитимации актуального социального порядка, то его конструктивно-созидательная функция проявляется в том, что кризисные явления нередко становятся источником повышения степени сложности развивающейся социальной системы.

Обращаясь к онтологическим и социокультурным основаниям социального кризиса, следует отметить, что верифицируемая научная оценка процессов социальных изменений возможна в том случае, если мы применим объективный критерий измерения, каковым выступает соответствие объекта его функциональному назначению. понимаемое в качестве «самодостаточного человеческого коллектива, члены которого способны самостоятельно создавать и воссоздавать все условия своего существования, в том числе формировать людей как социальных существ» [1, с. 39], представляет собой систему, состоящую из взаимосвязанных функциональных подсистем, образующих особые интегративные - свойства, присущие обществу как целому, а не отдельным сферам, которые оно в себя включает, и не сводимые к какой-(подсистем) социума. Ключевой одной сфер функционирования и развития социума является образующая специфическое интегративное качество ценностно-нормативная система. надбиологической (символической) жизнедеятельности людей она задает императивы развития и регулирует глубину эволюционных процессов системы с интенцией на сохранение ее целостности путем поддержания предельных значений интегративного качества. На уровне социально признанной, легитимной системы норм и идеалов, разделяемой большинством субъектов и общей для социальной системы в целом, ценности и нормы образуют относительно стабильную, инвариантную структуру, которая обеспечивает устойчивость системы.

Вместе с тем следует отметить, что ценностный инвариант воспроизводится в практике социальных отношений через определенную совокупность индивидуальных, личностно спроецированных систем ценностей. Это вносит определенное напряжение в функционирование социальной системы. В то же самое время именно динамика ценностнонормативной сферы, которая часто приводит конфликтам столкновениям разнородных аксиологических ориентаций, претендующих ценностного инварианта социальной системы, источником ее новационного развития путем трансформации ключевых параметров интегративного качества. Таким образом, онтологическим основанием социального кризиса выступает имманентная динамика культуры, в особенности трансформация ее ценностно-нормативных компонентов, приводящая к смене как стереотипов мышления и чувствования, так и доминирующих «картин мира».

Социокультурные основания социального кризиса эксплицируются

посредством концепта «кризисная реальность», под которой следует понимать «переквалификацию культуры в виде радикальной смены установок ("парадигм развития"), что мифотворчества или так называемым "семиотическим экспансией экстремизмом" (Ж. Делез, Ф. Гваттари)» [4, с. 202]. При этом кризис сопровождается «расструктурированием, разрушением границ, стиранием различий и размыванием связей между элементами системы» [4, с. 202], означающих, что «экспансия смысла и семиотическая трансформация происходят кризисной культуре как нагнетание В информационно-знаковая перегрузка системы» [4, с. 202]. Поэтому именно в условиях кризиса возрастает влияние репрессивных социальных практик, идеологическое первенство и претендующих за формирование «легитимного видения социального мира» [5, с. 21]. Таким способствует «кризисный дискурс» формированию коммуникативного пространства, в рамках которого разворачивается противоборство социальных сил и институтов, что, в свою очередь, приводит к эскалации социальных противоречий. При этом кризис в своем социокультурном измерении выступает в качестве «символического насилия», социальный модус которого раскрывается в форме кибервойны, осуществляемой «не посредством прямого насилия, а за счет его угроз, тем самым, превращаясь в нормальное состояние в глобализирующемся мире» [2, с. 34].

Кризис является одной из ключевых фаз в развитии социальной системы, выступая этапом ее структурной трансформации. Рассмотрение социального кризиса сквозь призму онтологических и социокультурных оснований позволяет выявить его функциональную амбивалентность: наличие деструктивного и конструктивно-созидательного потенциала. Кризис, являясь источником трансформации фундаментальных оснований социума, способствует выявлению таких универсалий культуры, которые перестали отвечать актуальным социальным запросам и потребностям, соответственно, оказались недееспособными и неэффективными для Поэтому функционирования И развития системы. трансформация, связанная прежде всего с реинтерпретацией ценностнонормативных параметров системы, будет иметь позитивный исход при условии осуществления комплексных мер рефлексивного управления, направленных на преодоление острых социальных разногласий.

# Литература и источники

1. Момджян, К. Х. Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории / К. Х. Момджян // Вопросы философии. -2016. -№ 10. - С. 37-46.

- 2. Сидоренко, И. Н. Концептуально-методологические основания философии насилия конца XIX начала XXI вв.: дис. ... док. филос. наук: 09.00.03 / И. Н. Сидоренко. Минск, 2019. 266 с.
- 3. Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации / В. В. Василькова. СПб.: Лань, 1999. 480 с.
- 4. Ионесов, В. И. Кризис как культурная реальность и трансформация идентичности / В. И. Ионесов, А. И. Белкин // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2014. Т. 16, № 2. С. 201–205.
- 5. Бурдье, П. Социология социального пространства / П. Бурдье // Общ. ред. пер. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

#### ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, ПРИРОДА, ЭТИКА И ПРАВО

# А. С. Комаровская

Трендовое пространство современных философских дискуссий реализуется по направлению актуализации темы вызовов современной цивилизации. Разнообразие кризисных ситуаций, обнаруживающих себя в пределах человеческого мира, поражает, с одной стороны, многообразием, с другой – тенденциозностью. Глобальность многоаспектного комплекса проблем кризиса современного общества, динамично расширяющегося путем появления новых тематических блоков, ставит под сомнение не только корректность методологических изысканий, но и пригодность самого субъекта познания к осуществлению результативного исследования liquid world. Очевидно. что приоритетные штандарты просвещения: сциентизм и антропологизм, выступающие до сего дня априорными установками человечества, устарели, однако слепая вера в человека, зародившаяся в момент рождения знания о месте человека в мире, не позволяет признать несовершенство человека XXI века, утилизированного природой и утилизирующего социальное измерение.

Наука, призванная вывести человечество к качественно новым горизонтам существования, направлена на постижение объективного, физического, природного мира, где человек является одной органических частей. Факт появления homo sapiens объясняется эволюционной теорией, не имеющей возможности причинности и причинности конечности самого эволюционного процесса. При этом, настаивая на созависимости человека и природы, научное знание не располагает рациональным объяснением как оторванности человека от природы, так и фиктивности внутричеловечского единения. Отношения с природой поддерживаются в силу необходимости и при помощи техники, отношения между человеком и человеком – условность, опосредуемая сегодня государством. Сциентический проект стремительно

разрушается, постоянное дробление и умножение элементов научной карты не имеет ожидаемого результата: запрос на построение научно обоснованной модели человека остается открытым. Наука занята удовлетворением материальных интересов людей, при этом сам человек все еще остается сложнейшей научной проблемой.

Сторонники антропологизма, обвиняя науку и стандартизации людей, достаточно убедительно фиксируют ситуацию кризиса духовно-нравственных ценностей, ратуют за ограничение естествознания в жизни людей, настороженно относятся к ценностным ориентирам научного типа мировоззрения. Однако статус сомнительного, неточного, с точки зрения науки, философского знания не позволил в должной мере развить универсальную модель антропологического поворота. Экзистенциальный модус человеческого бытия остался уделом узкого круга философов, очевидно проигрывая научной антропологии и комплексу нейронаук в гонке за рациональное объяснение феномена «человек». Ф. Долмейр отмечает, что под давлением постмодернистского дискурса и суеты вокруг глобализационных процессов «во второй половине прошлого века философская антропология ушла в тень» [1, с. 7]. Прогнозируемый ренессанс антропологической проблематики современной философии не только возможен, но и стратегически важен. Здесь можно вспомнить слова М. Шелера относительно того, что «проект философской антропологии возникает как попытка снять парадоксальную ситуацию, когда объем знаний о человеке стремительно растет, а понимание им самого себя исчезает» [2, с. 14]. Фактически философия человека становится сегодня одним из эффективных инструментов познания и реконструкции философии в целом.

Философский эксперимент по симуляции научного знания обнажил внутренние проблемы: современная философия страдает диссоциативным расстройством идентичности. Являясь и физикой, и метафизикой по своей природе, но реализуясь в условиях невозможности осуществления исследований сущего становлении, философия значимых В его нарушая самомоделируется наука как o причине, постоянно метафизический И сохраняя тем предел самым двойственность. Избрав человека в качестве причины, философия имеет шанс утвердиться в целостности, установив предел причины пределом причинности, благодаря чему сущность сущего множественности смыслов останется неразделенной и самотождественной.

Бытие, Разум, Бог, Универсум, Природа, Социальность, Язык и иные варианты оснований сущего замыкаются Человеком. Метафизический проект «человек как причина сущего» может выступить основой осознанной синхронистической взаимосвязи хаотичной системы общечеловеческого знания, где философия, в виду максимального объема фундаментальных разнодисциплинарных знаний о мире и о человеке,

станет тем самым уровнем, который по мнению многих исследователей XX века: «физиков Д. Уиллера, К. Прибрама и Д. Бома, биолога Л. Шелдрейка, синергетиков И. Пригожина, Д. С. Белла, А. Вульфа и др. должен существовать под физикой» [3, с. 147]. Философия, как новая методология, закрывая белые пятна современной науки, восстановит диалектику соотношения человек-человек-природа, тем самым, реализуя новый модус человеческого существования, столпами которого должны стать разнонаправленные нормативные системы этики и права.

Применительно к человеку, понимаемому как наиболее глобальный и критичный вызов современной цивилизации, идея принципиально нового модуса существования раскрывается как стабильная реорганизация социального пространства в природном мире, нормы функционирования которого должны иметь взаимоопределяющий, но не взаимозаменяемый характер. Задействуя систему права для восстановления и регулирования взаимоотношений человека с человеком, станет возможным использовать потенциал правового мышления для повышения правовой самоосознанности; тогда как этический компонент может служить для оптимизации и гармонизации взаимосвязи человека с природой методами нравственного воспитания.

В современных условиях и с учетом низкой вовлеченности человека в мир природы, как и небрежного отношения друг к другу, магистральной линией развития человечества должна стать стратегия глобальной трансформации мышления с применением обновленной схемы образовательных практик, основанных на потенциальных возможностях актуального и, главное, реального человека, живущего в нестабильном социальном мире.

#### Литература и источники

- 1. Долмайр, Ф. Возвращение философской антропологии. Субъективные размышления / Ф. Долмайр // Человек. -2010. № 4. С. 5-11.
- 2. Говорунов, А. В. Философская антропология возвращение проекта / А. В. Говорунов // Антропологический поворот. Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 12—20.
- 3. Стерледев, Р. К. XXI век: альтернативные варианты развития человечества на основе новейших методологий / Р. К. Стерледев // Вызовы современности и философии. Бишкек, 2004. С. 142–150.

# ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

#### Н. В. Коноваленко

В современных условиях неопределенности и кризиса в постоянном контакте находятся совершенно разные социальные и культурные группы, по-разному думающие и чувствующие, с разными ценностями, менталитетом и представлениями о своих правах и обязанностях, личной свободе и гражданской ответственности. Их солидарность становится вопросом выживания общества и государства. Вот почему представителям государственного управления необходимо четко осознать сущность и значение взаимодействия свободы личности и социальной солидарности как эффективного механизма государственного управления.

С точки зрения практической философии, соотношение свободы личности и социальной солидарности - сложное переплетение эгоизма и альтруизма, индивидуализма и коллективизма. Его являются сплоченность единомышленников и признание права быть другим, сосуществующие в рамках единого общества. Свобода личности включает свободу совести, свободу вероисповедания, свободу СМИ и т. д. Из этого следует, что принцип взаимодействия свободы личности и солидарности означает создание условий социальной удовлетворения собственных потребностей и интересов личности, ее самосохранения, реализации ее целей и задач, так и признание за другими права на личную независимость, самостоятельность и свободу наряду с уважением интересов государства.

Солидарные отношения государства и общества как тип социального взаимодействия являются основой для согласования индивидуальной и групповой деятельности c глобальными задачами государства. совокупность Государство это территориальных, культурных, исторических и религиозных основ общества, а также институтов публичной власти. Свобода личности означает выбор своего государства как способа мышления. Таким образом, личность, ассоциирующая себя с определенным государством, должна мыслить и действовать неразрывно с данным государством, соблюдая его законы, нормы морали, уважая его историю и традиции. При этом, кажущееся ограничение свободы личности со стороны государства не является, в действительности, проявлением насилия государства над личностью, а выступает гарантией защиты, безопасности физического и морального существования и развития данной личности. По этой причине, эффективное взаимодействие личности и государства с целью реализации ее прав и свобод должно основываться на принципах социальной солидарности, что подразумевает постоянный и

активный характер сотрудничества личности и государства. Малейший диссонанс в этих отношениях может привести к взаимному разрушению.

Идеальная система государственного управления определяет рамки, в которых люди действуют солидарно. Однако чрезмерное стремление государства к стандартизации социальных норм и условий неизбежно ведет к уничтожению различий в культуре населяющих народностей и ответному массовому сопротивлению. Значит, для формирования устойчивой системы социальной солидарности и соблюдения свободы личности государственная власть обязана согласовывать запросы граждан и действия государства в соответствии с понятием социальной справедливости. Известно, что социальная солидарность как образ мыслей, чувств, поведения, выражающих форму поддержки одних людей другими, на всех этапах существования общества выступала важным социальнопсихологическим фактором его образования, сохранения и развития. Поэтому система государственного управления должна использовать различные способы солидарной поддержки одних людей другими: психологические, материальные, идеологические, организационные. силовые, информационные для предупреждения нарушения прав и свобод личности и возникновения социальных конфликтов.

государственной обеспечении Роль власти сопиальной солидарности заключается в том, что она побуждает любую силу считаться с менее зашишенными и оказавшимися в бедственном положении членами общества как носителями неотчуждаемых прав, в том числе - на жизнь и достоинство. Одновременно с этим, государство подвергает оценке действия различных социальных субъектов с точки зрения социальной справедливости и тем самым гарантирует свободу личности в рамках морально-нравственных норм, выработанных исторически, выраженных общественным мнением и регулирующих межличностное общение и поведение людей в обществе. Свобода личности, реализуемая в системе социальной солидарности, предусматривает возможность постоянной коммуникации общества путем выдвижения обществом власти и переговорного ходе сложного процесса государственными органами и общественными группами. Цель – принятие оптимальных управленческих решений, которые отражают сущностные характеристики государства и потребности общества.

В социальном управлении выбор критериев оптимальности управленческого решения, их приоритет определяется интересами лица, принимающего решения, и, в значительной мере, зависит от его субъективных предпочтений. Ориентация на достижение экстремальных экономических, политических, военных, научных показателей без объективного анализа последствий реализации принятых решений для людей, общества в целом, приводят к крупномасштабным экологическим, техногенным, гуманитарным, эпидемиологическим катастрофам,

социальным конфликтам и войнам. Отсюда следует, что индикатором оптимальности управленческих решений в условиях кризиса и неопределенности управленческой ситуации является соблюдение принципа диалектической взаимосвязи свободы личности и социальной солидарности, который выражается в степени доверия управляемого объекта к управляющему субъекту.

Доверие к государству – важный фактор, соединяющий свободу личности с социальной солидарностью. Атмосфера доверия между индивидами, социальными группами, социальными субъектами, а также институциями власти определяет социальную эффективность совместной деятельности [1, с. 7], способствует снижению прямых и косвенных экономических затрат и социальных рисков, установлению партнерских отношений между субъектами и объектами управленческих отношений, что в конечном счете обеспечивает стабильность функционирования социальной системы в целом. Доверие возникает между участниками социально-экономических взаимодействий лишь при наличии у них общей ценностей (культурных, социальных. системы экономических. политических), через призму которых происходит идентификация социальных практик и восприятие социального окружения [2, с. 23], и в своей основе предполагает готовность к самопожертвованию во имя достижения общих целей; убежденности всех участников социального партнерства в правильности выбранной стратегии и тактики совместных действий. Таким образом, участие населения в сфере государственной деятельности усиливает доверие к органам государственной власти.

В условиях кризиса и неопределенности доверие становится реальностью в том случае, когда взаимозависимость свободы личности социальной солидарности реализуется через действие, поскольку доверие и недоверие возникают не априори (как вера), а как разнообразная реакция в ответ на деятельность партнеров по взаимодействию [3, с. 8]. Активное доверие гражданского общества к органам государственной власти должно завоевываться, а не следовать из установленных социальных позиций.

Отстаивая принципы социального государства, территориальной сохранения идентичности целостности, культурной народов, государственное управление не только стимулирует социальную солидарность, обеспечивает свободу личности, но повышает эффективность своей деятельности.

# Литература и источники

- 1. Столяр, В. Ю. Доверие как феномен социально-экономической реальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / B. Ю. Столяр; Твер. гос. ун-т.—Тверь, 2008.-21 с.
- 2. Штомпка, П. Доверие основа общества: монография / П. Штомпка // Пер. с польск. Н. В. Морозовой. М.: Логос, 2020. 440 с.

3. Дворянов, А. А. Доверие в системе социального управления: автореф. дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.8 / А. А. Дворянов; Рос. гос. ин-т инеллектуальной собственности.— М., 2006.— 21 с.

# ПРОЦЕССЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

#### А. Ю. Косенков

Сложный и многомерный феномен информации до сих пор остается одним из самых дискуссионных в философии и науке (см. [1]), что затрудняет разработку соответствующего понятийно-категориального аппарата и методов исследования информационных процессов. Вместе с тем, данные трансформации должны находиться в центре внимания философии ввиду масштабности изменений информационной реальности, а также новых вызовов и угроз, которые они несут. В данном тексте предлагается обозначить общие контуры этих трансформаций и их следствия.

В 1940-х гг. произошла компьютерная революция, ознаменованная разработкой электронно-вычислительных машин, выполняющих операции с информацией. Совершенствуясь и постепенно включаясь в деятельность индивида, новые технологии задают количественные и качественные параметры информационных процессов. Ключевыми характеристиками информационной реальности на современном этапе развития общества 1) количественный рост данных; рост фиксированной информации; 3) обретение информацией цифрового вида, позволяющего совершать с ней специфический набор действий; 4) ускорение информационных процессов; 5) открытость и доступность 6) появление феномена виртуальной коммуникации; 7) расширение возможностей создания и трансляции информации индивидом; 8) разработка и интенсивное внедрение программируемых технических систем, способных без вмешательства индивида участвовать в информационных процессах; 9) возрастание значения информации как товара и ресурса.

Рассмотрим более подробно некоторые характеристики. В процессе цифровизации наблюдается количественный рост данных. По подсчетам Л. Флориди, цивилизация с момента возникновения письменности до 2006 г. накопила примерно 180 экзабайт данных, а с 2006 по 2011 г. – 1600 экзабайт. Эта цифра, по словам философа, увеличивается четырехкратно приблизительно каждые три года [2]. Рост числа данных требует разработки новых, более совершенных технологий, позволяющих их обрабатывать и хранить. Сегодня такими технологиями становятся большие данные (Big Data), которые помимо систематизации информации,

могут быть использованы для выявления в ее массивах закономерностей, что открывает возможности для их использования в коммерческой, политической, исследовательской и других видах деятельности. Однако новые технологии, как показывает практика, хоть и предоставляют более совершенный инструментарий для работы с информацией, лишь способствуют ее экспоненциальному росту.

Вместе с тем массивы информации не статичны: по мере развития и внедрения сетевых технологий они передаются от одного индивида к информационную другому. Современную реальность характеризировать с помощью метафоры потока, в котором смешивается истинное и ложное, полезное и бесполезное, высокое и низкое. В новых информационных реалиях у индивида формируется клиповое мышление, а образовательными и другими институтами совершенствования его информационной культуры. При этом информация передается от одного устройства к другому достаточно быстро, что способствует ускорению трансформационных процессов в обществе. В новых социальных реалиях возрастает необходимость выработки более совершенных механизмов адаптации социальных акторов.

Открытость и доступность информации праву рассматриваться как достижение эпохи, однако тотальная открытость информации делает жизнь современника более прозрачной. Данные, которые пользователь оставляет в сети. «оселают» на серверах, ввиду чего к ним можно получить доступ. Этим, помимо преступников, могут пользоваться политические и экономические институты, которые на анализа пользовательских данных способны политические, потребительские, сексуальные предпочтения индивида. Новые технологии, таким образом, несут угрозу нарушения приватности индивида (наблюдая же за практиками пользования социальными сетями можно в целом говорить о нивелировании границ между личным и публичным), а также представляют собой потенциальные инструменты контроля. С другой стороны, открытость информации способна сделать более прозрачными государственные институты, а технологии Big Data успешно использоваться В педагогической психологической практике (анализ пользовательских данных может давать весьма ценное знание индивида о самом себе).

Внедрение цифровых технологий приводит к виртуализации и появлению феномена виртуальной коммуникации. И если раньше было вполне уместно разделять виртуальное и физическое (реальное), то сегодня подобная демаркация становится все более условной. Недаром одним из главных событий этого года стала блокировка аккаунта Д. Трампа в Твиттере, посты в котором приводили к вполне «реальным» последствиям. Данный пример, помимо условности границы между реальным и виртуальным, демонстрирует, что пользователя, ведущего активную

сетевую жизнь, можно «выключить», ограничить в доступе к информационным ресурсам, что в современных реалиях уместно рассматривать как новую форму дискриминации.

С другой же стороны, выход в виртуальное пространство предоставляет большие возможности для занятости, творчества, коммуникации, что особенно актуально для индивида, находящегося за пределами так называемого «золотого миллиарда». Виртуализация, помимо этого, становится тем фактором, который превращает наш мир в единое глобальное сообщество, активный информационный обмен внутри которого способствует взаимообогащению, а также решению глобальных проблем.

Как следует из вышесказанного, трансформация информационной реальности сопровождается рядом соответствующих вызовов. Однако это не должно быть основанием для демонизации цифровых технологий. Автор полагает, что вызовы и пути их преодоления будут еще долго находиться на повестке дня, а человечество пойдет по некоему среднему пути между «цифровым варварством» и «цифровым раем», наглядно демонстрируя как положительные, так и негативные следствия данного процесса. Высокая скорость трансформационных процессов, постоянная турбулентность и неопределенность, моментально вспыхивающие и гаснущие социальные конфликты и перенасыщение шокирующим контентом будут создавать у современника тревожное ощущение движения в пропасть, но это может не соответствовать действительности: есть основания полагать, что цифровизация будет сопровождаться, в частности, повышением качества жизни и демократизацией. Вопрос же, на взгляд автора, в данном случае не только в том, с какими именно вызовами столкнулось общество, но и в том, готовы ли мы к их преодолению.

Вышесказанное актуально и для Беларуси, позиционирующей себя ІТ-страна. Следуя по пути внедрения цифровых технологий, необходимо рассматривать цифровизацию как технологический процесс неразрывно связанный с социальным контекстом. Техника, как известно, включена в деятельность индивида и ее использование обусловлено спецификой социальных отношений, а также мировоззренческими установками, которые преобладают в обществе (эту взаимосвязь можно выявить, сравнив, к примеру, процессы цифровизации в Эстонии и Китае). Из этого следует, что в новом цифровом мире минимизировать риски и преодолеть обозначенные в тексте вызовы можно в ходе демократизации, установления доверительных отношений между властью и гражданами, постоянного обновления законодательства, совершенствования правовых, образовательных и других институтов, в условиях открытости процессов цифровизации и участия в них субъектов гражданского общества. Все это делает цифровизацию социально-технологическим процессом, управление которым становится комплексной, многомерной и весьма нетривиальной задачей, требующей ответственности от всех включенных в него акторов.

### Литература и источники

- Соколов, А. В. Философия информации / А. В. Соколов. СПб.: СПбГУКИ, 2010. – 368 с.
- 2. Floridi, L. Big Data and their epistemological challenge / L. Floridi // Philosophy and Technology. 2012. Vol. 25, № 4. P. 435–437.

# СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТОВ КОНФУЦИЯ

Н. В. Костеева, Д. А. Смоляков

С ускорением процессов глобальной экономической и культурной интеграции происходит углубление взаимодействия государств политической, экономической и культурной областях. В этом свете язык как инструмент взаимопонимания приобретает новое значение, поскольку мультилингвизм и мультикультурализм открывают новые возможности с точки зрения расширения международного измерения как в политике, экономике, так и образовании. В этой связи все больше стран фокусируются на изучении не одного языка международного общения, но многообразия национальных языков стран-партнеров, нацелены на подготовку кадров, способных работать в любых языковых и культурных средах. В этом смысле интернационализация образования выводит на межнациональное взаимодействие, преследуя цель новый уровень сохранения национальных особенностей и устойчивости. Реализуя международную интеграцию, интернационализация высшего образования исходит из ценностных и целевых показателей, сближение которых процесс, обеспечивающий интеграционный усиление национальной устойчивости за счет сотрудничества национальностями [1, с. 202].

Созданная 2004 году Государственной канцелярией распространению китайского языка за рубежом Министерства образования КНР сеть Институтов Конфуция является уникальным элементом новой системы гуманитарного сотрудничества Китая с миром и стала предметом дискуссий различного уровня в академических сообществах и среди мировой общественности. В этой связи стремительное развитие образовательного «Институт Конфуция», всемирного проекта реализуемого в общей парадигме инициативы «Один пояс и один путь» и философской концепции «сообщества единой судьбы», комплексного изучения, определения перспектив участия в нем на национальном уровне, обсуждения новых форматов функционирования Институтов Конфуция в Беларуси в рамках белорусско-китайского гуманитарного сотрудничества.

Институты Конфуция обладают необходимым потенциалом международного сотрудничества для расширения И налаживания белорусско-китайского диалога в гуманитарной сфере. Институты Конфуция, транслируя идею «гармонии» китайской традиционной культуры, тем самым подчеркивают принцип «достижение согласия при наличии разногласий», который утверждает, что мир – разнообразия, признает существующие различия выступает И сосуществование элементов этого многообразия. Именно деятельность Институтов Конфуция может быть одним из методов разрешения имеющихся ныне проблем [2, с. 95]. Институты Конфуция содействуют международной интеграции и мультикультурному общению через изучение национальных языков и культур. В настоящее время развитие системы Институтов Конфуция характеризует деполитизация, тенденция к углублению сотрудничества Институтов Конфуция с учреждениями других стран, финансовая поддержка развития проекта с китайской стороны, поиск новых инструментов расширения влияния проекта.

Масштаб, география, цели и основные направления деятельности Институтов Конфуция позволяют говорить о них как об одном из самых значительных образовательных и культурно-просветительских проектов начала XXI века. Реализация культурных обменов Институтами Конфуция выражается в распространении традиционной китайской культуры, поиске образа «нового Китая». Использование же международного потенциала пелью созлания научных консорциумов, исследовательских центров на базе Институтов Конфуция [3, с. 6] позволит им стать платформой для диалога между китайскими и зарубежными учеными, руководителями предприятий заинтересованными организациями, молодежи, на которую ориентирован проект. Деятельность всех сторон будет созвучна известному китайскому принципу «Океан вмещает сотни рек, широкая душа вмещает многое; достигать согласия, несмотря на разногласия, собрав все и вся». Такая перспектива развития Институтов Конфуция позволит всем элементам этой глобальной сети находить баланс между лидерством, инициативой и признанием равноправия, взаимного познания, сосуществования и сближения культур, поиска диалога в решении актуальных мировых вопросов.

#### Литература и источники

1. Смоляков, Д. А. Интернационализация высшего образования: теория, практика, перспективы / Д. А. Смоляков. – Минск: Беларуская навука, 2020. – 223 с.

- 2. Ван, Ш. Институт Конфуция и обучение китайскому языку за рубежом в контексте публичной дипломатии КНР / Ш. Ван // Международные отношения. 2018. № 2. С. 90—97.
- 3. Тозик, А. А. Об актуальности и проблемах формирования белорусской школы китаеведения / А. А. Тозик // Школа молодого китаеведа: приоритетные направления исследования современного Китая и актуальные задачи формирования белорусской школы китаеведения: сб. ст. участников Школы молодого китаеведа, Минск, 28 февраля 2020 г. / Под ред. проф. А. А. Тозика. Минск: БГУ, 2020. С. 3–12.

# БЕЛОРУССКИЙ ПРОТЕСТ-2020: КОНФЛИКТ ГРАЖДАНСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

# О. Ю. Кравцов

9 августа 2020 года в стране состоялись очередные выборы Президента Республики Беларусь. После объявления результатов по республике прокатились массовые акции протеста, целью которых было признание победителем другого кандидата и проведение внеочередных президентских выборов.

В социальных медиа и интернет-СМИ либеральной направленности данный протест преподносился как конфликт между (несовременным авторитарным) государством, нацеленным на консервацию существующего строя, и белорусским обществом, которое созрело для перемен и социально-политических преобразований.

Данная трактовка событий не отражает внутренней сути происходящих социально-политических процессов. По нашему мнению, истоки протеста находятся не в сфере политики, а в плоскости социальных отношений и являются следствием накопления системных противоречий в белорусском обществе.

Белорусы — социалистическая нация, сформированная советской властью на базе крестьянского населения западных губерний бывшей Российской Империи. К моменту распада СССР белорусы были, возможно, самым успешным социалистическим национальным проектом. Из всех советских наций, они наиболее точно соответствовали моральному облику строителей коммунизма и были ближе всех к переходу в бесклассовое безнациональное коммунистическое общество [1, с. 156–158; 2, с. 58–60; 3, с. 147].

Распад СССР положил конец коммунистическому проекту, но это не означало одномоментного изменения сложившейся системы отношений и, конечно же, не могло привести к автоматическому исчезновению белорусской социалистической нации. Советские белорусы продолжили свой эволюционный путь, как государствообразующая гражданская нация в собственном независимом государстве.

Вполне закономерно, что падение «железного занавеса», свободное предпринимательство, информатизация создали условия для зарождения в республике отношений буржуазного характера. Расширение таких отношений привело к образованию в стране буржуазного, точнее – буржуазноориентированного типа личности. Социальное расслоение происходило не столько по доходам или роду занятий, сколько по ценностным ориентациям. Новый тип личности представлял собой гражданского антипода социалистического белоруса.

Белорусская государственная социалистическая нация является органичным целым с имеющимся государством и политической системой, с которыми связывает свои планы на будущее, экономические и карьерные интересы. Буржуазную социальную страту можно рассматривать как нацменьшинство, самостоятельное которое не имеет государственности. Существующее государство оно воспринимает как принуждения, политическую аппарат насилия И власть оккупационную, антинародную и незаконную. Ядро этой составляет, прежде всего, экономически самостоятельное население самозанятые, предприниматели, работники ІТ-сферы, то есть те, кто научился жить и зарабатывать без помощи государства.

До определенного момента противоречия между двумя идентичностями не бросались в глаза и носили скрытый, латентный характер. В период выборов, когда социальная система перешла в состояние возбуждения, накопленные противоречия проявились в форме открытых уличных протестов. Триггером протеста стала очередная победа кандидата от большинства, которая не устроила проигравшую сторону.

По нашему мнению, происходящие события, по форме представляющие борьбу между обществом и государством, по сути являются конфликтом между активным буржуазным меньшинством и государствообразующим социалистическим большинством. В этом смысле, протест-2020 можно характеризовать как неудачную попытку осуществления в республике буржуазного переворота.

После объявления результатов голосования представители активного меньшинства массово вышли на улицы для защиты своих интересов. У стороннего наблюдателя могло сложиться впечатление о единодушной всенародной поддержке проигравшего кандидата, поскольку аналогичных по масштабу акций в защиту официального победителя не наблюдалось.

Однако логика происходящего заключается в том, что массовых акций поддержки своего кандидата со стороны обычных представителей государственной нации и не должно было быть. Потому что государственная нация, как это принято у зрелых законопослушных наций, изначально делегировала функцию насилия профессионалам из государственных силовых структур. Именно посредством силового аппарата государства происходила защита интересов гражданской нации

белорусского большинства. И с этой задачей силовики справились, не обманув ожиданий сограждан.

Для людей, выросших в странах либеральной демократии, в западной системе ценностей, любая альтернативная форма правления воспринимается как абсолютное зло, с которым необходимо бороться. Таким злом, конечно же, считается для них «белорусский авторитарный политический режим», который называют белорусской диктатурой.

При этом, сторонники либеральной демократии не учитывают тот факт, что местная диктатура — это естественная форма самоорганизации белорусского народа, неотъемлемая часть его социального уклада, при которой белорусский народ, собственно, и состоялся как нация и субъект международных отношений.

Попытка освободить белорусский народ от его «родной диктатуры» – это попытка освободить черепаху от панциря, не подозревая, что панцирь и черепаха – это единое целое. И без этой самой «диктатуры» – не будет белорусского народа. Это не значит, что с падением «диктатуры» белорусы исчезнут физически. Это значит, что белорусы перестанут быть самими собой, станут неким иным народом. Может быть лучше, может хуже, чем они есть сейчас. Возможно, потерявшее себя население интегрирует в качестве составных элементов в какие-либо иные национальные проекты.

Однако очевидно, что сегодня белорусы сделали выбор в пользу тождественности самим себе. Не конкретно силовики, а именно весь белорусский народ победил протест на своей земле, чтобы остаться самим собой. И у него это получилось.

#### Литература и источники

- 1. Кравцов, О. Ю. Белорусский национальный проект как образец советского нациетворчества / О. Ю. Кравцов // Формирование белорусской государственности в условиях геополитических сдвигов XX в.: материалы международной научной конференции, Минск, 29–30 ноября 2018 г. / БГУ. Минск, 2018. С. 155–159.
- 2. Кравцов, О. Ю. Европейский и советский национальные проекты в Беларуси: конфликт идентичностей и цивилизационных парадигм / О. Ю. Кравцов // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история: сб. ст. по материалам VII Международной научнопрактической конференции «Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история». М.: Изд. «Интернаука», 2018.  $\mathbb{N}$  1 (5). 112 с.
- 3. Кравцов, О. Ю. Историческая память как механизм формирования и управления обществом / О. Ю. Кравцов // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы международной научнопрактической конференции, Минск, 26–27 сентября 2019 г. / ООО «СУГАРТ». Минск, 2019. С. 146–148.

### ЧЕЛОВЕК ХОЧЕТ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ, НО ЭТОМУ МЕШАЕТ КАПИТАЛИЗМ

# Л. Е. Криштапович

Человеческое существо таково, что оно стремится к счастью. Все люди хотят быть счастливыми, и никто не хочет быть несчастным. Это аксиома человеческой жизни. Но здесь возникает вопрос: что такое счастье? Обычно отвечают на этот вопрос таким образом: поскольку все люди разные, то у каждого человека и счастье разное. Это обычная поверхностная, чисто буржуазная трактовка человеческого счастья. Буржуазной идеологии в силу ее социальной несправедливости выгодно рассматривать людей в качестве различных индивидуумов, которые, дескать, не имеют никакого общего интереса, а поэтому и понимание счастья у них различное. В действительности же все люди по своей природе одинаковые и у всех понимание счастья тоже одинаковое. В этом плане разницы между человеком эпохи античности и человеком нашим временем не имеется. Здесь важно понимать, что речь идет о человеческой природе, а не о социально-классовом различии античного и современного общества. Поэтому люди античного общества и люди современного общества в плане своей человеческой природы одинаково представляли смысл человеческого счастья. Самое небольшое размышление по этому вопросу убеждает нас в этом. Как человек античного времени, так и человек нашего времени хотели быть умными, здоровыми, красивыми, быть материально обеспеченными, хотели, чтобы их любили и уважали их достоинство. И все эти моменты составляют счастье человека. Поэтому платоновское определение счастья вполне применимо и к нашему времени.

По Платону, «счастье разделяется на пять частей: во-первых, разумные желания, во-вторых, здравые чувства и невредимое тело, втретьих, удача в делах, в-четвертых, добрая слава среди людей, в-пятых, достаток в деньгах и прочих жизненных средствах. Разумные желания возникают следствием воспитания и многоопытности. Чувства бывают здравыми от состояния частей нашего тела, когда глаза видят, уши слышат и рот и ноздри ощущают все, что им надлежит, – вот что такое здравые чувства. Удача бывает, когда все, к чему человек стремится, он и совершает должным образом, как подобает человеку ревностному. Добрая слава бывает, когда о человеке слышно хорошее. Достаток бывает, когда у человека есть довольно средств, чтобы оказывать помощь друзьям и отбывать государственные повинности с честью и щедростью. У кого все это есть, тот вполне счастлив» [1, с. 163].

Таково развернутое определение человеческого счастья, которым вполне может руководствоваться человек и нашего времени в своей жизни. Но можно дать и более короткое определение счастья человека, которое не

будет противоречить платоновскому. Счастье — это когда у человека есть будущее. В самом деле, ведьчеловек живет ради будущего. Иначе люди не создавали бы семей, не рожали бы детей, не воспитывали бы и не учили бы их. Зачем они это делают? Ведь это трудная, тяжелая работа. Именно потому, что они хотят быть счастливыми. Отнимите у людей будущее, и они станут несчастными. Почему наши люди ностальгируют по советским временам? Потому что в советское время у людей было будущее, и они были счастливы. В нынешнее постсоветское время, время, казалось бы, независимых государств, люди не видят своего будущего, а поэтому они несчастны. А пока люди чувствуют себя несчастными, то есть пока у них нет будущего, они не живут, а выживают. При такой ситуации взывать к патриотизму наших людей — значит не понимать природы человека. И дело здесь не только в хлебе насущном. Дело именно в сознании человека, в том, что в самом сознании человеканет идеи будущего.

Если на счастье человека взглянуть через призму будущего, то самые счастливые люди — это дети, потому что у них все впереди, все в будущем. Взрослые потому так и любят детей, что они напоминают им о своем счастливом времени. А самые несчастные люди — это старики, потому что у них все позади, все в прошлом. В самом деле, именно к старости скопляются все несчастья: слабости, болезни, утрата смысла жизни. Какой печальный жизненный круг, который начинается со счастья и заканчивается несчастьем. И в то же время каждый человек хочет дожить до старости, причем до глубокой старости. Парадокс? Нет, диалектика жизни. Значит и в самой старости человека есть что-то такое, что делает его счастливым человеком. Это — мудрость как будущее человека в старческом возрасте, ибо только мудрость представляет собой то высшее человеческое знание, позволяющее человеку быть образом божьим и отличать добро от зла.

Признавая аксиому, что все люди хотят быть счастливыми, необходимо признать и то, что человек по своей природе доброе существо. «Человек по природе добр», – писал Руссо [2, с. 10]. И это тоже аксиома человеческой жизни. В реальной действительности она подтверждается на каждом шагу. Мы видим, что все люди хотят быть хорошими, чтобы их уважали, чтобы о них говорили хорошо, чтобы их дети тоже были хорошими, добрыми существами. Ведь никто из родителей не хочет, чтобы их детей считали плохими, вредными, злобными существами, чтобы они не почитали родителей. Даже преступники (грабители, насильники, убийцы) и те хотят выглядеть в глазах других людей вполне порядочными и общежительными. Даже преступники хотят, чтобы их принимали за хороших людей. И вообще, никто же не хочет признаваться в том, что он несправедливый, злой человек. недобрый, Кстати, «все признававшие два начала (доброе и злое, то есть бога и дьявола); злое начало всегда ставили ниже доброго; в противном случае они

предполагали бы нечто абсурдное» [2, с. 64].

И это тоже должно быть понятно. Ибо если бы по своей природе человек был несправедливым, злым существом, то человеческое общество не смогло бы состояться, поскольку люди переругались бы, передрались бы, перебили бы друг друга и исчезли с исторической сцены раньше, чем смогли бы объединиться в человеческое сообщество.

Но злой, несправедливый человек одновременно является и несчастным человеком. Ведь никто же не согласится с утверждением, что злой, несправедливый человек может быть счастливым человеком. Утверждать подобное – явный абсурд.

Но тогда возникает вопрос: откуда же берутся злые, несправедливые, а следовательно, и несчастные люди, если по своей природе человек добр? Ведь очевидно, что в человеческом обществе, где все хотят быть счастливыми, существуют злые и несправедливые люди. Возникает вопрос: почему человек изменяет своей природе и становиться на дорогу зла и несчастья?

Ответ на этот вопрос сводится к выяснению причины зла в человеке. А если бы мы сумели узнать причину, которая приводит человека к несправедливости и злу, мы тогда сумели бы, если не устранить, то, по крайней мере, рационально противодействовать этой причине и создать действительно счастливое человеческое общество без конфликтов, насилия, эксплуатации, войн, о чем всегда мечтали великие мыслители и гуманисты в истории человечества. Известно, что Лермонтов всю свою творческую жизнь работал над своим «Демоном» с целью раскрыть причины зла в людях. Попробуем ответить на этот вопрос: откуда берутся злые, несправедливые и несчастные люди?

Думается, что все согласятся с тем утверждением, что злой, несправедливый, а следовательно, и несчастный человек –это человек, который неудовлетворен своей настоящей жизнью. А почему так происходит? Потому, что человек не умеет радоваться самой жизни в единстве ее временных периодов – прошлого, настоящего и будущего. Не осознает того, что сама человеческая жизнь и есть счастье человека. Поэтому можно дать более точное определение понятию счастья. Счастье – это есть сама человеческая жизнь. В этом мы убеждаемся на примере реальной жизни человека. Ведь человек, даже находящийся на пороге смерти, осознающий, что он умирает, тем не менее, продолжает бороться за жизнь, не хочет умирать, подтверждая тем самым, что сама жизнь создает счастье человека.

Но неудовлетворенность своей настоящей жизнью не есть нечто абстрактное, внесоциальное. Это означает, что человек испытывает недовольство при взаимодействии, общении с другими людьми, с другим человеком. Другими словами, злой, несправедливый человек смотрит на людей как на своих конкурентов, недругов, врагов, которые мешают ему

стать счастливым человеком. Получается, что злой, несправедливый человек испытывает ненависть, вражду по отношению к себе подобным и желает им всяческого несчастья. Вот почему «мы непременно становимся врагами людей, если мы можембыть счастливы только через их несчастье» [3, с. 412]. Объективно такиелюди глубоко несчастны, ибо они и на себя смотрят через призму ненависти и враждебности, поскольку по отношению к себе выступают недругами, врагами. Отсюда следующее определение счастья. Счастье – это когда человек сам себе друг.

В таком случае совершенно очевидно, что все несчастья человечества обусловлены самой капиталистической системой, которая из двух начал – доброго и злого, бога и мамоны – приоритет отдает злу и мамоне, которая ради прибыли лишает человека любви к ближнему, будущего и самого смысла жизни. Поэтому без ликвидации бесчеловечной капиталистической системы невозможно человеку стать счастливым.

#### Литература и источники

- 1. Лаэртский, Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. -2-е изд. М.: Мысль, 1986.-571 с.
- 2. Руссо, Ж.-Ж. Педагогические сочинения. В 2-х т. / Ж.-Ж. Руссо. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. 656 с.
- 3. Гельвеций, Клод Адриан. Об уме. Соч. В 2-х т. / Клод Адриан Гельвеций. М.: Мысль, 1973. Т. 1. 647 с.

### ВОЕННАЯ СФЕРА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

#### В. А. Ксенофонтов

Военное насилие сопровождает человечество на всех этапах его истории, а война — это форма бытия человечества. Следовательно, в системе национальной безопасности важнейшее место занимает подсистема военной безопасностии. Несмотря на стремление людей к миру, военная мощь и ее производная военная сила была и остается крайним, но наиболее решительным инструментом силовой политики государства. Даже при определенном снижении компонента военной силы в современном противоборстве и перемещении акцентов насилия на другие (невоенные) силы воздействия, военная сила остается существенным инструментом разрешения противоречий.

Под военной угрозой Республика Беларусь понимает действия другого государства (других государств), экстремистских, религиозных, сепаратистских движений, организаций, расположенных на территории другого государства (других государств), указывающие на реальное намерение применить вооруженную силу против Республики Беларусь. И если в настоящее время отсутствуют военные угрозы Республике Беларусь,

то существует военная опасность на уровне рисков и вызовов, обусловленная наличием объективно существующих источников военной безопасность Беларуси Военная обеспечена уровне опорой, достаточном c прежде всего, политикоинформационные и другие дипломатические, невоенные методы. Вооруженные Силы остаются гарантом независимости, территориальной целостности, суверенитета государства [1, с. 24]. В военной сфере существуют как внутренние [1, с. 35], так и внешние источники военных угроз [1, с. 43].

Государство, заботясь о безопасности, не только формирует и развивает военную сферу, но и вырабатывает собственную военную идеологию. Систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту страны отражает Военная доктрина Республики Беларусь, в которой военная безопасность представлена как состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от военных угроз [2, с. 4].

категорией "военная сфера" понимается исторически сложившаяся целостная подсистема общества, удовлетворяющая его объективную потребность в военной безопасности и осуществляющая в этих целях посредством различных форм военной организации интеграцию социальной активности людей (социальных групп) и норм института военной службы» [3, с. 254]. Целевой установкой функционирования военной сферы является достижение военной безопасности. Военная безопасность включает в себя: а) систему идей и взглядов на защиту государства и общества, определенную идеологию (военную), а также целеполагание; б) вид деятельности, направленный на предотвращение военной опасности, ликвидацию военных угроз; в) состояние свойственна обшественных отношений, которому зашишенность интересов государства (личности, общества) от угроз, связанных с силовым решением международных и внутриполитических проблем; г) систему государственных институтов, призванных защищать общество и его граждан от внешней военной экспансии и силового давления внутренних сил; д) свойство социальной системы сохранять собственную стабильность, то есть возможность устойчивого динамичного развития, целостность, самостоятельность вопреки внешней военной экспансии; е) способность государства отстаивать свои напиональные интересы [4, с. 447].

В республике продолжается совершенствование военной сферы национальной безопасности. Страна обеспечивает свою военную безопасность исходя из принципов оборонной достаточности и стратегического сдерживания потенциальной агрессии, отдавая приоритет невоенным средствам. Важнейшей задачей, решаемой государством в интересах обеспечения военной безопасности, является подготовка страны

к обороне [1, с. 55]. В условиях, когда военное насилие остается важным инструментом обеспечения национальных интересов наиболее влиятельных геополитических игроков, именно развитие военной сферы национальной безопасности является ключевым фактором жизнеспособности и стабильности Беларуси.

На наш взгляд, основными направлениями деятельности государства обеспечению функционирования военной национальной безопасности являются: прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз военной безопасности; выявление новых тенденций и концепций военного насилия и разработка комплексного учения о войне, мерах ее предотвращения и технологиях ведения; определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обороны и обеспечения военной безопасности; уточнение и реализация в стране современной военной идеологии как основы безопасного развития личности, общества и государства; научное и экспертно-аналитическое обеспечение разработки основополагающих документов. регулирующих функционирование военной сферы национальной безопасности; правовое регулирование обеспечения военной безопасности; разработка и применение комплекса оперативных и долгосрочных мер по выявлению, предупреждению и устранению возможных угроз военной безопасности, локализация и нейтрализация последствий их применения; разработка и применение специальных политических, экономических, социальных, духовных и собственно военных мер в целях обеспечения военной безопасности государства; разработка, производство и внедрение современных видов вооружения, военной и специальной техники, а также техники двойного и гражданского назначения в целях обеспечения военной безопасности; системная организация научной деятельности и развитие аналитических центров и структур в области военной сферы, гражданско-военных отношений, обеспечения национальной безопасности; координация органов государственной власти, органов деятельности управления и самоуправления, политических и общественных организаций и движений в области обеспечения военной безопасности; достаточное финансирование расходов на обеспечение функционирования военной организации государства, ее развитие исходя из современных и перспективных опасностей (угроз) военной безопасности; осуществление других мероприятий в области обеспечения военной безопасности в соответствии с национальным законодательством.

В заключении отметим, что важнейшей задачей сохранения и развития Беларуси является дальнейшее совершенствование интеллектуального потенциала как основы безопасного развития [5], а также важнейших компонентов силы государства. Именно такой путь позволит противостоять нетрадиционной войне. Причем военная сфера

должна развиваться с опережением, ориентируясь на войны будущего. Поскольку военное насилие касается всего общества и государства, целесообразно готовить весь общественный и государственный организм к защите и противодействию агрессивным акциям противника. Важно постоянно изучать философию современной войны, готовить управленцев всех уровней к пониманию сущности и содержания современной и перспективной войны [6].

Таким образом, наличие и функционирование военной сферы национальной безопасности, производящей продукт «военная безопасность», является жизненно необходимой областью деятельности государства. Именно она обеспечивает особое состояние социальной системы, при котором осуществляется эффективное противодействие влиянию внешних, внутренних и трансграничных угроз военной экспансии извне и создаются условия для стабильного развития личности, общества и государства.

#### Литература и источники

- 1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь № 575 от 9 нояб. 2010 г. Минск: Белорусский Дом печати, 2011. 48 с.
- 2. Военная доктрина Республики Беларусь. Утверждена Законом Респ. Беларусь 20.07.2016 г. № 412–3.
- 3. Философия: Учебник для военных вузов // Под ред. О. Ю. Ефремова. СПб: Питер, 2015. 464 с.
- 4. Философия и военное дело: учебник // Под общ. ред. П. В. Петрия. М.: КНОРУС, 2019.-466 с.
- 5. Ильницкий, А. М. Обеспечение интеллектуального лидерства основа национальной безопасности / А. М. Ильницкий // Военная мысль. 2021. № 1. С. 6—21.
- 6. Попов, И. М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли / И. М. Попов, М. М. Хамзатов. М.: Кучково поле, 2016. 832 с.

# НАТО – УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И БЕЛАРУСИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

# В. Н. Ксенофонтов

Реалии военно-политической ситуации выдвигают для союзного государства актуальную задачу: дать взвешенную, объективную оценку расширению НАТО на Восток. В этой связи рассмотрим ряд положений.

Генетический аспект. По своему содержанию он связан с состоянием международных отношений в 40-е годы XX столетия. В этот

исторический период и Беларусь, и Россия направляли материальноэкономические средства и духовные силы на мирную созидательную деятельность. Они реализовывались в восстановление последствий войны против германского фашизма. А такие последствия были очень ощутимы. Только населения за годы войны республика Беларусь потеряла каждого третьего своего жителя, а весь СССР – 28 млн человек. В руинах находились многие города Беларуси и России. Именно послевоенный период 1945–1950 годов стал для руководителей государства и народов Советского Союза периодом мирного созидания. В этой связи подчеркнем, что наша страна в этих условиях в военном отношении не представляла собой какой-либо угрозы как США, так и государствам Западной Европы. Более того, наше государство предлагало сотрудничество, а не конфронтацию с США и западноевропейскими странами, особенно в сфере международных отношений. Однако президент США Г. Трумэн в военной политике в качестве приоритетной задачи выдвигал наращивание военной мощи в Европе, формирование военной политической структуры.

4 апреля 1949 г. в Вашингтоне было подписано соглашение об организации Североатлантического Союза (НАТО). Договор вступил в силу 24 августа 1949 г. В состав НАТО вошли: США, Бельгия, Голландия, Канада, Италия, Дания, Нидерланды, Великобритания, Люксембург, Исландия, Франция, Португалия. Следует отметить, что Варшавский договор, являвшийся ответной военной политической мерой по отношению к НАТО, образовался только в 1955 г. Примечательно, что в настоящее время на политической карте Европы уже много лет не функционирует объединение государств Варшавского договора. Наряду с этим Россия и Беларусь ныне не выступают государствами, находящимися в конфронтации в области международных отношений к государствам НАТО.

В этом плане Россия и Беларусь вправе рассчитывать на взаимность со стороны Североатлантического альянса. Однако такой процесс не происходит. Более того, число членов этой военно-политической организации в настоящее время выросло с 12 до 29 государств.

Функциональный аспект. Он по своему содержанию и направленности обнаруживается в стратегических решениях НАТО военно-политического характера. Прежде всего, в наращивании членов НАТО из числа государств Восточной Европы. Это такие государства, как Болгария, Венгрия, Польша, Словакия, Румыния и Чехия. Все они находятся вблизи границ с Беларусью и Россией. При непосредственном участии США в этих странах идет процесс активного наращивания числа военнослужащих и оснащении их новейшей военной техникой. Так, в Польше увеличилось количество танковых частей, оснащенных новыми средствами ведения вооруженной борьбы, размещены ракеты средней дальности, способные нести ядерное оружие; размещаются средства ПРО

на территории Румынии. Заметим, что подлетное время ракет средней дальности, способных достичь территории соседней с Польшей Беларуси, укладывается в 1—2 мин. Появление новой угрозы для России и Беларуси представляет реализация плана руководством НАТО по созданию на Черном море в Болгарии современной военно-морской базы альянса для кораблей различного типа. Цель такой военно-морской базы направлена против военно-морских сил России на Черном море.

Другим геополитическим направлением НАТО явилось вхождение в альянс Латвии, Литвы и Эстонии. Они непосредственно граничат с Россией в акватории Балтийского моря и на сухопутной территории - с областями Беларуси и России. В этой связи следует отметить, что войска НАТО, исходя из такой геополитической обстановки, приблизились к жизненно важным экономическим, политическим и историко-культурным государства. Санкт-Петербург, Союзного Среди них: Калининград, Смоленск, Псков, Новгород (Россия), Брест, Гродно, Витебск, Минск (Беларусь). На территории стран Балтии идет интенсивный процесс увеличения передовой группы сил быстрого развертывания, включающий сухопутную бригаду, воздушные и военноморские силы [1, с. 156–159]. Кроме того, модернизируются военные которые прежде располагались для находящихся там аэродромы, авиационных частей Советской Армии. Ныне на территории Литвы НАТО использует авиационную базу для облета границ Беларуси и России. Наряду с этим Североатлантический альянс активизирует свою и военноморскую деятельность. В частности, его руководство использует Литовский порт Клайпеду для вхождения в него военных кораблей НАТО и их присутствия вблизи морских границ с Россией в акватории Балтийского моря.

Идеологический аспект. Идеологическая составляющая НАТО в сфере международных отношений, включая в их орбиту республику Беларусь и Россию, направлена на реализацию доктринальных положений типа: «Глобальный удар», «Ядерное устрашение», «Многосферное сражение». Североатлантический альянс, игнорируя действительность, своей идеологической направленностью активно пропагандирует идею о том, что политика России в системе международных отношений предстает агрессивной по отношению к государствам этого союза. На ложность таких положений в политике НАТО указал Министр Обороны РФ генерал армии С. К. Шойгу [2, с. 126].

В процессе складывающихся в последние годы противоречий в сфере военно-политических отношений между странами НАТО, с одной стороны, Россией и Беларусью, с другой стороны, именно последние открыто предлагают уход от стереотипа «образа врага». Кроме того, Россия и Беларусь предлагают конструктивные направления, опираясь на нормы международного права, по снижению военно-политической

напряженности на основе развития странами мер доверия. В современных противоречивых международных отношениях и перспектив их развития США, как главный субъект Североатлантического альянса, активно тиражируют идеологическую концепцию «ядерного Мировым же лидером, активно воздействующим на процессы планеты, по мнению США, должно выступать только американское государство. Исходя из такой идеологической посылки, Вашингтон считает, что США видят своих ядерных соперников в лице России и Китая. Вот почему США признают допустимость применения наступательных средств стратегического вида в сочетании ядерного и неядерного оснащения.

Идеолого-пропагандистская деятельность таких членов НАТО, как Литва, Латвия и Эстония приобретает свои особенности [3, с. 127–128]. Она достаточно очевидно проявляется по ряду направлений. Во-первых, СМИ стран Балтии с подачи государственных институтов власти в массовое сознание насаждается «образ врага» в лице Советского Союза. Идеологическое содержание СМИ направлено на то, что после завершения Великой Отечественной войны СССР создал в этих государствах политический режим, противоречащий действительной демократии.

Во-вторых, в Латвии, Литве и Эстонии правовые институты и СМИ активно возносят деятельность и образы тех граждан, кто сотрудничал с немецко-фашистскими войсками, в том числе участвовал в карательных чистках, отличался злодеяниями и воевал против Красной Армии. Вместе с тем, в этих государствах уничтожаются памятники полководцам Красной Армии, которые обеспечили освобождение стран Балтии от фашистских оккупантов. Все это происходит при поддержке руководства НАТО и США.

Таким образом, процесс приближения НАТО к границам Беларуси и России представляет собой угрозу безопасности Союзному государству и предполагает взвешенный анализ этого явления в современных условиях.

# Литература и источники

- 1. Суверенитет России и проблемы его сохранения в меняющемся мире: монография / А. С. Брычков [и др.]. Смоленск: ВА ВПВО РФ, 2016. С. 156–159.
- 2. Шойгу, С. К. Коалиция против нестабильности / С. К. Шойгу // Военнопромышленный курьер. Общероссийская еженедельная газета. -2019. -30 апреля -6 мая. -№ 6 (779). С. 6.
- 3. Ксенофонтов, В. В. Русский мир как социокультурный феномен в условиях эволюции международных отношений / В. В. Ксенофонтов // Военно-академический журнал. 2018. № 2(18). С. 127–128.

### ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА И СОВРЕМЕННЫЕ ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ

#### А. В. Кузнецов

Современный мировой социально-экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса, выявил хрупкость обратимость капиталистической экономической глобализации. Этот кризис также показал фальшь тех лозунгов идеологии либеральной демократии, которые с середины 1980-х гг. доминировали в мировом общественном сознании. Чего стоит идея прав человека, если в результате капиталистической оптимизации государственного здравоохранения для большинства людей оказалось недоступным первое право каждого человека - право на жизнь. Чего стоит лозунг демократии, когда правительства способны вводить самые драконовские меры, ограничивающие взаимодействия людей, без которых невозможна никакая демократия. Чего стоит лозунг равенства культур, народов, государств, когда более экономически развитые и сильные государства вырывают у бедных и слабых государств средства защиты от коронавируса.

Однако надо отметить, что пандемия коронавируса сама по себе не породила кризис современной техногенной цивилизации. Она лишь обнажила противоречия этой цивилизации, сделала их как бы осязаемыми.

Можно также согласиться с известным российским философом А. Дугиным в том, что крупные эпидемии, тем более пандемии неизбежно связаны с ростом агрессии среди огромных масс населения. Всякая пандемия усиливает отрицательные эмоции среди большинства людей, особенно среди тех, кто отчужден от высших достижений культуры. Страх смерти, рост зоологического индивидуализма, различного рода фрустрации, распространенные среди жителей мегаполисов, колоссально усиливаются во время пандемии. Этим в какой-то мере можно объяснить рост агрессии в протестных движениях и в США, и во Франции, и в Польше, и в Республике Беларусь. Но и в этом случае пандемия коронавируса лишь делает зримой ту духовную болезнь, которая поразила техногенную цивилизацию.

Есть еще одна проблема, которую выявила пандемия коронавируса. Она заключается в неожиданности и внезапности самого феномена пандемии. Еще в середине 2019 года никто из государственных деятелей, политиков и даже ученых не предполагал возникновение пандемии и тех экономических, социальных, политических и культурных последствий этой пандемии для всего мира.

Пандемия коронавируса показала, что глобальные проблемы человечества (возможность ядерной войны, экологический кризис, антропологические проблемы, о которых говорил В. С. Степин [1, с. 30—

31], и др.) могут проявиться в виде «черных лебедей» (внезапных и неожиданных катастроф, гибельных для всего человечества). В этой связи возникает вопрос о футурологических прогнозах, которые должны выявить опасности, подстерегающие современное человечество. К сожалению, как отмечают многие футурологи и философы, современной футурологии присущи недостатки, которые не позволяют ей предсказывать появление «черных лебедей».

Во-первых, футурологические прогнозы нацелены на решение какойлибо отдельной проблемы: защита окружающей среды, помощь странам «третьего мира», нераспространение ядерного оружия и т. д. В этих футурологических прогнозах не просматривается понимание их авторами тесной взаимосвязи между этими глобальными проблемами.

Во-вторых, эти футурологические прогнозы нацелены на сохранение социального статус-кво и не предполагают каких-либо серьезных изменений в мир-экономической системе позднего капитализма, а поэтому не могут изменить инерционное экстенсивное развитие техногенного общества.

Наконец, этим прогнозам присущи все недостатки господствующей в современном обществознании парадигмы социального знания:

- технократический уклон, выражающийся в том, что на первое место ставится технические достижения, а не социальные последствия этих достижений;
- делается упор на современных тенденциях общественного развития без осознания того, что эти тенденции могут радикально измениться;
- остается не преодоленной вера эпохи Просвещения в автоматизм общественного прогресса [2, с. 19; 3, с. 342; 4, с. 361–362; 5, с. 73].

С нашей точки зрения, методологической основой современных футурологических исследований должна быть социальная синергетика, рассматривающая общество как сложную, неравновесную, открытую систему, которая находится в наше время в точке бифуркации.

Поскольку в отличие от других сложных, открытых и неравновесных самосознающей, саморефлексирующей общество является системой, то оно способно не только предсказывать возможные пути своего дальнейшего развития, но и на основе этих предсказаний и прогнозов перестраивать и изменять самое себя таким образом, чтобы осуществления возможность негативных прогнозов исключить предсказаний. Именно поэтому условиях современных футуросинергетика превращается в ведущую обществоведческую дисциплину, интегрирующую вокруг себя, по сути, не только все обществознание, но и многие естественнонаучные дисциплины.

Футуросинергетика преодолевают историцизм, присущий культуроисторической парадигме социального знания, который блокирует осознание обществом возможных опасностей его стихийного развития. Именно поэтому футуросинергетика может обнаружить «черных лебедей», когда они еще не сбились в стаю, грозя человечеству неожиданной катастрофой.

## Литература и источники

- 1. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
- 2. Ласло, Э. Макросдвиг: К устойчивости мира курсом перемен / Э. Ласло. М.: Тайдекс Ко. 2004.
- 3. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.
- 4. Джордж, Ф. После 1984. Перспективы лучшего мира / Ф. Джордж // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.
- 5. Переслегин, С. Б. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд / С. Б. Переслегин. М.: АСТ; СПб.: Тегга Fantastica, 2009.

# КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В ЛЕВОРАДИКАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КАТОЛИЦИЗМА И ПРОТЕСТАНТИЗМА

#### В. В. Кузнецов

Представители леворадикального направления католицизма протестантизма сосредотачивают свое внимание на критике социальноэкономических, социально-политических и духовных основ современного общества. Так, с точки зрения Г. Гутьерреса, одной из главных задач теологии освобождения является критическая оценка современной исторической практики [1, р. 11]. Чон Мо Сонг разделяет утверждение Г. Гутьерреса, что теология должна быть критикой и современного общества, и различного рода мифов и фетишей, оправдывающих существующий социальный порядок. Но в то же время бразильский теолог отмечает, что эта критика приобретает особое значение именно в XXI в., поскольку распада социалистического блока И кризиса освободительных движений в современном общественном сознании утвердился миф об отсутствии альтернатив капиталистической социальноэкономической системе [2, р. 30–32]. Этот вывод Чон Мо Сонга поддерживает и ветеран леворадикального христианского движения Ю. Мольтман [3, с. 7]. В отличие от консервативного практически все леворадикального направления подчеркивают представители несовместимость христианских идеалов любви к ближнему, братства и социальной справедливости с принципами современного капитализма конкуренцией, расчетливостью. индивидуализмом, Существующий социальный порядок с его социально-экономическими противоречиями леворадикалы объявляют антихристианским.

Наиболее последовательные представители леворадикального направления (выходцы из стран третьего мира), поэтапно формировали свою социально-экономическую программу, опираясь первоначально на теорию зависимости, затем на концепцию мир-системного анализа, сконцентрировав внимание на критике экономической концепции либерализма о безальтернативности капиталистического пути развития.

Современная экономическая теория, обосновывающая рыночную экономику, базируется на популярных теоретических самоорганизации и саморазвития. Однако при этом, согласно Чон Мо Сонгу, смешивается самоорганизация и саморазвитие человеческого общества с самоорганизацией и саморазвитием биологического организма. Бразильский теолог отмечает, что и в утопии централизованного планирования, и в утопии рынка источником социальной гармонии является не человеческая солидарность, а государство или инстинкты человеческого индивида [2, р. 71–72, р. 76]. В этой связи Чон Мо Сонг особенно жестко критикует известного экономиста и социального мыслителя Ф. фон Хайека, который после краха «реального социализма» стал своего рода «гуру» для большинства экономистов бывших социалистических стран. Согласно Чон Мо Сонгу, объяснения фон Хайека о том, что спонтанный процесс самоорганизации рыночной системы проходит вовсе не безболезненно для большинства его участников, заключаются в следующем: во-первых, этот процесс идет часто помимо воли и желаний его участников, а во-вторых, неизбежен отказ в помощи проигравшим участникам этого процесса, поскольку такая помощь противоречит безжалостным, но справедливым законам рынка. Более того, Хайек считает, что всякое вмешательство в рыночную экономику со стороны государства и общественных организаций с целью смягчить последствия жесткой конкуренции, господствующей на рынке, приведут к краху всей рыночной экономики. C точки латиноамериканского теолога, идеи рыночного фундаментализма, которые представлены в работах Ф. фон Хайека и ряда других экономистов, базируются скорее на вере в так называемую невидимую руку рынка, нежели на рациональных доказательствах.

Вместе с тем, как отмечает Чон Мо Сонг, аргумент, – отсутствие полноты знаний относительно того, что нужно обществу в данный период его развития, – на который ссылается Хайек и другие экономисты, являющиеся сторонниками рыночного фундаментализма, с целью обоснования приоритета рыночной экономики перед государственным планированием, можно применить и против рыночного фундаментализма. Если нет полноты знаний о потребностях общества и отдельных индивидов, то не может быть никакой уверенности и в том, что рынок является наилучшим регулятором экономической деятельности людей, а

следовательно, возможно и вмешательство общества и государства в рыночные отношения между субъектами [2, р. 80–81, р. 84–85].

Леворадикальные христианские мыслители показали, что после крушения «реального социализма» путь экономического развития капитализма неуклонно ведет к росту социального неравенства, вооруженным конфликтам и другим социальным потрясениям. В конечном счете леворадикальные теологи приходят к выводу, что без социальной демократии, которая подразумевает контроль общества над производством и распределением общественного богатства, представительная демократия представляет собой идейно-политический камуфляж экономического и политического господства глобальной и местной олигархии [2, р. 14–16].

Надо отметить, что представители леворадикального направления уже в 70-80-е гг. ХХ в., констатируя признание экологического кризиса, возлагают ответственность за этот кризис на социально-экономическую систему современного капитализма. Поэтому особо важное место в их работах, наряду с критикой современного капитализма, отводится экологической проблематике. Согласно Ю. Мольтману, «человеческая мудрость состоит в поиске жизнеутверждающей гармонии между цивилизацией и природными экосистемами; цель состоит не в том, чтобы подчинить природу человеку, но в том, чтобы научиться поддерживать с природой разумный баланс и осуществлять с ней гармоничное взаимодействие»; однако наука при капитализме. Ю. Мольтман, «носит захватнический характер; в ней нет места удивлению перед явлениями природы, она занимается исключительно расчетом убытков и прибылей» [4, с. 38].

Леворадикальные христиане убеждены в том, что без манипуляции общественным сознанием, без моральной деградации современного западного общества дальнейшее существование капиталистической социально-политической системы было бы невозможно. Они разоблачают способы такой манипуляции в виде «религиозного возрождения», «морально ответственного бизнеса», идеологии потребительства и эгоизма [2, р. 99–100; 5, р. 277], а также утверждают о необходимости защиты от данных способов манипуляции, которая может создаваться, в частности, в процессе воспитания иных желаний, нежели страсти покупать и потреблять, и в первую очередь воспитания желания творческой деятельности, новой духовности, устремленности изменить свою реальную жизнь [2, р. 27–28].

Таким образом, критика представителями леворадикальной социально-философской мысли католицизма и протестантизма охватывает все стороны глобализирующегося капитализма. Леворадикальные теологи показывают, что процесс функционирования современного капитализма неизбежно порождает социальное неравенство, беспощадную конкуренцию, индивидуализм и эгоизм, которые прямо противоположны

принципам христианского гуманизма. В процессе критического современного обшества осмыспения OCHOB представителями леворадикального направления католицизма протестантизма И выдвигаются для обоснования необходимости разработки идеи альтернативных социальных проектов в XXI веке.

#### Литература и источники

- 1. Gutiérrez, G. A Theology of Liberation: History, Politics, and Salvation / G. Gutiérrez // Translated and edited by Sister Caridad Inda and John Eagleson. Maryknoll, New York: Orbis, 2011. 264 p.
- 2. Sung, Jung Mo The Subject, Capitalism, and Religion: Horizons of Hope in Complex Societies / Jung Mo Sung // Preface J. Rieger. New York: Palgrave Macmillan, 2011. xxxiv p., 171 p.
- 3. Мольтман, Ю. Человек / Ю. Мольтман. М.: Издательство ББИ, 2013. xii + 129 с.
- 4. Мольтман, Ю. Наука и мудрость: К диалогу естественных наук и богословия / Ю. Мольтман. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. 204 с.
- 5. Tamayo, J. J. La Teología de la Liberación. En el nuevo escenario político y religioso / J. J. Tamayo. 2ª ed. Valencia: Tirant lo Blanch, 2011. 559 p.

# О НЕОБХОДИМОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОНЯТИЙ «ПОЛ» И «ГЕНДЕР»

#### Н. Н. Куксачёв

В настоящее время понятие гендера довольно прочно и широко вошло в научный оборот исследователей, занимающихся проблемами психологии, социологии, антропологии отношений между мужчинами и женщинами, а также вопросами феминизма и борьбы за равноправие в обществе, вне зависимости от половой принадлежности. Однако если для повседневного языка использование двух терминов для обозначения одного круга понятий может быть допустимым, то для научного употребления, следуя принципу бритвы Оккама, следует избегать дублирования использования двух терминов для обозначения понятий семантического Требуется либо поля. провести разграничение между понятиями пола и гендера, с чем зачастую у возникают либо избегать исследователей трудности, такого синонимического употребления двух разных понятий.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что «понятие "пол" относится к анатомической структуре, понятие "гендер" относится к навязанному или принятому социальному и психологическому состоянию» [1, с. 175]. Пол является практически всегда однозначно

идентифицируемым признаком конкретной личности, как внешне наблюдаемый ее признак (хотя здесь также могут быть некоторые оговорки). В биологии и медицине дифференциация пола происходит по определению воспроизводства половых клеток: сперматозоидов — для мужской особи, яйцеклеток — для женской, либо наличию органов репродуктивной системы для принятия или передачи половых клеток по мужскому или женскому типам.

Гендер же – это своего рода определяемая самой личностью и идентифицируемая обществом роль, которую индивид исполняет в общественных отношений, многообразии возникающих взаимодействии личности с другими индивидами и внешним миром. Такая идентификация происходит на основе культурных и социальных представлений конкретного общества, может претерпевать значительные флуктуации с течением времени, развития общества или культурных особенностей данного конкретного общества. То есть, например, в одном культурном окружении такое поведение может маркироваться мужским, в другом – уже женским либо нейтральным и т. д. Таким образом, можно отметить, что гендер, в отличие от пола, не является врожденным признаком личности, а усваивается под воздействием той или иной степени агрессивности со стороны общества и проявляется в соответствии с определенным социальным сценарием.

Представления о том, какой набор качеств и паттернов поведения присущ в данном обществе мужчине, а какой женщине закрепляется в складываемых столетиями стереотипах данного общества. Стереотипы выполняют важную культур-сохраняющую и культур-транслирующую роль, фиксируя, преобразуя и передавая дальнейшим поколениям наиболее стабильные представления о поло-ролевых установках данного общества. Формирование и транслирование такого набора представлений служит мощным стабилизирующим фактором данного общества. Безусловно, такая стереотипизация может оказывать сдерживающий эффект для дальнейшего развития общества в плане замедления приспособления данного общества к экономическим, геополитическим трансформациям глобального масштаба. Но в то же время, она позволяет сохранять данное общество как целое от его растворения, обеспечивая культурное разнообразие как фактор стабильности и «развития, рассматриваемого не только в плане экономического роста, но и как средство, обеспечивающее полноценную интеллектуальную, эмоциональную, нравственную духовную жизнь» [2] в масштабе человеческой цивилизации.

Подводя итог, можно отметить, что:

1. При употреблении понятий «пол» и «гендер» в научном контексте следует четко оговаривать семантическую нагруженность данных терминов. При невозможности разделить семантические поля понятий — избегать синонимического их использования.

- 2. «Гендер», в отличие от понятия «пол», не является врожденным свойством личности и конструируется в процессе социальных взаимодействий личности с социумом и окружающим миром, на основе культурных представлений данного общества.
- 3. Сформированные и формирующиеся в данном обществе стереотипы, относительно роли и поведения мужчин и женщин в социуме играют важную культур-сберегающую роль, способствуя развитию человеческой цивилизации в глобальном масштабе.

#### Литература и источники

- 1. Даймонд, М. Пол и гендер это не одно и то же / М. Даймонд // Развитие личности. 2013. №1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/ article/ n/ pol-i-gender-eto-ne-odno-i-to-zhe-perevod-s-angliyskogo-aleny-kudrinoy. Дата доступа: 10.06.2020.
- 2. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии // ООН [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ ru/ documents/decl\_conv/ declarations/ cultural\_diversity.shtml. Дата доступа: 11.06.2020.

#### ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ И ГРАНИ ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

#### О. В. Курбачёва

Сегодня понятие «толерантность» так часто используется в публицистических изданиях, в риторике общественно-политических деятелей, в научно-исследовательских проектах, что терминологические границы постепенно размываются и само понятие зачастую обретает спекулятивный характер, подстраивающееся под контекст событий. Мода на толерантность становится настолько агрессивно-навязчивой, что принимается любая инаковость, кроме самого факта отсутствия толерантности. И это может послужить основанием для достаточно явной социальной поляризации. Что же представляет собой толерантность сегодня? Каковы грани ее интерпретации?

Безусловно, толерантность сама по себе не представляет собой универсальную категорию. Ee интерпретация обусловлена социокультурным контекстом определенного исторического развития общества, культурной традицией, уровнем развития самого общества и другими факторами, оттеняющими смысловое пространство понятия. Если обратиться к этимологии слова, то в переводе с латинского «tolerans», «tolerantis» термин буквально читается как «терпеливо переносящий» [1, c. 241]. В английском транскрипции «толерантность» обретает дополнительный смысл претерпевать, «способность без протеста воспринимать личность или вещь» [2]. А в переводе с французского (tolerat) появляется такое

понимание, как «терпимый, снисходительный» [3]. Даже на уровне обнаруживается полисемантичность термина и различных оттенков интерпретации. Синонимичный ряд в понимании толерантности является далеко не условным и несет в себе значительные содержательные вариации в толковании. Поэтому смысловое пространство понятия толерантность является пусть не открытым, но однозначно вариативным. С одной стороны, это расширяет концептуальнотеоретическое осмысление понятия, но с другой стороны затрудняет конструирования четких семантических границ толерантности и осознания его на данном этапе социокультурного развития. При этом важно отметить, что само понятие не представляет собой некий абстрактный этический идеал, а несет в себе достаточно определенную коннотацию в рамках диалоговой практики: терпеливое отношение к Другому. При этом важно отметить, что само понимание терпеливого отношения, его границы и основания являются далеко не очевидным явлением. Эти сложности в интерпретации под давлением внешних социокультурных обстоятельств выступают определенным триггером для дальнейшего предметного и системного толерантности как феномена.

В первую очередь, важно выделить различные проявления толерантности: толерантность как терпимость, предполагающая наличие внутреннего напряжения, усилие над собой, направленное на сдерживание собственных негативных проявлений по отношению к Другому и толерантность как принятие – сознательное принятие различий, признание универсальных прав и свобод человека. Однако вне зависимости от того, как мы реализуем и формируем принцип толерантности, границы допустимого отношения к Другому не должны зависеть от политического, социально-экономического или расового критерия. Толерантность не может быть навязанной извне, она возможна только как пространство свободного и осознанного выбора. Важно морально-психологический интегрировать И аспект, политический контекст проявления толерантности, не вычленяя из этой связки ни одного из элементов. Каждая из обозначенных сфер психологическая И социально-политическая сфера проявления формирования толерантности как таковой, является сдерживающим механизмом друг для друга и основанием для добровольного согласия на взаимную терпимость [4]. Ведь толерантность всегда связана с практикой диалога, субъектом которого может выступать как отдельная взятая личность, так социокультурная общность. И только в синтезе и взаимодополняемости внутренней регламентации и общей установки на признание инаковости как культурной нормы возможно формирование добровольного согласия на терпимость. Внутренняя регламентация человека предостерегает от искусственного и внешнего навязывания

терпимости как конструкта. С другой стороны, морально-политический аспект проявления толерантности, ее внешняя регламентация служит гарантией и основанием для ожидания от другого тождественной реакции.

шагом В понимании природы толерантности возможностей ее осуществления, с одной стороны, как внутренней личной установки и, с другой, как значимой культурной ценности является анализ семантического поля понятия толерантности. Историко-философский экскурс подтверждает о наличии различных акцентов в интерпретации толерантности, ее вариативности и социокультурной ангажированности. Например, академик В. А. Лекторский в своей известной статье «О толерантности, плюрализме и критицизме» предлагает возможные способы понимания толерантности: как безразличие, снисхождение, невозможность взаимопонимания, расширение собственного опыта и [5, с. 50]. Анализируя идеал различные толерантного отношения к Другому, автор подчеркивает необходимость «видеть в иной позиции, в другой системе ценностей, в чужой культуре не то, что враждебно моей собственной позиции, а то, что может помочь мне в решении проблем, которые являются не только моими собственными, но и проблемами других людей и других культур, других ценностей и интеллектуальных систем отсчета» [5, с. 53].

В контексте современной установки на транскультурное сближение традиций, культурных ценностей толерантность может быть представлена именно как «право на различие». Ведь толерантность, безусловно, не врожденное, а приобретенное, воспитываемое чувство и способ отношения к миру и Другому. А как только мы признаем «право на различие», мы допускаем возможность иного опыта, иных ценностей, отличающихся от моих убеждений и не вписывающихся в привычные для меня стандарты понимания. При сближении культур и их сосуществовании в одном жизненном пространстве важно осознавать, что абсолютное понимание иных, чуждых для меня ценностей или мировоззренческих установок невозможно и не требуется. Другая культура всегда сохранит в себе определенную закрытость для меня. Это может проявляться в мифах, стереотипах, языке, традициях. При этом важно не оценивать другую культуру исходя из сугубо локальных эстетических и моральных критерий. Чужая культура не хуже и не лучше, чем собственная, она всегда иная. Однако это не означает, что невозможен диалог между различными культурами и ценностями. Толерантность выступает именно условием межкультурного диалога, но для того, чтобы диалог был не внешним и механическим, он должен быть критическим. Критический диалог – это одновременно уважение к другой и собственной культуре, а также конструктивная критичность к собственной и чужой позиции. Именно толерантность становится основанием для критического диалога: я признаю и уважаю право на различие Другого и ожидаю обратное

признание. Вступая в диалог, любой его субъект должен быть готов к изменениям. Гарантией полноценного диалога может выступить только уверенность том, что и другой субъект диалога готов и способен сделать ответный шаг навстречу изменениям. А это, в свою очередь, возможно, когда толерантность становится не только индивидуально-значимой категорией, но социально-политической феноменом. А для того, чтобы не было различий между сферой «сущего» и сферой «должного» важно не культивировать толерантность как некий нравственный идеал, к которому мы только должны стремиться, а формировать представления о том, что толерантность это норма, являющаяся частью повседневной практики.

#### Литература и источники

- 1. Бачинин, В. А. Толерантность // Этика: энциклопедический словарь. М., 2005.
- 2. Oxford English Dictionary // Толерантность [Электронный ресурс] Режим доступа: http://dictionary.cambridge.org/ ru. Дата доступа: 03.03.2021.
- 3. Большой французско-русский и русско-французский словарь\_// Толерантность [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru Дата доступа: 03.03.2021.
- 4. Тишков, В. А. О природе толерантности и нетерпимости [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://valerytishkov.ru/ cntnt/ publikacii3/ lekcii2. Дата доступа: 05.03.2021
- 5. Лекторский, В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме / В. А. Лекторский // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 46–54.

#### СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

#### В С Лапиина

Город в современных исследованиях выступает как особая культурная форма, складывающаяся исторически, наряду с другими социальными институтами общества. «Город — это определенная культурная идея, причем рамочная, конституирующая все остальное» [1, с. 13].

Известный теоретик современного урбанизма Ричард Флорида в книге «Новый кризис городов» задается вопросом: «Города – это двигатели инноваций, модели экономического и социального прогресса, какими их считают оптимисты, или зоны ярко выраженного неравенства и классового расслоения, как утверждают пессимисты?» [2, с. 4]. Урбанизм, по его мнению, парадоксален и противоречив. Результатом разрастания городов, увеличения числа городского населения, развития инфраструктуры города, транспортной системы становится урбанизм, предполагающий ослабление социального контроля и социальной

сплоченности, анонимность общения, преобладание формально-ролевого общения, нарочитая рациональность в поведении. Урбанизм — это социокультурные последствия жизни в городской среде: изменение системы ценностей, привычек, обычаев, моделей поведения человека. Следует подчеркнуть, что результатом урбанизации являются принципиальные изменения в структуре занятости населения, в образе жизни современного человека, в характере социальных отношений. Все это, в свою очередь, оказывает влияние на ценностный мир человека, осмысление им социальных, культурных, экономических процессов, протекающих вокруг.

Мы рассматриваем урбанизм как новый социокультурный вызов, который современный город бросает нам, философам, обществу в целом и конкретному человеку. Разрешение противоречий предполагается в диалоге «города – горожанин», более того, этот диалог может быть представлен в триаде «город – человек – общество» (субъекты «урбосферы» по С. С. Касаткиной) [3]. Согласно социологу Луису Вирту, урбанизм как образ жизни есть преобладающая черта современного общества. Л. Вирт отмечает, что «личностная дезорганизация, нервное расстройство, суицид, преступность, коррупция и беспорядок – все это будет ожидаемо шире в городском сообществе, чем в сельском» [4, с. 40].

Немецкий социолог и философ Макс Вебер в работе «Город» замечает, что город представляет собой «населенный пункт, поселение в тесно соприкасающихся друг с другом домах, которое настолько велико, что в нем отсутствует специфическое для общества соседей личное знакомство друг с другом» [5, с. 9]. На этот пункт как ключевую черту города (в социокультурном отношении) указывает и другой немецкий философ и социолог Георг Зиммель. Рассматривая повседневное человеческое существование в книге «Большие города и духовная жизнь», Зиммель отмечает, что «духовное отношение жителей большого города друг к другу можно с формальной точки зрения назвать замкнутостью» [6, с. 90]. Мы нередко «даже в лицо не знаем соседей, с которыми годами живем в одном доме». Внутренней стороной этой внешней замкнутости является безразличие, взаимная чужесть, отторжение, невысказанное желание избежать контакта [6, с. 92–93].

Об этой же особенности пишет Эллард Колин, директор Лаборатории городской повседневности Университета Ватерлоо в Канаде. Изучая влияние урбанизации, ученый отмечает, что психические расстройства, связанные с тревожностью, чаще всего развиваются в городской среде. Причину этому Эллард находит в добрососедских отношениях (а точнее, в их отсутствии). Например, тщательное исследование сплоченности соседских сообществ, включающее оценку их мобильности, процентной доли одиноких отцов и матерей и количества

человек в семьях, показало, что люди, у которых хорошие и крепкие отношения с соседями, меньше подвержены тревожности и депрессиям [7, с. 148–149].

Человечность и бесчеловечность урбанизации, ее антропологическое измерение, эта растущая и становящаяся все более явной двойственность – одновременно и причина, и следствие увеличивающейся вовлеченности каждого (почти) горожанина в развитие города, когда простой житель выступает соавтором архитектурных проектов и концепций развития городских территорий. Через социальные сети и мессенджеры реализуется практика дискуссий, обсуждений вопросов, касающихся социальных, жилищных и иных вопросов, потребностей жильцов микрорайонов. С одной стороны, в этом явлении мы видим преодоление разобщенности. С другой стороны, такая практика экспериментов «снизу» в городской среде становится частью повседневной жизни, вовлекая все больше жителей города в процессы переустройства, «отвоевания» прилегающих территорий, создания собственных дворовых территорий отдыха, детских площадок и т. д. В научных исследованиях появился даже новый термин «хипстерский урбанизм». «Хипстерский урбанизм – это самая молодая на сегодняшний день городская идеология», - отмечает российский социолог В. С. Вахштайн [8, с. 41-42]. Сегодня существуют варианты синонимов к данному направлению: «самодельный урбанизм», «тактический урбанизм», «всплывающий урбанизм», «урбанизм в стиле сделай сам», «партизанский урбанизм», «кооперативный урбанизм» и целый ряд других определений.

Наблюдаемый урбанистический активизм превращается в новый социокультурный феномен современности и даже вызов. С одной стороны, районов города, объединяются чтобы сделать пространство более комфортным для проживания и отдыха, отстоять свои эстетические вкусы (как это было с памятником «Аленке» в Нововоронеже в 2020 году, когда общественность потребовала немедленно убрать неуклюжую скульптуру). С другой стороны, излишняя активность жителей и желание протестовать по любому поводу, оспаривать утвержденные концепции благоустройства городских территорий могут тормозить и леформировать развитие города. Урбанизация есть неизбежный объективный, исторический процесс, а ее негативные последствия следует расценивать как новый социокультурный вызов, который требует социально-философского осмысления.

#### Литература и источники

1. Агеева, Е. Ю. Город как социокультурное образование: функциональнотипологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Е. Ю. Агеева. — Нижний Новгород, 2005. — 48 с.

- 2. Флорида, Р. Новый кризис городов: Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать / Ричард Флорида. М.: Издательская группа «Точка», 2018. 368 с.
- 3. Касаткина, С. С. Урбосфера: системно-семиотический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / С. С Касаткина. Архангельск, 2019. 38 с.
- 4. Витр, Л. Урбанизм как образ жизни / Л. Витр. М.: Strelka Press, 2018. С. 44—45.
- 5. Вебер, М. Город / M Вебер. 2-е изд. М.: Strelka Press, 2018. 252 с.
- 6. Зиммель,  $\Gamma$ . Большие города и духовная жизнь /  $\Gamma$ . Зиммель. M.: Strelka Press, 2018. 112 с.
- 7. Эллард, К. Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие / Колин Эллард. 3-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2020. 288 с.
- 8. Вахштайн, В. С. Метафоры города и метафорика городских исследований: самоописание vs метаописание / В. С. Вахштайн // Культура и искусство. -2015. -№ 1. -C. 41-42.

# СОВРЕМЕННЫЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

#### И. И. Лещинская

Комплекс глобальных проблем, стоящих перед человечеством, настоятельно требует поиска быстрых и достаточно эффективных способов их разрешения. Эти проблемы с особой остротой ставят перед философской общественностью задачу осмысления сложившейся ситуации и разработку стратегий преодоления системного кризиса.

Опасаясь погружения в эсхатологические настроения и дискурс кризиса, отметим лишь наиболее острые проблемы, заявленные в современной повестке. Во-первых, к ним следует нарастающий и углубляющийся дисбаланс во взаимосвязи социума и природной среды. достаточно очевидные устремления определенных политических сил к изменению мирового порядка, для которых характерно подрыв «силы права» и утверждение «права силы» при достижении поставленных целей. В-третьих, антропологический кризис, во всем проекций (онтологической, многообразии аксиологической, его праксиологической, технологической и др.). Его прямым следствием явились процессы десакрализации как культуры, так и человека как ее творца. На наш взгляд, именно последняя из заявленных проблем заслуживает особого внимания, поскольку весь комплекс противоречий задается специфической онтологией современного человека. Пространство бытия современного человека, его качественные и количественные характеристики, его ценностный режим в конечном итоге и определил характер и глубину проблем.

Интенсивный процесс цифровизации и формирование сетевого общества привели к тому, что для становления и развития современной личности значение имеют не только биологическая и социальная детерминация, но и комплекс сетевых коммуникативных практик, в которых он активно задействован. Современный человек как член сетевого сообщества постоянно занят конструированием своего виртуального «профиля», так как озабочен своим сетевым статусом порой гораздо больше, чем положением в реальном социальном пространстве. «Цифровое мышление» и «цифровой» стиль жизни стали неотъемлемыми характеристиками современного человека. «В отличие от традиционных морфологических коммуникативных связей виртуальная коммуникация не ограничена гендерными, географическими, лингвистическими или физическими особенностями, не зависит от принадлежности акторов к конкретной системе ценностей, религии, культуре, она предполагает нетождественность кодовых систем и абсолютный плюрализм мнений» [1].

Эти процессы привели к далеко неоднозначным последствиям для человека и общества. С одной стороны, это новые возможности и форматы активности и самореализации личности. С другой стороны, нестабильная онтология виртуального пространства задает подвижность, вариативность и изменчивость личностных статусов, что с неизбежностью ведет к нарушению целостности и непрерывности экзистенциального опыта. являются Результатом таких процессов клиповое фрагментарность мышления, кризис идентичности. «Десубстанциализированная социальность, больше не зависящая от базовой структуры, распалась на "тексты" и "куски" (Р. Рорти), подверглась процессу difference (Ж. Деррида), ее больше не связывают ни cogito Декарта, ни трансцендентальный субъект Канта, ни Абсолютная идея Гегеля, ни производственные отношения Маркса. Ничто не обеспечивает общую стабильность, ибо потеряна тотальная власть центральной основы, удерживающей в единстве всю систему. Социальный субъект уже и не претендует на эту функцию, ибо сам предстал во множестве вариантов: субъективность – перформативная, дискурсивная, языковая. "queer субъективность", феминистская и т. д.» [2, с. 249].

«Гул коммуникации» и «информационный шум», в атмосфере которых практически беспрерывно пребывает современный человек, зачастую делают его «глухим» к голосу Другого, к его желаниям и страданиям. Не случайно синдром потери навыков непосредственного живого общения современным человеком получил название «цифровой аутизм». Кроме того, новые технологии, позволяющие все более настойчиво говорить о возникновении новых биодигитальных видов, а также стремительное развитие биомедицинских технологий ставят под сомнение биологическую предопределенность человека в его половых,

возрастных и других аспектах. «Теоретическое осмысление, – как отмечают исследователи, – эта проблема получила в дальнейшем у многих авторов, оформившись в понятие "расширенного тела" ("extended body") и приобретя коннотации, связанные с самоидентификацией. "Расширенное тело" не представляет собой некоей жесткой структуры, а является чем-то вроде ситуативного дополнения натуральной телесности» [3].

В сложившихся условиях вопрос: «Что есть человек?» в его кантовском триедином измерении приобретает первостепенное значение. Процесс влияния изменений, которые радикально меняют основные параметры современного мира, а, следовательно, и способы бытия человека в нем, должны явиться исследовательским эпицентром философского анализа. И не смотря на комплекс внутренних проблем спровоцированных философии, «концептуальным отчасти землетрясением», вызванным постмодернистским дискурсом, способна дать ответ на вызов истории. Для этого «великие понятийные творения» (А. Бадье) должны вернуться в философию, что позволит ей обрести новые возможности для осуществления своей прогностической и обосновывающей силы, для реализации своих методологических функций.

Одной из важнейших задач современной философии должна стать разработка стратегий развития социума, в основу которой положено применение ее проективных методологий. Представленный философией спектр возможных сценариев развития мирового порядка призван обеспечить возможность выбора, а полнота и достоверность их репрезентации должны выступить в качестве условия адекватности этого выбора. Система ценностей и идеалов призвана мотивировать социальных акторов к реализации наиболее благоприятного, а, следовательно, наиболее желательного из предложенных сценариев.

Миссией философии на протяжении всей истории развития было сопровождение человека в его экзистенциальных поисках. С момента своего возникновения она имманентно содержала притязание на то, чтобы обрести смысл жизни, явить его человеку и помочь ему осуществить его в бытии. Философия призвана помогать человеку в его в напряженных устремлениях обрести свои истоки и найти пути возвращения к «самому себе» в кризисной ситуации. Постигая суть происходящих событий и явлений, воссоздавая образы должного, она способна представить ему наиболее эффективные в сложившихся условиях формы и способы «заботы о себе». Этот модус бытия в большей степени утрачен современным человеком. М. Фуко, которому и принадлежит концепт «забота о себе», раскрыл его смысл следующим образом: «Вопрос состоял в том, - утверждал он, - чтобы знать, как направлять свою собственную жизнь, чтобы придать ей как можно более прекрасную форму (в глазах других, самого себя, а также будущих поколений, для которых можно будет послужить примером). Вот то, что я попытался реконструировать:

образование и развитие некоторого практикования себя, целью которого является конституирование самого себя в качестве творения своей собственной жизни» [4, с. 315].

Таким образом, сегодня для философии важно, на наш взгляд, не отстраняясь от глобальных вызовов и не растворяясь в потоке негативной событийности, осуществить системную рефлексию, в ходе которой будет осуществлена кристаллизация ее проблемно-категориальной структуры, конгруэнтной новым условиям.

#### Литература и источники

- 1. Губанова, В. С. Интернет-технологии как продолжение человеческого тела: социально-философский анализ / В. С. Губанова // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/ article/ n/ internet-tehnologii-kak-prodolzhenie chelovecheskogo-tela-sotsialno-filosofskiy-analiz. Дата доступа: 17.03.2021.
- 2. Культура и коммуникация: глобальные и локальные измерения // Под общ. ред. докт. филос. наук Ю. В. Петрова. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 400 с.
- 3. Фадеева, Т. Е. Телесность в парадигме трансгуманизма и постфордизма / Т. Е. Фадеева // Артикульт [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/ article/ n/ telesnost-v-paradigme-transgumanizma-i-postfordizma. Дата доступа: 17.03.2021.
- 4. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. М.: Касталь, 1996. 448 с.

# НООСФЕРНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

#### И К Лисеев

Bce начала XXI МЫ люли века живем условиях глобализирующегося мира, который в перспективе сможет превратиться в эпоху ноосферы. Характерно, что еще В. И. Вернадский, размышляя о ноосфере, констатировал, что создание ноосферно организованного общества требует проявления человечества как единого целого. Великий В. И. Вернадский убежденно утверждал, объединение человечества в единое целое должно быть осуществлено на основе идеалов гуманизма и демократии. Путь к этому, по его мнению, лежит через ноосферогенез. Это движение человечества на основе его разума к ноосфере, т. е. к гармоничному взаимодействию и взаимо существованию природы, общества и человека, как считал ученый, есть естественноисторический неотвратимый процесс, сходный со стихийными природными процессами, действующими на основе объективных законов природы.

Многие осознают сейчас, что в современных условиях

функционирования «общества риска», мировоззренческие нравственные и социальные инновации должны опережать технологические. Но как этого действующих социальных, экономических политических реалиях? Представляется, что один из основных путей к этому лежит через образование. Современные образовательные структуры должны обеспечить становление ноосферно-опережающего образования как основной базовой модели образования XXI века (Н. Н. Моисеев, Н. Ф. Реймерс, Э. В. Гирусов, А. Д. Урсул, А. И. Субетто). В этой модели должно получить развитие и обоснование создание социо-биосферной, социоприродной модели управляемой эволюции как наиболее реального пути к устойчивому развитию общества. Пока что слабые попытки идти по этому пути, в частности с помощью введения усиленного преподавания экологии в школах и в вузах, быстро заглохли, так ничего и не изменив. Конечно, эти попытки стоит продолжать. Надо знакомить молодых людей с новыми курсами, среди которых «Био – и экополитика», «Био – и экоэтика», «Социальная экология» и «Экология человека».

Главное состоит в том, что отдельными, пусть и правильными шагами задачу формирования нового ноосферного мировоззрения не решить. Существующее ныне экологическое образование, основанное на аналитических знаниях о Природе, на архетипах социального развития эпохи индустриализма, уже не отвечает современным вызовам. Оно узко прагматически и потребительски ориентировано, не в состоянии переломить природоразрушительные мотивы общества всеобщего рынка с его доминирующим торжеством утилитарных рыночных ценностей.

В наши дни необходимо коренное изменение идей, закладываемых в основания современного экологического воспитания и образования. Они должны вести к формированию глобального, целостного синтетического представления о Мире и месте в нем Человека. Появлению у слушателей ясного и аргументированного знания об основных принципах и закономерностях взаимодействия людей, общества и природы на разных этапах исторического развития человечества. Это даст основание осознать совместимости развития общества и природы, возможности и ограничения современного этапа развития, избежать ложных надежд на наше всемогущее технологическое будущее [1]. Сформировать это новое ноосферно ориентированное мировоззрение у молодежи представляется возможным только в рамках возникновения в обществе широкой экологической культуры. Э. В. Гирусов полагает, что представляет собой сложное и многогранное включающее в себя не только совокупность материальных и духовных благ, созданных людьми, но и сам способ развития, характерный для общества на том или ином этапе его исторического развития.

В понятие «экологическая культура» он вкладывает еще более сложный смысл, поскольку в него включается такое содержание, как

соответствие человеческой деятельности требованиям сохранения природной среды существования общества [2, с. 115–125]. Он справедливо отмечает, что экологическая культура предполагает тонкое сито отбора направлений человеческой деятельности, беспощадно отсеивая даже все то, что давая человеку необходимые жизненные блага, в то же время наносит ущерб природе, вплоть до утраты ею свойств, необходимых для поддержания жизни и здоровья людей, а также других живых организмов, населяющих планету.

Ученый доказательно показывает, что под экологической культурой следует понимать не отдельную составляющую жизнедеятельности общества, а фактически новое состояние социума, обеспечивающее сохранение человечества на планете. И эти ее характеристики ярко проявляются как в сформированном ноосферном образе мышления, так и в практической К ноосферной деятельности. сожалению. ноосферная экологическая культура В **УСЛОВИЯХ** техногенного общества не может сформироваться сама собой стихийно и эволюционно, как некий естественно-исторический процесс, о чем мечтал В. И. Вернадский. Для ee осуществления не существует эффективного средства, чем хорошо поставленное ноосферное экологическое воспитание, просвещение и образование. Различным аспектам разработки подобного ноосферного образования в наши дни в российской и беларуской научной литературе уделяется все большее внимание.

Здесь, в частности, можно отметить выход в свет двух книг, излагающих итоги международной конференции, состоявшейся в декабре 2020 года на тему: «Ноосферная парадигма россиеведения, евразийства и устойчивого развития как основа становления ноосферного образования и воспитания в России XXI века». В этих книгах предложен широкий, взгляд на формирующуюся модель ноосферного образования. Ноосферное образование, считает Е. Е. Морозова, направляется на развитие новой научно-мировоззренческой системы XXI способствующей духовному возвышению человека, гармоничного развития, вооружения мировоззрением, адекватным сложности глобальных проблем, которые придется решать в XXI веке. Э. В. Баркова основанием становления ноосферного образования в России и в мире в целом считает экорациональность. Идея экорациональности, по ее мнению, выводит мысль за границы позитивистско-прагматических ориентиров философии возрождая потенциал включенности человека в универсальной эволюции Вселенной, Земли, ее природы и культуры. Т. А. Молодиченко размышляет об основных группах ценностносмысловых барьеров становления ноосферного образования. Идейный вдохновитель всей этой конференции А. И. Субетто в своем Меморандуме:

«Общенациональная стратегия ноосферного развития России» формулирует основные положения этой стратегии.

Среди них: 1. отказ от рыночного фундаментализма в образовательной политике; 2. отказ от определения образования как образовательной услуги; 3. признание того, что образование есть образовательное благо и главный механизм ноосферного развития России; 4. признание того, что ноосферному образованию по отношению к развитию России нет инновационной альтернативы и так далее [3]. Все эти правильные теоретические идеи и положения безусловно, надо продолжать и развивать. Но главное, на мой взгляд, состоит в том, чтобы перевести их в практическое применение в реальных курсах всех ноосферно ориентированных дисциплин, преподающихся в начале XXI века [4].

Публикация поддержана грантом РФФИ № 19–011–00383 «Био- и эко- философия в современной культуре».

#### Литература и источники

- 1. Философия экологического образования / Под ред. И. К. Лисеева. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- 2. Гирусов, Э. В. Социально-экологическое образование в контексте культуры / Э. В. Гирусов, М. Т. Дмитриева // Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий. М.: Канон+, 2014.
- 3. Ноосферная парадигма россиеведения, евразийства и устойчивого развития как основа становления ноосферного образования и воспитания в России XXI века: в 2 кн. / Под науч. ред. А. И. Субетто, В. А. Шамахова. СПб.: Астерион, 2020.
- 4. Философия социприродного взаимодействия в век конвергентных технологий / Под ред. И. К. Лисеева. СПб.: Нестор История, 2018.

# ФІЛАСОФІЯ БЕЛАРУСІ Ў ГІСТАРЫЧНЫХ ЭПОХАХ СССР І ПОСТСАВЕЦКАЙ РЭЧАІСНАЦІ

#### А. І. Лойка

З адкрыццем на тэрыторыі Беларусі ўніверсітэта (БДУ) і інстытутаў была створана сістэма кафедраў філасофіі. У іх задачу ўваходзіла выкладанне дыялектычнага і гістарычнага матэрыялізму на выснове працаў К. Маркса, Ф. Энгельса, У. Леніна, В. Сталіна. Пасля таго, як даследчы інстытут беларускай культуры быў трансфармаваны ў Акадэмію навук БССР, узнік накірунак даследчай філасофіі. У 1931 годзе ў структуры Акадэміі быў створаны інстытут філасофіі. К гэтаму часу падрыхтоўка прафесійных філосафаў вялася на факультэце грамадскіх навук БДУ. Выкладалі прафесары С. Вальфсон (1894—1941), Б. Быхаўскі (1901—1980), В. Іваноўскі (1867—1939), С. Коцэнбоген (1889—1946),

В. Сцяпанаў (1903–1979), І. Лушчыцкі (1907–1973), Г. Левін (1907–1974), К. Буслаў (1914–1983).

С. Вальфсон узначаліў інстытут філасофіі АН БССР. Былі выдадзены дапаможнікі па дыялектычнаму матэрыялізму. Навуковыя інтарэсы прафесароў былі звязаны з метадалогіяй навукі (В. Іваноўскі, Г. Левін), даследаваннем творчасці К. Каліноўскага, Ф. Багушэвіча, А. Гурыновіча (І. Лушчыцкі), аналізам філасофскіх поглядаў Берклі, Дэкарта, Гегеля, Керкегора, Спінозы, Фейербаха, Фрэйда, Шапэнгаўэра (В. Быхаўскі). Пэўны час у Мінску (1955–1961) працаваў Ф. Аляксандраў. Ён вядомы як аўтар комплексных працаў па гісторыі заходнееўрапейскай філасофіі і гісторыі сацыялогіі (1958).

У 1947 годзе на гістарычным факультэце БДУ было адкрыта аддзяленне філасофіі. Яно існавала да 1989 года. На яго выснове быў створаны філасофска-эканамічны факультэт з кафедрамі філасофіі гуманітарных і натуразнаўчых навук, а таксама з кафедрай гісторыі філасофіі, этыкі, эстэтыкі, логікі. Загадвалі кафедрамі В. Сцяпанаў, Г. Давыдзюк, П. Карака, І. Жбанкова, А. Кляўчэня, М. Рожын, В. Сцёпін, А. Елсукоў, А. Зелянкоў.

У Беларускім політэхнічным інстытуце кафедру філасофіі ўзначаліў П. Пратасеня. Была адкрыта аспірантура. Вялася падрыхтоўка кандыдатаў навук. На кафедры больш дзесяці гадоў працаваў В. Сцёпін, а таксама А. Елсукоў, П. Карлюк, В. Камароў, У. Беркаў, В. Салееў. В. Грынін, Л. Увараў, У. Семянюк. Распрацоўвалася эстэтыка ў непасрэднай інтэграцыі з кафедрамі архітэктурнага факультэта, а таксама пытанні філасофіі і метадалагіі інжынернай дзейнасці, этыкі, логікі.

У Беларускім радыётэхнічным інстытуце адметнасці кафедры філасофіі сфарміраваў Ю. Харын. Перавага аддавалася даследаванню катэгарыяльных структураў марксісцкай дыялектыкі, філасофіі сацыяльнага дзеяння. У Беларускім тэхналагічным інстытуце накірунак даследаванняў кафедры філасофіі вызначыў П. Вадап'янаў тэматыкай, арыентаванай на экалогію, біясферу.

Д. Шыраканаў у інстытуце філасофіі АН БССР зрабіў прадметам даследаванняў катэгарыяльныя структуры марксісцкай дыялектыкі ў цеснай сувязі з метадалогіяй навукі [1]. Асаблівая вага надавалася аналізу феномена дэтэрмінізму. На праблематыцы метадалогіі натуразнаучых навук заснаваны даследаванні па касмалогіі і астрафізіцы А. Трафіменкі.

У інстытуце філасофіі АН БССР сфарміравалася школа даследаванняў гісторыі філасофскай думкі Беларусі. Узнікла традыцыя сістэматычных гісторыка-філасофскіх даслеванняў на выснове выпрацаванай храналагічнай катэгарызацыі асоб і грамадскіх працэсаў. Даследаванні М. Алексютовіча, Я. Бабосава, А. Біралы, М. Батвініка, Г. Галенчанкі, Э. Дарашэвіча, В. Кароткага, Т. Кароткай, А. Козела, У. Конана, А. Кляўчэні, А. Коршунава, І. Лушчыцкага, А. Лягчыліна,

С. Неміроўскага, А. Майхровіча, Я. Мараша, М. Махнача, С. Падокшына, Я. Парэцкага, Е. Пракошына, С. Сокала, В. Старасценкі, К. Тарасава, А. Яфрэмава ўнеслі значны ўклад у рэканструкцыю інтэлектуальнай культуры Беларусі.

Катэгарыяльныя структуры антычнай філасофіі даследаваў М. Іоська (1929—1986). Катэгарыяльны аппарат марксісцкай дыялектыкі даследавалі Д. Шыраканаў, А. Харын, А. Зелянкоў. Пад уплывам даследаванняў па сярэдневечнай філасофіі культуры да тэмы суадносіны катэгорый філасофіі і культуры звярнуўся В. Сцёпін [2]. Ён рэканструяваў працэс фарміравання філасофскіх катэгорый на выснове ўніверсалій культуры. Пры гэтым ён актыўна карыстаўся прыкладамі з еўрапейскай і кітайскай культур. Ён увёў перыядызацыю эвалюцыі прафесійнай філасофіі і навукі на выснове змены тыпаў рацыянальнасці.

Марксісцкая філасофія Беларусі доўгі час не звярталася да даследаванняў некласічнай філасофіі ў канструктыўным яе разглядзе. Пераломнымі сталі працы В. Сцёпіна, А. Міхайлава, М. Рожына, А. Гурко, М. Фурса. На пачатку XXI стагоддзя філасофія сканцэнтравана на даследаванні лічбавай трансфармацыі грамадства і фарміраванні смартіндустрыі [3].

#### Літаратура і крыніцы

- 1. Философия. Методология. Познание. Минск: Право и экономика, 2014. 366 с.
- 2. Академик В. С. Стёпин. Тайна долгого пути... // Нац. акад. наук Беларуси, Инт философии; сост. А. Н. Данилов; редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2019. 286 с.
- 3. Лойко, А. И. Индустрия 4.0 и новая социальность / А. И. Лойко. Минск: БНТУ, 2020. 172 с.

# ФЕНОМЕН ПАРАДОКСОВ В ДИНАМИКЕ ТЕХНОГЕННОГО МИРА

#### В. Ф. Мартынов

Все сущее в Мироздании подчиняется закону гармонии. Человек, улавливая эту универсальную направленность бытия, стремится к реализации устойчивой, стабильной, надежной гармонии во всех сферах своей многогранной деятельности. Вместе с тем длительный исторический опыт свидетельствует о том, что в повседневной действительности человек крайне сложно продвигается к состоянию гармонии, хотя эта потребность носит фундаментальный характер. Не случайно на процесс формирования неизбывной гармонии нацелена система таких базовых форм культуры, как философия, искусство, религия, наука, мораль, право. Однако проблема гармонизации социума, самого человека остается неизменно актуальной,

несмотря на многотысячелетний культурно-исторический опыт, о чем со всей очевидностью свидетельствует практика техногенного мира, в рамках которого существенно усиливается дисгармоничное начало, а нередко доминировали и деструктивные процессы.

Парадокс 1. В двадцатом столетии человеческий род столкнулся с парадоксом, который определил культурно-историческое лицо эпохи. С одной стороны, к этому времени был накоплен грандиозный культурноисторический. технический. научный опыт. дающий возможность достижения невиданного ранее уровня свободы и гармонии. Мировое сообщество располагало колоссальным духовным потенциалом. К началу века не только вызрели, но и получили широкое общественное признание идеи гуманизма, добра, справедливости. Уже неоднократно и убедительно были изобличены все формы зла и пороков, осуждены эксплуатация, войны, вероломство. Мировые религии объединили в своих рядах сотни миллионов людей. Уже прозвучал точный, исчерпывающий ответ на самый кардинальный вопрос современности и было доказано в результате постижения глубин человеческой психики, что установление всеобщей гармонии не должно достигаться ценой слез хотя бы одного замученного ребенка. Цель не оправдывает средства. Уже по всей земле известными гуманистами были зажжены яркие очаги добра. Рождением сотен тысяч великих гуманистов, принесших в этот мир неизбывный свет красоты, человечество доказало свою духовную зрелость. Иными словами, гуманистический потенциал накануне XX века был грандиозен и духовным основателен. Но обладая многотысячелетним нравственно-эстетическими ценностями, духовными прозрениями, способными внести гармонию в общественную жизнь, человечество не стало мудрее, совершеннее, гуманнее, не смогло усилить творческую энергию. Наоборот. Цивилизация XX века оказалась вовлеченной в самые массовые преступления. И совсем не случайно «Черный квадрат» К. Малевича воспринимается сегодня как образ черной космической дыры, втягивающей в свое нутро целые государства и народы.

Парадокс 2. Техногенный тип культуры открывает новые возможности для активной коммуникации, обогащения внутреннего мира каждого индивида, расширения личностных горизонтов, гармонизации межличностной коммуникации. Однако именно расширение искусственного пространства породило проблему массового одиночества, депрессий, роста числа самоубийств. Согласно официальной статистике в мире ежегодно погибает в результате самоубийства более 1 млн. человек. А если учесть цифры латентного суицида, то число самоубийств может вырасти до 3 млн.

Парадокс 3. Техногенная цивилизация — это форма урбанизации человеческого общежития, которая побуждает к оседлости, постоянству,

стабильности, комфорту в отвоеванной у природы территории. В то же время человек в городском ареале превращается в кочевника, так как не в состоянии понять, как пустить корни в пространстве искусственного. Ведь мир порождает все новые формы перманентных трансформаций, меняя свой облик, свою конфигурацию и даже характер. Вот почему миллионы людей как существ без корней движутся в постоянных потоках миграции, что является одной из главных причин маргинализации сознания, способствуя распространению лиминальных личностей, поведении которых отражается неопределенность социального статуса, стремление избегать активной продуктивной общественной жизни.

Техногенная Парадокс 4. культура возникала как форма существования, которая должна была бы обеспечить человеку защищенность, укрепить безопасность жизни. Однако именно технизированном конгломерате даже в мирное время ежегодно миллионы людей гибнут от несчастных случаев, происходит огромное количество межличностных коллизий, конфликтов. Техника создает условия для ситуаций. возникновения массовых экстремальных Вот техногенная личность находится В состоянии фундаментального беспокойства. Не случайно огромное количество людей переживает стрессовые состояния.

Парадокс 5. Живя в техногенной среде, человек нарастающее давление искусственного. Происходит все дистанцирование от естественной основы бытия, разрыв с базовыми основаниями природы. Природное задает свой ритм деятельности, искусственная среда диктует свои правили и законы. В человеке внутренний диссонанс, вызванный укореняется рассогласованием двуритмов. Он с трудом начинает балансировать в разорванности временных установок, отражающих существование воздействие на него двух форм реальности.

Парадокс 6. Тотальное проникновение искусственного, антропогенного в повседневную жизнь удаляет человека от собственной биологической основы, телесности, побуждая к опосредованному удовлетворению физиологических потребностей, подчинению их искусственным структурам. Вместе с тем тотальное внедрение антропогенного пробуждает гипертрофированный интерес к телесному, физиологическому, что проявляется в биологизации сознания.

Парадокс 7. В процессе урбанизации несоизмеримо возрастают возможности трансляции духовных ценностей, гуманистических открытий благодаря беспрецедентному развитию средств массовой коммуникации. Однако телевидение, интернет, радио и печать чаще всего предлагают обществу сенсации, сиюминутные сюжеты, скороспелые произведения, погружая человека в усредненное, стандартизированное, плоскостное

информационное пространство. Более того, именно экранная культура стала главным источником культивирования имиджевого мышления, для которого важнее всего не быть, а казаться, не донести правду, но импозантно выглядеть, произвести эффект. В рамках информационного общества начинает доминировать не качественная, но количественная коммуникация, которая никогда не насыщает человека.

Парадокс 8. Техногенная форма бытия побуждает к консолидации, более высокому уровню кооперации, интеграции многообразных человеческих интересов. Гармония этого огромного механизма под названием техногенный ареал возможна только на почве тесного сотрудничества, взаимодействия, поддержки. И тем не менее, урбанизированный мир разобщает, индивидуализирует человека, культивируя развитие иерархического пространства, укрепляя личностное, корпоративное или государственное эго.

Парадокс 9. Мегаполисный мир создает достаточно комфортные условиядля укрепления семейной жизни. Однако число разводов угрожающе растет. В наиболее развитых странах распадается до 70% семей, стремительно увеличивается число внебрачных детей, количество абортов.

Вот почему современная социокультурная ситуация требует интенсивного развития критического мышления, философичности, аналитических способностей, что является необходимым фундаментом для углубления процесса самопознания во имя самотворения и кардинального повышения чувства ответственности за все происходящее в обществе. Философия не просто аккумулирует знания о Вселенной, обобщая их, не просто нацелена на изменение мира, а выражает фундаментальную интенцию человека к мудрости как основе гармоничной жизни на принципах истины, добра, красоты и любви.

Рассматривая противоречивый процесс гармонизации социума, необходимо обратить внимание на еще один актуальный аспект. В информационном обществе, благодаря научно-техническим достижениям, созданы реальные предпосылки для глобальной интеграции человечества на принципах гуманизма и взаимного сотрудничества (Уже культура средних веков ощутила глубинную потребность в более высоком синтезе цивилизаций на основе христианской идеологии). Однако техногенный мир по своим субъективным проявлениям остается по-прежнему разрозненным, разобщенным, конфликтующим. И значит объективная возможность утверждения качественно иного уровня способствующей максимальной реализации созидательной консолидации творческих сил и существенного снижения уровня деструктивных процессов остается нереализованной. Духовное начало в любом социуме должно доминировать над материально-техническими достижениями, направляя их в гуманистическое русло. Вот почему задача погружения каждого человека в мировое духовное пространство на основе системной актуализации роли критического мышления, стремления к мудрости, открывающей значимость универсальных смысловых и ценностных ориентиров во имя гуманизации общественного сознания, расширения креативных возможностей становится без преувеличения ключевой.

# КАТЕГОРИЯ «СВОБОДА» КАК КРИТЕРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С. Г. Масько, О. М. Старикова

Глобальность трансформаций современного социума заставляет переосмысливать те исторические трансформации, которые привели общество к возможному рубежу самого факта его существования. Анализ прошлого, выявление объективной необходимости в появлении новых, ранее неизвестных норм, регулирующих межличностные отношения и способов разрешения ими возникающих конфликтов, безусловно, поможет более глубоко осмыслить современные проблемы межличностных взаимоотношений.

Осмысливая наше прошлое и его влияние на настоящее, необходимо помнить, что нормы и правила, когда-либо возникшие в системе регулирования поведения людей, со сменой исторических формаций не уходят в «небытие», а продолжают влиять на современность, пусть даже и опосредованно. Считается, что в эпоху античности во взаимоотношениях между рабами и рабовладельцами существовали три основных формы зависимости первых от вторых:

- Экономическая зависимость. Вся прибавочная стоимость, производимая рабом, принадлежала рабовладельцу. Последний, исключенный из процесса непосредственного производства материальных благ, перемещался в сферу организации его управления. Выражаясь современным языком, он становился менеджером. Но раб, будучи основным элементом производства, не мог не стать объектом заботы рабовладельца. Менеджер обязан заботиться о здоровье работника, его одежде, питании, жилище и т. д. В результате складывается определенный взаимовыгодный компромисс в их отношениях.
- Личностная (социальная) зависимость. Рабовладелец мог раба продать, подарить, заложить в ломбард, обменять на иную вещь и т. д.
- Биологическая зависимость. Самая страшная с точки зрения современных норм традиционной морали. Рабовладелец мог безнаказанно со стороны государства изменить биологическую конструкцию раба, т. е. отрезать язык, выколоть глаза и т. д.

Однако надо понимать, что «мочь», не означает «делать».

Объективным ограничителем в реализации свободы рабовладельца по отношению к телу раба являлась экономическая целесообразность. Если увечья уменьшали прибыль от производственной деятельности последнего, менеджер не мог себе позволить подобных действий.

В результате складывалась определенная система взаимоотношений, устраивающая обе стороны. При этом надо иметь в виду, что рабовладение продолжает существовать и в наше время. Так, выделяют экономическое, сексуальное и детское рабство.

При феодализме первые две формы зависимости крепостного крестьянина от помещика остаются. Биологическая исчезает. Объясняется это целым рядом причин, основной из которых является религиозная христианская мораль. В результате появляется исторически первая из основных форм свободы в межчеловеческих отношениях — право на жизнь.

При капитализме исчезает еще одна форма зависимости – личностная. Теперь и люди с собственностью и без нее обладают одинаковыми правами в разных сферах жизни общества, пусть даже и номинально. Остается последняя форма несвободы – зависимость наемных работников от собственников средств производства (капиталистов).

Таким образом, можно утверждать, что развитие европейской цивилизации идет по пути увеличения объема свобод в межличностных отношениях. И, соответственно, можно предположить, что ограничение свобод (за исключением законодательно установленных) может являться основанием для задержки исторического развития социума в будущем.

#### Литература и источники

- 1. Гаджикурбанов, А. Г. Этика Спинозы как метафизика морали / А. Г. Гаджикурбанов. М.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014.-320 с.
- 2. Егоров, И. А. Принцип свободы как основание общей теории регуляции / И. А. Егоров // Вопросы философии. -2000. -№ 3. C. 3-21.
- 3. Лапин, Н. И. Проблема социокультурной трансформации / Н. И. Лапин // Вопросы философии. -2000. -№ 6. C. 3-17.
- 4. Ноговицын, О. М. Ступени свободы: Логико-исторический анализ категории свободы / О. М. Ноговицын. Л.: Издательство Ленинградского университета,  $1990.-192~\mathrm{c}.$
- 5. Шеллинг, В. Ф. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах / В. Ф. Й. Шеллинг // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 636 с.

# СТИЛЬ ЖИЗНИ КРЕАТИВНОГО СУБЪЕКТА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКИ

#### И. Я. Мацевич-Духан

субъекта было подвержено понятие деконструкции в постструктуралистской и постмодернистской философии. В XXI в. оно демонстрирует свое право на существование и в современной социальной философии. Оригинальность прочтения природы субъекта в концепциях креативного общества проявляется в сквозной теме стиля объединяющей множество разнородных моделей описания креативного субъекта. Для того чтобы выявить его специфику, детерминирующую характер развития окружающей действительности, экономисты, социологи и урбанисты анализируют различные модели поведения субъектов, демонстрирующих тот стиль жизни, который можно было бы обозначить в качестве креативного. Вместе с тем они моделируют его иногда в качестве идеального типа, поддающегося воспроизводству в многообразии индивидуальных прочтений повседневной современного человека. Такого рода теоретические конструкции и ценностно-нормативные основания их построения необходимым образом подвергаются социально-философской критике.

Хотя каждый сегодня может рассматриваться в качестве «креативной личности» [1], но в то же время она все чаще изучается сквозь призму логики функционирования креативных индустрий [2] как продукт креативной среды в форме «креативщика» (нем. der Kreative, англ. the creative) [4]. Вне логики функционирования креативного сектора едва ли возможно говорить о специфике данного субъекта. Его стиль жизни в определенном социально-культурном пространстве-времени, месте и сообществе, или многообразии временных сообществ, конституирует ситуативно обусловленные формы реализации на практике процессов субъективации, индивидуализации и сингуляризации. Рассмотрим некоторые формы их объективации в современном обществе.

Р. Флорида и его коллеги строят социально-экономическую модель реальности на основе анализа все возрастающей моды на определенный стиль жизни: «Во многом жизненный стиль креативного класса сводится к страстному поиску опыта» [3, р. 134]. Американский социолог подтверждает свои выводы ссылкой на исследование Б. Дж Пайна II и Дж. Х. Гилмора «Экономика впечатлений. Работа — это театр, а каждый бизнес — сцена» (1999), в котором авторы демонстрируют, как экономика опыта приходит на смену экономике услуг. Поиск новых ощущений и впечатлений превращает жизнь в экспериментальный проект. Когда в обществе начинает преобладать такой образ жизни, возникают новые формы коммуникации и самоорганизации соответствующих сообществ.

Экономика опыта осваивает тотальность проявлений человеческой жизни с помощью моды на определенный стиль жизни, ориентированной на поиск новых идей и впечатлений. Последний иногда обозначается понятием креативного стиля жизни [3].

Креативная профессия откладывает отпечаток на повседневной жизни субъекта: он стилизует ее во всех проявлениях, в том числе в телесных практиках, в новой чувствительности к миру, в способе суждения о нем. Все это поддерживается эстетским активизмом, который превращает креативность в безграничный перформанс повседневной жизни. Постепенно экспериментальный гедонизм и авангардизм уходят на второй план. Творческая личность становится более дисциплинированной, спокойной и послушной закономерностям течения жизни в окружающем мире, так как она необходимым образом должна вписываться в логику позднего капитализма, и прежде всего – в логику развития сингулярностей в креативной экономике.

Одну из форм «сингуляризируемого стиля жизни позднего модерна» [4, s. 285] демонстрирует новый академический средний класс (т. е. дипломированные представители нового среднего класса): в соотношении работы и досуга; в отношении к собственному телу, проявляющемся в питании, одежде, интерьере и манере поведения; во взаимоотношениях с миром; в степени мобильности; в способах созидания семьи и воспитания детей; в отношении к образованию и т. д. Немецкий социолог А. Реквитц проводит микроанализ основных элементов стиля жизни этого класса, чтобы прояснить логику управления собственной жизнью его представителей. Вокруг дипломированного ядра формируется новый средний класс, специфической особенностью которого является «культурализация стиля жизни» [4, s. 283], сказывающаяся в эстемизации и этизации повседневности, в поиске самореализации и аутентичного, а также в космополитическом отношении к культуре.

В процессе подобной культурализации осуществляется сингуляризация стиля жизни и его превращение в культурную ценность, предмет престижа, рассматриваемый как «качество жизни» или «хорошая жизнь» [4, s. 283]. В это же время форма жизни прекариата и прежнего среднего класса обесценивается из-за фокусирования на удовлетворении первичных потребностей, на борьбе с лишениями и нестабильностью собственного положения. Стиль жизни нового среднего класса иногда рассматривается как форма жизни, в рамках которой только и возможно раскрытие «ценных качеств» субъекта позднего модерна: «креативность, предпринимательства, чувство стиля, дух космополитизм и т. д.» [4, s. 284]. Жизнь других классов иногда условно маркируется как неполноценная в силу потерянности и зависимости ее представителей от обстоятельств и ограниченного числа потребностей. Их жизнь все в большей степени обесценивается не только с материальной, но

и с символической точки зрения. Форма успешной жизни отныне отождествляется с качеством жизни нового среднего класса.

Вылеленные характеристики формы воплощения стиля жизни креативного субъекта действительности предметом критики социальной философии в связи с опасностью редуцирования сущности креативного субъекта к функционально-сетевому принципу взаимодействия акторов в креативной экономике. Вместе с тем она предлагает альтернативные модели развития креативной личности в сетевом обществе [1], не отказываясь от понятия креативности, но проясняя его смыслы в многообразии контекстов его употребления [2]. Подчеркивая опасность чрезмерной коммерциализации деятельности креативного субъекта и нивелирования ее духовной составляющей, социальная философия выявляет ценностно-нормативные основания ее дальнейшего развития. Игнорирование такого рода проблем может привести к воспроизводству социального действия в режиме диктатуры креативности. Сохранение многообразия форм жизни предоставляет возможность выбора, но в то же время требует их критического обоснования в качестве валидных и оправданных. Создание условий для аргументированной дискуссии о возможности такого современном обществе может способствовать ограничению экспансии императива креативности с учетом задач устойчивого развития человека и окружающего мира.

#### Литература и источники

- 1. Бабосов, Е. М. Роль креативной личности в развитии сетевого общества / Е. М. Бабосов. Минск: Беларуская навука, 2019. 300 с.
- 2. Мацевич-Духан, И. Я. Концепция креативной индустрии / И. Я. Мацевич-Духан. Минск: ГИУСТ БГУ, 2018. 232 с.
- 3. Florida, R. The Experiential Life / R. Florida // Creative Industries / Ed. J. Hartley. Malden: Blackwell Publishing, 2008. P. 133–147.
- 4. Reckwitz, A. Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne / A. Reckwitz. Berlin: Suhrkamp, 2018. 480 s.

# ИНДИВИДУАЛЬНОЕ БЫТИЕ КАК ТВОРЧЕСТВО СЕБЯ: ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

#### М. А. Можейко

В пространстве постмодернистской концепции социальности проблема свободы оказывается в фокусе значимости именно как проблема свободы индивидуального творчества и творчества индивидуальности.

Согласно постмодернистской оценке, в современных условиях

необходим радикальный критический пересмотр характерного для европейской классики (и неклассики) понимание индивидуальности Я как детерминированной посредством трансцендентной абсолютной Индивидуальности. Как пишет по этому поводу Ж. Делез, «для метафизики совершенно естественно (...) полагать высшее Эго», однако с точки зрения мета-оценки «такое требование (...) вообще незаконно» [2, с. 135]. Фактически такая модель индивидуальности основана на идее внешней каузальности, что бы ни понималось в каждом конкретном случае под абсолютным Бытием — персонифицированный Бог религиозной философии, имперсональный Абсолют классического рационализма или Социум в марксизме и т. п.

В противоположность этому, для современной философии характерна презумпция, выраженная в программном тезисе Х. Аренд: «неосязаемые идентичности (...) ускользают от любых генерализаций» [1, с. 138]. Так, выявляя методологические основания генеалогии как альтернативы традиционной дисциплинарной истории, М. Фуко, в первую очередь, фиксирует ее программный идиографизм: «история, генеалогически направляемая, имеет целью не обнаружить корни нашей идентичности, но, напротив, упорствовать в ее рассеивании» [4, с. 95].

В целом, таким образом, постмодернизм однозначно постулирует идею доминирования  $\mathcal{H}$  над  $\mathcal{M}$ ы. Согласно постмодернистскому видению, феномен  $\mathcal{H}$  в принципе единичен и не подлежит определению через указание на ближайший род и видовые отличия, ибо, согласно Ж. Делезу, «каждая личность – это единственный член своего класса» [2, с. 146].

Наиболее адекватным для описания современных социальных практик понятийным средством философия постмодернизма полагает концепт «индивидуализация» (М. А. Роуз, К. Кумар, А. Б. Зеликмен и др.). Собственно, культура постмодерна и специфицируется исследователями (С. Лаш и др.) на основании такого критерия, как утверждение установки на де-универсализацию, проявляющуюся по всем своим возможным регистрам: де-стандартизация, де-унификация, де-массификация и т. п., что оценивается А. И. Зеликменом в качестве единственно возможной предпосылки нелицемерного гуманизма как «торжества индивидуальности» и свободы [6, с. 123].

Постмодернизм, отказываясь от идеи внешнего причинения, акцентирует внимание на самопроизвольной и автохтонной самоорганизации  $\mathcal{H}$ : как отмечали  $\mathcal{H}$ . Делез и  $\Phi$ . Гваттари, «сингулярные субъективности не объясняются никакой целью, они сами – производители всех целей» [3, с. 99].

Так, базовая для постмодернистской философии методология шизоанализа основана на противопоставлении так называемых *социальных* машин, т. е. инструментов интеграции и унификации субъектов, и машин желания как инструмента производства спонтанной субъективности,

понятой как абсолютно индивидуальная. Последняя мыслится Ж. Делезом и Ф. Гваттари как свободная процессуальность желания, главным свойством которого является творческая креативность: «желание производит, оно производит реальное», и бытие машин желания есть не что иное, как «постоянное производство самого производства» [3, с. 18–19].

Процессы конституирования как индивидуального Я, так и универсальной социальности (генерируемой социальными машинами) есть в данном контексте результирующий продукт деятельности машин желания. Однако, в аспекте содержательном они принципиально альтернативны друг другу: если машины желания есть по самой своей природе источник творческой креативности, стремящейся конституировать социальность в качестве свободной процессуальности, то социальные машины, напротив, представляют собой структуры, характеризующиеся в своем функционировании интенцией на постоянство и, тем самым, на консервацию.

Соотношение машин желания и социальных машин осмысливается Ж. Делезом и Ф Гваттари как соотношение соответственно микро – и макроуровней социальности. Согласно концепции шизоанализа, в принципе, любые машины желания функционируют в контексте, который задан социальными машинами и представляет собой своего рода макроуровень социальности; аналогично – социальные машины предполагают функционирование машин желания, которые выступают по отношению к ним как микроуровень их устройства.

Однако, интегрируя индивидуальности в *молярных ансамблях* (или *стадных совокупностях*), *социальные машины* тем самым нивелируют и пресекают творческий потенциал *машин желания*.

Классическим примером такого порабощения шизоанализ считает психоаналитически интерпретированный «фамилиализм» как основание порождающей Эдипов комплекс деформации бессознательного со стороны семьи, и противопоставляет этому – в рамках концепции «анти-Эдипа» – тот тезис, что «бессознательное – изначально сирота» [3, с. 37].

В данном контексте шизоанализ проводит параллель между социальными машинами и метафорически понятой паранойей как доминантой стабильности, установкой на константное бытие сложившейся структуры, консервацию наличной данности и т.п (навязчивый образ паранойи как попытка остановить процессуальность истории, превратив социум в «мегафабрику»). Индивидуальность же, напротив, метафорически сопоставляется Ж. Делезом и Ф. Гваттари с шизофренией как имманентным стремлением к творческим новациям: «желание не "желает" революцию, но революционно само по себе» [3, с. 38].

В целом, процессуальность социума интерпретируется постмодернизмом как реализующая себя в режиме последовательных осцилляций между двумя полюсами: «один характеризуется

порабощением ... желающих машин стадными совокупностями, которые они образуют в больших масштабах в условиях данной формы власти или избирательной суверенности; другой — обратной формой и ниспровержением власти» [5, р. 366]. В реальном функционировании конкретного социума описанный процесс обретает свою аксиологическую размерность, — в этом контексте обозначенные векторы социальной процессуальности оценочно интерпретируются Ж. Делезом и Ф Гваттари как соответственно реакционный и революционный.

Таким образом, постмодернизм постулирует индивидуальность как источник свободной творческой креативности, ориентированный на новизну, изменение и, в конечном счете, свободу творчества в самом широком социальном смысле этого слова.

#### Литература и источники

- 1. Арендт, X. Ситуация человека: разделы 24–26 главы V / X. Арендт. // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 131–141.
- 2. Делез, Ж. Логика смысла / Ж Делез. М.: Академия, 1995. 298 с.
- 3. Делез, Ж. Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип / Ж. Делез, Ф. Гваттари. М.: ИНИОН, 1990. 107 с.
- 4. Фуко, М. Ницше, генеалогия, история / М. Фуко // Философия эпохи постмодерна. Минск: Красико-принт, 1996. С. 78–97.
- 5. Deleuze, G. Capitalisme et schizophrénie: L'Ánti-Oedipe /G. Deleuze, F Guattari. P.: Les Editious de Minuit, 1972. 470 p.
- 6. Seligman, A. B. Towards a Reinterpretation of Modernity in the Age of Postmodernity / A. B. Seligman // Theories of Modernity & Postmodernity. L.: Athlone, 1995. P. 77-92.

#### ПАНДЕМИЯ И ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

#### В И Молчанов

Основные языки, на которых обсуждают события пандемии, суть санитарно-эпидемиологический; административно-хозяйственный; политико-экономический; язык биологии и вирусологии; язык компьютерной техники и др. В научном аспекте пандемия выдвигает на передний план последние два языка, которые еще долго, а может быть, и «всегда» будут доминировать при обсуждении многих насущных проблем, в том числе политических.

Политика, вирусология и программирование постепенно находят общий язык. Уже мечтают о компьютерах, которые будут похожи на человека, а власти любого типа задолго до появления компьютеров всегда мечтали о человеке, выполняющем, иногда даже «творчески», ту или иную программу. С одной стороны, эта техника многократно усиливает и без

того мощные вооружения и средства наблюдения, с другой стороны, находит применение в науке и практике, в том числе и медицинской, с практически неограниченные стороны, дает развлечений. Пандемия Ковид-19 идет параллельно компьютерной технике. Во-первых, она напоминает о возможностях биологического оружия и о возможностях ограничивать свободу передвижения с помощью специальных приложений, во-вторых - о новых возможностях познания и медицинской практики, в-третьих, она не только не ограничивает объем компьютерных развлечений, но увеличивает его посредством ограничения туризма. Языки биологии и компьютерной техники сближаются и, возможно, сольются в один «сверхчеловеческий» язык. По крайней мере, термин «вирус» является общим для обоих языков. Через 500-1000 лет ITбиологи утвердятся во мнении, что современный им человек произошел от компьютера или же от скрещения компьютера и вируса, споры будут только о том, от какой операционной системы и от какого вируса.

Как известно, аналогия между компьютером и человеком получила название «искусственный интеллект»; аналогию между человеком и вирусом можно было бы назвать естественной иррациональностью: вирусов много, людей тоже немало; вирусы могут жить только за счет живых организмов, в том числе и человека, человек может жить только благодаря другим людям; вирус мутирует, поведение неопределенно. встречи людей. которые влекут продолжительную коммуникацию (дружба, брак, совместная работа и т. д.) более или менее случайны; вирусы иногда опасны для человека, человек иногда очень опасен для другого человека и без пандемии. И, наконец, главное: как мир вирусов, так и мир людей - это нечто промежуточное между живым и неживым. Это как раз и создает возможность подчинить живое искусственному и виртуальному. Основное отличие человека от вируса состоит в том, что вирусы не создают теорий о человеке, а человек создает теории о вирусах. Какими бы адекватными ни были эти теории, не проигрывают ли при этом сами теоретики, и не только те, кто занимается биологией?

Пандемия как новый и глобальный феномен выдвигает на передний план, по меньше мере, два различия, которые, с одной стороны, могут служить в качестве возможных исходных пунктов ее тематизации, с другой — сами эти различия могут предстать в новом свете: различие определенности и неопределенности и различие реального и не-реального в человеческом мире.

#### THE LABYRINTHS OF SYMBOLIC POLITICS

#### V. Moraru

Symbolic politics at all times have been used by the power holders to strengthen their foundations, especially in moments of social crises and disintegration. Given that the social world functions simultaneously as a system of relations of power and as a system of symbolic interactions [1, p. 80], it is obvious that in any society the political relations are related to a certain symbolic order, which leads to a significant increase of the attention given to the symbolic element in the political action. The exercise of power becomes inseparably linked to the application of the so-called "symbolic politics", to the exploitation of its resources in the interest of strengthening the solidarity of the population, increasing the legitimacy of the ruling class, ultimately subordinating it to their own political interests.

The process of symbolizing the political arena, more pronounced lately, lies in the transfer of meanings, implicitly, in the translation of the different axiological hierarchies into the public sphere. Thus, the political discourse builds the political space, ensuring the circulation of messages, the framework of understanding and interpretation of values, according to the adopted axiological structure. The political process lends itself in this case to the explanation through symbolic constructions, whose value share is in direct relation to the existing social-political conjuncture [2, p. 56]. Operating with symbols (or symbolic images), political actors give them certain meanings, which are expressed in verbal, figurative or plastic form. Respectively, the agenda of public debates is related to the ideas, objectives and values imposed by the power / opposition and underpinned by its current policy.

The reality is built by establishing the gnoseological order, the perception of life (especially the perception of the social world) within a homogeneous representation of time, space, causality, which makes the desired concordance of spirits. In vision of the experts, the symbolic power, quasi-omnipotent power, that is, capable of expressing reality, imposing vision and belief, asserting or changing the perception of the world, and thereby influencing the world. Consequently, the content of symbolic policy as a form of political communication is subordinated not to the understanding of meanings but to the action of convincing, to determine the parameters of the discursive space of politics, on the basis of which various virtual political realities are formed. Undoubtedly, the actions of symbolic politics are not suitable for an univocal interpretation [3, p. 9]. Anyway, political practice demonstrates that symbolic action (hybrid warfare, manipulative media action, etc.) has lately taken on an increasingly prominent place in the arsenal of politics.

#### References

- 1. Бурдье, П. Социология социального пространства / П. Бурдье. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
- 2. Moraru, V. Resursele simbolice ale puterii / V. Moraru // Valorificarea experienței Romaniei in contextul integrarii europene a Republicii Moldova. Chisinau: ICJP, 2018. P. 55–79.
- 3. Mendelberg, T. From the Folk Theory to Symbolic Politics: Toward a More Realistic Understanding of Voter Behavior / T. Mendelberg // Critical Review. A Journal of Politics and Society. 2018. Vol. 30, № 1–2. P. 9.

#### СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ЦИФРОВАЯ СРЕДА

#### И. И. Морозова

**Успешная** адаптация старшего поколения пространстве В информатизации имеет большое значение для организации их нормальной жизнедеятельности, развития и самореализации, позволяет им не только не жизни общества, И, но используя виртуальные информационные ресурсы, оставаться ee активными субъектами, включаться в информационно-социализирующий процесс [1, с. 167].

Формируется новый цифровой техно-уклад, основными признаками которого являются следующие: использование новых форм текстовой, визуальной и аудиовизуальной коммуникации; опосредование личностных форм коммуникации техническими устройствами; покупка товаров, услуг и оплата счетов из дома; постепенное исчезновение наличных денег из употребления; широкое использование государственных услуг онлайн; постепенное замещение стационарной связи мобильною; новый способ получения культурных знаний; использование «умных» вещей [2, с. 132]. Например, пожилые пользователи Интернета признают его роль как мультиресурса со своими достоинствами и недостатками, необходимого для успешной адаптации в современном социуме и социальной интеграции, для улучшения качества жизни; стремятся с помощью информационно-коммуникационных технологий и онлайн-активности решить свои жизненные проблемы (поддержать или восстановить круг общения, адаптироваться к меняющимся жизненным условиям, улучшить психологическое, эмоциональное состояние и др.) [1, с. 167].

выделяются следующие позитивные моменты: трансформация общения (Интернет дает пожилым пользователям помимо физического удобства всесторонние возможности 2) потребительское поведение становится виртуальным; 3) появляется новый способ получения культурных знаний интернета расширились культурные появлением возможности пользователей: просмотр видео и фото (театры, кино, музеи, выставки,

клубы по интересам, онлайн трансляции, виртуальные путешествия) чтение литературы (доступ к библиотекам, специализированным сайтам); прослушивание аудиозаписей (музыка, аудиокниги и т. п.); участие в различных обсуждениях, мастер-классах, вебинарах); 4) возрастает творческая составляющая деятельности (у представителей старшего возраста мотивацией использования интернета являются обучение (самообразование), интересы, хобби, создание собственной страницы или сайта) [2, с. 134].

К негативным проявлениям использования Интернета исследователи относят частичное изменение формы мышления: 1) чрезмерное обилие информации на любой странице в сети, сопровождаемой рекламой и ссылками, затрудняет восприятие искомой информации, ведет к разрыву логической цепочки и провоцирует «короткие» мысли – проявление поверхностного мышления, свидетельствующего об измененной форме мышления; 2) наличие «клипового мышления» (процесс отражения множества свойств объектов без учета связей между ними) и многозадачности (многозадачность снижает способность к анализу информации, ухудшает память и внимание у пожилых пользователей; 3) активный уход из реального мира в виртуальный (сверхценное отношение к Интернету, уход от непосредственных контактов и погружение в виртуальный мир, неумеренное, а затем и патологическое использование Интернета в «режиме постоянного пребывания», в ущерб другим видам активности); 4) актуализация новых страхов и рисков (получение ложной или нежелательной информации, компьютера вредоносными вирусами и программами, навязывание знакомства, недобросовестное использование персональных данных, потеря денег без приобретения товара или услуги) [2, с. 134].

Весьма настораживает подобная ситуация в мире, например, в исследованиях указывается о том, что, невзирая многочисленные возможности развития, предлагаемые современным обществом компьютеризированным миром потребителей, И прародители, так и внуки перед лицом сложной и постоянно меняющейся реальности часто чувствуют себя дезориентированными, непонятыми и потерянными, «и оба возраста, старость и юность, являются периодом кризисов, конструирования или повторного открытия концепции самого себя. Молодое поколение стремится к новым попыткам идентифицировать себя, в то время как старшее поколение, которое находится в фазе между продуктивностью и стагнацией, пытается сосредоточить свою заботу на чем-то или на ком-то. Поэтому существует потребность в сотрудничестве поколений» [3, с. 44-45].

Однако важно отметить позитивные особенности адаптивного поведения лиц пожилого возраста в интернет-пространстве, достаточно основательно изученные в исследовательской практике. Так, мобильность,

легкость вхождения в киберпространство, энергетический потенциал способствуют относительно безболезненному преодолению адаптивных барьеров (например, разрушенные микросоциальные связи из-за потери близких, смены условий жизни компенсируются новыми связями, реализуемыми в интернет-пространстве и приводящими к увеличению разнообразия социальных ролей и видов социальной активности; утраченные социальные связи с референтным трудовым и социальнопрофессиональным окружением восстанавливаются за счет возможности передать жизненный опыт более молодому поколению через онлайнконсультирование по профессиональным и экзистенциальным вопросам; межпоколенческие взаимодействия восстанавливаются, например, через общение по скайпу) и высокому уровню адаптации в современном информационном пространстве. Они отличаются высокой социальной активностью, готовностью и способностью к освоению нового, поддержанием и формированием новых социальных связей (хотя бы с проводником в мир Интернета и информационных технологий), высокой мотивацией на использование информационных технологий [1, с. 167-1681.

Все это способствует развитию обучения (самообразования) у представителей старшего поколения. Проблемы социальной адаптации пожилых людей в посттрудовой период являются предметом пристального правительственных органов. В Минтруда и соцзащиты отмечают, что представителям старшего поколения можно пройти переобучение за счет собственных или государственных средств (9 из 10 человек после этого находят работу по новой специальности). Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников Минтруда и соцзащиты Олег Лисейчиков отметил возросшее стремление лиц старших возрастов получить новую профессию, при этом за государственный счет переобучение могут пройти люди, достигшие пенсионного возраста, но не получающие пенсию [4]. Более того, успешное функционирование в республике Университета третьего возраста, Университета Золотого века, Центра общественной активности позволяют представителям старшего поколения приобретать новые профессиональные и деловые навыки и умения (курсы компьютерной грамотности), развивать креативность (активно использовать Интернет, демонстрировать блоги, мастер-классы, сети, фотопозирование, копирайтерство и т. п.). Следует учитывать риски и угрозы, усилившимися проявлениями области киберпреступности, при которых люди пожилого возраста являются наиболее уязвимой частью общества.

#### Литература и источники

- 1. Нескоромных, Н. И. Стратегии адаптивного поведения лиц пожилого возраста в интернет-пространстве / Н. И. Нескоромных, А. М. Мамадалиев // Медиаобразование. 2017. № 1. С. 163–175.
- 2. Алексеева, О. А. Новые возможности и риски потребления электронных услуг людьми старшего возраста / О. А. Алексеева, О. Ю. Бестужева // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 132–146.
- 3. Онискевич, Т. С. Роль прародителей в социализации молодежи (по материалам зарубежных исследований) / Т. С. Онискевич // Пожилой человек в изменяющемся мире: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Брест, октябрь 2019 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; редкол.: А. В. Северин, С. Л. Ящук. Брест: БрГУ, 2020. С. 42–45.
- 4. Почему в Беларуси становится меньше работающих пенсионеров [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kp.by/ daily/ 27046/4111615/. Дата доступа: 29.10.2020.

#### ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА О НЕМОТИВИРОВАННОЙ АГРЕССИИ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

#### Н. И Мушинский

Особое значение приобретает обсуждение наиболее актуальных направлений современного философского знания в контексте глобальных проблем и вызовов цивилизационного развития, выработки адекватных критериев понятия *справедливости*.

Приходится признать, что в настоящее время человечество столкнулось с проявлениями немотивированной агрессии, предстает как одна из наиболее опасных угроз устойчивому развитию в XXI веке, ведет к очевидному нарушению основополагающих критериев справедливости. Ситуация усугубилась условиях пандемии коронавирусной инфекции, очень быстро принявшей глобальные отразившейся в разных сферах масштабы, самых общественных отношений и в повседневной жизни. Многие страны столкнулись с массовыми антигосударственными выступлениями, при этом требования протестующих бывают диаметрально противоположными. Одни хотят более жестких «антиковидных» мер, закрытия на карантин промышленных предприятий, мотивируя это повышенным риском заражения, распускают панические непроверенные слухи о количестве заболевших и высоком уровне летальности. Другие, наоборот, полностью отрицают опасность, нарушают масочный режим, демонстративно требуют отмены ограничений, открытия кафе и ресторанов, проведения массовых мероприятий, призванных оживить частный сектор экономики, индустрию

развлечений и т. п. Обвинения в «нечестных выборах» стали общим местом, в том числе в таких «образцово демократичных» странах, как США. Усугубляется миграционный кризис, при этом радикальные националисты призывают, с одной стороны, «обеспечить больше другой ограничить свободное демократии», перемещение ближневосточных беженцев (очевидно взаимное противоречие подобных интенций). При этом протесты происходят на фоне достаточно высокого уровня благосостояния; их участники работают на предприятиях (часто даже в сфере «высоких технологий») и учатся в вузах, получают зарплату и стипендию, торговые точки полны разнообразных доступных по цене потребительских вещей и продуктов питания. Если в прошлом социальные потрясения, как правило, были инициированы обнищанием населения, даже сравнительно недавно распад СССР сопровождался «тотальным дефицитом» и пустыми полками продуктовых магазинов, то сейчас это условиях невиданного экономического Потребителю предлагается бесконечное количество «сортов колбасы», его внимание пытаются привлечь с помощью все новых «рекламных акций», скидок, уценок и «распродаж». Возводятся все более обширные торговые центры, объединяющие и активизирующие самые разные виды спроса и предложения: «Дрогстор (или новый коммерческий центр) создает возможность связи различных форм потребительской деятельности, немаловажными из них являются шопинг, флирт с предметами, игровое блуждание (...). В коммерческих центрах есть кафе, кино, книжный магазин (...). Если большой магазин дает ярмарочное зрелище товаров, дрогстор предлагает утонченный концерт потребления» [1, с. 10–11]. Протестующие отнюдь не испытывают недостатка материальных средств: едут, подавая звуковые сигналы, на личных автомобилях, посещают кафебары и супермаркеты, широко используют смартфоны, персональные компьютеры для пропаганды экстремистских идей и согласования антиобщественных акций, глубоко презирают «менее продвинутых» пользователей (все это результаты развития индустрии массового потребления, охватившей весь мир в условиях глобализации).

Подобные парадоксы встречаются сплошь и рядом в самых разных странах (летом 2020 г. не обошли стороной и белорусское общество); постепенно становится очевидным, что причина выступлений — не какиелибо реальные нарушения принципов социальной *справедливости*, а некий тотальный «дух протеста», немотивированной агрессии, скрытый в подсознании человека «потребительской эпохи», настоятельно требующий выхода в форме разнообразных деструктивных действий.

Постмодернистская этико-философская мысль подробно исследует немотивированную агрессивность массовой культуры, привлекая методы структурного функционализма и фрейдовского психоанализа. Очевидно, что общество потребления базируется на достаточно высоком уровне

науки и техники (что, кстати, массовый потребитель совершенно не ценит, считает, что «так и должно быть», подобно «культу Карго» меланезийских аборигенов [1, с. 19–21]). При этом потребительский социум бессмысленно растрачивает материальные ресурсы в погоне за сиюминутной выгодой, искусственно стимулируя гипертрофированный спрос через навязчивую рекламу и «систему моды». За достигнутое иллюзорное изобилие по сути ненужных вещей потребитель расплачивается бессознательным чувством тревоги и озабоченности, латентным неврозом; «сюда относятся различные факты убийства, революции, атомная и бактериологическая угроза (весь апокалиптический материал средств массовой информации)» [1, с. 328]. Именно подобные сюжеты наиболее востребованы в структуре новостных порталов, на просторах Интернета, даже в художественном кинематографе. Они же, в форме немотивированной агрессии, дают выход бессознательной тревожности и неуверенности «массового потребителя» в завтрашнем дне, поскольку «экзальтированный дискурс об изобилии повсюду сопровождается "критическим" контрдискурсом, угрюмым и морализирующим, занятым преступлениями общества потребления и указаниями на трагическое влияние, которое оно может иметь на цивилизацию в целом» [1, с. 371]. При этом формальный повод для «протестов» совершенно не важен: в одних странах - это «нечестные выборы», в других – арест «оппозиционера» за экономические преступления или вымышленный «коррупционный дворец правителя», в третьих – запрет абортов, миграционная или «антиковидная» политика руководства Т. Д. Агрессивность относительно благополучных социальных слоев отовсюду прорывается на поверхность; тем более странным и недальновидным представляется стремление некоторых одиозных государств использовать ее для решения узкополитических задач глобального противостояния. Рано или поздно разбуженная деструктивная энергия масс обрушивается на самих ее инициаторов, об этом свидетельствуют все более широкие выступления в самих западных странах.

Этика постмодернизма видит в подобных проявлениях яркое одностороннего дискурса логоцентризма, попирающего основополагающие критерии справедливости. В качестве альтернативы «деконструкции», отстаивающий предлагается проект полифонии, диалога, «смерти Автора», хаоса дискурсивных практик. Стремление перекроить весь мир «по лекалам американской демократии» в интересах «золотого миллиарда», используя «управляемый хаос» немотивированной агрессии толпы, ведет «в никуда». В мировом масштабе не могут быть «все одинаковы», где-то нужна демократия, а где-то «диктатура» (например, условиях «коронавируса» последующих пандемий, которые не замедлят явиться; в любом случае, безудержное потребительство рано или поздно придется ограничивать в

интересах охраны экологии и упорядочивания природопользования невозобновляемых ресурсов). Немотивированная деструктивность толпы «фрейдовской сублимации» независимо от пребывания; предпочтительны остальном же ценности взаимоуважительного диалога и взаимовыгодного сотрудничества. Только из подобной множественности способны появиться инновационные критерии справедливости, призванные дать адекватный ответ на все новые вызовы и угрозы технократического существования: «Политика, в которой будут равно уважаться стремление к справедливости и стремление к очертания» [2, с. 159]. обретает свои неизвестному, постмодернизма достаточно глубоко рассуждает о немотивированной агрессии массовой культуры, формирует на этой основе гуманистическое понятие справедливости.

#### Литература и источники

- 1. Бодрийар, Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийар // Пер с фр. Е. А. Самарской. Москва: Изд-во АСТ, 2020. 384 с.
- 2. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар // Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 1998. 160 с.

# «РЕЧЬ О ПОВСЕДНЕВНОСТИ» И «РЕЧЬ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ» ИЛИ КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИК ОБЫДЕННОГО ЯЗЫКА

#### И. М. Наливайко, Е. И. Жук

Современная ситуация предъявляет человеку целый спектр экзистенциальных вызовов, как на уровне отдельной человеческой жизни, так и в масштабах социума. Одним из таких вызовов является осуществление продуктивного диалога, без которого в принципе невозможно какое-либо социальное единство. Диалог, в свою очередь, предполагает признание принципиальной инаковости партнера, его неунифицируемой уникальности. Сосуществование Я и Другого в представляет собой социальной реальности фундаментальную характеристику экзистенции. Осмысление социально-онтологического ракурса этой характеристики позволяет продемонстрировать особенность существования человека в обществе как несущего в себе другость по отношению к системе, поскольку каждый человек есть уникальный Другой. В свою очередь, система общества, призванная обеспечивать свою стабильность, стремится каталогизировать и встроить в себя всякую другость, или, в крайнем случае, перевести ее в разряд неназываемого. Современная социальная философия предлагает разные пути разрешения

этого противоречия, одним из которых является пристальное внимание к различным аспектам повседневного существования. Среди множества версий проблематизации повседневности, на которые опирается данный доклад (здесь будут использованы диалогический подход М. М. Бахтина, феноменологические идеи М. Мерло-Понти и Б. Вальденфельса, равно как и оригинальная система взглядов М. Бланшо), особого внимания заслуживает концепция М. де Серто, предлагающего принципиально новый взгляд на характер повседневной активности.

Одним из базовых в концепции М. де Серто является утверждение, что «обычный человек» являет себя в повседневности как активный творческий субъект. Эту активность можно назвать специфическим способом производства, который наблюдается в повседневной жизни, где человеческие потоки кажутся абсолютно пассивными под влиянием внешних сил, которые навязывают способы мышления, делания и чувствования. По мнению М. де Серто, позиция, на первый взгляд кажущаяся заданной и пассивной, позиция «потребителя», рождает специфическую повседневную креативность: потребление есть скрытое производство, рождающее целый пласт творческой наполняющей повседневную жизнь общества. Обычный оперирует тактиками, будучи встроенным в русло стратегий через связь с институциями власти. Здесь М. де Серто во многом наследует М. Фуко и его исследование «дискурсивной власти», поэтому власть стратегий необходимо понимать широко, не только как политическую власть, но любую структурирующую силу в рамках системы, центрами исхождения которой могут быть школы, СМИ, структуры супермаркета, города, языка и т. д. Именно тактические социальные практики, видоизменяющиеся и принадлежащие всем и никому в отдельности, способны предоставить площадку для полифонии. Эти практики, из которых состоит вся повседневная жизнь, способны вобрать в себя бесконечное множество Других, оставляя за ними право на другость и постоянное видоизменение.

Одной из фундаментальных повседневных практик, апроприирующих институциональные стратегии, является практика повседневного языка. Название доклада отсылает к различению, которое проводит Б. Вальденфельс, характеризуя повседневность как объект философских исследований. Будучи одним из самых значимых способов репрезентации повседневности, обыденный язык представляет собой и определенный вызов. Попытка «схватить» его с отстраненной позиции теоретика, стать на привычный метауровень, убивает саму специфику повседневного существования. Речь в повседневности не равна речи о повседневности, которая является лишь «следом» первой. «Рассуждать о языке "изнутри" обыденного языка, не имея возможности "владеть картиной", наблюдать с удаленной позиции, — значит схватывать его как

ряд практик, в которые мы вовлечены и через которые действует проза мира» [5, с. 77]. Но эти практики есть прежде всего речевые практики, говорение как живая ткань языка.

Практику говорения М. де Серто рассматривает именно с точки зрения присущего ей тактического характера. Человек не только включен в язык как систему - с набором лексических единиц и сводом правил, но ежедневно говорит на нем, а соответственно, в речи постоянно переформатирует его структуру, зачастую нарушая и обходя стратегически выстроенные языковые формы. Практика речи темпоральна по своему характеру, она текуча и изменчива, принадлежит всем сразу и каждому в отдельности, то есть в определенной степени сливается с повседневным слоем социального бытия. Эта практика живого, звучащего говорения, которое осуществляется всеми людьми в пространстве «здесь и сейчас», долгое время выпадала из поля зрения философских исследований. Но именно живая речь (а не система языка) есть практика, связующая воедино все ключевые аспекты человеческого бытия. По точному замечанию этом таится двусмысленность: некая одновременно переживаемый опыт может быть таковым, только если им можно поделиться с другим, а сделать это можно только потому, что по сути своей он открыт вовне, открыт другому, он есть порыв, провоцирующий неистовую диссиметрию между мною и другим: разрыв и связь» [2, с. 35].

Фундаментальным аспектом акта говорения является принадлежность его моменту настоящего, связанная с вотелесненностью сознания, что и позволяет М. де Серто рассматривать речь повседневную практику, продуктивную для встречи с Другим именно погруженности в повседневность. благодаря ee Таким образом, философском «реабилитируя» повседневность В дискурсе, одновременно «реабилитирует» и пространство обыденного языка.

Практика говорения, безусловно, есть практика производящая, ведь, активность говорящего субъекта несомненна. Однако речь обычного человека часто оказывается как бы погруженной в небытие: ее производящий потенциал игнорируется общественными институциями, креативная деятельность обычного человека словно бы не легитимна. Фактически, сама эта деятельность представляет собой невысказанной в обществе другости – она считается незначимой в рамках системы. Это приводит к тому, что сам обычный человек начинает относиться к своей повседневной речи снисходительно (как к «болтовне»). Тем не менее, всякое говорение есть поступание, а значит - как подчеркивает М. М. Бахтин - оно характеризуется принципиальной ответственностью. ответственность (и ответность И эта принципиальная направленность к Другому) проявляет себя не только на экзистенциальном уровне, но и в пространстве социальной реальности.

Говорение-поступок всегда адресовано Другому, оно есть артикуляция другости, что не только делает возможным «пере-осмысление» культурной ситуации, но и является творческим смыслопорождающим взаимодействием Я и Другого.

#### Литература и источники

- 1. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 281–307.
- 2. Бланшо, М. Неописуемое сообщество / М. Бланшо // Пер. с фр. Ю. Стефанова. М.: МФФ, 1998. 80 с.
- 3. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социологос. М.: Прогресс, 1991. С. 39–51.
- 4. Вальденфельс, Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Б. Вальденфельс // Логос. Философско-литературный журнал. 1995. № 6. С. 77—94.
- 5. Серто, М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто // Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

# ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ МОДЕЛИ УНИВЕРСИТЕТА В СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

#### Ю. Ф. Никитина

Экономический фактор, довлеющий над инновационным процессом, детерминирует сближение, вплоть до интеграции, научно-исследовательской и образовательной систем с корпоративным сектором экономики, что, в свою очередь, обусловливает потребность в выработке новых компетенций у будущих высококвалифицированных специалистов, где особая роль в формировании и реализации инновационного потенциала принадлежит институциональной среде, в частности, такому ее элементу, как современный университет.

Модель предпринимательского университета, получившая свое развитие в середине 1990-х гг., на сегодняшний день является, пожалуй, одной из наиболее распространенных среди прочих концепций, осмысливающих трансформацию университета в контексте осуществления третьей миссии. Статус университета как агента производства и трансляции знания в рамках реализации предпринимательской модели расширяется, позволяя рассматривать его еще и как субъекта рыночных отношений.

Инновационная экономика, опирающаяся на наукоемкое

производство, создающее добавленную стоимость, породила Знание, прежде рассматриваемое в интеллектуальный капитализм. качестве общественного блага, превращается в важную составляющую капиталистического производства, ценность которого обусловлена его возможностью быть опредмеченным в виде высокотехнологического продукта, способного принести прибыль; знание превращается в частную собственность отдельных лиц. Это с неизбежностью общественную роль науки, социальный статус ученого, преподавателя, отныне рассматриваемых с точки зрения их производительности, и ценных в первую очередь не столько с позиций общественного блага, сколько относительно способности удовлетворить потребительский спрос. В этом смысле поставленная перед предпринимательской моделью университета задача по сближению промышленного производства, системы образования и науки, частного и государственного секторов достаточно успешно реализована. Но вместе с тем вынуждены констатировать, что начавшийся многие десятилетия назад процесс сближения системы образования и экономики на сегодняшний день привел к тому, что университет ОТ своей прежней роли социального дистанцирующегося от насущных потребностей рынка, смещаясь в сторону исполнителя целевых установок частнособственнических интересов, превращаясь в структуру производства и трансфера технологий, что объясняет его особую функцию в рамках инновационного типа экономики.

Подобные процессы происходят в контексте более масштабных трансформаций, ныне осуществляющихся в научной сфере, которая приобретает прагматико-социальную направленность, превращаясь в поставщика технологических решений, где все более отчетливо проявляется тенденция подчинения фундаментальных наук прикладным исследованиям, с усилением сопряженности последних с вопросами экономической прибыли. Следует отметить, что данные обстоятельства породили тревогу среди научного сообщества о потенциальном «конце» фундаментальной науки [1, с. 81].

На протяжении нескольких столетий развитие научной сферы происходило в направлении обретения ею автономности, и даже замкнутости, с монополизацией права исключительно академическим сообществом на экспертную оценку научно-исследовательской необходимого условия деятельности, как И гаранта объективно-истинного знания. Однако в условиях зарождения нового типа рациональности И переориентации на первостепенность утрачивать прикладных исследований, наука начинает автономность, статус замкнутой «республики ученых», наращивая и укрепляя функциональные связи с традиционно считавшимися внешними по отношению к ней субъектами. Ценность инновации определяется не столько экспертным заключением научного сообщества, сколько ее успехом на рынке.

Несмотря на высокий уровень популярности предпринимательской модели университета, претендующей на статус мирового тренда в развитии современной высшей школы, ее реализация в Беларуси началась достаточно поздно, лишь в 2017 г. По инициативе Министерства образования Республики Беларусь Республиканским институтом высшей школы был разработан проект «Университета 3.0» (экспериментальный проект «Совершенствование деятельности учреждений высшего образования на основе модели "Университет 3.0"»).

На сегодняшний день, как отметил начальник главного управления профессионального образования Министерства образования Беларуси С. Касперович, концепция «Университет 3.0» осуществляется на базе восьми вузов ІТ-, технико-технологических специальностей, с перспективой распространения данной инициативы на остальные высшие учебные заведения страны, в том числе гуманитарного профиля [2].

- В качестве основных трудностей, с которыми столкнулась предпринимательская модель высшей школы в Республике Беларусь, можно отметить следующие [3]:
- 1. Высокий уровень зависимости государственных вузов от Министерства образования является сдерживающим фактором в реализации модели «Университет 3.0», ввиду чего одним из важнейших условий стало расширение автономии отечественной высшей школы в вопросах составления учебных планов и стандартов, разработки учебнометодической документации. Последнее позволяет достичь большей гибкости учебных программ, сделать их более адаптивными к запросам организаций-заказчиков кадров.
- 2. Как было отмечено ранее, в Республике Беларусь не обеспечено надлежащее взаимодействие образования, науки, производства. И, несмотря на значительные усилия, предпринимаемые правительством для устранения разрыва между уровнем подготовки выпускников и требованиями рынка труда, приведения их в соответствие, связь попрежнему остается слабой.
- 3. В своем большинстве высшие учебные заведения на постсоветском пространстве ориентированы на подготовку кадров, нежели на проведение научных исследований, за которые ответственен в первую очередь академический сектор.
- 4. Невысокий исходный уровень мотивации к развитию предпринимательской культуры, а также отсутствие опыта предпринимательской деятельности у студентов и преподавателей.
- 5. Недостаточный уровень инфраструктурного развития высших учебных заведений для осуществления инновационной и предпринимательской деятельности.

Несмотря на имеющиеся сложности в реализации в Беларуси концепции «Университет 3.0», наблюдается и положительная динамика, способствующая внесению вклада в развитие человеческого капитала, привлечению и удержанию талантливых людей в Республике, что было отмечено в рамках проекта Global University Entrepreneurial Spirit Students' Survey, специализирующегося на исследовании предпринимательского потенциала студентов [4].

#### Литература и источники

- 1. Казютинский, В. В. Близок ли «Век Науки» к завершению / В. В. Казютинский // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 80–91.
- 2. Почти все вузы Беларуси будут развивать концепцию «Университет 3.0» [Электронный ресурс].— Режим доступа: https://www.belta.by/ society/ view/ pochti-vse-vuzy-belarusi-budut-razvivat-kontseptsiju-universitet-30–370643–2019/. Дата доступа: 05.02.2020.
- 3. В вузах Беларуси комплексно обновлено содержание образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.belta.by/ society/ view/ vvuzah-belarusi-kompleksno-obnovleno-soderzhanie-obrazovanija-357533—2019/. Дата доступа: 11.10.2019.
- 4. Global University Entrepreneurial Spirit Students' Survey. National Report Republic of Belarus 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.beroc.by/ en/ publications/ working\_papers/ globalnoe-issledovaniya-predprinimatelskogo-potentsiala-studentov/. Дата доступа: 14.03.2019.

## IMPLICATIONS OF THE NATIONAL AND INTERNATIONAL CONTEXT GENERATED BY COVID-19 ON COAL MINING

#### C. Neagu

The impact of COVID-19 on coal extraction is indirect, determined by the decrease in energy demand, by reducing the volume of production activity, while increasing the share of energy from renewable sources to the detriment of coal. In this context, there was a reduction in coal mining, coal production being suddenly reduced. At the Oltenia Energy Complex, the operation at a very low capacity, determined the interruption of the work, by rotation, for 17 days, in the conditions of the existence of the stocks necessary to maintain the internal electricity production. There was also the placement of employees in technical unemployment determined by the reduction of coal demand and the need to limit the spread of COVID-19, given the nature of the activity, which involves the proximity of workers. Thus, 13 thousand miners and energy workers from Oltenia went into technical unemployment, with the payment of 75% of the average gross salary per unit. At the Hunedoara Energy Complex, all 4,100 employees rotated, in two distinct periods, 2 or 3 consecutive days of technical unemployment. At the same time, the impact of the COVID-19 crisis effectively

accelerated the short-term energy transition, providing a unique opportunity to verify with much higher levels of renewable sources. Thus, Romania has 750 million euros available for the period 2021–2027, from the Fair Transition Fund, to support economic diversification in transition to low-carbon activities.

In Romania, the energy produced on coal, with all the inconveniences, gives security to the national energy system; that is why coal will continue to be a major energy pawn, with major importance in ensuring energy security, even if it is desired to reduce its share in the national energy mix.

Possible solutions for Romania: the transfer of a lignite-based energy production capacity in a security reserve that ensures the balance of supply and demand; fostering the "energy transition" to renewable energy and honoring the decarbonisation commitments made by the Paris Climate Agreement and the EU's strict climate policies; implementation of restructuring programs and agreements with government actors for the purpose of economic development and diversification in mining areas; attracting local and foreign investment in coal exploration, extraction and processing; creation of a clean coal technology center, co-financed with EU funds.

#### ПОСТХРИСТИАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЗАПАДА

#### В. И. Огородник

Смена цивилизаций — процесс закономерный и неизбежный. Цивилизации рождаются, достигают расцвета и умирают (О. Шпенглер). Раньше смена цивилизаций была процессом естественным, результатом деятельности общества, даже если люди не отдавали себе в этом отчета и о никакой смене цивилизаций не помышляли. С появлением средств массовой информации, газет, радио, телевидения и, особенно, Интернета этот процесс из стихийного превратился в сознательный, управляемый и направляемый.

Современная европейская цивилизация рождена христианством, духовная культура которой суть совокупность морально-нравственных идеалов, принципов, ценностей, правил, возникших из христианского учения о «добре» и «зле». Учение христианства о «прекрасном» и «безобразном» также лежит в основании эстетических идеалов, принципов, ценностей европейской культуры и искусства. Точнее, лежало, сейчас эти основания сознательно и целенаправленно разрушаются. И не просто разрушаются, а упорно и методично уничтожаются.

Наблюдая процессы, которые происходят в современном Западе, в первую очередь в духовной сфере, культуре, искусстве, поневоле, возникает вопрос: как такое может быть в христианской цивилизации? Но если есть следствие – должна быть причина, следствие без причины не возможно

Фундаментальная причина — частная собственность, этот базис, основание современного западного общества, всей западной цивилизации. Частная собственность дает возможность присваивать прибавочную стоимость. Чем большая масса работников вовлечена в процесс производства, тем большая масса прибавочной стоимости присваивается. Современное научно-техническое развитие уже не требует такого большого количества работников в производстве. Содержание этих людей, а, тем более, повышение уровня жизни, лишние и ненужные затраты капитала.

Анализируя современное состояние западной цивилизации и направление ее развития, многие ученые выделяют, как минимум, две ключевые цели: сокращение населения Земли до т. н. «золотого миллиарда» и превращение человека в абсолютно послушное и управляемое существо – от «человека бунтующего» в человека «толерантного». «Если бы я перевоплотился, то хотел бы вернуться на землю вирусом-убийцей, чтобы уменьшить человеческие популяции» (принц Филипп, герцог Эдинбургский, президент WWF (Всемирный фонд дикой природы) в 1981-1996 гг. - прим. наше). «Для того, чтобы стабилизировать численность мирового населения, мы должны ежедневно уничтожать 350 тысяч человек» (Жак Кусто, исследователь, экологист). «В мире сегодня 6,8 миллиарда человек. Численность населения стремительно приближается к 9 миллиардам. Если мы сейчас действительно хорошо поработаем над новыми вакцинами, медико-санитарной помощью, помощью в области репродуктивного здоровья, возможно, мы сможем понизить его процентов на 10-15» (Билл Гейтс, основатель «Майкрософт», немало долларов пожертвовавший WWF). «Высшее проявление милосердия, которое семья может оказать одному из своих малолетних детей, – это убить его» (родоначальник Американской федерации планирования семьи Маргарет Сэнджер) [1]. А ведь это «столбы» гражданского общества современного Запада, люди, определяющие его цели и развитие. Все предельно прямо и честно.

Вторая цель — превратить человека в абсолютно безвольное и послушное существо. Это возможно, только лишив его традиционных (в лучшем смысле) ценностей и норм морали. А они суть нормы и ценности христианства, ибо сама западная цивилизация есть, как мы уже отмечали, порождение христианства.

Человек не может существовать вне системы ценностей, принципов, идеалов, в первую очередь, морально-нравственных. Запад уже давно настойчиво и методично внедряет в общественное сознание и духовную культуру человечества «передовые» и «прогрессивные» морально-нравственные и эстетические ценности и идеалы. В своем концентрированном выражении они воплощены в идеологии «общечеловеческих ценностей»: «права человека», «свобода слова»,

«права детей» и «ювенальная юстиция», «права меньшинств», «гендер» и т. д.

Особое место в этой системе «ценностей» занимает гендер. «Гендер» – это не равноправие полов, «гендер» – это и есть пол, но не природный - мужчина-женщина - а социальный. Пол определяется не Природой или Богом, а объектом сексуального влечения, а таких объектов может быть множество, значит и полов – множество. «Гендер» – это социальная роль, изменилась роль, изменился пол, точнее «гендер». Естественное биологическое понятие «пол» подменено «сексуальная ориентация». «Новомодные социологи, психологи и даже психиатры распространяют лжеидею, что природного пола якобы вообще нет и никогда не существовало. Это было якобы одно из заблуждений христианских моралистов» [2]. Остается только закрепить все это в общественном сознании и культуре с помощью такого сильного средства, как искусство. Что с успехом делается на Западе - от детских сказок, любви принца к королю, до любви двух ковбоев (фильм «Горбатая гора», США).

Занятый проблемой своего гендера, человек не представляет опасности для частной собственности. Ему нет дела до вопросов социальной справедливости - он в поиске своего гендера. Все это преподносится молодому поколению как высшая форма «свободы». Ибо что может быть выше, как не возможность самому определить то, что дано тебе Природой или Богом – природный биологический пол. Вторая важнейшая задача гендера – это полное и окончательное разрушение семьи, последнего, по сути, бастиона традиционных христианских ценностей и норм морали и нравственности. Для этого и вводятся в школах «толерантности» «сексменьшинствам»), Запада уроки (к «секспросвещения», «инцеста» (Норвегия) и т. п. Стоять на страже разрушения семьи поручено «ювенальной юстиции» с ее пресловутой концепцией прав ребенка, никакого отношения к собственно правам ребенка не имеющей, но призванной под угрозой отъема детей (нарушается «свобода» выбора и воли ребенка!), подавить всякое сопротивление семьи такому «демократическому» и «прогрессивному» развитию.

С одной стороны — это закономерное развитие идей либерализма. Идея свободы личности доводится до своего логического завершения — ты свободен только потому, что должен быть свободным. И никакие красивые фразы «свобода каждого заканчивается там, где начинается свобода другого» не работают в реальности. Никакая иная точка зрения, иное мнение не может быть правильным. Не зря уже и на Западе объективные исследователи заговорили о новой «либеральной диктатуре». При этом иная точка зрения, во многих случаях не просто подвергается критике, она криминализируется.

Последнее достижение либерализма на этом пути — цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества и человека. Для этого, собственно, создавалась угроза «международного терроризма», а теперь угроза пандемий. Страх — одно из сильнейших чувств человека, если не самое сильное. И под обещание избавления от этого чувства можно поставить под полный контроль, а значит, и управление, и человека, и все общество. Сначала западных стран, а потом (в идеале) и все человечество.

Запад целенаправленно строит свою новую постхристианскую цивилизацию, сущность которой выразил А. Леонидов-Филиппов: «У Запада нет никакого другого цивилизационного проекта, кроме всеобщего одичания человечества с реставрацией культов кровожадных идолов и гладиаторских боев на забаву, возрождением рабовладения и кастового строя, принятием геноцидов как нормы жизни, полного затормаживания технического прогресса и паралича умственной жизни» [3]. Этого не мог предвидеть даже такой великий мыслитель, как О. Шпенглер.

#### Литература и источники

- 1. Гончаров, А. Час глупости человечества [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.segodnia.ru/ content/ 173849. Дата доступа: 20.01.2021.
- 2. Бергсет, И. Демонтаж пола и семьи на Западе: обзор свидетельств [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://protivkart.org/main/ 3743-demontszh-semi-i-pola-na-zapade-obzor-svidetelstv-vystuplenie-iriny-bergset-5-oktbyarya-moskva-2013.html/. Дата доступа: 25.02. 2021.
- 3. Леонидов-Филиппов, А. Запад тупик цивилизации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://newzz.in.ua/ main/ 1148900134-zapad-tupik-civilizacii.html. Дата доступа: 03. 03. 2021.

### ФИЛОСОФИЯ КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА: СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЙ РАКУРС

#### О А Павловская

Реалии конца XX — начала XXI вв. демонстрируют чрезвычайную остроту и широкий масштаб охватившего человечество социального кризиса. Острая эпидемическая ситуация по существу стала важным рубежом в кардинальном повороте мировой общественной системы от капитализма к новому типу общественного уклада, который по своим основным признакам должен быть посткапиталистическим. При этом в качестве ключевой проблемы выдвигается создание социального контракта нового типа, где приоритетными становятся уважение человеческого достоинства личности (а не получение прибыли / сверхприбыли), последовательное преодоление социально-имущественного и

образовательно-культурного неравенства, развитие социальной сплоченности и ответственного сотрудничества. Рассуждая о будущем капитализма (новом экономическом укладе), сегодня все чаще обращаются к моральной проблематике.

В контексте научных достижений в области современной физики, математики, химии, биологии значительное распространение получает такое направление, как синергетика. Согласно И. Пригожину, разработка синергетической концепции позволит произвести «поиск трудноуловимого перехода от покоя к движению, от времени остановившегося к времени текущему» [1, с. 357]. Мир, с позиции синергетики, предстает как совокупность сложных самоорганизующихся систем природы и общества, изменения в которых значительным образом связаны со случайными и необратимыми процессами. Любая система, оказавшись в состоянии нестабильности и утраты равновесия, содержит в себе источник новых возможностей для своего изменения и развития. «Необратимость есть источник порядка на всех уровнях. Необратимость есть тот механизм, который создает порядок из хаоса» [1, с. 363].

пристальным вниманием ученых трансформирующаяся социальная реальность, прежде всего описание и оценка ее кризисного состояния. Г. Маркузе еще в середине XX в. высказал предположение о негативных последствиях индустриализма, подтверждением чему служат социальные реалии нашего времени. Он теоретически обосновывает присущее для развитой индустриальной шивилизации состояние «отчуждение отчуждения». По Г. Маркузе, «мы сталкиваемся с одним из самых угнетающих аспектов развитой индустриальной цивилизации: рациональным характером ее иррациональности»; воочию наблюдается свертывание сферы личностного самосознания: «индивиды обнаруживают, что их жизнь формируется окружающими их вещами», «технологическая реальность вторгается в личное пространство и сводит его на нет» [2, с. 12–15].

XX век со всеми присущими ему социально-антропологическими катаклизмами оставил весьма неприглядную картину положения человека в современном мире. По утверждению К. Уилбера, фундаментальной чертой западной цивилизации является «враждебный» дуализм ума и тела, когда, с одной стороны, сфера «я», «чувство самотождественности у человека уменьшается, становится более узким и ограниченным», с другой – сфера «не-я» (среда, тело, психологические «тени»), как внешняя по отношению к нему, вырастает и становится все более угрожающей [3].

Ж. Бодрийяр подробно описывает в своих работах «человека потребляющего» и кризисное состояние «общества изобилия». Французский философ объясняет, что общество потребления по своей природе амбивалентно: на поверхности, на виду — «красочное насилие и умиротворение повседневной жизни гомогенны между собой, потому что

оба абстрактны и живут мифами и знаками»; в сфере же реального речь идет о «насилии неконтролируемом, порожденном благосостоянием в самом его осуществлении», которое таит в себе опасность возникновения и распространения различных форм аномии (аномалий). В этическом плане изобилие не может быть выражением подлинной свободы индивида: «Изобилие, значит, не рай, не прыжок по ту сторону морали в обдуманную аморальность изобилия — оно ведет к новой объективной ситуации, управляемой новой моралью». И нет никаких гарантий, что эта новая мораль будет лучше предыдущих ее форм, будет свободна от различных социальных форм принуждения и насилия [4, с. 220–225].

Разработка использование И новейших биотехнологий актуализируют проблемы их воздействия как на физиологическую природу человека, так и на окружающую природную среду, что рассматривается как глобальная экологическая угроза. В этом контексте значительный вес в системе мировоззренческих констант современного приобретают этические аспекты. По мнению Э. Гилленса. «гуманизация технологии, вероятно, должна включать все большее число моральных вопросов в современное, все еще преимущественно "инструментальное" отношение между человеческими существами и искусственной окружающей средой» [5, с. 345]. Прорыв в развитии инженерии) открывает беспрецедентные биотехнологий (генной возможности вторжения в саму природу человека, что вызывает серьезные опасения этического плана. Поэтому неслучайно задаются сегодня злободневные вопросы с явно выраженным этическим смыслом: «Допустимо ли, что мы используем человеческую жизнь с селекционными целями?» (Ю. Хабермас) [6, с. 34].

В современном мире все более угрожающий характер приобретает деформированное моральное сознание людей. А. Швейцер замечает: «Нормальное отношение человека к человеку стало затруднительным для нас... Встречаясь друг с другом, держимся отчужденно по отношению к себе подобным... Мы утрачиваем чувство родства со своим ближним и скатываемся таким образом на путь антигуманности» [7, с. 43, 45].

В чем видится выход из столь тяжелого для человека и его духовного мира состояния? Как не допустить сползание стихийно изменяющегося, хотя и самоорганизующегося, мира до окончательной катастрофы, универсального хаоса? Каким образом воздействовать на ход социальных трансформаций, чтобы они явились не как разрушительное превращение с множеством непредсказуемых и опасных для жизни общества и человека последствий, а как рационально и конструктивно организованный и управляемый процесс? Эти вопросы в современной философии приобретают колоссальное значение, составляют центральное ядро ее проблемного поля.

Отличительной чертой современного философского познания,

несмотря на всевозможные авангардистские по своему характеру попытки в постмодернизме «раскрепостить» и «раскрасить» иррациональные силы человеческой природы, является его антропоцентричный этикоцентричный характер. Человек в планетарном масштабе изначально был велик: по словам И. Пригожина, «время в лишенную времени Вселенную ввел человек» [1, с. 61]. В настоящее время его место и роль в природно-социальной системе колоссально возрастают. Как пишет А. Печчеи, на человека возложена великая и трудная миссия – «постигнуть непростое искусство быть лидером на Земле» (а не хозяином). Выполнение этой миссии непосредственно связано с повышением уровня его интеллектуального и культурного развития, ответственным отношением к жизни. В противном случае человек «падет жертвой собственного внутреннего кризиса и не справится с высокой ролью защитника и главного арбитра жизни на планете», а станет свидетелем поворота вспять исторического процесса. А. Печчеи провозглашает начало человеческой революции, направленной на трансформацию (развитие) самого человека на основе новых гуманистических ценностей: чувство глобальности, любовь к справедливости, нетерпимость к насилию [8, с. 210-214]. Такая чрезвычайно философское постановка проблемы актуализирует роли духовно-культурных факторов, и осмысление прежде всего морального фактора, в последовательном и неуклонном осуществлении величайшей миссии человека в сохранении и улучшении человеческого бытия как такового, обновлении и качественном преобразовании социума в соответствии с общечеловеческой гуманистической парадигмой.

#### Литература и источники

- 1. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
- 2. Маркузе,  $\Gamma$ . Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества /  $\Gamma$ . Маркузе. М.: Reflbook, 1994. 342 с.
- 3. Уилбер, К. Безграничное. Восточные и западные стратегии саморазвития человека / К. Уилбер. Киев: PSYLIB, 2004.
- 4. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
- 5. Гидденс, Э. Постмодерн / Э. Гидденс // Философия истории: Антология / Сост., ред. и вступ. ст. Ю. А. Кимелева. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 340–347.
- 6. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас. М.: Весь мир, 2002. 144 с.
- 7. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. М.: Прогресс, 1973. 343 с.
- 8. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. М.: Прогресс, 1985. 312 с.

# АКТУАЛЬНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОТКИ ФИЛОСОФСКИХ АСПЕКТОВ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

#### Б. В. Пальчевский

В последние десятилетия во всем мире благодаря возможностям Интернета проявляется тенденция удаленного общения специалистов разных направлений деятельности. Особое значение данная тенденция приобрела в период пандемии коронавируса COVID-19. В системе образования, где имеет место большое скопление обучающихся в аудиториях и классах, необходимость поиска адекватных мер их безопасности приняло стратегический характер в деятельности государства. Именно поэтому стала повсеместной востребованность использования элементов дистанционного обучения.

В то же время возникает множество вопросов о философских, технико-технологических, психолого-педагогических, социокультурных и других аспектах разработки содержания, форм и методов дистанционного обучения.

Именно поэтому редколлегия журнала «Вестник МГИРО» в рамках работы виртуального круглого стола посчитала целесообразным и своевременном начать общественно-профессиональное и научное обсуждение многообразных аспектов научной организации и реализации дистанционного обучения в системе образования. Первичным и одним из ключевых здесь выступает рассмотрение философских аспектов, научно обоснованное раскрытие которых позволит фундаментально и реалистично запустить такой гуманитарный проект, как «Дистанционное обучение в современной социокультурной ситуации».

Проект – это региональная стратегия возможного развития образования XXI века в удаленном режиме. Проект - это региональный научно-учебно-методический центр непрерывного педагогического образования в сфере дистанционного обучения в составе: дошкольные учреждения - школы - гимназии - лицеи - колледжи высшие учебные заведения - система дополнительного образования взрослых. Проект - это научно-педагогический центр образовательной политики в сфере дистанционного обучения. Проект – это инкубатор инновационных педагогических илей и технологий дистанционного обучения. Проект – это центр повышения квалификации и переподготовки работников образования в сфере дистанционного обучения. Проект – это дискуссионный онлайн-клуб молодежи. Проект – это независимый региональный центр фундаментальных и прикладных философско-методологическим, исследований ПО психологоуправленческим, педагогическим. социокультурным, техникотехнологическим и др. аспектам в сфере дистанционного обучения. Проект – это региональный научно-исследовательский и учебнометодический полигон в сфере дистанционного обучения Министерства образования и Национальной академии наук Беларуси. Проект - это координатор международных контактов в сфере дистанционного обучения (новых образовательных технологий, инноваций в образовательной и культурной политике). Проект – это координатор научных исследований в сфере дистанционного обучения. Проект – это региональный центр по разработке и внедрению в учреждения образования информационных образовательных ресурсов для системы дистанционного обучения. Проект – региональный консультационно-диагностический это философско-гуманитарный центр по вопросам оптимизации структуры, содержания, технологий и средств обучения в реальной образовательной практике дистанционного обучения.

Стратегические этапы разработки проекта:

- Шаг 1. Аналитика современного состояния разработанности всевозможных аспектов дистанционного обучения. По результатам аналитики формируются проблемные поля для исследования.
- Шаг 2. Разработка модельного видения феномена «Дистанционное обучение»: Состав-Структура-Функции-Уровни-Предпосылки-Механизмы развития-Источники развития-Типы, виды, классы.
- Шаг 3. Разработка концепции Проекта. Авторам-разработчикам Проекта необходимо ответить на ряд вопросов, которые зафиксированы в концептуальной части структуры проектной деятельности. Целевой блок на получение какого продукта направлен проект? (новая стратегия дистанционного обучения). Проблемный блок на разрешение каких проблем направлен проект дистанционного обучения? Ценностный блок на закрепление каких ценностей направлен проект дистанционного обучения? Теоретический блок на каких теоретических основаниях возможна разработка новой стратегии развития дистанционного обучения? (доказательства возможности, то есть реалистичности инновации). Нормативный блок какие методологические позиции (подходы, принципы) должны разделять соавторы, спонсоры и исполнители проекта по разработке новой стратегии развития дистанционного обучения?
- Шаг 4. Планирование: разработка стратегического и тактического планов.
- Шаг 5. Технологизация: разработка технологических характеристик для каждого тактического этапа.
  - Шаг 6. Разработка ресурсного обеспечения.
- Для реалистичной деятельности по разработке проекта организаторам и исполнителям (тем, кому будет поручено, например, НАН Беларуси, какому-то университету, институту или группе и т. п.) необходимо осуществить ряд оргуправленческих мероприятий.

*Тактические этапы разработки проекта:* с параллельным обучением членов ВНК проектной деятельности.

Подготовительная работа:

- Этап 1. Разработка и утверждение нормативных документов, в том числе программы обучения членов ВНК проектной деятельности.
- Этап 2. Подбор преподавателей-модераторов для реализации технологии проведения философско-методологических семинаров по обучению членов ВНК проектной деятельности.
- Этап 3. Разработка содержания и технологии проведения философско-методологических семинаров по обучению членов ВНК проектной деятельности.
- Этап 4. Разработка комплексного методического обеспечения технологии проведения философско-методологических семинаров по обучению членов ВНК проектной деятельности.

Проектировочная работа:

- Этап 1. Разработка компонента «Аналитический обзор» «Проекта дистанционного обучения» с параллельным обучением членов ВНК.
- Этап 2. Организация и проведение общественно-профессиональной экспертизы компонента «Аналитический обзор».
- Этап 3. Разработка компонента «Модель» «Проекта дистанционного обучения» с параллельным обучением членов ВНК.
- Этап 4. Организация и проведение общественно-профессиональной экспертизы компонента «Модель».
- Этап 5. Разработка компонента «Концепция» «Проекта дистанционного обучения» с параллельным обучением членов ВНК.
- Этап 6. Организация и проведение общественно-профессиональной экспертизы компонента «Концепция».
- Этап 7. Разработка компонента «План: стратегический и тактический» «Проекта дистанционного обучения» с параллельным обучением членов ВНК.
- Этап 8. Организация и проведение общественно-профессиональной экспертизы компонента «План: стратегический и тактический».
- Этап 9. Разработка компонента «Технологические характеристики для каждого тактического этапа» «Проекта дистанционного обучения» с параллельным обучением членов ВНК.
- Этап 10. Организация и проведение общественно-профессиональной экспертизы компонента «Технологические характеристики для каждого тактического этапа».
- Этап 11. Разработка компонента «Модель ресурсного обеспечения» «Проекта дистанционного обучения» с параллельным обучением членов ВНК.
- Этап 12. Организация и проведение общественно-профессиональной экспертизы компонента «Модель ресурсного обеспечения».

Этап 13. Организация и проведение общественно-профессиональной экспертизы целостного «Проекта дистанционного обучения».

## ГЛОБАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ФЕНОМЕН ГЕОРЕЛИГИЙ

#### В. В. Петрунин

Возвращение религий в глобальную публичную сферу ставит вопрос о релевантности теорий секуляризации в современной науке о религии. В рамках постсекулярной парадигмы возможно не только моделирование новых форм функционирования религий в современном мире, что предполагает, по мнению Ю. Хабермаса, признание со стороны секулярного социума истинности религиозного видения мира [1, с. 75], но и расширение методологических перспектив в исследовании религий вообще.

Феномен глобализированной реальности создает новые концепты, основой которых может стать сформулированная С. Хантингтоном формула существования в современном мире множества цивилизаций [2]. В качестве одного из центральных элементов любой цивилизации С. Хантингтон называет религию [2, с. 80]. Постсекулярный поворот стал возможен благодаря глобальному возрождению религий, которое С. Хантингтон именует «la revanche de Dieu», используя термин Ж. Кепеля [2, с. 138–149]. Полицивилизационный характер современности определяет глобальный потенциал религий, лежащих в основе выделенных американским ученым цивилизаций. Исходя из хантингтонского перечня глобальных цивилизаций (китайская, японская, индуистская, исламская, западная, православная, латиноамериканская и, возможно, африканская), мы можем назвать соответствующие им религиозные традиции китайские народные религии, синтоизм, индуизм, ислам, западное христианство, православное христианство и африканские племенные верования.

Вместе с тем, учитывая вероучительные особенности перечисленных выше религий, а также специфику и возможности для трансляции собственной религиозной традиции во внешний мир, мы можем критически переосмыслить перечень глобальных религий, которые влияют на геополитическую картину современного мира. Представляется, что более релевантным понятием, отражающим статус и механизмы глобального влияния религий в рамках постсекулярной парадигмы, может стать такое понятие, как «георелигия», требующее дальнейшей дефиниции, прежде всего, в рамках новой для российского религиоведения дисциплины как политология религии [3, с. 221]. Предварительное раскрытие смысла нового понятия указывает на необходимость отличия

«георелигий» от «мировых религий». Последнее понятие достаточно широко используется в отечественной и зарубежной науке о религии. Дальнейшее научное употребление термина «георелигия» актуализирует его религиоведческую экспликацию в рамках современного феномена «la revanche de Dieu».

#### Литература и источники

- 1. Хабермас, Ю. Дополитические основы демократического правового государства? / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер (Бенедикт XVI) // Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Пер. с нем. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. С. 39–75.
- 2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
- 3. Петрунин, В. В. Религия и политика: религиоведческая перспектива / В. В. Петрунин // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Т. 7, № 6А. С. 218–223.

# ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАН БЕЛАРУСИ И МИД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ИНСТРУМЕНТ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ И ПРОДВИЖЕНИЯ ЭКСПОРТООРИЕНТИРОВАННОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

#### В. В. Подкопаев, Е. Е. Орлова

Между Национальной академией наук Беларуси и Министерством иностранных дел Республики Беларусь, загранучреждениями Республики Беларусь за рубежом сложилось долгосрочное конструктивное и многовекторное сотрудничество, основные направления и система которого зафиксированы в Соглашении о сотрудничестве между НАН Беларуси и МИД Республики Беларусь от 06.10.2017. Укрепление взаимодействия между НАН Беларуси и МИДом отвечает задачам государственной политики Республики Беларусь и направлено реализацию эффективной построение национальной внешнеэкономической стратегии, в том числе в области обеспечения конкурентных позиций белорусских субъектов хозяйствования на внутреннем и внешнем рынках, а также на определение эффективных путей интеграции белорусской экономики в мировую экономическую систему. Сотрудничество осуществляется по ряду направлений развития международной деятельности, в том числе:

Продвижение продукции организаций Национальной академии наук Беларуси на внешних рынках при содействии МИД и загранучреждений в части оказания содействия в нахождении партнеров за рубежом для

научных и производственных организаций НАН Беларуси. НАН Беларуси регулярно направляет в адрес загранучреждений предложения организаций НАН Беларуси по сотрудничеству для их последующего препровождения в адрес действующих и потенциальных зарубежных партнеров, оказывается содействие в их поиске. Содействие организациям НАН Беларуси в решении проблемных вопросов с зарубежными партнерами, возникающих в ходе внешнеэкономической деятельности;

НАН Беларуси регулярно готовит И направляет МИЛ информационно-аналитические материалы ПО результатам анализа мировых научно-технологических тенденций, направлений поддержки и диверсификации экспорта высокотехнологичных товаров Республики Беларусь; аналитические обзоры ключевых тенденций мирового и регионального развития, в том числе в разрезе конкретных стран (текущих и перспективных партнеров); информацию о различных аспектах внешнеторговой деятельности Республики Беларусь в разрезе регионов и стран;

Оказание взаимной консультативной и организационной помощи при подготовке договорно-правовых документов национального и международного уровня, затрагивающих различные области научнотехнической деятельности, внешнеэкономическую сферу. Содействие со стороны МИД заключению международно-правовых документов о научном и научно-техническом сотрудничестве с зарубежными научными организациями и центрами. В качестве недавних примеров – в рамках визита Государственной делегации Республики Беларусь в Арабскую Республику Египет (февраль 2020 г.) подписано Соглашение между Национальной академией наук Беларуси и Арабской организацией по индустриализации в области науки и технологий; в рамках визита Государственной делегации Республики Беларусь в Республику Казахстан (октябрь 2019 г.) - Соглашение с Министерством цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан об обмене данными дистанционного зондирования Земли; в рамках визита Государственной делегации Республики Беларусь в Турецкую Республику (апрель 2019 г.) - «Дорожная карта» развития сотрудничества между НАН Беларуси и Научно-исследовательским советом Турции ТЮБИТАК на 2019-2021 гг. и Меморандум о взаимопонимании между НАН Беларуси и Министерством промышленности и технологии Турецкой Республики о научно-техническом сотрудничестве в Антарктике и др.;

НАН Беларуси и МИД активно взаимодействуют в рамках межправительственных структур по развитию международного научного и научно-технического сотрудничества, в совместных заседаниях и комиссиях, созданных в рамках межправительственных соглашений, итогом которых являются двусторонние Планы, «Дорожные карты» развития сотрудничества и Программы совместных действий Республики

Беларусь с конкретными странами и регионами. Примером участия НАН Беларуси в реализации вышеупомянутых Программ и Планов является сотрудничество академических организаций с 36 регионами Российской Федерации. Также взаимодействие с загранучреждениями Республики Беларусь ведется в рамках мероприятий ежегодных республиканских Планов работы по взаимодействию и развитию сотрудничества Республики Беларусь и конкретных стран и регионов Российской Федерации для обеспечения наращивания объемов и диверсификации экспорта товаров и услуг;

загранучреждения МИД оказывают содействие НАН Беларуси и зарубежных партнеров в представителей их международных мероприятиях в Республике Беларусь и за рубежом, выставках, в организации программ взаимных визитов. В кратко – и среднесрочной перспективе Национальная академия наук Беларуси и Министерство иностранных дел Республики Беларусь совместно с загранучреждениями Республики Беларусь за рубежом продолжат взаимодействие по вышеназванным направлениям, а также по другим вопросам экспортоориентированного научно-технического сотрудничества в целях дальнейшего продвижения страны по инновационному пути социально-экономического развития.

## ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ СОПИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

#### Р. Я. Подоль

Дистанционное образование как объективный тренд цифрового общества вызывает актуальную потребность в фундаментальных исследованиях в предметном поле философской рефлексии. Генезис и развитие этого феномена предопределяется, как минимум, двумя группами факторов: социокультурными и технико-технологическими. Будучи тесно взаимосвязанными, они детерминируют кардинальные трансформации глобального мира, в котором происходит переход от производительной экономической модели к потребительскому типу общественных отношений.

Классическая модель образования сформировалась в эпоху Возрождения и как комплексная система социализации личности была изложена выдающимся европейским педагогом Яном Коменским (1592—1670) в его труде «Великая дидактика» (1638) [1]. Образовательные принципы, изложенные в этом фундаментальном труде, стали социальным отражением креативной эпохи и были ориентированы на созидательную деятельность человека во всех сферах духовной и материальной культуры. Так, на теоретическую основу была поставлена неразрывная духовная

триада, в которой познавательные, просветительские и воспитательные функции стали важнейшими элементами классической образовательной системы. Благодаря ей испокон веков происходила передача социального опыта и интеллектуального наследия предшествующих поколений, без чего немыслим общественный прогресс.

Однако, многовековая история интенсивного промышленного производства подходит к завершению, уступая место т. н. «шестому технологическому укладу». Именно он становится доминирующим фактором дальнейшего цивилизационного развития. По имеющимся прогнозам, уже в ближайшее десятилетие произойдет исчезновение общественно традиционных значимых производственных профессий. человек все больше будет погружаться в лоно И потребительской культуры. Таким образом, произойдет своего рода цивилизационная «смена вех», в результате которой на смену общественному идеалу «человека-созидателя» грядет постмодернистский тип «человека-потребителя» [2]. Этот процесс уже многое меняет в нашей жизни, но до недавнего времени ему была недоступна сфера образования, как особая область интеллектуального наследия человечества. Однако, капитализация общественных отношений с присущим ей экономическим расчетом покусилась на эту важнейшую область общественного бытия. Посредством маркетинговых технологий XXI века компетентностные критерии, подменяющие образовательное знание, стали обретать свойства товарного продукта, активно востребованного на потребительском рынке. Под воздействием этого образовательные учреждения вынуждены встраиваться в нишу престижных образовательных услуг, дабы достичь наибольшей потребительской презентабельности узкопрофильных специалистов.

Нетрудно заметить, что с позиций приоритета рыночных отношений, технологии дистанционного образования соответствует «шестому технологическому укладу» цивилизационного развития. В частности, тотальная цифровизация хорошо встраиваются в систему диджидал-маркетинга компетентностных знаний как утилитарного продукта, потребительская стоимость которого, утрачивая общественную значимость, всецело задается интересами просветительские Поскольку работодателей. и воспитательные компоненты классического образования пока никак не поддается цифровизации, постольку их экономическая рентабельность крайне сомнительна для рынка потребительских услуг. Наверное, этим можно объяснить наметившееся обесценивание печатных носителей знания, каковыми традиционно являлись книги. На наших глазах происходит их образовательной среды путем повальной вытеснение цифровыми носителями информации. Как технологический инструментарий дистанционных образовательных платформ

вытесняют печатный текст из образовательного пространства не только посредством всемирной Интернет-паутины, но и с помощью планшетных компьютеров и всевозможных «умных» устройств, мобильных гаджетов.

С появлением электронных библиотечных систем-ЭБС, значительно ускорился процесс дистанционного потребления информации, что, в свою обусловило изменение когнитивной значимости печатной продукции и публичных библиотек как книгохранилищ. Книгопечатание великое культурное достижение человечества инициировало революционный прорыв не только в аккумулировании и ретрансляции знаний, но и в интеллектуальном просвещении людей. В этой связи, замечательное изречение М. Горького: «Любите книгу – источник знания», может восприниматься уже нынешним молодым поколением как своеобразный культурный анахронизм. И вот уже мы наблюдаем, как на смену сложившегося веками трепетного отношения к книге, пришел потребительский феномен, именуемый буккроссингом. Считается, что идею буккроссинга предложил в 2001 году интернет-технолог Рон Хорнбекер, после чего она была активно подхвачена многочисленными пользователями социальных сетей. Статистика утверждает, настоящее время сторонников этого массового явления во всем мире насчитывается уже несколько миллионов, превращаясь в мощное общественное движение, разделяющее мировоззренческую позицию эскапизма. По мере продвижения к цифровому обществу будет происходить процесс социального расставания с книгами, которые становятся культурными беспризорниками и нередко оказываются в мусорных контейнерах. Современные смартфоны, планшеты и то, что, бурно прогрессируя, придет им на смену, намного компактнее книги, да и к тому же они позволяют потребителям информации иметь в своей сумочке или кармане целую энциклопедию знаний. Цифровые образовательные платформы существенно трансформируют образовательное пространство И перспективе В информационному наполнению они будут способны вытеснить вербальное обучение и заменить учителя как ведущего субъекта образовательного процесса.

трансформации Социокультурные И технологические образования, обусловленные стремительным диджитал маркетинговым развитием образовательных услуг, с большой долей вероятности будут способствовать формированию у обучаемых инфантильной психологии как естественного стремления к получению «легких» знаний без значительных рефлексивных усилий. Его специфическую разновидность можно определить как «когнитивный инфантилизм», усиление которого аксиологическую трансформацию обусловит классической образовательной сферы: «учитель – ученик». С учетом значимости дистанционного образования для современного цивилизационного

развития, трансформируемая система классической педагогической дидактики, так или иначе, с неизбежностью будет постепенно интегрироваться в цифровые образовательные технологии.

И чтобы технико-технологическое развитие сферы образования происходило с меньшими гуманитарными издержками, возникает насущная необходимость обращения к научной дисциплине «философскоантропология». Прогностические педагогическая философско-педагогической антропологии могут быть усилены благодаря опоре синергетическую методологию NBIC-конвергенции, исследовать расширяющееся системно технологических возможностей дистанционного образования на субъектов классической системы «учитель - ученик». А с учетом того, что дистанционные технологии становятся трендом современного развития образовательной методология NBIC-конвергенции системы, представляется наиболее продуктивной для системных исследований специфики воздействия современной информационной реальности на социокультурное становление человека.

#### Литература и источники

- 1. Коменский, Я. А. Великая дидактика. Избранные педагогические сочинения / Я. А. Коменский. М.: Уч. пед. издат., 1955.
- 2. Каблуков, Е. Шестой технологический уклад / Е. Каблуков// Наука и жизнь. − 2010. № 4.

#### ДРАМА КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФЕРА ИДЕЙ В СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

#### О. Л. Познякова

В современном мире слово «драма» приобрело семантическую многослойность и чаще всего употребляется в речи либо как метафора («драма человеческих отношений»), либо как понятие, означающее феномен культуры, главная функция которого — развлекать публику. Вошедшее в употребление (во многом благодаря экзистенциальной философии XX века) слово «драма» в качестве когнитивной метафоры ограничило общий интерес к предмету, сделав его, якобы, общедоступным и понятным для обывателя, ретушируя подлинный смысл и предназначение драмы как инструмента манипулирования сознанием масс и как структурной модели развития конфликта.

Сегодня способ доставки драмы потребителю достиг такого уровня, когда нет необходимости читать, посещать театры или кинотеатры, но достаточно иметь цифровой носитель, который позволяет максимально упростить процесс воздействия на человека. Поверхностное отношение к

драме как к развлечению обезоруживает читателя, зрителя перед теми нравственными установками, которые внедряются в сознание без его ведома. Данный риск отражен в главе 6, п. 42 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента №575 от 09.11.2010, где одним из внешних источников угроз обозначено «широкое распространение в мировом информационном пространстве образцов массовой культуры, противоречащих общечеловеческим и национальным духовно-нравственным ценностям» [1].

К сожалению, традиционное препарирование понятия «драма» в области филологии, культурологии, литературоведения, искусствоведения, эстетики оставляет за пределами внимания ее истинную сущность как инструмента управления обществом [2, с. 127]. Ускользая от пытливого разума исследователей, настоящее предназначение драмы в полной мере проявляется на улицах как наших городов, так и у соседей, по четко, как копирку, написанному сценарию. Незнание И концептуально-методологических основ драмы лелает обывателя беспомощным и слепым участником срежиссированных социальных конфликтов [3, с. 412-413]. И напротив, понимание драмы как идеи, которая несет в себе моделирующее начало и содержит в своей инвариантной структуре все аспекты социальной драматизации, позволяет дать оценку множеству исторических фактов как прошлого, так и также спрогнозировать направленность общественных процессов с целью минимизации рисков в разрешении социальных противоречий. Такой многогранный подход в осмыслении драмы позволяет принимать участие в разработке продуктивных стратегий осмысления и решения глобальных проблем современности.

Необходимо также отметить, что понимание действительной сущности драмы делает возможным, во-первых, упорядочить работу СМИ, защитить национальные интересы от навязываемых извне норм поведения, ценностей и идеалов. Во-вторых, вернуть систему образования на путь подготовки ответственного за будущее своей страны гражданина, а не «довольного потребителя», как это происходит теперь. И в-третьих, направить учреждения культуры (театры, музеи, кино и пр.) в русло служения национальным интересам государства.

Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка гуманитарных транскрипций драмы и выявление их теоретического и практического потенциала в системе социокультурного знания» № госрегистрации в ГУ «БелИСА»: 20210077, дата регистрации: 28.01.2021.

#### Литература и источники

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь // Генеральная прокуратура Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.prokuratura.gov.by/ ru/ acts/ kontseptsiya-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/. – Дата доступа: 22.02.2021.

- 2. Познякова, О. Л. Ритуальный подход как теоретическое обоснование онтологической сущности драмы / О. Л. Познякова // Вестник ПГУ. Серия Е. Педагогические науки. 2018. № 7. С. 124—127.
- 3. Познякова, О. Л. Методологический потенциал драмы в социально-философском исследовании / О. Л. Познякова // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. Минск: РИВШ, 2019. Вып. 18. С. 407—414.

# СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

#### А. Н. Прохоров

На международном уровне термин «глобализация 4.0» громко прозвучал на Всемирном экономическом форуме в Давосе, где в контексте прочего попытались в целом определить степень управления и сотрудничества в результате 4-ой промышленной революции. Если промышленная революция 3.0 ознаменовалась расширением доступа к персональным компьютерам и Интернету, то в рамках ее версии 4.0 происходит внедрение широкого спектра инновационных технологий, включая искусственный интеллект. Дальнейшее развитие и более глубокое проникновение цифровизации в институты государства и гражданского общества, может привести к дисбалансу имеющегося миропорядка, новым глобальным вызовам и нарушениям прав человека [2, с. 138].

Чтобы эффективно реагировать на эти и другие вызовы глобализации необходимы специалисты, способные грамотно предугадывать, анализировать и решать задачи любого уровня [6, с. 53]. Для этого нужна четко выстроенная, конкурентоспособная система национального образования, способная «выращивать» будущих новаторов и созидателей в соответствии с глобализацией, которая, как правило, происходит независимо от воли субъектов [3, с. 134].

В рамках данного исследования автор считает необходимым заострить особое внимание на системе среднего профессионального образования в Российской Федерации в контексте глобальных процессов 4.0, где обучающийся после школы имеет право приобрести профессию, необходимость которой продиктована мировыми вызовами и рынком труда.

Прежде всего, стоит отметить, что глобализация является отражением динамики мировых перемен в политике, экономике, социальной сфере [8, с. 14]. Важную роль в мировой экономике играет

рынок труда — в качестве баланса между спросом и предложением рабочей силы. Соответственно, в условиях глобальной экономики все большую роль играют процессы глобализации образования, где «экономика знаний» требует формирования «Единой мировой образовательной системы, основанной на единых образовательных стандартах» [11, с. 25]. Важной составляющей образования является среднее профессиональное образование, готовящее специалистов для различных сфер экономики. Отметим, что глобализация нашла некоторое отражение в российской системе образования.

В международно-правовом закреплении права на образование ключевую роль сыграла Организация Объединенных Наций, созданная в 1945 г. и в некоторой мере взявшая на себя не вполне выполненную миссию Лиги Наций [1, с. 109].

О регулировании правоотношений в сфере СПО говорят различные международные нормативно-правовые акты:

- в части 1, статьи 26 «Всеобщей декларации прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) упоминается, что «каждый человек имеет право на образование... Техническое и профессиональное образование должно быть общедоступным...»;
- —13-я статья «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) сообщает, что «среднее образование в его различных формах, включая профессионально-техническое среднее образование, должно быть открыто и доступно для всех путем принятия всех необходимых мер и, в частности, постепенного введения бесплатного образования»;
- в пункте 1, статьи 17 «Европейской социальной хартии» (принята в г. Страсбурге 03.05.1996 г.) говорится о том, что «необходимо обеспечить, чтобы дети и молодежь, с учетом прав и обязанностей их родителей, получали... образование и профессиональную подготовку, в частности путем создания или поддержания в этих целях достаточных и адекватных для этого учреждений, и служб».

Современная система СПО в России регулируется Конституцией Российской Федерации (ч. 2, ст. 43) и Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. 08.12.2020 г.).

В контексте тенденций глобализации 4.0 Правительство России поставило новые задачи в области среднего профессионального образования. Несмотря на многочисленные трудности, речь идет об организации в колледжах подготовки следующих специалистов: «графический дизайнер, мобильный робототехник, оператор беспилотных летательных аппаратов, разработчик Web и мультимедийных приложений, специалист по тестированию в области информационных технологий,

техник по биотехническим и медицинским аппаратам, слесарь и многие другие» [10, с. 26].

При этом, численность студентов техникумов, училищ и колледжей растет – она уже почти достигла численности студентов университетов. Но это на фоне проблем с финансированием, материально-технической базой и педагогическими кадрами. Кроме уже упомянутых, отметим ряд требующих решения. Это «временное трудоустройство безработных выпускников, более высокий уровень специализированных **учреждений** направлениям занятости, по развитие института наставничества, снижение количества мест образовательных **учреждениях** по маловостребованным специальностям, увеличение применение эффективных мер по финансирования И интеграции выпускников в рынок труда и др.» [10, с. 26].

Пандемия вызвала ускорение цифровизации образования, что в очередной раз напомнило обществу о ключевой роли науки и образования в современном мире глобальных процессов 4.0. Согласимся с мнением, что необходимость преодоления глобальных угроз требует более тесных совместных действий государств, международных организаций и других субъектов международных отношений [9, с. 155]. Планетарный масштаб современных вызовов миропорядку (включая вызовы новых технологий 4.0.) требуют не только укрепления международного сотрудничества для их преодоления, но и серьезного пересмотра сложившихся подходов в области образования [12, с. 351]. Реформирование образования должно быть направлено на интеграцию с учетом тенденций развития современного глобальных процессов рынка труда И сфере образования [4].

#### Литература и источники

- 1. Бегичев, А. В. История создания и деятельности Лиги Наций / А. В. Бегичев [и др.] // Вопросы истории. -2019. -№ 9. C. 108–113.
- 2. Бурьянов, С. А. Свобода совести как глобальная ценность. На пути к политическому единству и решению глобальных проблем / С. А. Бурьянов // Век глобализации. -2009. -№ 1. C. 136-151.
- 3. Вопросы глобализации культуры и защиты культурных прав человека и гражданина (междисциплинарное исследование): монография. М.: МГПУ, 2018. 200 с.
- 4. Всемирный банк. 2019 год. Доклад о мировом развитии 2019 «Изменение характера труда». Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ ru/ events/ safeworkday/ assets/ pdf/ WDR-2019-RUSSIAN\_March\_2019.pdf. Дата доступа: 05.02.2021.
- 5. Глобалистика. Международный энциклопедический словарь. М.; СПб.; Нью-Йорк, 2006. 235 с.
- 6. Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2 кн. / Под

- общ. ред. С. А. Бурьянова, А. И. Кривенького. Кн. 1. М.: МГПУ, 2019. 200 с.
- 7. Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2 кн. / Под общ. ред. С. А. Бурьянова, А. И. Кривенького. Кн. 2. М.: МГПУ, 2019. 276 с.
- 8. Права человека в условиях глобализации и их защита в международном частном праве (междисциплинарное исследование): Коллективная монография: в 2 кн. / Под ред. А. И. Кривенького. Кн. 1. М.: МГПУ, 2016. 212 с.
- 9. Правовое регулирование трансформации российского образования в условиях глобализации в социально-культурной среде: монография. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2019. 174 с.
- 10. Прохоров, А. Н. Проблема трудоустройства выпускников в контексте современных глобальных процессов / А. Н. Прохоров // Юридический мир. -2020. № 4. C. 52–54.
- 11. Чумаков, А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации. Век глобализации / А. Н. Чумаков. М., 2013. С. 23–37.
- 12. IV Международный научный конгресс «Глобалистика-2015»: перспективы развития международного права в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10 (89). С. 348—353.

# ОБ ОДНОМ ВЫЗОВЕ ЛОГИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ

# М. М. Прохоров

Постэкономический вектор развития человечества как выражение логики исторического процесса задолго до теории информационного общества был установлен марксизмом. К. Маркс и Ф. Энгельс также выделяли в истории человечества три большие формации: первобытную или общинно-родовую, общественно-экономическую с господством экономики и третичную общественную формацию, освобождающую от засилья «экономизма» [1, с. 188–210].

Развитие мира привело к появлению общества, его история предопределила общественный характер человека, позволив выделить три основных типа мироотношения: созерцательное, активистское и коэволюционное. Разделяемый марксизмом коэволюционный подход выделяет в истории две стороны, историю природы и историю людей, подчеркивая, что обе эти стороны неразрывно связаны. До тех пор, пока существуют люди, они взаимно обусловливают друг друга [2, с. 16]. Поэтому даже «чистое» естествознание получает свою цель, равно как и свой материал, лишь благодаря торговле и промышленности, и «это

производство служит (...) глубокой основой всего чувственного мира, как он теперь существует», хотя сказанное, конечно, не применимо к первичным, возникшим путем generatio aequivoca (самопроизвольного зарождения – М. П.) людям, когда отчетливо выделялся «приоритет вешней природы». Разрабатывая коэволюционный подход, марксизм преодолевает созерцательный и односторонне активистский подходы [2, с. 43–44]. Освобождаясь от засилья капиталистического экономизма, человечество совершает скачок из царства необходимости в царство свободы. К этому подводит развитие самого капитализма, когда «отпадает принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и интеллектуальные выгоды) одной частью общества за счет другой», когда «создаются материальные средства и зародыши для отношений, которые при более высокой форме общества дадут возможность соединить прибавочный продукт с более значительным ограничением времени, посвященного материальному труду вообще». «Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под общественный контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается парством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости как на своем базисе» [3, с. 348–349]. Выход за пределы экономического общества Маркс мыслил как результат классовой борьбы пролетариата против буржуазии [4, с. 771–772].

Сторонники концепции информационного общества отрицают «антигуманизм» классового подход марксизма, делая опору на знание и на то, что человек уходит из производства, которое все более осуществляется техническими средствами, наделенными ІТ, искусственным разумом и реализующими функции создания потребных для людей благ, которые до того создавались при непосредственном участии человека в процессе производства, что приводит к отрицанию вообще экономической сферы товарно-денежных отношений в качестве «определяющей основы человеческой жизни».

К сожалению, с ликвидацией Советского Союза не только в России, но и в других странах на территории бывшего СССР произошел возврат к господству экономизма, товарно-денежных отношений, «экономического бытия и сознания» людей: многие виды деятельности вновь погружаются в эти сферы, претендующие на подмену универсального, природнообщественного бытия и его развития, соразмерным которым является родовая сущность человека. Это хорошо видно, скажем, на примере сфер

образования, науки, художественной культуры, медицины и т. д., в отношении которых действует принцип остаточного финансирования, который превосходит его действие в СССР. Оправдание такого возврата пытаются дать официальные лица, выстраивая целые концепции. В отличие от марксистского постэкономического вектора революционного развития общества, соответствующего логике исторического процесса, концепция информационного общества предлагает, скорее, лишь утопию перехода к постэкономическому обществу, а Е. Масуда прямо называет свою работу «Компьютопия».

В современных условиях система вырождающегося капитализма существует в условиях «многоукладности», что приводит к ослаблению влияния капиталистической системы, обнаруживая ее абстрактность и «дополненность» другими формами жизнедеятельности людей в современном обществе. Сами сторонники концепции информационного общества связывают его с наличием в обществе не производства, а сферы услуг (медицина, образование и т. п.). Это обстоятельство находит своеобразное отражение в западной концепции постиндустриального, информационного общества, позволяя говорить ее представителям о выходе в постэкономическое общество.

В. Л. Иноземцев, указывающий на совпадение в марксизме и концепции информационного общества постэкономического вектора развития человечества, выражающего логику исторического процесса, игнорирует тот факт, что объективно их сходство было обусловлено войной и идеологической конкуренцией советского капиталистического проектов при учете вырождения капитализма и заимствования последним черт из социалистического общества ради пролонгации своего бытия (например, социальное государство), что потребовало от западных обществ быть / слыть «адекватными» этому вектору развития, чтобы дать соответствующий «ответ марксизму» - в виде социальной концепции, от историософии до конкретных социальнопроектных идей [5]. Усвоив утвердившееся в 1990-е годы негативное отношение к марксизму в постсоветской России, В. Л. Иноземцев поддерживает концепцию информационного общества, отрицая марксизм с его классовым подходом, приписывая ему отступление от объективной и игнорируя утопический характер концепции [6, c. 32] постиндустриальной волны на Западе, как ложку меда в бочке капиталистического дегтя «экономизма».

#### Литература и источники

1. Прохоров, М. М. Экономизм как модальность бесчеловечности / М. М. Прохоров // Мировоззренческая парадигма в философии: Модусы и модальности практические и теоретические: монография / Под ред. проф. М. М. Прохорова. – Нижний Новгород: НФ ФГБОУ ВПО МЭСИ, 2014. – С. 188–210.

- 2. Маркс, К. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Т. 3. М.: Политиздат, 1955.
- 3. Маркс, К. Критика политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные сочинения: в 9 т. Т. 3, Кн. 3.– М.: Политиздат, 1988.
- 4. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. Т. 1, Кн. 1. М.: Госполитиздат, 1963.
- 5. Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В. Л. Иноземцев. М.: Логос, 2000. 304 с.
- 6. Иноземцев, В. Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире / В. Л. Иноземцев // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.

# МЕСЦА ЧАЛАВЕКА Ў АНТРАПАЛАГІЧНАЙ МАДЭЛІ А. Г. ДУГІНА

#### А. А. Ражкоў

Аляксандр Гельявіч Дугін — расійскі філосаф-традыцыяналіст («постгенаніст»), што прапаноўвае антрапалагічную мадэль, якая, хоць і пазыцыянуецца як мадэль, якая павінна вярнуць гуманізм у чалавечае грамадства, але ўяўляе з сабе далейшае развіццё неаплатанічнай думкі, якая растварае асобу чалавека ў межах «звышсуб'екта» (як катафатычнага, так і апафатычнага).

А. Г. Дугін распрацаваў сваю філасофскую сістэму шляхам сінтэза перэніялізму Р. Генона і філасофіі «Валявога Суб'єкту» Ю. Эволы [5; 6]. Дадзены сінтэз быў абгрунтаваны з пазіцый класічных філосафаў неаплатанічнай думкі (Плацін, Ямвліх, Эрыўгена), філасофіі М. Гайдэгера, а таксама метадалогіі Э. Гусерля і Ф. Брэнтана (якой інтэпрэтуецца Арыстоцель). Вялікую ролю ў станаўленні дадзенай антрапалагічнай мадэлі адэграў Ж. Дзюран, дзякуючы якому А. Г. Дугін распрацаваў сваю «наалагічную методыку». Яна актыўна дапаўняецца тэзісамі, якія А. Дугін адстойвае ў сваіх відэалекцыях на партале хатняй адукацыі раіdeuma.tv.

Сутнасць дадзенага сінтэза заключаецца ў наступным: суб'ектам у дадзенай філасофіі разумеецца носьбіт DaSein'a (ці сам DaSein) [8], які інтэпрэтуецца як свядомасць з пазіцыі Ю. Эволы: свядомасць чалавека стварае навакольныя рэчы, накіроўваючы свой інтэнцыянальны акт (ці экзістэнцыял Sorge) спачатку на vorstellung/είδος, а пасля праз vorstellung на матэрыю, якая на перыферыі свядомасці (спалучэнне ідэі і  $\tilde{\upsilon}$ λη) стварае рэч, што верыфекуецца праз акт эвідэнцыі/фенаменалагічнай рэдукцыі (працэс, вынікам якога з'яўляецца замацаванне рэчы ў межах мыслення шляхам надацця ён меры (якая тычыцца «свету Багоў»)) [4; 6]. Мысленне («Nouς  $\tau$ 000  $\tau$ 000  $\tau$ 100  $\tau$ 10  $\tau$ 100  $\tau$ 10  $\tau$ 100  $\tau$ 

які актывізуе працу свядомасці і з'яўляецца яе вытокам, але не з'яўляецца яе часткай [2].

Аднак з пазіцыі Р. Генона крыніцай «Nous πointikos» з'яўляецца Адзінае, ці Прынцып [5]. Праз працэс эманацыі ён раскладаецца на Многае, якое напачатку ўяўляецца ў выглядзе розных «Логасаў», што з'яўляюцца DaSein'амі розных «народаў». У сваю чаргу, у такой сістэме чалавек уяўляецца як далейшая эманацыя «Nous πointikos», але ўжо ў межах «народа». З працэсам эманацыі Прынцыпа звязана з'яўленне «Традыцыі» — некаторага метафізічнага патока, які канстытуе рэчаіснасць [1].

Такім чынам, магчыма казаць, што інсуе адзіны Звышсуб'ект -Адзінае, які праз працэс эманацыі/сыхода «Традыцыі» ажыцяўляе працэс канстытуявання рэчаіснаці канструктавання (яна ўяўляецца іерархізаванай) [4; 5]. З улікам меркавання А. Г. Дугіна, якое ён выклаў у сваім шматтомніку «Наамахія – бітвы розуму» (заключаецца ў тым, што ўяўленне з'яўляецца антрапалагічным траектам, які канстытуе і суб'ект, і аб'ект), магчыма ўявіць тое, што дадзены Прынцып «уяўяляе»/здзяйсняе інтэнцыянальны акт/«клапоціцца аб быцці» (пераклад Sorge [8]), вынікам чаго з'яўляецца з'яўленне «Логасаў» (дзе яны разумеюцца як vorstellung'i Прынцыпа, якія знаходзяцца на мяжы свядомасці Прынцыпа і ΰλη) [1; 3]. Аналагічны працэс у межах «Логасаў» стварае іх канкрэтызацыі, а канкрэтызацыі канкрэтызацый утвараюць «народы». Людзі з'яўляюцца апошняй ступенью эманацыі Прынцыпа.

З аднаго боку, як мы можам бачыць, дадзеная анталогія прапануе нам пераглядзець стаўленне да матэрыі і вяртае нас зноў да думкі, што свядомасць чалавека (мова ва ўласнасці) з'яўляецца творцам сусвету, робячы зноў чалавека ўладаром света. Аднак у дадзенай сістэме сам чалавек з'яўляецца толькі носьбітам суб'ектнасці, але не самастойным суб'ектам/«Звышсуб'ектам». Тлумачыцца гэта тым, што чалавек сам канстытуецца як матэрыяльны аб'ект з-за інтэнцыянальных актаў іншых людзей, якія складаюць паняццё «народ», а сацыяльныя ролі разумеюцца як «маскі», што з'яўляюцца пад час прымянення да чалавечай матэрыі інтэнцыянальных актаў. Гэта значыць, чалавек не з'яўляецца сабой як незалежная персона, але толькі адыгравае пэўную ролю, якая з'яўляецца знешнім напластаваннем. У такім сэнсе сам чалавек у адрыве ад гэтых сацыяльных роляў уяўляецца як матэрыя, г. зн. як нішто (што ўскосна карэлюе з думкай М. Штырнера, які прытрымліваўся, што цікава, палярных А. Г. Дугіну поглядаў [7]).

Дадзеная сістэма поглядаў знішчае самакаштоўнасць чалавека па сваёй прыродзе, кажучы што чалавек з'яўляецца чалавекам толькі тады, калі ён «аўтэнтычна экзістуе», г. зн. адыгравае сваю ролю ў межах соцыума, раствараючыся ў ім і зліваючыся з Традыцыяй, бо толькі дзякуючы ёй (як патоку «клопату», які сыходзіць з «Нерухомага Рухавіка»)

ён можа існаваць. Чалавек апынаецца цалкам залежным ад грамадства, якое і фармуе яго (сама)свядомасць. У такім выпадку страта свядомасці чалавекам вядзе да таго, што чалавек страчвае права быць чалавекам, што можа стаць глебай для выбудовы ідэалагем «вернай самасвядомасці», адыход ад якой будзе з'яўляцца, на сам рэч, адыходам ад чалавечнасці, а значыць і адмовай ад усіх правоў, на якія прэтэндуе чалавек.

Такім чынам, дадзеная філасофская антрапалогія «постгенанізму» А. Г. Дугіна з'яўляецца даволі небяспечнай і пагражае самастойнасці чалавечай асобы. Яна фармуе прыемную глебу для з'яўлення аўтарытарных ідэалагем у грамадстве. Таму дадзеная філасофская сістэма патрабуе пераасэнсавання і перапрацоўкі, хаця яна і прапануе цікавую кульуралагічную методыку, пра якую аўтар расапавядае у іншых артыкулах.

#### Літаратура і крыніцы

- 1. Дугин, А. Г. Ноомахия: Войны ума. Три Логоса: Аполлон, Дионис, Кибела / А. Г. Дугин. М: Академический проект, 2014. 450 с.
- 2. Дугин, А. Г. Онтология и антропология театра: лекция 5 Метафизика роли / А. Г. Дугин [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://paideuma.tv/ video/ ontologiya-i-antropologiya-teatra-lekciya-5-metafizika-roli#/?playlistId=0&videoId=0. Дата доступа: 22.02.2021.
- 3. Дугин, А. Г. Феноменология Аристотеля. Лекция 14. Ruinanz und Verfallen. Онтология падения / А. Г. Дугин [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://paideuma.tv/ video/ fenomenologiya-aristotelya-lekciya-14-ruinanz-i-verfallenontologiya-padeniya#/?playlistId=0&videoId=0. Дата доступа: 02.03.2021.
- 4. Дугин, А. Г. Феноменология Аристотеля. Лекция 5. Э. Гуссерль: Мистерия феноменологической редукции / А. Г. Дугин [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://paideuma.tv/ video/ fenomenologiya-aristotelya-lekciya-5-egusserl-misteriya-fenomenologicheskoy-redukcii#/?playlistId=0&videoId=0. Дата доступа: 02.03.2021.
- 5. Зобков, Р. А. Универсальное и индивидуальное в дискурсе Рене Генона / Р. А. Зобков [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://izvestiapolit.isu.ru/en/article/file?id=1808. Дата доступа: 25.02.2021.
- 6. Попов, В. Ю. Традиция и традиционализм. Альманах 2012–2013 / В. Ю. Попов, О. С. Киселёв [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://194.44.152.155/ elib/ local/ r684.pdf. Дата доступа: 15.02.2021.
- 7. Штирнер, М. Единственный и его собственность / М. Штирнер // Пер. с нем. М. Л. Гохшиллера, Б. В. Гиммельфарба; вступ. ст. Д. С. Хаустова. М.: РИПОЛ Классик, 2017. 464 с.
- 8. Heidegger, M. Sein und Zeit / M. Heidegger. Tubingen: Max Niemeyer verlag,  $1967.-450~\mathrm{s}.$

## ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

#### И. М. Ратникова

Современная цивилизация характеризуется беспрецедентно высоким уровнем научно-технического развития, сопровождающегося, вместе с тем, амбивалентными тенденциями: с одной стороны, значительным улучшением качества и продолжительности жизни человека, и, с другой возникновением целого комплекса проблем, общепланетарный характер и требующих согласованных решений подавляющего большинства мировых экономик. К числу глобальных проблем может быть отнесена угроза термоядерных столкновений, продовольственных ресурсов, нехватка появление религиозно мотивированного экстремизма И международного терроризма, интенсификация процессов мировой цифровизации и многие другие. Особое место в этом ряду занимает экологический кризис, обостривший и углубивший противоречия в системе координат «человек-природа», поставивших сегодня под угрозу не только выживание homo sapiens как биологического вида, но и само существование нашей планеты.

В то же время, избранный человечеством технологический путь развития сам по себе вряд ли способен устранить возникшие катаклизмы. Сегодня становится очевидным, что эффективное решение возникших задач требует междисциплинарного подхода. Значимую роль в достижении этой цели играет философское знание, первоочередной функцией которого является целостное осмысление предпосылок, генезиса и механизмов функционирования того комплекса глобальных проблем, с которым столкнулось современное общество. В этой связи, обращение к эвристическому потенциалу критической теории представляется чрезвычайно своевременным и продуктивным. В рамках данного направления современной философии не только эксплицируется прямая зависимость между предельными основаниями техногенной цивилизации и патологиями в ее развитии, но и разрабатывается программа социокультурных трансформаций, позволяющая внести определенный вклад в стратегию устойчивого развития нашей страны.

Критическая теория без малейшей доли преувеличения может быть названа одним из доминирующих концептуальных трендов в современном философском пространстве. Ее инвариантное содержание состоит в системном подходе к исследованию социокультурной реальности, нацеленном на анализ различных аспектов бытия человека в мире в контексте фундирующих их отношений господства-подчинения и форм их легитимации. Уже на раннем этапе развития критической теории в ее программной работе «Диалектика Просвещения» (1947) выявляются

истоки и принципы функционирования современной цивилизации, обусловившие патологии в ее развитии. Согласно ее авторам, в качестве имплицитной предпосылки последних выступают изменения в трактовке понятия «разум», имевшие место еще в античности. Если в древнегреческой философии оно было связано, прежде всего, со значением «собирать», «вбирать», то уже в рамках эллинистической философии – «считать», «исчислять». Данная трансформация греческого Логоса (λο γος) в латинский Разум (ratio), по их мнению, детерминировала дальнейший ход развития человечества.

Вслел веберовской идеей «расколдовывания вышеупомянутые философы полагают, что окончательное концептуальное оформление эти трансформации получили в направленности науки на освобождение от стихийности и непредсказуемости природных явлений. Данные интенции сущностно детерминировали целевую установку западной цивилизации, которая состоит в познании природы для последующего ее использования, подавления и управления. Так, основой всякой познавательной процедуры в науке выступает субъект-объектная оппозиция, фундаментом которой выступает принцип господства субъекта познания над объектом познания. При этом познавательная активность субъекта наделяется представляющим характером: для того чтобы познать какой-либо элемент природной действительности необходимо поставить его перед собой для выявления его атрибутивных свойств с целью их дальнейшего преобразования надлежащим образом. Данная процедура представления, согласно классикам критической теории, есть не что иное, как насильственное овладение объектом познания. Они настаивают на том, что подобное дистанцирование по отношению к природе есть акт признания принципа господства-подчинения в качестве предельного основания западной ментальности в целом.

Кроме того, основоположники критической теории постулируют инструментально-прикладной характер рациональности, фундирующей общества. Разум установки техногенного здесь используется преимущественно в качестве максимально эффективного инструмента для решения практических задач, а также достижения прикладных целей и результатов. При этом он редуцируется к только лишь целеполагающему органу исчисления, планирования и координирования. Качественный объективной субъективной природы И нивелируется, главенствующим становится достижение максимальной выгоды и пользы в результате ее познания.

Осуществление данных интенций западной цивилизации детерминировало сугубо утилитарное, потребительское отношение к природе, что, в свою очередь, повлекло за собой возникновение экологического кризиса, поставившего под угрозу дальнейшее существование человечества и планеты. Теоретическая и практическая

значимость критической теории состоит не только в том, что она осуществляет систематическое исследование патологий развития человечества, но и предлагает программу их преодоления. Цель последней состоит в разработке таких ментальных и поведенческих способов отношения к внешней и внутренней природе, которые нивелировали бы негативные последствия реализации установок техногенной цивилизации. Таким первым опытом в рамках критической теории была концепция «эстетической рациональности» Т. Адорно, фундированная принципами ненасильственных взаимоотношений с природой. Не случайно именно адорновские идеи были взяты на вооружение международным движением «Greenpeace» в качестве одного из концептуальных оснований.

Локусом воплощения миролюбивого отношения к природе данный представитель критической теории объявляет искусство. рассматриваемого складывается преимущественно проекта воздействием беньяминовской философии. Именно ауратичный характер произведения искусства позволяет ему быть пространством, свободным от господства-подчинения. Это свойство именуется эстетической трансцендентностью, т. е. тем, «посредством чего общий контекст, взаимосвязь моментов произведения указывает за пределы художественного опыта и дает возможность каждому отдельному моменту "выглядывать" за свои собственные пределы» [1, с. 392]. Эстетическая трансцендентность есть способность искусства высказывать «больше» видимого положения дел. Это «больше» раскрывает истинное положение природы в техногенной цивилизации положение покоренности, порабощенности подавленности. Кроме τογο, трансцендентность есть то, посредством чего и становится возможным гармонизация И диалогизация взаимоотношений человек-природа, коэволюционный путь развития.

Искусство, таким образом, выступает в адорновском проекте преодоления патологий развития человечества основанием В ненасильственной модели реальности. основании концепции «эстетической рациональности» лежит принцип миролюбивого, ауратического отношения человека к природе в противовес репрессивным формам организации бытия. Диалогизация отношений человека и природы представлялась данному представителю современной западной философии возможной лишь в сфере искусства. Этот эстетизм обусловил шаткость его концепции. Вместе с тем, несомненным достижением критической теории является экспликация предпосылок и предельных оснований генезиса современной техногенной цивилизации. Здесь убедительно показано, что несостоятельность и изначальная противоречивость многих ее принципов и установок имела решающее значение в возникновении целого комплекса глобальных проблем современности, решение которых скоординированных усилий всего человечества.

#### Литература и источники

1. Адорно, Т. Эстетическая теория / Т. Адорно. – М.: Республика, 2001. – 527 с.

# УНИВЕРСИТЕТ КАК ИНСТИТУТ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА (ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ)

#### М М Рогожа

Глобализационные процессы Постмодерна открывают границы континентами, между государствами И интегрируют достижения различных культур в единую культуру, часто унифицируя уникальные процессы. Очевидно, что сегодня и университет как институт Модерна оказался в эпицентре трансформаций. Б. Ридингс усматривает основание трансформаций разрушении национально-культурной произошедшем в эпоху Постмодерна. Сегодня университет отделен от идеи национального государства, на усиление и развитие которой путем сохранения и распространения национальной культуры он работал в Модерне. Глобализация отодвигает национальное государство на задний план, поэтому национально-культурная миссия университета становится избыточной, и он вынужден искать новые источники для своего развития. Наиболее полно таким запросам соответствует почва американской культуры, и американский университет, в частности, такое ведущее научно-исследовательское учреждение как Университет Джонса Хопкинса, модельным. Современный культурное глобализирующегося мира гомологично культурному пространству США, которое основывается не в этнической принадлежности людей, а на их гражданском состоянии. Гражданское состояние задается определенным общественным договором, соблюдение которого становится залогом общественного успеха. Университет в таких **УСЛОВИЯХ** институтом, который имеет целью не раскрытие содержания культуры или воплощение в жизнь духа нации, а выполнение договора, общественного обещания. Речь идет о институте, устройство которого обусловлено определенным договорным выбором, заданным культурным каноном, совокупностью правил, которые всегда доступны пересмотру. Поэтому современный университет использует образовательные заложенные в средневековом университете и развитые в Гумбольдтовском университете, но они не несут внутреннего содержания - они пустые. «Глобальная американизация сегодня (...) означает не доминирование американской нации, а глобальную реализацию бессодержательной американской национальной идеи, которая в своей бессодержательности напоминает денежные отношения и совершенство» [1, с. 62].

Университет в эпоху Постмодерна называют университетом

совершенства. Совершенство по сути – пустое понятие. Нет единодушных представлений о нем, а их множество задает дискурс, в котором заговаривается цель университета, а на первый план выходит его самоценное администрирование. «Совершенство означает лишь момент саморефлексии технологии», — отмечал Б. Ридингс, назвав университет совершенства симулякром идеи университета [1, с. 69].

Университет становится автономной бюрократической корпорацией. потребительски ориентированной Никогда не корпоративного духа, сегодня ОН его объективно **у**величивает. Традиционно корпоративный дух понимался как единение представителей сообщества университетского вокруг реализации его Преподаватели, исследователи, студенты, вспомогательный администрация объединялись на основе общих ценностей, в то время как университет (как корпорация) является организацией по предоставлению образовательных услуг. Он отказывается от своего символического капитала в пользу «балансового» учета. Его деятельность выходит на сферы бизнеса, управления, маркетинга, обслуживания. Сегодня это многоуровневая и многофункциональная организация, полноправный субъект хозяйствования, ориентированный на предоставление образовательных услуг и выполнения работ / заказов от государственной и местной власти, бизнеса, а также гражданского общества.

Как к бизнес-структуре, к университету выдвигаются требования социальной ответственности. Университетское сообщество вместе с общественностью широко обсуждает возможности университета быть полезным обществу, реагировать на его запросы. Еще на рубеже 1990-х гг. ректор Йельского университет Я. Пеликан мог констатировать: «Один из главных недостатков университета, который одновременно является, безусловно, одной из самых привлекательных его черт, состоит в причудливой склонности погружаться в себя и игнорировать общество, в котором он живет и без которого не может существовать» [2, с. 228]. Он призвал к переориентации университета на служение обществу. А уже сегодня университет в полной мере ориентируется на активное сотрудничество с центральной и местной властью, общественными организациями и общественными активистами в вопросах создания и совместных социальных, экономических, проектов, например, предоставление дополнительных образовательных услуг, профессиональное консультирование, проведение экспертизы и тому подобные мероприятия. Это находит нормативное обоснование в «Бухарестской декларации по этическим ценностям и принципам высшего образования в европейском регионе». В преамбуле отмечается: «В настоящее время университеты и другие учреждения высшего образования играют ключевую роль в развитии общества,

экономики и культуры на всех уровнях — глобальном, региональном, национальном и местном. В развивающемся обществе знания университеты не ограничиваются развитием и сохранением базовой науки; они активно участвуют в толковании, распространении и практическом применении новых знаний» [3, с. 1]. Здесь фиксируется руководящая роль университета в развитии экономики и культуры в обществе.

В университете все больший удельный вес приобретают функции планирования и управления. Это связано с его превращением из элитарного заведения в организацию, в которой учатся массовые контингенты студентов. Организация учебного процесса для масс студентов, а также выполнение общественно ориентированной деятельности обусловливают увеличение роли администрирования в структуре университета.

Превращение университета в коммерческую организацию предоставлению образовательных услуг задает восприятие студентами потребителей, объективно размывает ошушение себя как принадлежности к университетскому сообществу. Поэтому возникает потребность в качественно новых рычагах воздействия на них. Здесь приобретают значительное влияние этические кодексы университета, в которых фиксируются ценности, призванные вменить в обязанность обучение и исследования в условиях недейственности заданной системы координат. В кодексах прописывают принципы академической свободы; академической добродетели (academic integrity). Действенность этих принципов обеспечивается этическими комиссиями / комитетами. призванными рассматривать нарушения членами университетского сообщества этических принципов и норм деятельности университета. университете широко обсуждается введение сигнализаторства - информирования о недостойном поведении члена университетского сообщества.

Таким образом, современный университет совершенства как симулякр идеи университета может быть представлен как институт в руинах, а может – как новый этап нелинейного развития образовательного учреждения в западной культуре, в котором обеспечиваются его автономия в организации, образовательный и научный процесс как содержание его деятельности.

#### Литература и источники

- 1. Ридингс, Б. Университет в руинах / Б. Ридингс. М.: Высшая школа экономики, 2010.-304 с.
- 2. Пелікан, Я. Ідея Університету/ Я. Пелікан. Київ: Дух і літера, 2009. 360 с.
- 3. Бухарестская декларация по этическим ценностям и принципам высшего образования в Европейском регионе (2004). СЕРЕS, Бухарест [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docplayer.ru/ 36182114-Buharestskaya-

deklaraciya-eticheskih-cennostey-i-principov-vysshego-obrazovaniya-v-evrope.html. — Дата доступа: 20.03.2021.

#### СМЫСЛЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

#### А. В. Рубанов

новые Оценивая тенденции развития социальной теории. П. Штомпка в качестве одного из трех парадигматических сдвигов СДВИГ картины ≪гомо социологикус» направляемый исполнитель роли) к «гомо когитанс» (обладающему знанием и смыслом актору, сформированному и ограничиваемому коллективными символическими системами знания и верования). Эту тенденцию, пишет П. Штомпка, часто называют интерпретативным (культурным, лингвистическим) поворотом [1, с. 69].

Такой поворот привел, в частности, к возникновению культуральной социологии (культурсоциологии), в значительной степени связанной с именем Дж. Александера, который позиционирует себя в качестве сторонника «сильной программы» в социологии культуры. Суть «сильной программы» состоит в том, что культура рассматривается не как производная от каких-либо внешних детерминант («слабая программа»), а в качестве «независимой переменной», которая порождает смыслы человеческой деятельности и тем самым оказывает решающее воздействие на ход социальных процессов [2].

Создатель логотерапии В. Франкл отмечает, что смысл жизни для каждого уникален, у любого индивида свое призвание. Однако есть смыслы, пишет он, которые присущи людям определенного общества, и даже более того — смыслы, которые разделяются множеством людей на протяжении истории. Эти смыслы относятся, скорее, к человеческому положению вообще, чем к уникальным ситуациям [3, с. 288]. Поэтому следует различать, во-первых, механизмы личностного смыслообразования, касающиеся отдельного индивидуума; во-вторых, пути накопления универсальных жизненных смыслов человеческим сообшеством в целом.

Можно выделить три главных исторических линии накопления универсальных жизненных смыслов. Первая их них состоит в поиске высших смыслов человеческого бытия, который в основном можно ассоциировать с осевым временем К. Ясперса. Суть осевого времени в VIII—II вв. до н. э. состояла в том, что великими интеллектуалами древности было положено начало углубленной саморефлексии и открыто то, что, по выражению К. Ясперса, «позже стало называться разумом и личностью». Новым явлением стало тогда обращение к человеку с призывом преодолеть инерцию сложившейся практики бытия, самому

осуществить смысловой выбор и строить свое поведение в соответствии с ним. В наше время смысловой ряд, представленный ведущими религиознофилософскими системами [4], можно дополнить концепцией устойчивого (сбалансированного, экологически рационального, обеспечивающего потребности будущих поколений) развития и инвайроментализмом.

Вторая линия представлена выработкой основополагающих ценностей общественного устройства, которые в концентрированном виде наиболее ярко воплощены в понятиях свободы и справедливости, конкретное наполнение которых существенно отличалось в различные исторические эпохи [5].

Третья линия – это поиск смысла обыденного, повседневного человеческого существования, синонимом которого стало понятие «мудрость жизни». Историческая ретроспектива дает основания говорить о том, что мудрое отношение к жизни двух наиболее ярких поколений мыслителей прошлого: сначала древних мудрецов, а потом философов Нового времени – прежде всего было сродни восприятию ее как самоценности, т. е. как ценности самой по себе, которая дарована людям богами, судьбой, природой. В древние времена в стремлениях и действиях людей созерцательное начало чаще преобладало над деятельным, стремление к душевному покою над силой страстей, размышления, исходящие из жизненного опыта, над знаниями, порождаемыми наукой. В новоевропейское время люди стали гораздо более деятельными, желания и накал страстей неимоверно возросли, обращение к научным знаниям стало доминировать над использованием опыта практической жизни. Однако у новоевропейских философов сохранилось, хотя и приобрело несколько иные оттенки, отношение к жизни, весьма схожее с позицией древних мыслителей. нем доминировало восприятие ее самоценности, В ассоциирующееся со стремлением к счастью, удовлетворением желаний и состоянием радости [6].

В 20 веке А. Швейцером был провозглашен этический принцип благоговения перед жизнью [7]. Описанная в Библии идея противопоставления божественного бытия и греховного обладания оказалась переформулирована Э. Фроммом в виде дилеммы иметь или быть, которая означает, что приоритет модуса обладания лишает принцип жизни его абсолютного значения, ведет к безразличию в жизни, утрате чувства благоговения перед нею [8].

Идея самоценности человеческой жизни представлена в одной из формулировок категорического императива И. Канта (в данном случае он называет его практическим) которая гласит: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [9, с. 270]. В этой формулировке содержится также прямое указание на главного антипода данной смысловой позиции, каким является

доминирование культа средства. Исторически обусловлено это тем, что естественное становление деятельности и восприятия мира в качестве средства обеспечения жизни привело к тому, что сама жизнь в решающей степени превратилась в средство, скрыло ее самоценность, самоценность различных видов человеческой деятельности и всего многообразия окружающего мира.

Как представляется, именно отказ от доминирования культа средства и ориентация на самоцельность и самоценность жизни, деятельности и окружающего мира, указывая людям, по выражению Дж. Александера, «как им следует жить», должен обеспечивать «смысл и мотивацию» их нынешних действий [2, с. 520]. Изменению смыслового наполнения человеческой жизнедеятельности, несомненно, будут способствовать институциональные изменения, некоторые из которых проходят стадию становления, например, во всемирных действиях по охране окружающей среды. В этом состоит суть ответа на основные общепланетарные экономические, социально-политические, нравственные и экологические вызовы нашего времени.

#### Литература и источники

- 1. Штомпка, П. Формирование социологического воображения. Значение теории / П. Штомпка // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 64–72.
- 2. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / Дж. Александер // Пер. с англ. Г. К. Ольховикова; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. 640 с.
- 3. Франкл, В. Человек в поисках смысла: сборник / В. Франкл // Пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
- 4. Рубанов, А. В. Ценности осевого времени / А. В. Рубанов // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 2. С. 4–8.
- 5. Рубанов, А. В. Свобода и справедливость в поведении людей: социальноисторический очерк / А. В. Рубанов // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2018. – № 1. – С. 4–11.
- 6. Рубанов, А. В. Мудрость жизни в афоризмах мыслителей древности и Нового времени / А. В. Рубанов // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020. № 3. С. 37–46.
- 7. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. М.: Прогресс, 1973. 343 с.
- 8. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. М.: АСТ, 2016. 320 с.
- 9. Кант, И. Сочинения в шести томах / И. Кант. Т. 4, Ч. 1. М.: Мысль; 1965. 544 с.

# ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМОВЫРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н. Н. Салтан, Е. М. Орленко

В настоящее время происходит существенное переформатирование, казалось бы, устоявшихся в обществе ценностей, в особенности гендерных стереотипов. Гендерная идентичность играет важную роль в процессе личностного саморазвития. Четкое разделение мужских и женских ролей, характерных для патриархального общества, постепенно разрушается благодаря активному привлечению женщин в те сферы общественного производства, которые традиционно считались мужскими. Женщины, обычно под давлением внешних обстоятельств, не только быстро усваивают «мужские» роли, но и демонстрируют маскулинные качества аналитический ум, целеустремленность, состязательность, агрессивность, способность быть лидером, активность и настойчивость. Однако не соответствие надлежащего и реального нередко приводит к когнитивному диссонансу, проявляющемуся как на уровне всего общества, так и отдельной личности, тем самым актуализируя постоянное обращение интеллектуального дискурса не только к проблемам формирования гендерной идентичности, но и к проблем самовыражения человека.

Для культуры прошлых эпох не было характерным противоречие между половой и гендерной идентичностью благодаря господствовавшей тенденции объяснения социальных явлений биологическими факторами. Исторически сложившееся ментальное различие между мужчинами и женщинами, а также поведенческие особенности мужчин и женщин вполне аргументировано показал австралийский писатель А. Пиз [6, с. 92–106]. Отсутствие диссонанса между половой и гендерной идентичностью в пронизанной патриархально ориентированной культуре не дает основания говорить о созвучности ее ценностной системы требованиям эпохи. Утверждение непреодолимой пропасти между мужскими и женскими ролями, учитывая биологическую или социокультурную обусловленность их личностных качеств или свойств, не может способствовать устойчивому развитию общества и обеспечивать общее благо и мир, как минимум, учитывая то, что не соответствует действительности.

Следует отметить, что переосмысление роли биологической составляющей в процессе формирования личностных качеств человека и соответственно его самопрезентации в обществе не дает оснований маргинализировать или обесценивать значение половой идентичности, которая неизменно связана с осознанием индивидом себя представителем того или иного пола. Проблема появляется тогда, когда возникает несоответствие реального поведения человека господствующим в обществе требованиям к половому поведению. Она обусловлена

социальными факторами, а не биологической природой человека, что, собственно, и становится причиной четкого разграничения половой и гендерной идентичности, которая неразрывно связана с усвоением гендерных установок в процессе первичной социализации [2, с. 77]. Иначе говоря, гендерная идентичность — это результат гендерносхематизированной обработки информации, связанной с понятием «мужское / маскулинное» и «женское / феминное».

Очевидно, что в патриархальном обществе, благодаря ограничению самоопределения женщины семейным пространством, социального противоречий между половой и гендерной идентичностью не возникало. Между тем, в процессе постепенного вовлечения женщин в общественное производство, воспитательные идеалы, а затем и качества, и поведение женщин оказались мало эффективными, что и обусловило постепенную трансформацию традиционных общественных норм и гендерных идеалов – смирение и пассивность все реже считаются женскими добродетелями, которые способствуют достижению благосостояния как отдельной личности, так и всего общества. Впрочем, не стоит надеяться на тотальную смену гендерных идеалов, ведь даже сегодня, когда социально респектабельной может стать каждая активная и креативная личность, в обществе почти безраздельно господствуют традиционные, просветительские предубеждения относительно женских перспектив. В результате, неизменным спутником самореализации женщины, является, с одной стороны, дискриминация, в основе которой лежит осуждение за потерю свойственной женщинам от природы «женственности», а с другой – феминицид. Он проявляется в сознательном обесценивании всевозможных проявлений женственности и ориентации на мужские образцы профессионального поведения целью достижения успеха [4, с. 17–18].

Господство целого ряда гендерных стереотипов многочисленные противоречия в процессе личностного самоопределения, которые становятся причиной ряда личностных конфликтов. Они обусловлены тем, что мужчины и женщины нередко безапелляционно воспринимая традиционные гендерные идеалы, получают общественное одобрение, заодно теряя самотождественность. В таких случаях, личность нередко переживает внутренний конфликт, который является важной самопрезентации достижения ДЛЯ И респектабельности. В случаях, когда человек выстраивает свое поведение в соответствии с собственным самосознанием и отвергает маску непринятой конфликт в основном переходит во роли, внутренний внешний, результатом девиационные могут быть формы поведения, обусловленные общественности [3, c. 46]. Особенно давлением репрессивными представляются патриархальные требования в случаях, когда ожидаемые обществом гендерные идеалы не совпадают с личными

потребностями человека. Именно осознание этого противоречия активизировало женского представительницы развитие движения, которого ярко продемонстрировали, что традиционное представление о естественном призвании женщины нередко противоречит его личным потребностям [1, с. 124–128]. Следует отметить, что от социального давления страдают не только женщины, мужчины нередко тоже находятся состоянии фрустрации из-за несоответствия своего утвержденному в их социальном окружении «образу маскулинности» или господствующей системе ценностей [1, c. 185–189]. Осознание собственной идентичности и готовность к ее демонстрации, независимо от гендерных стереотипов, существующих в определенном социуме, может положительно повлиять на развитие личности, а может и, наоборот, активизировать ее защитные механизмы, тем самым блокировать ее развитие. Традиционные роли, которые не совпадают с гендерной личности, способствуют идентичностью появлению конфликта. Рост критической доли подобных ситуаций приводит к усилению гендерного конфликта в обществе, а впоследствии и к переосмыслению норм гендерного взаимодействия. Особенно остро эти проблемы проявляются в последние годы. В процессе социальных трансформаций в обществе появляется необходимость в корректировке гендерно-ролевых отношений и переосмыслении сущности гендерной идентичности, которая является переживанием собственного соответствия господствующим в обществе на определенном конкретном историческом этапе образам мужского и женского [5, с. 99]. В условиях господства патриархального мировоззрения подобный процесс может вызывать конфликт, обусловленный чувством несостоятельности реализовать свой социальный потенциал. Более сложным неоднозначным является процесс формирования гендерной идентичности обесценивания биполярной модели социума и способности каждой личности, независимо от по приобретать как маскулинные, так и феминные черты. В таких условиях каждый человек имеет возможность сознательно выбирать предлагаемые обществом или самостоятельно сконструированные образцы поведения, тем самым беря себя ответственность за собственную самотождественность самопрезентацию в обществе. Впрочем, подобная свобода пока что далеко не всегда может защитить человека от общественного давления, а следовательно и гендерного конфликта.

#### Литература и источники

- Берн, III. Гендерная психология / III. Берн. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 320 с.
- 2. Газнюк, Л. М. Телесность как основа женской идентичности в культуре повседневности / Л. М. Газнюк // Культура. Политика. Понимание (Культура,

нация, государство — проблемы идентичности в контексте современной политики): материалы VI Международной научной конференции, Белград, 17–19 мая 2018 г. — Белград: Ин-т политических исследований, 2018. — С. 75–83.

- 3. Горностай, П. П. Диагностика и коррекция ролевых конфликтов / П. П. Горностай // Журн. практик. психолога. 1999. № 1. С. 44—51.
- 4. Гоян, И. Н. Стратегии гендерного равенства как элемент социальной политики / И. Н. Гоян, С. В. Сторожук // Социальное воспитание. 2018. № 1. С. 14–25.
- 5. Мельник, Т. 50/50: Сучасне гендерне мислення: Словник / Т. Мельник, Л. Кобилянська. К.: «К.І.С.», 2005. 280 с.
- 6. Пиз, А. Язык взаимоотношений (мужчина и женщина) / А. Пиз, Б. Пиз М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 238 с.

# К ВОПРОСУ ОБ ИЛЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНСЕНСУСЕ

#### В. Н. Семенова

Общество модерна характеризуется усилением конфликтности между антагонистическими политическими силами и социальными группами. В XIX в. — первой половине XX в. конфликт между Трудом и Капиталом, используя марксистскую терминологию, возрастает и достигает своего апогея. Интерес к политическому консенсусу усиливается с появлением массового общества и нарастанием процессов социальной дезинтеграции, связанных с распадом традиционных социальных общностей и социальных связей. Старые механизмы социальной интеграции перестают эффективно функционировать. Требуются новые механизмы социальной консолидации, построенные с учетом современных условий на временных и неустойчивых конвенциях.

Усиление научного интереса к проблеме политического консенсуса в XX в (различные аспекты политического консенсуса рассматриваются в работах западных политологов и социологов Т. Парсонса, Э. Шилза, Дж. Сартори, Дж. Хингли и др.) подтверждает, что политический консенсус в современной политической науке рассматривается как возможный путь преодоления политического конфликта и форма поддержания социального порядка.

В рамках теории демократии политический консенсус как «один из разрешения (урегулирования) способов политического конфликта, основанный на достижении согласия между всеми основными обшественно-политическими сипами относительно принципов политической организации, распределения политической власти и политических ресурсов в обществе...» [1, с. 120], может быть рассмотрен, согласно итальянскому политологу Дж. Сартори, в трех ракурсах: ценностном, политико-правовом, процедурном. Эвристичность подхода Сартори заключается в демонстрации сложного комплексного

иерархического характера достижения политического консенсуса, который может осуществляться на нескольких уровнях, не достигая всей своей полноты в виде общественного единства.

Первый уровень консенсуса является основополагающим и базовым и представляет собой ценностный консенсус. Его достижение отвечает на вопрос — разделяет ли подавляющая часть населения одинаковые идеи, представления, цели и ценности о путях развития общества.

Американский социолог Эдвард Шилз в работе «Центр и периферия» (1975) подчеркивает значение ценностной системы, являющейся важным регулятором духовного развития общества. Ценностная система в любом обществе не является унитарной и универсальной. Скорее, можно говорить о наличии нескольких ценностных систем, которые определенным образом коррелируются между собой. Среди ценностных систем отдельно выделяется центральная ценностная система (фактически, идеология, в понимании К. Мангейма), которая «утверждается элитами тех подсистем и институтов, которые имеются в обществе: экономической, политической, образовательной и религиозной. Утверждаемые идейные принципы не слишком далеко расходятся с той реальностью, которой эти элиты управляют. Ценности различных элит соединяются в приблизительном консенсусе» [2, с. 162]. Однако, чем больше территория государства и чем шире его властный размах, полагает Шилз, тем меньше вероятность всеобщего и гомогенного принятия центральной системы ценностей. Шилз отмечает: «Чем больше социальное неравенство, тем меньше возможность позитивного принятия этих ценностей, особенно в тех жестких иерархических обществах, где существуют большие разрывы между верхами и низами» [2, с. 162]. Поэтому достижение идейного, то есть ценностного консенсуса в нестабильных обществах, социальные противоречиями, является важнейшей задачей, прежде всего, для властной элиты. Если же элита не нацелена на достижения консенсуса между «центром» и «периферией», это рано или поздно чревата потерей легитимности и нарастанием социальной конфликтности.

Как отмечает в своем исследовании российский автор Т. Г. Чекменева: «в нестабильных, переходных обществах консенсус относительно самих основ общественного бытия, его ценностей и образа жизни устанавливается главным образом "сверху", в большей степени зависит от качества и потенциала элиты, выбора ею тактики, применения конкретных процедур и технологий в начатых преобразованиях» [3, с. 10—11].

Согласимся с современными западными политологами элитистского направления, в частности, с Дж. Хигли, что подлинным субъектом выработки общественного консенсуса является политическая элита: «Демократии – это в первую очередь творения элит дифференцированного типа, которые я называю консенсуально объединенными

элитами» [4, c. 23].

эпиты Хигпи подразделяет на интегрированные разъединенные. Структурная интеграция и наличие внутри элиты единого консенсуса \_ залог общественного консенсуса. разъединенных элитах конфликтующие группы не только изолированы друг от друга, у них нет принципиального согласия по поводу политических норм и политического поведения, а также организации деятельности политических институтов: «Разъединенные элиты считают политику игрой с нулевой суммой или полувоенной борьбой» [4, с. 24]. Так, современные европейские элиты американский политолог Дж. Хингли считает именно разъединенными, нацеленными на конфронтацию элитами. Разъединенные политические элиты появляются в процессе формирования независимых национальных государств, реальной конкурентной политической борьбы. Такими разъединенными элитами являются элиты постсоветских республик демократического транзита.

Объединенные элиты могут консолидироваться по разным основаниям.

Элита может быть объединена единой идеологией. Такие элиты советская элита) представляют собой централизованные, компактные и структурно интегрированные элиты, сплоченные вокруг высшего руководства [4, с. 25]. Однако чаще всего встречаются консенсуально объединенные элиты. Обычно представители таких элит приходят к негласному консенсусу по поводу лояльности к существующему политическому режиму, общему политических норм и правил политического поведения. Консенсуально объединенные элиты способствуют поддержанию и развитию демократии, а также имеют тенденцию удерживаться у власти на протяжении длительного времени [4, с. 24].

Формотворческая роль политической элиты в поддержании общественного консенсуса заключается в том, что «ни одна демократия никогда не возникала без предварительного или сопутствующего формирования консенсуально объединенной элиты, и ни одна демократия не сохранялась, когда такая элита распадалась» [4, с. 23].

Одновременно, хотя ценностный, то есть идеологический консенсус, является базовым, фундаментальным уровнем политического консенсуса, он может не являться первичным, а быть, например, спущенным «сверху»: «Ценностный консенсус представляет собой высшую степень согласия и возможен лишь на основании процедурного консенсуса и согласия в отношении правительства и его политики» [3, с. 10]. С другой стороны, политические силы, приходящие к власти, стремятся узаконить свою власть и сделать ее легитимной как раз на основании единого для подавляющего большинства общества ценностного и мировоззренческого фундамента.

Второй уровень консенсуса, согласно Сартори, связан с политикоправовой сферой, где формулируются «правила игры», принятые в данном обществе и, в частности, правила разрешения политических конфликтов. Наконец, третий уровень консенсуса связан с определением процедур и алгоритмов выработки и принятия политико-управленческих решений.

Для полноты осуществления политического консенсуса необходимо, чтобы все три его уровня были взаимосвязаны между собой. Если политико-правовая сфера не отражает важнейших положений ценностного консенсуса, отчуждение между ценностной и политико-правовой сферами нарастает. Рано или поздно институциональная система может утратить свою легитимность и вместе с тем способность мирно и эффективно осуществлять свою власть. Это может привести к острым конфликтам и коренным социально-политическим изменениям. Представляется, что достижение идейно-политического консенсуса является важнейшей задачей политической элиты любого современного государства.

# Литература и источники

- 1. Политологический словарь-справочник // Авторы-составители: Д. Е. Погорелый, К. В. Фесенко, В. Ю. Филиппов. Ростов-на-Дону: ООО «Наука-Спектр», 2008. 320 с.
- 2. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Б. С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998. 556 с.
- 3. Чекменева, Т. Г. Политический консенсус в трансформирующемся обществе: механизмы формирования и условия сохранения: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Т. Г. Чекменева. Воронеж, 2001. 24 с.
- Хигли, Дж. Демократия и элиты / Дж. Хигли // Полития. 2006. № 2. С. 22–31.

# THE IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE EXTRACTION OF FERROUS AND NON-FERROUS ORES, WORLDWIDE AND IN ROMANIA

#### C. Sima

At the beginning of 2020, the COVID-19 pandemic caused a decrease in ferrous and non-ferrous mining operations. This is due to declining demand for ores after the reduction of industrial activities (especially metallurgical ones as a result of a slowing down of manufacturing industries worldwide). Globally, companies have been affected by isolated outbreaks and shutdowns by the governments of the countries in which they operate. Demand for ores such as copper, iron and zinc remains low in the short term as markets anticipate lower demand from industry in the coming period. Exceptions to this trend are gold

and silver. Since the beginning of the pandemic, the demand for precious metals has grown steadily, leading to an increase in sales of gold bars, coins and other gold and silver items. High demand for gold has led to an increase in its price. Also, uranium production, which is owned by very few countries, presents supply risks, which has led to price increases. As China emerges from the COVID-19 crisis, Chinese mining and metallurgy companies are recovering, but a full recovery is not foreseeable in the near future.

Internationally, each country has adopted the public health and fiscal measures considered absolutely necessary. In this context, in the field of mining, the OECD has made some recommendations to developing countries having large mining operations on their territory. Thus, on the recommendation of the OECD, the measures should: be clearly defined; have clear eligibility criteria and application procedures; have time limits, including review options; end and be eliminated after recovery from COVID-19. Also, companies based in tax havens will not benefit from financial incentives. On the other hand, if governments grant a significant financial exemption to the mining sector, either directly or through tax exemptions, companies must meet certain conditions, such as: maintaining all workers, or at least an agreed percentage of workers, who will receive regular salaries; capping salaries for company directors and cancelling their bonuses; cancellation of the payment of dividends to shareholders, except for those connected to the government's capital package; abandoning all ways to avoid taxes.

Romania can also take into account all these recommendations. In addition, after the end of the crisis, the iron and non-ferrous ore mining industry must set some strategic priorities: to conserve existing resources for optimal future exploitation; harmonization of the national interest with the need to attract investment capital for the exploitation of non-ferrous ores; attracting in the economic circuit a large and varied number of mineral resources.

Governments around the world have considered economic stimulus packages to respond to the impact of the pandemic and have decided what measures should be taken to support, where appropriate, the mining sector. Direct payments by governments to mining workers or mining companies in difficulty have been and may be an option. It depends on the importance of the sector in the economy of each state. In general, the exploitation of ores is done by multinational companies that have the necessary funds to go through crises. At the same time, the countries in whose territory they operate are interested in protecting their population from layoffs due to the diminished activity. Under these conditions, tax facilities have been and are granted, under certain conditions. In this context, any country can take into account both the recommendations of international bodies and the example of countries in whose territory there are mining operations.

We are also observing a change in prices in times of crisis. The prices of copper, lead, zinc ores are fluctuating, and the price of precious metals is rising

sharply. In these conditions, we recommend to the Romanian decision-makers the reconsideration of the extractive industry of non-ferrous ores.

# СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И МОДЕЛИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

## В. А. Скворец

В современном мире наблюдаются социальные трансформации, которые характеризуются кардинальными изменениями статусных позиций многих государств. Изумляет опыт Сингапура, который был колонией Великобритании до 1965 г., а после обретения независимости в течение трех десятилетий прошел путь из третьего мира в первый [1]. Не менее впечатляющими являются результаты модернизации Китая. Вместе с возвышением ряда народов на ступеньках социальной эволюции наблюдается и обратный процесс, деградация и упадок, потеря целостности и самостоятельности государств. Выбор пути развития каждого общества и государства зависит от понимания его элитами основных тенденций в развитии мирового порядка и места данного социоисторического организма в системе геополитических координат.

Понятие «социальная эволюция человечества» требует выделить и теоретические обозначить основные модели мирового Г. Киссинджер раскрыл сущность феномена «мировой порядок», цивилизационный фундамент, который детерминирует формирование моделей мирового порядка, выделил основные модели мирового порядка, сформировавшиеся в течение последних столетий. Европейская модель мирового порядка сформировалась после окончания Тридцатилетней 1618–1648 гг. закреплена войны условиями И Вестфальского мира. Она основана на системе независимых государств, которые удерживались от вмешательства во внутренние дела друг друга и сдерживали собственные амбиции с помощью общего равновесия сил. В XVII веке формировалась Московская модель мирового порядка, которая основана на принципах: единоличный абсолютный правитель, единая православная религия и программа территориальной экспансии во всех направлениях. В Китайской модели мирового порядка император был вершиной политической и культурной иерархии, Китай упорядочивал мир, поражая всех величием своей культуры и экономическим процветанием, привлекая их к отношениям, способным привести к достижению цели «поднебесной гармонии». Исламская концепция мирового порядка основана на собственном видении божественно санкционированного порядка, который объединяет и умиротворяет мир. В Американской модели мирового порядка мир и равновесие будут установлены естественным способом, а другие народы преодолеют древнюю вражду,

когда получат право голоса относительно собственного управления [2, с. 9–11]. Таким образом, мировой порядок представлен пивилизационными системами.

разработанных Г. Киссинджером характеристика теоретических моделей мирового порядка свидетельствует, что эти модели вырастают из представлений о внутреннем порядке, которые, в свою очередь, обусловлены потребностями обеспечения безопасности общества и имеют собственный мировоззренческий фундамент. Содержание и характер моделей мирового порядка определяется их цивилизационной спецификой. А. Зиновьев доказывает, что все теории социальной эволюции исходили из взгляда на эволюцию человечества как на стихийный, не планируемый, не подконтрольный воле и сознанию людей естественно исторический процесс. Во второй половине XX века произошел эволюционный перелом, социальная сущность которого заключается в двух процессах: 1) переход человечества от эпохи обществ к эпохе сверхобществ; 2) превращение исторического процесса из стихийного и неуправляемого в проектируемый и управляемый [3, с. 290, 455].

После Второй мировой войны в мире сложилась двухполюсная система мироустройства, в которой взаимодействие двух сверхдержав -СССР, которые были лидерами «свободного мира» социалистического лагеря, определяло направления человечества. Между сверхобществами велась «холодная война», которую А. Зиновьев считает эволюционной войной. Главным «противником западнистского сверхобщества был Советский Союз, опередивший западный мир в эволюционном отношении более чем на полвека. Для Запада проблема разгрома СССР была не просто проблемой ослабления военного, политического, идеологического и экономического конкурента. проблема уничтожения эволюционного угрожавшего устроить мировой порядок по своему плану и имевшего на это реальные шансы» [3, с. 255]. По мнению А. Зиновьева, главным препятствием на пути западнистского сверхобщества к мировой гегемонии краха советского блока и Советского Союза становится коммунистический Китай [3, с. 259].

Спустя два десятилетия подтвердился прогноз А. Зиновьева о том, что именно Китай превратится в мощную индустриальную державу и основного конкурента Запада в борьбе за лидерство в социальной эволюции человечества. После распада СССР в течение двух десятилетий в мире установилась гегемония США, период однополярного мира, пришедшего на смену биполярному. З. Бжезинский признал, что в процессе финансового кризиса 2007 г. стало очевидным, что для преодоления экономических трудностей уже недостаточно усилий США и Запада, теперь необходимо участие государств, которых до последнего времени к участию в решении мировых финансово-экономических

проблем не допускали. Подъем на вершину мирового господства Японии, Китая и Индии кардинальным образом изменил баланс мировых сил [4, с. 27]. Таким образом, политолог констатировал начало многополярного мира.

Во многих странах, в частности в Украине, на смену привычному для людей стабильному социальному порядку пришел социальный хаос. Природу этих социальных изменений объяснил С. Хантингтон: «в мире после холодной войны культура и осознание различной культурной идентичности (...) определяет модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта». В новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентичности [5, с. 12, 17]. Преодоление хаоса является основным условием для достижения социумом достойного места в мировом порядке. Важным инструментом борьбы за лидерство в социальной эволюции человечества является способность каждой социальной системы противостоять пандемии коронавируса. В этой конкуренции Китай оказался среди государств, которые нашли наиболее сильный ответ на вызов пандемии, в то же время США оказались наиболее уязвимыми перед этой угрозой.

Краткий обзор социальной эволюции человечества дает основания для следующих выводов. Социальная эволюция человечества представляет собой такие изменения в жизнедеятельности цивилизационных систем. которые позволяют им сохранять себя, а мировой порядок представляет собой баланс, обеспечивающий мир между цивилизациями. В социальной человечества онжом выделить следующие периоды формирования мирового порядка: 1. с XVII в. до середины XX в. международного порядка, которой установилась система взаимодействовали все цивилизации, но доминирующую роль играла Европейская цивилизация; 2. в результате Второй мировой войны сформировался двухполюсный мировой порядок, в котором между СССР и Западом велась борьба за лидерство в социальной эволюции человечества; 3. после развала СССР установился однополярный мировой порядок, основанный на гегемонии США; 4. с конца первого десятилетия XX в. однополярный мир начал сменяться многополярным. Этот фактор и будет определять характер дальнейшей социальной эволюции человечества. Основным критерием этого процесса будет способность социальной системы отвечать на вызовы времени.

### Литература и источники

1. Ю, Лі Куан Із третього світу вперший. Історія Сингапуру: 1965-2000 / Лі Куан Ю // Пер. з англ. Є. Сагайдака. – К.: Видавнича група КМ-БУКС, 2016. – 760 с.

- 2. Кіссінджер, Г. Світовий порядок. Роздуми про характер націй в історичному контексті / Г. Кіссінджер // Пер. з англ. Н. Коваль. Київ: Наш формат, 2017. 320 с.
- 3. Зиновьев, А. Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия: сб. / А. Зиновьев. М.: АСТ МОСКВА, 2009. 542 с.
- 4. Бжезинский, 3. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / 3. Бжезинский // Пер. с англ. М. Н. Дятловой. М.: АСТ, 2015.–288 с.
- 5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2020. 576 с.

# ФЕНОМЕН ПОСТПРАВДЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ ПИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

С. В. Смульский, А. О. Деркачев

Расширяющийся процесс цифровой трансформации охватывает различные сферы жизни современного общества, испытывая, тем самым, на прочность порой базовые фундаментальные ценности, составляющие основу социальной жизни человеческого сообщества в целом, и различных народов в отдельности. Цифровая трансформация общества являет собой определенный этап его развития, а также масштабный вызов, на который человечеству необходимо находить ответы. Одной из характеристик феномен постправды. представляется такого вызова (постистина) при этом понимается по-разному, в зависимости от акцента, который делается при различных аспектах анализа рассматриваемого феномена. Наиболее широкое понятие сформулировано составителями Оксфордского словаря английского языка, в котором постправда понимается как «... обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям» [1, с. 130].

Возникновение феномена постправды обычно связывают с двумя факторами. Одним из таковых полагается широкое движение постмодерна, «состояния радикальной плюральности» [2, с. 5921, которое способствовало размыванию критерия истины философских исследованиях, утверждению равнозначности различных знаний по отношению к истине, укреплению связи представления об истине с инструментальностью, полезностью, применимостью определенных знаний в конкретной ситуации. Постмодернизм способствовал с одной стороны, относительному отходу от философских дискуссий об общезначимой истине в силу неплодотворности таковых, а с другой стороны, привел к обострению внимания к философским поискам упорядочения оснований, необходимых для представлений общезначимой истине. Второй фактор, который повлиял на возникновение

феномена постправды — это развитие информационных технологий как инструмента создания соответствующего информационного потока, формирующего определенный виртуальный мир, который уже меняет сознание людей, прежде всего, на ценностном уровне.

Сегодня в обществе преобладает, как представляется, неверное убеждение в том, что философия не связана с феноменом постправды, поскольку последний функционирует в области политической идеологии и практических политических технологий. В этой области главной целью является манипулирование общественным сознанием, которое не имеет ничего общего с философскими поисками истины или оснований для ее утверждения.

Философское осмысление феномена постправды сегодня представляется чрезвычайно важным. Нередко постправду определяют новой эпохой, в которую вступило человеческое сообщество, понимая ее как совершенно новую реальность, в которой всем нам придется жить. Так ли это на самом деле? Действительно ли мы уже оказались в какой-то новой эпохе? Если это так, то каковы принципиальные качественные изменения, которые уже произошли и будут еще происходить в процессе становления этой новой эпохи. Ответить на эти и многие другие вопросы, связанные с процессом цифровой трансформации общества, а значит и объяснить людям смысл новых вызовов времени, и то как минимизировать негативные стороны этих вызовов призвана, в том числе, и философия. Важно также понимать, что феномен постправды распространяется не только на общемировоззренческие аспекты формирования общественного сознания, но и на развитие представлений о научной истине, а также и на поведение ученых, обусловленное сменой ценностных ориентиров научной деятельности. В этих условиях «(...) размываются не только критерии истинности, но подчас сознательно разрушаются нормы нравственности и этичности поведения ученых», а стремление к истине, характерное для подлинной науки подменяется своеобразным стремлением к «продвижению своего товара» [3, с. 32].

«взывает» Постправда относительности, ситуативности, ориентации на интерпретацию, переосмыслению возможности и степени соответствия факта реальности и факта сознания. Эти и многие другие аспекты поиска общепринятых оснований истины были и остаются неотъемлемой частью философской рефлексии. В различные периоды истории развития философской мысли они занимали большее или меньшее внимание мыслителей прошлого и современности. При этом философия всегда признавала наличие проблемы в поиске оснований для утверждения истины как знания, фиксирующего то, что есть на самом деле. Расхождение в оценках того, как что-то есть на самом деле, и того, как это что-то воспринимает индивидуальное сознание рождает интеллектуальное напряжение, и все попытки устранить это напряжение неизбежно ведут к росту объема сомнений в возможности найти искомый ответ. Нередко феномен постправды представляется в качестве некоего выхода из отмеченной ситуации. Ведь следование определенным правилам идентификации истины не приносит удовлетворительного результата. Возможно ли эти правила изменять, в зависимости от различных обстоятельств: позиции исследователя, социальной необходимости, конкретной социальной ситуации, политической цели и др.? «В отличие от сторонников истины, которые играют по существующим правилам, сторонники постистины желают такие правила изменить. По их мнению, то, что считается истиной, соотносится с игрой знания, которая в данный момент разыгрывается, а это значит, что в зависимости от того, какая именно игра ведется, некоторые стороны получают преимущество в сравнении с другими» [4, с. 103].

Отмеченное обстоятельство указывает еще на одну важную качественную характеристику постправды, состоящую в том, что в рамках репрезентации истины каждый ведет свою игру, в которой сам и устанавливает свои правила, стремясь, тем самым, получить относительное или безотносительное преимущество. В данном случае получается, что обладание истиной определяется масштабами преимущества. Путь же к получению преимущества представляет собой конструирование нужной реальности имеющимися информационно-технологическими средствами.

Цифровая трансформация общества создает определенные условия, которые обостряют проблему соотношения истины и постистины, истины и квазиистины, истины и лжи. Ведь если вместо поиска и обоснования истины возможно, как полагают сторонники постправды, ее достижение посредством конструирования виртуальной реальности, то исчезает сам смысл понятий истины, истинного знания, оставляя нам интерпретации значений, неопределенное поле которые подгоняются под самостоятельно устанавливаемые характеристики истины. В итоге, в процессе цифровой трансформации меняется представление людей об истине и правде. Правда перестает соотноситься с трансформируясь В нравственно оценочный деятельности (у каждого своя правда), а истина утрачивает общезначимые критерии соответствия действительности (для каждого может быть сконструирована своя реальность, своя действительность). Сторонники постправды полагают, что человек в этих условиях освобождается от гнета жестких требований и правил, произвольно установленных в разных областях общественной жизни, обретая свободу самому создавать свои правила и определять характер игры, в которой происходит утверждение истины. Свобода ли это на самом деле? Или же мы стоим перед вполне определенным вызовом, способным породить угрозу ценностного хаоса.

#### Литература и источники

- 1. Ростова, Н. Н. Философская аналитика идеи постправды / Н. Н. Ростова // Христианское чтение. -2018. -№ 6. C. 130-138.
- 2. Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2002. – 976 с.
- 3. «Политика постправды» и популизм / Под ред. О. В. Поповой СПб.: Скифияпринт, 2018. 216 с.
- 4. Фуллер, С. Постправда: Знание как борьба за власть / С. Фуллерпер // Пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.

# СТАТУС ПАРТИЦИПАТОРНОСТИ В СТРУКТУРЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

#### В. О. Сташис

Анализ информационного общества, рассматривающий в роли акторов исключительно представителей вида homo sapiens sapiens, не может ставить в качестве своей цели отображение полноценной картины актуальных социальных связей. Роль техники в повседневной жизни чтобы утверждать о легитимности стратегии достаточно высока, исследования наряду с явлением биоразнообразия проблемы феномена техноразнообразния. Взаимодействие индивида экономической, культурной, образовательной и прочими сферами социальной жизни все чаще опосредовано техническими интерфейсами и цифровыми каналами коммуникации, и все реже происходит непосредственно в режиме лицомк-лицу. Как отмечал китайский философ Ю. Хуэй, «сам способ участия техники является, в сущности, средовым, но он в то же время и преобразует среду» [1, с. 267].

Несмотря на вышеизложенное, тот вопрос, который мы исследуем в сугубо рамках статьи, является социальным (антропоцентричным) - как развитие цифровой культуры отразилось на Полностью процессе межличностного соучастия? осознавая подобной позиции, редукционистскую установку В рамках публикации мы ограничимся рассмотрением технологий исключительно как медиума и инструмента человеческого общения, но не как самостоятельного участника (следует отметить, что контексте социальной философии данная тема требует дополнительного внимания).

В первую очередь необходимо обозначить, что мы понимаем под термином «цифровая культура». Как указывал британский исследователь Ч. Гир, «цифровизацию можно рассматривать в качестве культурного маркера, потому что она включает в себя как артефакты, так и системы

сигнификации и коммуникации, которые наиболее четко отличают наш современный образ жизни от других» [2, р. 16]. Соответственно, под цифровой культурой мы будем понимать тот тип культуры, развитие которого детерминировано социальными трансформациями, происходящими вследствие развития и распространения цифровых технологий. Из последнего также следуют ее отличительные черты. Так, в качестве новых приоритетов для личностного развития данная культура выдвигает такие качества, как: креативность, непрерывное образование, гибкость, открытость и пр. То есть характеристики, которые позволяют оперативно реагировать на постоянные изменения в тенденциях развития социальной реальности. Здесь проявляется определенная диалектика цифровой культуры, внутри которой отношения между техническим и социальным развитием имеют взаимообусловленный характер.

Ключевой причиной того, почему распространение цифровых технологий стоит рассматривать в качестве переломного для культуры феномена. является последовавший ЭТИМ распространением за беспрецедентный рост скорости коммуникации. Но с появлением Глобальной сети изменилась не только скорость, но и сам принцип доступа к информационному полю. Это стало очевидно с развитием технологии Web 2.0, предусматривающей проектирование электронных ресурсов по принципу свободного взаимодействия пользователей, благодаря чему каждый участник Глобальной сети получает возможность высказывания. Как писали российские исследователи концепции «коммуникационного капитализма», выдвинутой Дж. Дин, «акцент в сетевой коммуникации смещается с содержания коммуникативного акта на его информационное измерение, т. е. на "вклад" (contribution) в циркулирующий поток контента (Dean 2005). Это делает факт коммуникации сырьем для нового капиталистического производства и основанием для новых форм отчуждения» [3, с. 29]. Из этого следует, что демократизация доступа к информационному полю запускает глобальную трансформацию социально-экономических процессов.

Необходимо отметить, что роль партиципаторности (прямого участия) в развитии интернет-пространства не ограничена исключительно прямым производством информации. Само внимание пользователей является достаточным ресурсом для того, чтобы воздействовать на развитие Глобальной сети. На этом основана стратегия современного интернет-активизма, включающая практику «культуры отмены» [4]. Сам принцип коллективного восприятия функционирования цифровой культуры станет понятней, если мы рассмотрим его на примере акции Дж. Болоньи в социальной сети ТікТок, получившей название «Eat the Rich».

Согласно информации на новостном портале Newsweek, целью вышеупомянутой акции было сокращение получаемой знаменитостями

прибыли за счет снижения у них количества подписчиков в социальных сетях. «Пользователь сервиса TikTok Дж. Болонья попросила своих подписчиков отписаться даже от некоторых голливудских звезд и корпораций, чтобы уменьшить гигантские доходы элит» [5]. Моральный пафос акции — восстановление социальной справедливости. Но в контексте проблемы партиципаторности куда больший интерес представляет выбор инструмента воздействия. Исключение и игнорирование рассматривается в качестве стратегии восстановления баланса внутри глобальной социальной иерархии. Возросшая скорость коммуникации не только упростила механизм горизонтальных связей, но также определенным образом трансформировала принцип их восприятия. Императивом становится мгновенная эмоциональная реакция в ответ на чувство несправедливости.

Итак, можно сделать вывод, что развитие цифровой культуры напрямую зависит от коллективного взаимодействия. То, что рост информационного ресурса Глобальной сети является результатом общих усилий, наделяет участников цифровой коммуникации чувством сопричастности. По этой причине возрастает ощущение индивидуальной ответственности, мотивируя реагировать на изменения в информационном поле — быть причастным его развитию. Тем не менее, возросшая роль принципов партиципаторности не означает исключения эмоциональной компоненты из процесса коммуникации. Из-за этого в современном информационном обществе особенно остро встает проблема популизма. Если рассматривать ее в качестве признака, то она явно указывает на то, что хоть процесс коммуникации и нарастил темпы, сама по себе скорость — это не тот фактор, который может гарантировать понимание между участниками полилога.

#### Литература и источники

- 1. Хуэй, Ю. Рекурсивность и контингентность / Ю. Хуэй. М.: V–A–C Press,  $2020.-400~\mathrm{c}.$
- 2. Gere, C. Digital Culture / C. Gere. London: Reaction Books, 2008. 240 p.
- 3. Гавра, Д. П. Коммуникативный капитализм: методологические предпосылки и парадигмальное позиционирование / Д. П. Гавра, В. В. Декалов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 1. С. 27–43.
- 4. Сташис, В. О. «Культура отмены» как свойство информационного общества / В. О. Сташис // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития: материалы Пятой междунар. науч. конф., Минск, 19–20 ноября 2020 г. / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]; в 3 т. Т. 2. Минск: Четыре четверти, 2020. С. 383–385.
- 5. Wynne, K. A New "Eat the Rich" Plan Asks You to Unfollow Your Favorite Celebrities and Corporations / K. Wynne // Newsweek. -2021. Ne 3.

# ОБЪЕКТИВНОСТЬ РИСКОВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО БЫТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. И. Стребков, Г. Г. Газимагомедов

Частная собственность достигает своего апогея в развитии в капиталистическом обществе, свидетелями которого мы являемся. И необходимо обратить внимание на то, что капиталистическая частная собственность кардинально отличается ОТ некапиталистической. «Фактически капиталистическом обшестве складывается государственно-правовая система, которая узаконивает результаты тех экспроприаций, которые осуществляют капиталисты» [1, с. 142]. Этот исторически значимый момент, определяющий всю систему отношений, порой исключают из анализа и получается некоторая идиллия, которая периодически прерывается рисками частного характера. Поэтому для капитала учет рисков, обусловленных конкуренцией, не идет ни в какие сравнения с рисками, таящимися в одном из основных отношений присвоения чужого труда, который дает о себе знать в периоды вспышек забастовок и требований со стороны бастующих изменения отношений присвоения чужого труда.

В этом отношении власть риска проявляет себя в наибольшей степени, нежили тогда, когда риск является продуктом конкуренции как в сфере экономики, так и политики. В первом случае риск обусловлен не разрешимым в рамках существующего общества отношением, во втором разрешимым, формой разрешения которого является элементарные разорения и банкротства в сфере экономики и смена власти и переход ее от одной партии к другой в сфере политики. Конфликт, испытывающий на прочность современное отношение присвоения, порождающий глобальный риск для всей капиталистической системы, для всей совокупности рисков данной системы, не идет ни в какие сравнения с конфликтами, присущими данной системе как таковой. Получающий все большее осознание в головах наемных работников данный конфликт, в начале как борьба за справедливость в распределении, все заметнее перерастает в конфликт, в котором интерес наемных работников, всю систему отношений, выстроенных несправедливости, всю систему отношений, вытекающих из присвоения чужого труда. Риск упразднения данного отношения куда больший риск, связанный с разорениями и сменами правительств. Пусть кто-то разоряется, пусть личные судьбы подвергаются риску благополучия, но пусть отношения присвоения, основанные на присвоении чужого труда, сохраняются до последнего капиталиста, до последнего товара, присваиваемого как продукта чужого труда. В этот глобальный риски риск вклиниваются меньшего масштаба. являясь

противоположностью его, а вместе с тем его защитным механизмом, и это риски индивидуального бытия в условиях капиталистической частной собственности.

Риски индивидуального бытия при капитализме являются дополнительными факторами производства, укрепляющими капитала в силу того, что их рефлексия индивидуальным сознанием, привязывает наемных работников к капиталу крепче, чем были прикованы президенты римские рабы на галерах и в исполнении своих профессиональных обязанностей. Постоянное осознание того факта, что не только объективные обстоятельства могут ввергнуть в пучину безденежья наемного работника, но и субъективные обстоятельства могут это сделать в лице рекрутингового агентства, сонма психологов и вообще служб по персоналу, приводит к полной анемии работника, к полному и безоговорочному подчинению и раболепию. Исключить риски, давящие наемного работника, есть задача, которую с успехом решила советская власть, провозгласив принцип всеобщности труда, который в условиях капитализма не может быть реализован ни под каким предлогом. Давление объективных и субъективных обстоятельств в ситуации риска так велико, как велико давление многотонного пресса, выдавливающего из стали однотипные заготовки. Всеобщая подавленность есть результат таких отношений, в результате которых риск как перспектива неопределенности, грозящей опасности остаться без средств существования, начинает пронизывать жизнь наемного работника, а риск рефлексия становится сопровождающим фоном его жизни, субъективным фактором, толкающим человека в мистицизм и социальную мерзость, убивающими его социальную активность.

Эта современный историческая данность отличает капиталистический риск от риска прежних эпох. Прежние эпохи, делая не свободными людей, политически поддерживая сословия, риск сводили до произвольных действий господствующих сословий, определяющих судьбу огромной крестьянской массы. И лишь с зарождением городов и кустарной промышленности, а затем и торговли и особенно мировой торговли дали толчок социальной миграции, а вместе с нею породили и риски, связанные с неустойчивым и мало защищенным положением горожан. Капитализм систему такую рисков, соединенную определением каждого в сложившейся системе отношений, которые изначально и в силу развитой конкуренции распределяют граждан страны на тех кто включен в эти отношения в той или иной роли и на тех кто случайным оказывается И отрицательным следствием функционирования. Так участь безработного вполне современном обществе и чем доля таковых выше, тем выше вероятность у наемных работников впасть в зону риска стать таковыми. Риск стать безработным в современном обществе закономерен, а значит закономерен

для современного общества риск как некоторая отрицательная перспектива. Закономерным является риск разорения и банкротства, закономерным является риск стать бедным, социальный риск является закономерностью буржуазного гражданского общества. А коль риск есть постоянно воспроизводящаяся социальная связь, вбирающая в себя то большее, то меньшее количество людей, то эмансипация от риска в недрах существующего общества маловероятна. Только при условии, что общество найдет достаточные защитные механизмы, сужающие зоны риска, возможно, с одной стороны, их уменьшение, а с другой стороны, – уменьшение числа людей, находящихся постоянно в зоне риска.

Риск индивидуального бытия, будучи отчужденным от человека и существующий самостоятельно и рядом со всей совокупностью капиталистических отношений, требует с силой закона подчинения себе. Это всеобщее требование и ко всем безотносительно от ранга и статуса делает риск постоянно действующим фактором капитализма. Однако и вместе с тем, риск не избирателен и каждый раз в зоне риска оказываются то одни, то другие и безотносительно от того к какому классу принадлежат они.

Потенция и реальность риска индивидуального бытия наемных работников есть продукт капиталистических отношений, которые с завидным постоянством, сохраняя зоны положительных взаимодействий, порождают и зоны риска, зоны «становящегося отрицания» [2. с. 321]. Весь капиталистический способ жизни даже в самые благоприятные годы сохраняет бытие риска, он как огненный шлейф кометы существует до тех пор, пока тело последней не сгорит полностью, соприкоснувшись с слоями атмосферы. Поэтому пока существует капитализм, будут существовать и риски, тиражируясь то в большем, то в меньшем количестве, поражая то большее, то меньшее число людей. Его власть лишь потому представлена сегодня, что представлена власть капитала. Вместе с последним уйдут и риски или по крайней мере их власть с каждым шагом от капитализма будет меркнуть. Они не исчезнут полностью, но их влияние на судьбы людей и общества будут постоянно стремиться к нулю. Во всяком случае социальные риски останутся в истории как напоминание живущим поколениям о том, что социальное отрицание человека всегда ведет к различным формам его природного отрицания, порождает такие режимы, для которых люди являются избыточным фактором и с которыми надо поступать как с лишними людьми.

#### Литература и источники

1. Катасонов, В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / В. Ю. Катасонов / Науч. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013.-1072 с.

2. Гегель, Ф. Система нравственности. Политические произведения / Ф. Гегель. – М.: Наука, 1978.

#### ИМПЕРАТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СТРАНЫ

# С. Теодор

Традиционная интерпретация имиджа страны основывается на проблеме, диктуемом двухплановом подходе К как обстоятельствами (восприятие страны, укоренившееся в общественном мнении других стран), так и внутренними (реальное представление граждан о своей стране) [1]. Ключевой задачей имиджмейкеров в данном случае принято считать создание и продвижение идентичности страны. Идентичность – это, с одной стороны, реальное самовосприятие, с другой, что особенно характерно для групповой идентичности - комплекс образных представлений, которые позволяют сообществу выделять себя на фоне других сообществ. Целенаправленная работа по созданию имиджа страны, как одна из важнейших задач внешней политики, должна быть ооснована на постоянной и последовательной коррекции и консолидации ее идентичности.

Общепризнано, что потенциал национального имиджа заключается в самой сути его идентичности. Источником идентичности бренда служит совокупность идей, ценностей, характерных признаков культуры, вербальных и визуальных представлений, которые в своей совокупности стимулируют в восприятии целевой аудитории формирование определенных ассоциаций со страной. Другими словами, идентичность — это набор ассоциаций, которые необходимо создавать или поддерживать в общественном мнении целевой аудитории.

Соответственно, механизм построения имиджа фокусируется на выявлении, развитии и распространении тех сторон идентичности, которые могут быть благоприятно восприняты конкретными целевыми группами.

В этом смысле следующие действия, выполняемые последовательно, необходимы для преобразования идентичности в «осязаемую» реальность: осмысление детализированной концепции идентичности; разработка и позиционирование данной идентичности; определение ценностей, характеристик и атрибутов, которые будут связаны с имиджем.

Страновая идентичность, по мнению исследователей [2], включает: национальную идентичность, детерминированную особенностями географического положения, организации политической и экономической жизни, ценностей и убеждений, основополагающими культурными и историческими данными, этническим составом населения, религиозными аспектами; государственные характеристики – статус в международных отношениях, членство в международных организациях, характер

отношений с различными странами, роль, реализуемая на международной арене; а также конкретное позиционирование, определяемое на момент действиями политического руководства страны.

В основе национального имиджа должна находиться центральная идея, способная произвести дифференциацию страны по отношению к другим. Такая идея, принятая в качестве основы усилий по продвижению имиджа, способна эффективно интегрировать и профилировать характеристики страны, выражать апробированную суть имиджа, акцентировать видение, продвигаемое как реалистичное и заслуживающее доверия, определяя планируемые действия аффективного и рационального характера для трансляции и влияния на аудиторию.

В случае Республики Молдова, как показывает политическая практика [3, с. 126], этим устремлениям предстоит еще непростой путь для их воплощения в реальность.

### Литература и источники

- 1. Boulding, K. The Image: Knowledge in Life and Society / K. Boulding. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1956.
- 2. Торопова, Е. А. Место и роль национальной идентичности в имидже страны / Е. А. Торопова // Mediascope. 2010. Вып. 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/ en/ 593. Дата доступа: 22.02.2021.
- 3. Moraru, V. Приднестровский конфликт и его влияние на имидж Республики Молдова / V. Moraru, C. Teodor // Moldoscopie (Probleme de analiză politica). 2014. № 1 (LXIV). C. 119–129.

#### СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

#### И.В. Ткачева

Никто не может сказать, что первично, общество толкает развитие технологий, или технологии толкают развитие общества, и какую роль в этом процессе принимает отдельно взятая личность. Специфический характер реальности, созданной технологией, следует усматривать в том проблематичном воздействии, которая последняя оказала, с одной стороны, на жизнь человека, а с другой — на общество. Вопросы взаимовлияния общества, личности и технологий нельзя оценить однозначно, т. к. сами понятия не имеют единственной трактовки.

В современных научных работах, посвященных вопросам философии, социологии, экономики, инженерии, давно ведутся споры о том, что представляет собой технология, в чем ее сущность. Происхождение термина «технология» связывается, в основном, с греч. techne –искусство и «logos» – знание. Существует многообразие подходов

к понятию «технология»: артефакты, орудия, неорганическая материя; среда обитания, источник человеческой деятельности, основа человеческого существования [1, с. 18]; способ использования природы, фактор освобождения человека от природы [2, с. 177]; образ действия, форма организации производственных процессов, ансамбль практик; самостоятельная сущность, пустая чистая форма [3, с. 63].

Под технологией в данном случае понимается совокупность приемов, алгоритм действий, направленных на достижение материальных и духовных результатов. Для понимания взаимовлияние общества, технологии и личности предлагаем использовать математический символ бесконечности. Технология является точкой пересечения общества и личности, а условное движение по данной петле происходит бесконечно.

В ходе рассмотрения отрезка *технологии и общества* была выявлена социогенная функция технологии. Технология является одновременно и стабилизирующим, и дестабилизирующим фактором в развитии общества. Информационные технологии изменили финансовую и политическую сферу: привели к возникновению электронной коммерции, электронных банковских услуг, могут изменить взаимоотношений между человеком и властью, привести к возникновению электронного правительства [4, с. 29].

При анализе воздействия *общества на технологию* была выявлена техногенная функция общества. Общество в равной степени как тормозит, так и ускоряет развитие новейших технологий. Органы государственной власти выполняют три функции по отношению к технологии: предоставляют средства для исследований и разработок; сотрудничают с промышленностью; регулирует развитие технологии в своих интересах [5, с. 292].

Современные *технологии* следующим образом влияют на *личность*. В области генных технологий — это и генная терапия, достижения ксенотрансплантации, возможность противостоять процессам старения и клонирование человека. В сфере психотехнологий — это достижения нейрофармакологии, возможность исправлять изъяны нервной системы, бороться с последствиями повреждений мозга и развивать нормальным людям свои способности [6, с. 26].

В процесс технологических инноваций, как *личность* влияет на создание *технологии*, вмешиваются многие факторы. В современном производстве, сложился определенный тип личности-новатора [7, с. 58]: его ориентированность на оперирование информацией и знаниями; фактическая независимость от собственности на средства и условия производства; высокая мобильность; стремление к самореализации и самовыражению; способность быстро переучиваться; раскрепощенность, самодостаточность, развитость воображения; при решении проблем такие личности действуют не «по учебнику»; располагаю редкими, иногда даже уникальными качествами.

#### Литература и источники

- 1. Мамфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд. М., 2001.
- 2. Бек, Х. Сущность техники / Х. Бек // Философия техники в ФРГ. М., 1989.
- 3. Ортега-и-Гассет, X. Размышления о технике / X. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. 1993.  $\mathbb{N}$  10.
- 4. Вайнштейн, Г. От новых технологий к «новой экономике» / Г. Вайнштейн // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 10.
- 5. Борбур И. Этика в век технологии / И. Борбур // Библейско-богословский институт св. апостола Андрея. -2001.
- 6. Гейдж, Ф. Мозг, восстанови себя / Ф. Гейдж // В мире науки. 2003. № 12.
- 7. Вильховченко, Э. Постиндустриальные модели труда: социоорганизационный прогресс на рубеже XXI века / Э. Вильховченко // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 3.

# МЕДИАПРОСТРАНСТВО ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ОНТОЛОГИЯ «НЕГАТИВИЗМА» КАК ИДЕОЛОГИЯ

## Ж. В. Федорова

Как и любой диалектический «скачок» в развитии общества, цифровая революция и последующий за ней одноименный социальный этап обладают потенциалом антропологических и социальных метаморфоз. Именно это имел в виду М. Кастельс, отмечая, что «перелом» происходит не только в материальной сфере жизни общества, но и в культуре, причем ядром данных изменений является коммуникация и ее каналы [1, с. 49].

Такое общественное устройство обусловило восприятие информации как определяющего фактора, формирующего стиль жизни и образ мышления современного индивида, метко охарактеризованного как «человек кликающий»; окружающий мир при этом становится реальностью «кнопочной культуры» [2, с. 43–46]. Главная качественная характеристика нового — цифрового — типа общества заключается в его способности модифицировать аксиологически значимое, превращая его в собственную противоположность — в негативное.

Идеология «негативизма» обпалает качеством максимальной субъектности, так как содержит в себе понятие «интерес» как антропологическую составляющую. В основе интереса лежит та или иная потребность, то есть полагание отсутствующего необходимым. При этом интересы продуцируются как отдельным индивидом, так и обществом, в дифференциация: котором всегла существует политическая. национальная, половая, экономическая. правовая. Поэтому задача идеологии - объединять своих носителей, защищать и оправдывать их интересы. Субъекты (участники, носители, акторы) идеологии – это

эмоционально вовлеченные индивиды: воодушевленные, разочарованные, переосмысливающие знаки и символы, превращающие общественный перелом в часть индивидуального опыта, социальную практику - в Результатом явилось нивелирование ранее устойчивых ценностных императивов, коммуникация заменилась имитацией, отчуждение и самоотчуждение человека – уже антропологический факт. И то, «что еще вчера представляло ценность для большинства, списывается "за ненадобностью" без оглядки на тех, кто не способен, "смеясь", расставаться со своим прошлым, в котором, возможно, и заключается весь смысл их жизни» [3, c. 4].

«Негативизм» становится формой мировосприятия, не в последнюю очередь благодаря современным информационным технологиям. Так, например, реклама как часть коммуникативного потока вторгается в сознание индивида посредством «скользящих» медиаресурсов. Невозможно игнорировать навязываемые сознанию слоганы, нейминги и офферы через многочисленные рекламные конструкции (биллборды, растяжки, листовки, тумбы), заполнившие общественные пространства. Тем более, что и внешняя форма подачи рекламы, и ее содержание часто остаются вне компетенции норм морали и права. Но именно эта сторона рекламы имеет наибольшее влияние на бытийность человека. Возникает, по выражению И. Василенко, «рекламный тоталитаризм» [4, с. 7].

Современная реклама – это инструмент трансформации человека. меняющий его рациональность. Известный культуролог и эссеист А. Генис с тревогой пишет о том, что «реклама завоевала завидный престиж в России», более того, - «заменила идеологию». Во время дискуссии о поисках новой идентичности он отмечал, что «идентичность нации в России сегодня в первую очередь создается дикой и неуправляемой рекламой» [5, с. 5]. В медиапространстве цифрового общества возникла условная идентичность, которая создает культ созерцательности по отношению к окружающему миру и самому себе. Так происходит вытеснение человека из медиапространства; в нем нет и не может быть человека как субъекта, ответственного за слова и поступки: анонимность главный принцип медиа. В нем постепенно стираются границы между «производителями» и «потребителями» информации, что создает, по Г. Лукачу, деформированный способ бытия: индивид поглощает килобиты, мегабиты и даже гегабиты информации, одновременно являясь и ее автором. Деформированность бытия заключается еще и в том, что мир коммуникаций вступает в противоречие с социальной природой человека, доводя процесс отчуждения до предела, настраивая на «единичную» (индивидуальную) коммуникацию. Новые медиа акцентируют условность бытия и усиливают его негативность: индивид верит фейковым персонажам, постановочным кадрам, вымышленным сюжетам, в эффект «как в жизни», надеется на чудо и легкую удачу.

Еще в конце XX века современный французский философ Ален Бадью сформулировал метафору «подшивание философией», имея в виду связь философии с той или иной культурной формой, запараллеленность философии и других мировоззренческих форм. Эту же метафору можно применить к цифровому обществу, ибо подключение индивида к массовой коммуникации, его «подшивание» к ней и ею (через различные ток-шоу, реалити-шоу, фабрики талантов и звезд и т. п.) можно рассматривать как этап развития социальности.

#### Литература и источники

- 1. Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / М. Кастельс. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- 2. Тарасенко, В. В. Человек кликающий: фрактальные метаморфозы / В. В. Тарасенко // Информационное общество. 1999. № 1. С. 43–46.
- 3. Шайхитдинова, С. К. Информационное общество и ситуация человека: Эволюция феномена отчуждения / С. К. Шайхитдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 308 с.
- 4. Новая газета. 2014. № 23.
- 5. Новая газета. 2014. № 75.

### СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ XXI ВЕКА

#### А. В. Филиппович

Возникновение классической науки, связанное с механицизмом Р. Декарта и физикой И. Ньютона, было одной из причин формирования современных политических идеологий. Мир, который вплоть до эпохи Возрождения воспринимался как живой и населенный духовными силами, утратил загадочность и превратился в массу преимущественно неодушевленной материи, познаваемой с помощью математики.

В этой парадигме, где любое явление получало рациональное научное объяснение, можно было познать не только законы природы, но и законы общества, экономики, истории и политики. Физик В. Гейзенберг характеризовал эту картину мира следующим образом: «(...) в XIX веке естествознание было заключено в строгие рамки, которые определяли не только облик естествознания, но и общие взгляды людей. Эти рамки во многом определялись основополагающими понятиями классической физики, такими, как пространство, время, материя и причинность. Понятие реальности относилось к вещам или процессам, которые мы воспринимаем нашими чувствами или которые могут наблюдаться с помощью усовершенствованных приборов, представленных техникой. Материя являлась первичной реальностью. Прогресс науки проявлялся в завоевании

материального мира. Польза была знаменем времени» [1, с. 124].

Физик и философ Ф. Капра, опираясь на концепцию Т. Куна о развитии научного знания, предположил, что появление квантовой физики должно произвести столь же масштабные изменения, как и возникновение физики Ньютона. Если физика И. Ньютона породила механистическую парадигму и современную техническую цивилизацию, то квантовая физика должна стать основой новой парадигмы и новой цивилизации [2, р. 16–17].

Однако, как и в случае с физикой Ньютона, породившей, наряду с современной техникой, мировоззренческие противоречия антигуманистические тенденции, квантовая физика неоднозначные последствия. Она создала такую картину мира, в которой ранее устойчивые и понятные природные закономерности предстали в величин, а материальные вероятностных объекты привычную устойчивость. Прорыв в микромир открыл квантовую запутанность и другие парадоксальные свойства элементарных частиц. Исследование мегамира обнаружило космические объекты, свойства которых нарушают классические принципы механики И. Ньютона. Вся эта картина мира предельно далека от повседневного опыта и имеет дело с процессами и объектами, которые зачастую в принципе невозможно увидеть или представить. Понятный близкий повседневным представлениям мир классической науки сменился картиной мира, которая стала почти иррациональной. Не случайно одним из последствий новой картины мира стало возрождение во второй половине XX века интереса к эзотеризму и оккультным знаниям, которые, казалось, навсегда остались в прошлом.

Другое последствие связано с тем, что современные идеологии, которые твердо стояли на почве материалистической науки, больше не могут предложить ясной перспективы развития человечества. Будущее, с точки зрения современной физики, наполнено неизбежными космическими катастрофами. Столь же непредсказуемо настоящее, в котором классические научные концепции происхождения человека, законов истории, общества и экономики оказались поставлены под сомнение или представлены во множестве интерпретаций. Под угрозой оказалась и теория эволюции, казавшаяся абсолютно неоспоримой.

В идеологии Нью Эйдж пытаются интерпретировать эту ситуацию как возможность для коренного изменения цивилизации. Ф. Капра, как и другие представители Нью Эйдж, считает, что новая научная картина мира сможет привести к наступлению новой «солнечной эры». Мировоззрение, принципах новой будет физики, органическим, холистическим, экологическим, системным и близким к восточному [2, p. 77–78]. Картина мира Нью Эйдж иррациональными, религиозными и мистическими идеями о внезапной всеобщей трансформации общества и человека. Другие идеологии также

испытали влияние новой научной картины мира. Классические политические идеологии утратили уверенность в реализации своих проектов. Либерализм существует лишь как идеология капитализма, с трудом прикрывая классическими призывами к свободе свои сиюминутные и циничные цели. Только весьма наивный человек может увидеть в современном либеральном проекте черты «царства разума и свободы». В правых течениях, ориентированных на консервативные ценности, более чем когда-либо популярны идеи «конца света» и исторического регресса, а позитивная социальная программа почти исчезла.

масштабная современная Самая политическая идеология коммунизм, которая отразила достижения классической науки, сегодня также не имеет значительного влияния. Именно коммунизм опирался на строгую научность, рациональность и объективность, стремление познать законы общества, истории и природы. Но сегодня даже слово «социализм» наполняется произвольным, неопределенным и смутным смыслом, за которым скрывается все та же неуверенность современного человека в возможности объективного познания и объяснения мира. Нынешнее состояние идеологий в немалой степени определяется утратой веры в науку и классическую научную картину мира. Об опасности изменения научных представлений для идеологии в начале XX века писал В. И. Ленин. Он подверг резкой критике идею «исчезновения материи» и эмпириокритицизм, который пытался дать нематериалистическую интерпретацию новых открытий в физике. Ленин считал, что размывание материалистической картины мира неизбежно откроет дорогу для беспомощного идеализма, релятивизма, агностицизма и, в конечном счете, подорвет возможности идеологии в реализации масштабных проектов создания нового общества. Ведь «(...) всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа» [3, с. 138].

Но в картине мира, где существует множество вселенных, время течет по-разному, а мир состоит из элементарных частиц, способных обретать то корпускулярные, то волновые качества, все приобретает текучий, неустойчивый и непредсказуемый характер — то есть именно ту черту, которую 3. Бауман считал основной для Постмодерна. Эта текучесть была известна древнегреческой философии — от Гераклита до Кратила и софистов, которые довели ее до крайнего релятивизма. От признания всеобщей изменчивости и непостоянности — лишь один шаг до объявления физического мира иллюзией. Так, физик Дэвид Бом пытался доказать, что Вселенная подобна голограмме. Популярным стало сближение теорий современной физики с течениями восточного эзотеризма — ведантой, даосизмом или каббалой, использующими идею иллюзорности материального мира.

«Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [4, с. 4], – писал К. Маркс, за словами которого, предвещавшими небывалый подъем политических идеологий, стояла неоспоримая ясность картины мира классической науки и техники. Но как можно изменить мир, в котором даже наука не способна дать ясные рациональные цели и ориентиры? Ответ на этот вопрос связан не только с наукой и идеологией, но также с философией, которая пока не в состоянии осуществить интерпретацию современных научных достижений в классическом систематическом стиле.

#### Литература и источники

- 1. Гейзенберг, В. Физика и философия. Часть и целое / В. Гейзенберг. М.: Наука, 1989.-400 с.
- 2. Capra, F. The Turning Point: Science, Society, and the Rising Culture / F. Capra. New York: Bantam, 1983. 464 p.
- 3. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. 5-е. Т. 18. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1965–1975. С. 7–384.
- 4. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. Изд. 2-е. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955–1981. С. 1–4.

# НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В «ЗЕРКАЛЕ» СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

#### С. В. Хамутовская

С приходом каждого нового столетия мир неизбежно сталкивается с иными вызовами цивилизационного актуализирующимися именно в данный период времени. Как показывает история, в конце XX - начале XXI века одной из наиболее значимых тенденций, влияющих на все сферы жизнедеятельности людей и эффективное функционирование государств, является возрастание роли знаний и следующее за этим стремительное осуществление научносопровождающееся технического прогресса, появлением интенсификацией новых технологий, внедрением различных инноваций. В связи с вышесказанным представляется важным выявить социальные ожидания населения нашей страны относительно новых научных и технических изобретений, разработок и технологий.

Анализ результатов социологического исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в пределах республики в июле 2020 года (объем выборки составил 2099 человек), позволил установить, что, 83,2 % респондентов были согласны с утверждением о том, что благодаря науке и новым технологиям появится

больше возможностей для будущих поколений; обратной позиции придерживались 5,2 % респондентов (В тексте приводится % от ответивших на вопросы анкеты респондентов. Указана, соответственно, сумма ответов «Полностью согласен» (50,5%) и «Скорее согласен» (32,7 %), «Скорее не согласен» (3,6 %) и «Не согласен» (1,6 %) на вопрос «Насколько Вы согласны со следующим утверждением: Благодаря науке и новым технологиям появится больше возможностей для будущих поколений»), затруднились ответить – 11,6 %. Подавляющее большинство респондентов – 74,3 % – также указали, что, на их взгляд, «новые технологии делают нашу жизнь более здоровой, легкой и комфортной»; всего лишь 10,6 % считали наоборот (В тексте приводится % от ответивших на вопросы анкеты респондентов. Указана, соответственно, сумма ответов «Полностью согласен» (35,6 %) и «Скорее согласен» (38,7 %), «Скорее не согласен» (7,5 %) и «Не согласен» (3,1 %) на вопрос «Насколько Вы согласны со следующим утверждением: Новые технологии делают нашу жизнь более здоровой, легкой и комфортной»); 15,1 % затруднились ответить.

Однако, следует учесть и тот факт, что 44,4 % респондентов полагали, что научные и технологические разработки могут иметь непредвиденные побочные эффекты, которые вредны для здоровья человека и окружающей среды (в свою очередь, 29,5 % так не думали (В тексте приводится % от ответивших на вопросы анкеты респондентов. Указана, соответственно, сумма ответов «Полностью согласен» (14,4 %) и «Скорее согласен» (30 %), «Скорее не согласен» (17,5 %) и «Не согласен» (12 %) на вопрос «Насколько Вы согласны со следующим утверждением: Научные и технологические разработки могут иметь непредвиденные побочные эффекты, которые вредны для здоровья человека и окружающей среды»); 26,1 % затруднились ответить). Еще 31,5 % респондентов были уверены в том, что научно-технические изобретения делают нашу жизнь беспокойной и опасной (обратной позиции придерживались 45 % ответивших на данный вопрос (В тексте приводится % от ответивших на вопросы анкеты респондентов. Указана, соответственно, сумма ответов «Полностью согласен» (7,6 %) и «Скорее согласен» (23,9 %), «Скорее не согласен» (26,6 %) и «Не согласен» (18,4 %) на вопрос «Насколько Вы согласны со следующим утверждением: Научно-технические изобретения делают нашу жизнь беспокойной и опасной»); 23,5 % ответить затруднились).

Характеризуя использование ими новых технологий, 40,2 % респондентов сказали о том, что они с последними «дружат», а при возникновении трудностей в процессе освоения новинок, им удается их преодолевать; 23,6 % —с удовольствием разбираются со всеми доступными им новинками и по возможности применяют их в своей жизни (В тексте приводится % от ответивших на вопросы анкеты респондентов). Вместе с

тем  $16,5\,\%$  респондентов признались, что они стараются избегать технологических новинок и использовать их только по необходимости;  $11,2\,\%$  — «не дружат» с новыми технологиями, им не нравится широкое внедрение технических новинок и они стараются обходиться без них (В тексте приводится % от ответивших на вопросы анкеты респондентов);  $8,5\,\%$  ответить затруднились.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что, в целом, среди респондентов преобладали позитивные социальные ожидания относительно появления и полезности различных научно-технических изобретений, разработок и новых технологий, наблюдалось явно выраженное стремление активно внедрять их в свои повседневные практики, тем самым изменяя собственный образ жизни и мировоспрятие. В будущем представляется целесообразным повышать результативность реализации научно-технических инноваций в Беларуси, а также цифровую грамотность населения, что, в целом, окажет положительное влияние на способность как отдельных индивидов, так и социальных групп, общностей и институтов успешно адаптироваться к новым вызовам цивилизационного развития.

#### НАБЛЮДАЮЩЕЕ И НАБЛЮДАЕМОЕ В ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

### Л. А. Цибизова

Чем больше меняются учебные программы по философским и психологическим дисциплинам в вузах различной профессиональной направленности, тем все дальше мы уходим от тех задач, которые призваны и могут рассматривать и порой и решать в долгосрочной перспективе означенные науки. Проблема заключается в многозначности субъектности в этих областях. В то время как точные или естественные науки традиционно используют те познавательные установки, которые были порождены наукой Нового времени, где четко определена диспозиция субъекта и объекта. Поэтому в учебном процессе студенты, следуя за преподавателем или учебником, занимают исключительно позицию внешнего, наблюдающего, анализирующего и препарирующего объективную реальность «Я». Отсюда – отстраненность, часто понимаемая как объективная аналитика.

В том случае, если мы используем эти же методы при изучении философии и психологии, субъектность получает одностороннюю трактовку, а изучение дисциплин не достигает тех целей, которые изначально заявляются. Внешнее наблюдающее и изучающее «Я» студентов дает только определенный объем информации по обозначенным в программе темам. Но, то, что касается выполнения мировоззренческих,

воспитательных, гуманистических функций становится фикцией. Мировоззрение предполагает не только актуальную информационную модель, но и экзистенциальное переживание, следующее из получаемых знаний. Следовательно, наблюдателю необходимо стать частью этой многомерной модели реальности, или самой реальности. Теперь «Я» располагается внутри познаваемого комплекса. Быть одновременно и наблюдаемым и наблюдателем практически невозможно. На это обращают внимание и писатели, имеющие опыт преподавания истории и теории литературы. Либо ты внутри творческого процесса, либо ты анализируешь его извне. Некоторые решают эту проблему, не только разводя ее по времени, но и, если есть такая возможность, по географическому местоположению.

Возвращаясь к учебному процессу, хочется отметить, что у студентов отсутствует возможность самостоятельного творчества в этической, мировоззренческой или психологической проблематике. Учитывая их предыдущий опыт работы в тестовой парадигме, творчество наблюдается лишь в поисках «правильных» ответов. Многозначность вызывает оторопь и удивление по принципу «А что, так можно было?».

Предлагаемые на протяжении нескольких мировоззрению, жизненным стремлениям, удачам и падениям, всегда требуют подробного пояснения, что преподавателю переписанные из пособий тексты, а нужно поделиться собственными переживаниями, размышлениями, достижениями. Некоторые достаточно быстро понимают, что от них требуется, перенеся жанр в пространство религии. Здесь есть эмоциональная насыщенность, искренность. Вот только в названии звучит «Исповедь». Оказывается, говорить о собственном экзистенциальном мировоззрении для них можно только в терминах веры. В других случаях, а их становится все больше, наблюдается очень аккуратный, выверенный самоцензурой анализ тех или иных аспектов мировоззрения, боязнь «не совпасть» с тем, что ожидает преподаватель. И, наконец, еще одна группа, вполне самостоятельно анализировать жизненные реалии, а также себя в них.

И, что самое интересное. Когда первоначальная инертность и сомнения преодолены, студенты сами начинают просить новые темы для самостоятельных размышлений. Выясняется, что философия и психология – это не только рефераты про «других», но и мысли «о самом себе».

# РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А. С. Цмыг

Религиозный фактор в процессах глобализации не является

системообразующим, однако его значимость становится очевиднее с каждым годом. Развитие духовной сферы, укрепление религиозных процессы, которые влияют на политическую экономическую системы, а также играют значимую роль в сфере образования и воспитания, говорит о значимости религиозного фактора, тем более, что его влияние распространяется далеко за рамки одного региона. Говоря о религиозном факторе в Республике Беларусь, следует отметить, что ему присущи следующие черты: общемировые тенденции к интеграции, общие признаки, характерные для постсоветских стран и факторы, свойственные только для нашей страны. Особенностью нынешнего этапа развития духовной сферы Республики Беларусь является то, что в современных условиях остается важной задача формирования национально-государственного самосознания на основе исторической памяти и современных условий глобализации.

Глобализация является многоаспектным процессом, охватывающим разнообразные стороны функционирования общества. Большинством исследователей глобализация рассматривается как расширение, интенсификация углубление мировой взаимозависимости взаимосвязанности, проявляющейся во всех аспектах современной жизни. Расширительное толкование глобализации нередко ведет отождествлению с интеграцией и интернационализацией. В то же время, следует отметить, что интернационализация как форма организации мирохозяйственных связей является лишь предшественником глобализации, определенной стадией в развитии мирового хозяйства [1].

Глобализация есть процесс, происходящий в современном мировом сообществе и являющийся характерным для его настоящего развития. Унификация различий и интеграция в западную модель развития экономики и политики представителей иных культурно-религиозных традиций (ислам, буддизм) характеризуют основные тенденции глобализации. Объектами глобализационных изменений являются не только экономические и политические субъекты, но и социальные, а также духовные, религиозные сферы человеческой деятельности [2].

Обратившись к вопросам взаимосвязи глобализации и религиозного фактора в современном мире, сразу же заметим, что секуляризация, в целом, оказывается проектом глобализации, просто меняется основа унификации и интеграции — место религиозной сплоченности и шкалы ценностей занимают светский образ жизни, внерелигиозные ценности и правовые нормы.

Неслучайно поэтому в настоящее время глобализация не ассоциируется или ассоциируется в незначительной степени с религиозным фактором. Вместе с тем, в современном мире, несмотря на секуляризационные процессы, роль религиозного фактора остается очень существенной. Религия оказывается и внутри процесса глобализации и,

одновременно, существенно влияет на сам этот процесс [3].

Сегодня в результате интенсивности развития коммуникаций, средств связи и информационных технологий происходит расширение объема, увеличение разнообразия и ускорение глобальных религиозных потоков, повышение интенсивности и скорости религиозного обмена. Меняется характер коммуникативной функции религии [3].

В последнее десятилетие происходит виртуализация религии. Религиозные отношения во многом из социальных превращаются в виртуальные. Религиозные движения активно И профессионально используют современные технологии, средства массовой информации. Сегодня даже в дни крупных праздничных мероприятий совсем необязательно находиться в храме или мечети, вполне достаточно принимать в них участие «онлайн» – посредством сети Интернет или наблюдая по телевизору. Точно так же с любым сакральным текстом или его разъяснениями и толкованиями можно ознакомиться во Всемирной сети. Там же можно узнать обо всех событиях в той или иной религиозной организации, выходя ИЗ дома. пообшаться форумах единомышленниками или оппонентами. Религиозная община как ядро «первичной» приходской жизни утрачивает былое коммуникативное значение [3]. Вместе с тем в подавляющем большинстве религий остаются весьма действенными нормы и ценности. Более того, в сущностном плане правило, совпадают в различных религиях. универсальными. Рассмотренные В аспекте глобализации унифицированные (общечеловеческие) нормы и ценности вполне могут предметом для усвоения обществом, мультирелигиозность большинства современных государств.

При стремлении сохранить целостность и полноценное участие в обшественно-политической жизни обшества. межрелигиозных В взаимодействиях, отрицать наличие глобализации и не учитывать в своей деятельности условия современного мироустройства религии не могут, так как это может привести к изоляции и потере социально-политического и экономического влияния. Для того, чтобы сохранить собственную уникальность и идентичность, религии важно выявить определяющие для себя тенденции современного развития и формулировать цели и задачи своей деятельности, исходя из существующих условий. Для верующих необходимым представляется изменение образа мышления, религиозного сознания. Религиозное сознание должно стать глобализирующимся, способным принять и переработать новые условия жизни, а также видоизменяться под их влиянием, сохраняя сущностные особенности в неизменном состоянии. Стоит отметить, что религиозное сознание приобретает глобализационные результате разрешения черты внутреннего и внешнего сопротивления, которое религия оказывает унифицирующим процессам глобализации. Религиозное сознание

становится глобализационным, сопротивляясь и перерабатывая не может отвергнуть, чтобы быть положения. которые конкурентноспособным перед другими религиями. Религия стремится в условиях глобальной унификации и интеграции сохранить собственную уникальность и отличительные черты не столько во внешнем проявлении, сколько во внутренних сферах религиозной деятельности, в религиозном сознании. Сознание верующих сохраняется и является носителем вероучения, богословия и философии, но приобретает новые черты, свойственные данному историческому развитию [2, с. 71–72].

В последние годы отношение к религиозным институтам в обществе сильно изменилось. Оставаясь, по большей части, объединяющим началом и располагая сложной системой горизонтальных связей и институциональных отношений, религия может служить эффективным инструментом регуляции глобальных тенденций. В целом отношение каждой религии к глобализации можно считать сформировавшимся, но вот о мировом развитии каждая из религий высказывается гораздо менее определенно.

#### Литература и источники

- 1. Никифоров, А. А. Идеи теории глобализации и взгляды ее представителей в области экономики и управления / А. А. Никифоров // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2015. № 3. С. 28—34
- 2. Излученко, Т. В. Глобализация религиозного сознания: факторы и тенденции развития / Т. В. Излученко // Социодинамика. 2015. № 6. С. 69–79.
- 3. Элбакян, Е. С. Глобальное и этноконфессиональное в религиозной ситуации на постсоветском пространстве / Е. С. Элбакян [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/ article/ n/ globalnoe-i-etnokonfessionalnoe-v-religioznoy-situatsii-na-postsovetskom-prostranstve/ viewer. Дата доступа: 02.04.2020.

# МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НОРМАЛЬНОЙ ЦЕНЫ ТОВАРА В КОНТЕКСТЕ АНТИЛЕМПИНГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

# И. А. Червинская

Современная глобализация предоставляет возможность углубления специализации стан в международном разделении труда и значительного повышения эффективности участия в мировой экономике, но она же создает предпосылки для ужесточения конкуренции, что может иметь негативные последствия для национальных предприятий и отраслей в странах с транзитивной экономикой. Дополнительным подтверждением актуальности проблемы защиты отечественных производителей в условиях

возрастания экономической интеграции и усиления конкуренции явились последствия мирового финансово-экономического кризиса, которые и подвигли экономическую науку к признанию того, что свободная торговля не является гарантом оптимальности развития национальных экономик.

В таких условиях приоритетными становятся вопросы баланса между защитой национальной экономики и максимизации пользы от ее включения в мировую экономическую систему. Ответы на эти вопросы увязаны с комплексным определением наиболее эффективной структуры производства, оптимизацией уровня тарифных барьеров, а также регулирования, совершенствованием механизмов способных обеспечить взаимодействия с глобальным рынком, так и поддержать необходимый уровень защиты внутреннего рынка. В контексте этого обстоятельства проблема антидемпингового регулирования приобретает особую теоретическую и практическую значимость. Отечественным экспортерам необходимо находить результативные способы преодоления сложившихся традиций в использовании так называемых «аналоговых стран» в ситуации возможного антидемпингового разбирательства [1, c, 640].

В этом отношении может быть предложена методика определения нормальной цены товара, отношении которого проводятся антидемпинговые разбирательства. Она основана выявлении внутренних противоречий в самой процедуре сопоставления цены и ее составляющих белорусского товара с ценой товара, происходящего из страны, экономика которой имеет статус рыночной, и предполагает выявление различных нарушений принципа конкурентного ценооброзования.

Документально аргументированная констатация фактов, обуславливающих в итоге неконкурентно высокую экспортную цену товара, происходящего из «аналоговой страны», то есть страны с рыночной экономикой, может значительно расширить вариабельность расчета антидемпинговой маржи, и, как следствие, предложить в процессе антидемпингового расследования наиболее оптимальный для белорусских предприятий аналоговый вариант.

Основной целью настоящей работы является совершенствование механизмов защиты внешнеторговых интересов Республики Беларусь в связи с возможным возникновением демпинговых претензий со стороны недобросовестных конкурентов.

В теоретическом плане актуальность проблемы определена тем, что ее комплексный анализ позволяет проследить динамику реального процесса вхождения отечественной экономики в мировой рынок, определить основные тенденции и проблемы, а также выявить возможности внесения изменений в выбранные направления, формы и методы корректировки системы государственной антидемпинговой

политики. Это поможет обогащению методологического потенциала отечественных научных разработок.

Практическое значение такого исследования заключается в том, что оно содержит не только прикладные рекомендации отечественным экспортерам, что особенно актуально в контексте развития внешнеэкономической деятельности белорусских товаропроизводителей, но в нем также предлагаются основные направления институциональных преобразований отечественной экономики с тем, чтобы достичь такого уровня, при котором всякие обвинения в «нерыночности» белорусской экономики потеряют свое значение.

Традиционно антидемпинговые меры рассматриваются в качестве инструмента защиты и поощрения конкуренции в динамике международной торговли, когда антидемпинговые законы является оплотом против анти конкурентной практики иностранных экспортеров. В этом случае можно признать, что демпинг представляет собой неторговокорректирующую меру, и борьба с ним — насущная необходимость [2, с. 140].

Однако, присутствие демпинга не всегда является проявлением несправедливой торговой практики, так как демпинг может быть средством профилактики так называемого «хищнического ценообразования» во внешнеторговой деятельности. ценообразованием» может быть названо действие, направленное на ограничение в долгосрочной перспективе конкуренции в стране-импортере через реализацию как административного, так и экономического ресурса. процесс волюнтаристического ценообразования использованием монопольной власти.

Очевидно, что широкое применение антидемпинговых мер часто не мотивировано ничем, кроме протекционизма. Свободная торговля не приносит однозначные выгоды для всех слоев общества, и увеличение доходов одних некоторые групп сопровождается ущербом других. Если выгода первых не может компенсировать ущерб тех, кто теряет, то антидемпинговое регулирование есть проявление протекционистского давления в экономике. Как правило, группу давления составляют внутренние производители в конкурирующих с импортом отраслях, которые теряют от свободной торговли. Эти производители стремиться к защите, при этом оказывается, что именно антидемпинговые механизмы самый мощный инструмент административной защиты, так как выводы о ущербе с последующим принятием демпинговом защитных мер предоставляют, как правило, на усмотрение властей, и после того, как отечественные выводы, фирмы приобретают вероятность предоставления антидемпинговой охраны. Практически в любой отрасли, которая считает себя пострадавшей от иностранной конкуренции, и представляет грамотно обоснованную петицию, имеет

хорошие шансы показать, что она находится под угрозой демпинговой атакой. Даже если дальнейшие эмпирические исследования показывают отсутствие демпинга, то само по себе инициирование такого исследования содержит значительный негатив. Национальный орган правдивость заявлений, сделанных отечественными производителями и принимает решение о возбуждении дела. Правительства, как правило, принимает решение в пользу реализации протекционистских интересов собственных теваропроизводителей. Реализация антидемпинговых законов обеспечивается непрозрачностью административных инструментов защиты привлекаемых для реагирования на протекционистские требования отечественных производителей [3, с. 112].

В выявлении реальной ситуации белорусским экспортерам надо фокусироваться на факторах, которые влияют на поиск выгоды и готовности власти оказывать давление. Это могут быть конкретные факторы промышленности: промышленный спад, безработица, издержки платежного баланса, создание условий для либерализации торговли и др.

#### Литература и источники

- 1. Баканов, А. А. Антидемпинговые меры против стран с нерыночной экономикой: некоторые концептуальные проблемы и один пример / А. А. Баканов, Л. А. Жулего // ЭКОВЕСТ.  $-2003. \mathbb{N} \cdot 4. \mathrm{C}. 637-668.$
- 2. Василевский, С. Р. Антидемпинговое регулирование: нормы Всемирной торговой организации и особенности законодательства Европейского союза / С. Р. Василевский, Р. В. Соболев // Вестн. Министерства иностранных дел Республики Беларусь. -2000. -№ 4. -C. 135–146.
- 3. Медведев, В. Ф. Всемирная торговая организация: ориентиры для экономистов и юристов / В. Ф. Медведев. Минск: БИП-С, 2003. 124 с.

# ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

И. В. Черникова, Д. В. Черникова

Переход к постиндустриальному этапу развития начался во второй половине XX века. Как отмечал Д. Белл, для постиндустриального общества характерны резкое увеличение объема и значения информации, знание обретает новую роль в качестве направляющей силы социального развития. Меняется вектор занятости: от производства производству услуг, «политические решения являются в центральными. отношение знания К власти есть подчиненности» [1, c. 358]. Более поздний этап постиндустриального общества – общество знания, это общество нового уровня сложности коммуникативных процессов, в нем научное знание

становится важнее всех остальных форм знания, появляется новый сектор экономики, отвечающий за производство знания. Теперь наука занята не только поиском ответов на фундаментальные вопросы и поиском истин, но еще и поиском решений социальных проблем. При этом контекст применения становится конституирующим по отношению к процессу производства знания. Именно в это время начинается, согласно П. Дракеру, очередная промышленная революция как процесс глобального преобразования общества и цивилизации на основе развития техники [2]. При этом научные знания начинают выступать в новой, не свойственной им прежде роли — в роли фактора, активно воздействующего на жизнь человека и общества и динамизирующего ее. Формируется новый тип научного знания — технонаука.

В контексте рассмотренных социальных изменений формируются радикальные вызовы университету. Современный университет характеризуется, как правило, в трех различных контекстах: во-первых, как пространство исследований с границами, открытыми для инноваций и предпринимательства; во-вторых, как образовательный проект в эпоху массовизации высшего образования; в-третьих, как организация, социальный институт, обеспечивающий высшее образование в условиях глобализации. Рассмотрим трансформации современного университета в трех выделенных аспектах.

Изменения в сфере обучения обусловлены взрывообразным развитием информационных и коммуникационных технологий. Это позволило легче и быстрее осуществлять поиск информации, используя интернет ресурсы, доступность электронных библиотек университетов мирового уровня и научных периодических изданий. Появилась возможность более активной коммуникации с коллегами, участвуя в онлайн-конференциях. Внедрение цифровых технологий образовательный процесс обеспечило возможность обучения в онлайн формате. В условиях пандемии онлайн формат обучения стал единственным возможным, позволившим не прерывать образовательный процесс. Едва ли наработанный опыт такой формы обучения будет целиком отброшен при снятии карантинных мер, скорее, будет принята гибридная форма, позволяющая совмещать контактное обучение с элементами дистанционного.

Переход к новой форме производства знаний Mode-2 поставил университет, который является, прежде всего, научно-образовательным учреждением, перед необходимостью пересмотреть программы обучения таким образом, чтобы формировать знания как навыки и технологии, а не как информационные пулы. Производство знаний стало рассматриваться как многомерная деятельность, распределенная не только внутри научных сообществ, но и среди заказчиков научных исследований, и среди пользователей результатов изысканий. Например, таковы исследования в

области биомедицинских технологий, которые производятся при участии фармацевтических компаний, а результаты подвергаются гуманитарной экспертизе с участием широкой общественности. Еще одна важная тенденция в трансформации образовательной стратегии университета — это возрастающее влияние глобализации, сказывающееся не только на распространении глобальных сетей, но и увеличении набора иностранных студентов, и на повсеместном распространении международных рейтингов.

Изменения в сфере исследований продиктованы прежде всего сдвигами в сторону коммерциализации. Наука оказывается все более политически ангажированной. Уменьшается финансирование гуманитарных и социальных исследований, все чаще фундаментальные исследования финансируются государством и отдельными корпорациями. Эта тенденция характеризуется термином «академический капитализм». Озабоченность тем, что интеллектуальная собственность контролируется в интересах крупных корпораций, заставляет искать более эффективные способы управления ресурсами знаний. Так Р. Барнетт предлагает модель экологического университета, в которой целью учебного учреждения является благополучие экосистем внешнего мира, а изыскания будут непредвзятыми и герменевтически ориентированными [3, с. 143–145].

Институциональные изменения характеризуются системы высшего образования, научно-исследовательских институтов и академических институтов, которая проявляется как в координации исследований, так и в появлении университетов нового образца. Среди них федеральные и национально-исследовательские университеты в России и, так называемые, «бинарные» системы в европейских университетах, выполняющие исследовательские Связь университетов с миссии. реализуется называемых, экономикой региона так В, университетах, призванных использовать научные достижения для организации среды жизнедеятельности региона. Новая программа развития университетов «ПРИОРИТЕТ 2030» (ранее называлась Программа стратегического академического лидерства), в качестве приоритета национальной системы высшего образования рассматривает вклад университетов в социоэкономическое развитие регионов и страны в целом.

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00298.

#### Литература и источники

- 1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. М.: Academia, 1999. 956 с.
- 2. Дракер, П. От капитализма к обществу знания / П. Дракер // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999.

- 3. Drucker, P. F. Post-Capitalist Society / P. F. Drucker. N. Y.: Harper-Collins Publishers, 1995.
- 4. Барнетт, Р. Экологический университет. Осуществимая утопия / Р. Барнетт. Томск. Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 304 с.

# О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

### В. И. Чуешов

Одной из особенностей сегодняшних дней стала удручающая утрата на постсоветском пространстве интереса к человеку и его философии (философской антропологии), прежде всего в его абстрактно-теоретическом обличье.

При этом и сегодня иногда в различных специализированных управленческих дискурсах звучат отголоски эха советского гимна человеку, которые, на поверку, однако, чаще всего оказываются симулякрами, используемыми, вопреки предупреждениям Цицерона о том, что «Epistola non erubiscit». К сожалению, и многие практикотехнологические ориентированные рассуждения о человеке в наши дни еще даже до их четкой артикуляции уже пристрастно и жестко поверяются не столько традициями и особенностями публичности современных социальных институтов, сколько вполне сизифовскими оценками чаще всего не вполне прозрачной и точной калькуляции цены простого воспроизводства человеческой жизни. Такого воспроизводства, в котором бытие и сущность, совесть, счастье и экзистенция человека, если и измеряются, то весьма приблизительно и обычно в самую последнюю очередь.

Современные калькуляции расходов государства и общества на человека, и, наоборот, а также скрупулезные подсчеты человеком собственных доходов и расходов с помощью ассигнаций и (или) биткоинов по большей части также скользят по поверхности «тонкой материи» не только душевности и духовности человека, но даже его социальной сути. В лучшем случае, они оказываются результатами «цивилизованного» вторжения в них адептов приоритета в сущности и экзистенции человека стандартов бытия человека экономического. И в форме, например, экономического империализма беккеровского типа, и в виде популярных нынче замысловатых конструкций разнообразных индексов счастья государств и народов.

Например, в популярном ооновском рейтинге стран по индексу счастья (World Happiness Report) удельный вес ВВП на душу населения в критерии коллективного счастья все же доминирует, хотя и сопрягается и с

уровнем коррупции, и с невесть каким образом реализуемой калькуляцией высоты доверия, великодушия и щедрости народов разных странах мира. От этого индекса счастья радикально отличается другой, уже Всемирный индекс счастья, распространяемый в современных медиа с легкой руки неформальной британской организации New Economic Foundation.

Если ооновский рейтинг счастья определяется по большей части через призму благополучия человека экономического (ВВП на душу населения), что, собственно, и позволило по нему в 2020 г. в тройку мировых лидеров войти Финляндии, Дании и Швейцарии, то с результатами замера индекса счастья по методике Нового экономического фонда ситуация иная. В них экономические показатели не используются принципиально, и неудивительно, что тройка мировых лидеров по уровню счастья, правда, в 2016 г., выглядит иначе: Коста-Рика, Мексика и Колумбия. Что касается Финляндии, нынешнего лидера по ооновскому индексу счастья, то она, по шаблонам Всемирного индекса счастья, правда, в 2016 г., занимала лишь 37 место. Проигрывая Дании (32 место) и Швейцарии (24 место). Представляется, что для того чтобы не закружилась голова от современных методик расчета индексов счастья, без определенного уровня философской рефлексии, или философскоантропологической осмотрительности и прозорливости не обойтись.

Свой интерес к счастью и его параметрам философы, могут, конечно, ограничивать простой констатацией разноголосицы мнений экспертов о том, каким образом в наши дни его следовало бы измерять в соответствии с принципами познавательного пессимизма и оптимизма. Однако еще больше своей осмотрительности и прозорливости они выкажут, направляя свою рефлексию на уроки классической и неклассической философии эвдемонизма, современных научных знаний об объективных субъективных сторонах человеческого счастья и их повседневных интерпретациях. И в первом, и во втором случае они просто удостоверят, что давние притязания философии на особость в постижении сути идей счастья, добра, красоты, справедливости в истории философии и сегодня остается ее прерогативой, реализацией природы их метазнания и метапознания, объектами которых являются не только философские тексты, но стихия повседневности и содержание коммуникации в науке [2].

Современный прицельный, организованный исследовательский интерес к человеку, какой бы язык объекта в нем не использовался, никогда, однако, не обходится без философской рефлексии, а также метаязыка определенного вида. Однако напрямую реализовать и первую, и второй обычно бывает не так просто, как кому-то может показаться на первый взгляд. Непросто, поскольку они по необходимости предваряются его необходимым ответом на другой, уже метавопрос о том, как все же в наши дни возможна философская антропология в принципе. Одни

эксперты OT философии, отвечая на него, занимают антропологического пессимизма, расценивая существование философской антропологии в современном мире как невозможное в принципе. На этом оппоненты, прежде всего представители познавательного антропологического оптимизма, полагающие что уже природу, сущность и экзистенцию человека, выглядят, согласитесь, не менее подозрительно. В отличие как от первых, так и от вторых, сторонники сдержанного или философско-антропологического благодаря своей меньшей категоричности и критичности как осмотрительности, в конечном счете, оказываются более прозорливыми и убедительными. Для них статус философского, или метаинтереса к философии человека в современном мире, не столь безнадежен, как считают пессимисты, и не так результативен, как представляют себе сторонники радикального антропологического оптимизма. Вместе c тем, привлекающий ИХ философскоантропологический оптимизм никогда не реализуется механически. Более того, он оказывается жизнеспособным только в тех случаях, когда он, вопервых, т. е. еще до всякой своей содержательной реализации, уже предварительно осмотрительно легитимизирован пространстве современной науки и культуры, а во-вторых, смог пройти критическую современными научными фактами И концептуально нагруженными аргументами, или аргументологией о легальности данного вида философской рефлексии в одновременно глобальном и локальном правовом и политическом, моральном и религиозном, конкретно-научном и пр. опыте современного человечества. Поскольку горнило данного опыта, как показывает компаративный анализ результатов мировой философско-антропологической рефлексии, успешно проходят далеко не все современные школы философской антропологии и их выдающиеся выверенному философско-антропологическому оптимизму многим из них еще предстоит научиться. Научиться постольку, поскольку, как мне представляется, большинство школ современного западного человекознания или чересчур пессимистичны, или излишне оптимистичны, что относится к большинству советских, а также постсоветских его разновидностей, игнорируя современные императивы философской осмотрительности и прозорливости и аргументологии. По крайней мере, в находящихся на слуху работах западного человекознания уверенная ориентация исследователя в мире современных научных фактов и аргументов о человеке, как, например, у Ю. Харари, к сожалению, четко не координируется взвешенной философской рефлексией. И, наоборот, оправданный философский интерес к человеку, удовлетворяемый с помощью метода философской деконструкции данных и аргументов современной науки о человеке, как, например, в постмодернизме Ж. Дерриды, в котором всерьез поворачиваются спиной к данным современной науки и повседневности, также излишне оптимистичен, чтобы быть убедительным.

К счастью для нас, во многом благодаря философскому творчеству отечественных философских антропологов, как, например, Б. В. Марков и др. [1], наше философское человекознание в таком идейном раздрае находится куда как в более выигрышном положении по сравнению с лучшими образцами зарубежного не – и (или) «чересчур» философского человекознания.

#### Литература и источники

- 1. Марков Б. В. Человек в условиях современности / Б. В. Марков. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013.-432 с.
- 2. Чуешов В. И. Понятие философа и философии, или об актуальности метафилософии / В. И. Чуешов // Философия и социальные науки. -2014. -№ 1. C. 21–25.

# ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО И ЦЕЛЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В. И. Чуешов, Г. И. Малыхина

В истории европейской культуры всегда сосуществовали две, не всегда, однако, явно и четко артикулируемые парадигмы организации и ориентации образования: парадигма образования как цели и парадигма образования как средства «для».

В рамках первой парадигмы образование рассматривалось как по преимуществу самодостаточное воспроизводство человека (общества) средствами обучения. В отличие от образования как цели, образование как средство было ориентировано на оказание помощи человеку и обществу в решении какой-либо определенной практической задачи. Такое образование, поэтому, по определению не решало задачи формирования мировоззрения человека, обучая его необходимым узкоспециальным знаниям и компетенциям, которые помогают при решении некоторой конкретной задачи.

Объективными факторами оформления парадигмы образования как цели являлись потребности свободного гражданина древнегреческого государства-полиса, обладавшего собственностью, реализовать пассивное и активное избирательное право, что позволяло ему в отличие от представителей плебса участвовать в управлении делами общества и в качестве представителя воли народа, и как ее выразителя. Наоборот, образование как средство «для» являлось уделом рабов, а также части представителей, обладавших только активным избирательным правом, т. е.

плебса.

Поучительно в этом отношении функционирование первых институтов реализации парадигмы образования как цели в Древней Греции – Академии Платона, над входом в которую, по преданию, висела табличка: «Не геометр да не войдет», а также Ликея Аристотеля. В них обучающиеся наряду с физической подготовкой получали всестороннюю научную, а также философско-мировоззренческую и методологическую подготовку.

Представляется, что данные традиции философского образования в наши дни в республике реализуются в процессе изучения двух учебных дисциплин: «Философии» — студентами первой ступени высшего образования, и «Философии и методологии науки» — студентамимагистрантами второй ступени высшего образования. Наряду с этим в современной философии и методологии науки также воспроизводятся традиции изучения философии практической (философии управления, экономики, этики), а также философии творчества, именуемой в древнем мире поэтикой, а в наши дни эстетикой и др.

Очевидно, что несмотря на существенные различия двух рассмотренных выше парадигм, они все же категорически не исключали одна другую, т. к. потребностями и интересами людей способно управлять не только образование как цель, но и образование как средство.

Представляется поэтому, что готовя в наши дни специалиста с высшим образованием, мы должны опираться на новую, синтетическую парадигму образования, парадигму образования и как цели, и как средства, обеспечивая с помощью первой составляющей гуманизацию современного научного и технического прогресса, а посредством второй – формирование и развитие современного человеческого, социального и культурного капитала личности и общества. Остро востребованное в наши дни новое, синергетическое единство образования как цели и образования как средства, не измеряется поэтому только ценностью «умных» (smart, согласно П. Друкеру) целей образования, а включает в себя оптимальные сочетания необходимых и достаточных средств их Первостепенное и ничем другим не заменимое место из числа таких средств занимает социально-гуманитарное образование, и его ядро: философско-мировоззренческая философско-методологическая И подготовка специалиста.

Трудно переоценить значение органичного диалектического единства парадигм образования как цели и средства в условиях современной цифровой трансформации жизни общества и человека. Цифровая трансформация открывает обучающимся доступ к самым современным образовательным платформам, стирает с помощью цифры некоторые аспекты социального неравенства, а также нивелирует различия в месте и положении человека и общества в системе современного

разделения общественного труда. В цифровом мире существенно потребность в философской подготовке возрастает представителей поколения Z, но и идущего ему на смену поколения. В набирающей темп стихии современной цифровой реальности эти поколения нередко должны будут действовать без опоры на помощь родителей и педагогов, формируя значительно раньше последних собственную устойчивую шкалу ценностей. Такую шкалу, в которой бы информационно-коммуникационным перечеркивал потребности всестороннего цельного развития человека, шкалу как такую социально-гуманитарную платформу личности, на которой спорт, музыка, искусство, философия и т. п. не исключали бы, а дополняли и направляли потребности и интересы развития Интернета вещей и Интернета идей.

Представляется, что сегодня проблемы грамотности человека и общества, компетентного использования в инфосфере знаний логики, аргументологии других составляющих современного риторики, И социально-гуманитарного образования не менее, а, быть может, и более актуальны, поскольку все они так или иначе связаны с культурой человеческой коммуникации. Практическая необходимость достижения согласия, консенсуса, единой позиции не путем насилия, а путем убеждения во всех сферах человеческой деятельности (политике, бизнесе, образовании, науке, практике повседневного общения) свидетельствует об интересе социума к проблемам общения и аргументации. Степень этого интереса является свидетельством интеллектуальных и социальнополитических ценностей, преобладающих в общественном сознании. Ориентация на цивилизованный диалог различных партий и движений, церкви и государства, сфер образования и культуры предполагает умение общаться с оппонентом, спорить и дискутировать, аргументированно излагать свою точку зрения и воспринимать иную позицию.

# ИЗУЧЕНИЕ ФИЛОСОФИИ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

#### В. В. IIIепетюк

Актуальность обращения к теме изучения философии как способа повышения созидательного интеллектуального потенциала субъекта в условиях инновационного развития общества связана с комплексом происходящих в настоящее время в различных сферах жизнедеятельности социума трансформаций, имеющих определенный деструктивный характер. Речь идет, в частности, об обостряющихся противоречиях на пути техногенного развития, заставляющих современного человека

испытывать колоссальные психоэмоциональные нагрузки, что обусловлено невозможностью осмысленного восприятия увеличивающихся объемов значимой для него информации.

Фрагментарность, непоследовательность восприятия окружающей действительности, неосознанность и постоянный дефицит внимания в условиях перенасыщенного информационного пространства становятся нормой повседневной деятельности многих индивидов. Глубина знаний для таких субъектов подменяется поверхностной информированностью, способностью быстро реагировать на изменяющуюся ленту новостей, не погружаясь при этом в сущностное осмысление происходящих событий. Возникающая иллюзия эрудированности и способности мыслить граничит, как результат, с ментальной ленью и мировоззренческой отстраненностью, а также легкостью проживания даже самых драматичных моментов человеческой истории, доступных для массового восприятия благодаря инновационным новинкам в области средств массовой коммуникации.

возможности публичной Небывалые ранее самопрезентации субъекта на основе этих средств делают его поведение сверхзависимым от внешнего внимания, заставляя идти на эпатаж и провокацию в погоне за мнимой популярностью и ложной славой. Распространение примитивных шаблонов социального взаимодействия, подмена реальных смыслов коммуникации субъектов надуманными, безвольное навязанным стандартам и шаблонам, необоснованная агрессия при сохранении виртуальной анонимности \_ все это лишь негативные свойства современного социального пространства иннованионного типа.

Инновационный развития характер современного общества рассматривается здесь, разумеется, с точки зрения т. н. «проблемных ДЛЯ инноваций» [1]. Последние означают субъекта необходимость осознания появляющихся перед ним параллельно с внедряемыми новшествами вызовов и угроз, но и реальные попытки активизации им своего интеллектуального потенциала, очередное начало активного самосовершенствования с целью повышения шансов на выживание достижение безопасных искомых результатов инновационной деятельности. Рассматривая закономерную обманчивость и неоднозначность многих инноваций, ведущих к затуманенности человеческого восприятия реальности, наигранности и симулятивности, выдающийся французский философ-постмодернист Жан отмечал: «(...) все делается спектаклем, то есть представляется, производится, организуется в образы, в знаки, в потребляемые модели. Все это перенаправляет инновационную активность в соответствующее русло» [2, с. 162].

Созвучной такому подходу является точка зрения известного швейцарского теоретика бизнеса и автора системного анализа в области

инноваций А. Остервальдера, указывающего на эффект инноваций», заставляющего субъекта заблуждаться в том, что является истинными новшествами, а что мнимыми, подменяющими новые качества самого субъекта инноваций [3]. Сказанное А. Остервальдером имеет очень большое значение с точки зрения понимания действительной сущности инновационной деятельности, источником которой, безусловно, является субъект. Иными словами, при отсутствии роста интеллектуального потенциала субъекта инноваций, коррелирующего c инновационных скачков в развитии общества, любое новшество рано или поздно оказывается «псевдоинновационным».

Преодоление псевдоинновационности, таким образом, возможно только благодаря повышенному вниманию к содержательной стороне субъективности, раскрытию потенциала индивида с позиции социальной личностных качеств, знаний, умений и лополняющих технико-технологические инновационные Решению таких задач может служить изучение философии действенной практики углубленного осмысления вопросов человеческого существования, способной эффективно актуализировать компетенции социальной ответственности субъекта, универсальности как его этических так и комплекса гуманистических мировоззренческих ориентаций. Позитивное влияние на субъекта инноваций образования в области философии связано с возможностью интегрировать на основе этой формы знаний самые разные феномены окружающей действительности, находить ответы на вопросы, выходящие далеко за пределы узкой профессиональной специализации, свойственной лля эпохи технократизама, также системные связи видеть В постоянно усложняющейся совокупности социокультурных, экономических, политических и информационно-технологических процессов и явлений. Именно философское знание способно продуктивно работать с темой разорванности субъекта, помогая противодействовать личности в результате кризиса культуры, содействуя решению проблем субъективной самоидентификации и выработки оснований формирования нравственно-смыслового содержания структур личности человека. Широта и всеохватность затрагиваемых философским знанием тем в конечном итоге вооружают субъекта важнейшей в период ускоряющейся социальной динамики способностью - соединять мир в единое целое, видеть в многообразии общее и действовать в соответствии с таким целостным миропониманием.

#### Литература и источники

1. Варшавский, А. Е. Проблемные инновации: появление, распространение и риски / А. Е. Варшавский. – М.: Институт экономики РАН, 2015. – 56 с.

- 2. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры // Ж. Бодрийяр. М.: Культурная революция, Республика, 2006. 269 с.
- 3. Osterwalder, A. "Innovation" is dead. Long live "innovation" / A. Osterwalder // The official blog of Alexander Osterwalder, December 19, 2016 [Electronic resource]. Mode of access: https://www.strategyzer.com/ blog/ posts/ 2016/ 12/ 19/ innovation-is-dead-long-live-innovation. Date of access: 20.03.2016.

#### ФИЛОСОФИЯ ОТ МИРА СЕГО

# А. Д. Шоркин

После просветителей из философии бесповоротно «натуральная философия», которая получила и собственное имя – science. Диапазон дискурсов обедневшей философии вследствие этого изъятия и, отчасти, вопреки нему, начал расширяться и расслаиваться. Прежние дискуссии относительно ее предмета сменились не просто отсутствием диалога, но, в ряде случаев, его невозможностью. Ибо дискурсы стали располагаться в разных непересекающихся плоскостях: как тематизации, так и концептуализации. В XX веке противоположные края новой причудливой топологии философской дискурсивности были представлены логическим позитивизмом и экзистенциализмом. Единственное основание их вовлеченности в одну дисциплину состоит в том, что они, как и прочие философские направления, осуществляют ту или иную рефлексию над тем, что людьми обычно только подразумевается.

Подразумеваемое важно вовремя выявить, чтобы ослабить и предотвратить его действительные и возможные негативные следствия. Его лучше перехватить и разоблачить, усмирить рефлексией на ранней и относительно безвредной стадии. Сохраняя, конечно, его конструктивные интенции. Справляется ли сегодня философия с этой культурной миссией? Насколько релевантна хрупкая изысканность нынешних метафизик тревожащей прозе современной жизни?

Среди угрожающе проросших метастазами процессов, на которые философы, в числе прочих специалистов, дают недостаточные ответы, выделим следующие:

- 1. Каковы конструктивные альтернативы длящейся уже более половины века пандемии общества потребления? К какому обществу нам стоит стремиться?
- 2. Как избежать рисков виртуальной экономики («экономики впечатлений», «экономики эмоций»), вытесняющей реальную экономику производства? Что относить к сфере услуг, и следует ли поощрять ее доминирование?
- 3. Уместны ли для нашей цивилизации Западные стандарты образования? Нам нужны образованные или только компетентные люди?

4. Нужно ли регулировать право на публичное мнение? Или следует и впредь поощрять в сети манифестации любого человека со всеми его, как говорил Ф. М. Достоевский, «почесываниями»?

Важен также своевременный анализ многих искушений и тенденций, которые крепнут в современном мире, но не носят пока столь универсально доминирующего или опасного характера. Среди них требуют ответа такие вопросы:

- 1. Насколько заманчивы и трагичны социальные, гуманитарные и прочие последствия перспективы продления жизни человека до сотен лет (и потенциального бессмертия), открытой развитием киберпротезирования, успехами генной инженерии и ІТ-технологиями? Постчеловек это наша судьба или свободный выбор, крест или высшее предназначение?
- 2. Чем закончатся игры в гендерный плюрализм? Трансгуманизм это стратегия, преходящее заблуждение, забава?
- 3. Заменяет ли «post-truth» понятие истины, в самом ли деле «правда выше фактов»? Какого рода услугу оказывают журналистам и политикам изящные, но иногда мрачные спекуляции философов не от мира сего, могильщиков истории и гносеологии?
- 4. В самом ли деле предметом социологии не являются ни люди, ни артефакты, а только тематизации возможных описаний общества? Суждено ли событиям и вещам раствориться в текстах, которые не подвержены никакой верификации, а лишь втянуты в нескончаемую игру интерпретаций?
- 5. Как меняется статус науки и ее картина мира? Почему общественное финансовое поощрение известных шоуменов или профессиональных спортсменов в десятки раз больше Нобелевской премии? Какого рода перемены в XXI веке ожидают философию, технику и общественную жизнь с утверждением императивов экологии, ноосферы, со становлением синергетической картины мира?

Приведенный перечень – это счет, который вправе нам, философам, предъявить общество. Он, разумеется, не претендует на полноту и строгую постановку вопросов. Перечень открыт и переменчив – сообразно новациям, которые несет с собой резко ускорившийся с XX века мощный ток культурного времени. Будет ли этот счет оплачен, достанет ли философам от мира сего мужества и проницательности в поисках ответов на непростые вызовы меняющейся реальности? На имитации ответов ресурсов почти нет. Стыдно как-то, по-детски надеяться укрыться в спасительной нише красивых и тонких спекуляций, – пустых ли, безобидных и даже иногда полезных, но весьма далеких от того, что непосредственно и действительно влияет на ход культуры и жизни людей.

#### РОЛЬ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В РАЗВИТИИ СЕМИОТИКИ РИСКА

#### В. К. Щербин

В последние годы среди исследователей, изучающих различные рискогенные явления (кризисы, опасности, вызовы, угрозы, дисбалансы, риски, ловушки, ошибки и др.), особый интерес вызывают способы символического представления этих рискогенных явлений в виде международных знаков опасности (эти знаки могут иметь значения «высокое напряжение», «купаться запрещено», «непитьевая «радиация» др.); симптомов глобального кризиса («формы дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или [1, c. 8]); апокалипсических (религиозных) (бифуркации, переходные процессы к иным режимам бытия, догмы этики и моральные заповеди, выраженные в Апокалипсисе на языке символов [2, с. 130–131]; логических символов (графем) правовой аналитики аварий, катастроф, опасностей, рисков, угроз [3, с. 27–33]) и иных знаков.

По справедливому замечанию В. В. Кима, «все, с чем имеет дело человек во всех сферах своей деятельности, так или иначе им обозначено и представлено, — в одних случаях в разнообразных образах, в других — в понятиях, но в любом случае все это осуществляется в знаковых структурах. В этих семиотических средствах представляется мир, через их посредство понятия и образы фиксируют единство, целостность и разнообразие предметного мира, в котором осуществляется человеческая деятельность. Следовательно, все, что доступно человеческому мышлению, что отражается в нем, непременно образует семиотическое поле мышления» [4, с. 384].

Иными словами, разнообразные знаки и символы позволяют обозначить и разграничить в нашем мышлении миллионы существующих предметов, процессов, явлений, а также их качеств, характеристик, свойств и иных атрибутов, делая этим самым возможным само мышление. Совокупность этих знаков и символов образует особый вид реальности — мир знаков и символов, который обозначается в специальной семиотической литературе посредством термина «знаковая реальность», имеющего следующую дефиницию: «Знаковая реальность — это исторически возникающая благодаря деятельности людей и объективно существующая совокупность знаков и знаковых систем, представляющая собой материальные формы выражения и закрепления систем идей (понятий, знаний) и средство приобретения, хранения и передачи этих идей в человеческих коллективах» [4, с. 52].

Насколько значимым для развития человеческого мышления и социального познания является мир знаков и символов, свидетельствует

следующая мысль В. М. Ивинса: «Наука и технология продвигались развитию способности прямо пропорционально вперед изобретать методы, с помощью которых феномены, известные только благодаря осязанию, слуху, вкусу и обонянию, были помещены в серию визуальных узнаваний и измерений и стали объектом логической символизации, без которых невозможны рациональная мысль и анализ» [5, с. 107]. Более того, чем сложнее становятся наука и научное познание, тем больше требуется для их нормального функционирования различных специально созданных знаков и знаковых систем (групп знаков, таких, например, как цифры и алфавит). Соответственно, растет и количество искусственных семиотик, изучающих эти специально созданные знаки и знаковые системы.

К примеру, еще «в середине прошлого века ученые испытывали эйфорию от побед на физико-математическом фронте, в которых значительная роль принадлежала быстро развивавшейся математической логике. Последняя казалась многим универсальным ключом для открывания всех еще запертых дверей на пути познания. Увы, универсальных ключей не существует. И задачи разветвленной семиотики - помогать в поиске ключей самых разнообразных конфигураций» [6, с. 165]. Именно этим обусловлено появление все новых и новых «ответвлений» семиотики политической семиотики, социальной когнитивной семиотики. визуальной семиотики. организационной семиотики, киберсемиотики и др.

Свое место в существующей системе наук о рисках (сегодня к их числу относятся кризисное обществоведение, кризисный менеджмент, кризисология, теория кризисов, синдиника, хоррорология, рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, социологическая рискология, психология риска, эвентология, рискография и др.) должно занять и такое новейшее научное направление, как семиотика риска. Во всяком случае, без помощи этого семиотического направления подобрать знаковые «ключи необходимой конфигурации», способствующие трансферу знаний между перечисленными выше науками о рисках, вряд ли получится.

Для осуществления вышеуказанного трансфера рисковых знаний более всего подходит, по мнению Григория Тульчинского, семиотика, которая «обладает колоссальным потенциалом интеграции мультидисциплинарного анализа. Прежде всего, речь идет о процессах смыслообразования и осмысления, учете как их социально-культурных контекстов, так и роли личности как источнике, средстве и результате динамики смысловых структур и культурного опыта. <...> Такие возможности заложены как в традиционных концепциях семиотического "мейнстрима", так и в концепциях, выводящих семиотику в более широкий и глубокий контекст. Экстракция содержания обозначенного круга идей

позволяет систематически представить структуру смыслового содержания социального опыта, как включающего в себя материальную форму знака, предметное и функциональное социальное значение, а также личностный смысл (эмоционально-оценочное отношение и переживание). Речь идет не просто о компонентах смыслового содержания социального опыта, а о взаимообусловленности. системе взаимосвязи И предметному и функциональному материальной знака К формы социальному значению и далее к личностному смыслу, вплоть до переживания, демонстрирует процесс усвоения социального опыта, его субъективацию, распредмечивание, понимание» [7, с. 115].

Таким образом, проведение философско-методологического анализа существующих знаков и знаковых систем, посредством которых обозначаются рискогенные явления, самым непосредственным образом способствует формированию и развитию семиотики риска.

#### Литература и источники

- 1. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.
- 2. Скурлягин, А. А. Апокалипсис в философском и естественнонаучном контексте / А. А. Скурлягин // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса. Минск.: Беларуская навука, 2017. С. 130–131.
- 3. Исаков, В. Б. Словарь правовой аналитической графики: учебное пособие / В. Б. Исаков. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 272 с.
- 4. Ким, В. В. Семиотика и научное познание: Философско-методологический анализ / В. В. Ким. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. 416 с.
- 5. Ivins, W. M. On the Rationalization of Sight. N. Y.: Plenum Press,1973. Цит. по: Латур, Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе / Б. Латкр // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 95–156.
- 6. Соломоник, А. Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности) / А. Соломоник. Минск.: МЕТ, 2004. 191 с.
- 7. Тульчинский, Г. Л. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» / Г. Л. Тульчинский // Вопросы философии. -2019. -№ 11. С. 115–125.

# ДЕСТРУКЦИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В СИМУЛЯКРЕ ИНКЛЮЗИВНОГО КАПИТАЛИЗМА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

#### Л С Яковлев

Новый виток мирового кризиса способствовал активизации внимания как экспертного сообщества, так и широких масс населения к обсуждению образов будущего. Заметный резонанс вызвали идеи

К. Шваба, высказанные в его публикациях последних двух лет и представленные в повестке дня последнего Давосского форума [1]. Общественный интерес к идеям Клауса Шваба представляется вполне естественным. Они востребованы потому, что продиктованы попыткой дать один из возможных ответов на вопрос о путях выхода из глобального социально-экономического кризиса. Глубина, явные признаки системного характера этого кризиса способствовали появлению широкого спектра объяснений его природы.

Видимо, не следует удивляться оживлению, в частности, разного последователей марксистской теории, усматривающих происходящем проявление общего кризиса капитализма, предвещающее его скорый распад. Уязвимости данного способа интерпретаций кризиса связаны с неспособностью его сторонников определить, кого они готовы считать в современных условиях революционным классом, способным выполнить роль «могильщика» буржуазии, и широко распространенным недоверием к практикам «реального социализма», в силу чего людям, считаюшим себя марксистами, сложно предъявить аудитории привлекательный образ будущего.

Что касается мэйнстрима фразеологии как официальной политики, так и обслуживающей ее публицистики, в нем предлагаются банальные интерпретации кризиса, сводящиеся к формулировке обвинений в адрес тех или иных его «виновников», чьи действия либо собственно спровоцировали кризис, либо мешают здравомыслящим элитам нейтрализовать его последствия. Наиболее очевидно, в этом плане, американо-китайское противостояние, но, по сути, практически во всех регионах идет продуктивный поиск потенциальных виновников ухудшения обстановки.

Естественно, на этом фоне написанное и сказанное К. Швабом выглядит, во всяком случае, относительно более конструктивным. В основе его позитивной программы лежит идея замены инвестиционного капитализма инклюзивным [2]. Ничего радикально нового в этой идее нет. В определенной степени, попытками ее фрагментарной практической апробации можно полагать систему пожизненного найма в Японии 50-70-х годов; в некотором смысле, определенные тенденции установления «корпоративной солидарности» в республиканских штатах США, осуществивших вытеснение профсоюзов из производственной сферы; еще более выраженно в практиках IT-корпораций, начиная с Microsoft и, наиболее явно, Google; в идеях Элтона Мейо и менеджеров Volvo рубежа 60-70х годов. При желании, можно найти параллели менее приятные для сторонников К. Шваба, вплоть до корпоративистских итальянского фашизма. Нам представляется, однако, продуктивным не углубляться в анализ истоков и логики развития идей данного типа, а реализовать содержательный подход к внутренней логике самой идеи

#### инклюзивного капитализма.

К. Шваб исходит из посылки (опять-таки, высказывавшейся еще Г. Спенсером) о неэффективности государства как инвестиций. Тезис этот, время от времени, оспаривается с разной степенью успешности. Обсуждение данной полемики не входит в нашу задачу, однако отметим, что утверждения относительно высокой эффективности планового хозяйства в СССР отнюдь не безусловны. Советская плановая система успешно решила задачи индустриализации, создания наукоемких производств (в основном, за небольшим исключением, на уровне технологий середины XX столетия). Однако, она не смогла ни создать сбалансированной экономики, в которой объемы денежной массы и потребительских товаров были бы хоть как-то приведены в соответствие, ни предложить сколько-нибудь удовлетворительную систему организации сельского хозяйства [3]. По сути, сходная ситуация имела место и при попытках сочетания элементов советской плановой системы и рыночных экономик, как в Корее, где успешным подобный опыт можно считать также лишь применительно к короткому периоду индустриализации. Что касается капиталовложений, осуществляемых государствами с рыночной экономикой, их крайне низкая эффективность не вызывает сомнений.

Из справедливости критики моделей огосударствления экономики, однако, не вытекают с логической неизбежностью доказательства истинности положения касательно высокой результативности передачи основных функций государства корпорациям. Даже если каждая из них, внутри себя, переродится, отказавшись от стремления к прибыли, как основной функции, превратившись в некую «семью», объединяющую менеджмент, работников, собственников, ЭТИМ не снимаются потенциальные противоречия каждой корпорации со своим окружением, а главное, их между собою. Заменяя непримиримое противостояние между Китаем и США на противостояние между Huawei и Apple, мы, в действительности, ничего не выигрываем: второе противоречие кажется нам более мягким, не столь масштабным по последствиям, лишь потому, что сегодня корпорации ограничены юрисдикцией государств. Но, если они присвоят себе набор государственных, в сегодняшних условиях, полномочий, по сути, по модели средневекового иммунитета, то и последствия их соперничества будут столь же масштабны, как сегодня соперничества государств.

Более трех десятков лет назад Чарльз Хэнди описывал совершенно иначе направленные тенденции развития и экономической организации, и общества. Модели «трилистника», «портфеля работ» предполагали не просто гибкие системы занятости, но и отказ от устойчивых форм организации производства, кастомизацию всех связанных с ним отношений [4]. Об основательности и прогностических возможностях

методологии Ч. Хэнди свидетельствует то, что задолго до реализации на практике схем управления через социальные платформы он сформулировал базовые принципы адекватного этим схемам менеджмента, предполагающего высокую автономность всех субъектов экономических отношений, полевые структуры их взаимодействий, окончательный отказ от корпоративизма, как наследия феодальной эпохи. Примечательно, что в существенной степени аналогичные принципы легли в основу идеологии предпринимательской модели Джека Ма.

Представляется правомерным следующий вывод. Илея «инклюзивного капитализма» отражает ту логику восприятия современной социально-экономической ситуации, в соответствии с которой кризис капитализма должен преодолеваться посредством коррекции механизмов перераспределения прибавочного продукта. Такое решение представляется частичным, противоречивым, игнорирующим как не исчерпанный еще потенциал рыночных отношений, так и социалистическую альтернативу, а главное, основанным на ложном понимании ограничений и возможностей, создаваемых для системы управления развитием информационных технологий. По сути, мы видим еще один пример подмены научного управления попытками использования науки в управлении. Подобные решения не только оказываются тупиковыми, но и усугубляют кризисные процессы. Действительное преодоление кризиса возможно только на основе научного осмысления не способов достижения поставленных существующими элитами целей, а ситуации в целом, ориентированного на поиск новых целей развития, новых форм социальной организации.

#### Литература и источники

- 1. Schwab, K. M. COVID-19: The Great Reset. / K. M. Schwab, T. Malleret. ISBN Agentur Schweiz, 2020.
- 2. Шваб, К. Технологии четвертой промышленной революции / К. Шваб. М.: БОМБОРА, 2021. 320 с.
- 3. Сафронов, А. В. Основные принципы планирования в СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://youtube/ HjJQNHceDxE. Дата доступа: 12.06.2020.
- 4. Хэнди, Ч. По ту сторону уверенности: о новом мире внутри и вокруг организаций / Ч. Хэнди // Пер. с англ. С. Жильцова. СПб.: Питер, 2002. 222 с.

# ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАКУРСЕ НОВЫХ ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

#### В. Н. Яхно

Информационно-коммуникационные технологии широко распространены в жизни современных людей во всем мире. Они

принимают различные формы: персональные компьютеры, смартфоны, интернет-технологии, искусственный интеллект, робототехника и др. На самом деле, список постоянно растет, и новые виды этих технологий находят свое предназначение в повседневной жизни. Информационные технологии используются для поиска, записи, синтеза, организации информации и, что особенно важно, для общения. Уже в начале революции в области информационных технологий многие футурологи и социологи предполагали, что грядущие изменения в информационнокоммуникационных системах усилят их возможности и роль в экономике, медицине, образовании и других областях жизнедеятельности, и это переосмысления общественных изменений, «социального контракта». Процессы компьютеризации и информатизации институты демократии, будут оспаривать такие знаковые конфиденциальность, право интеллектуальной достоверность, собственности и доступность информации. Поэтому для защиты нашего общества мы «должны сформулировать новый социальный контракт, который гарантирует каждому право на реализацию своего личного человеческого потенциала» [1, с. 71]. Однако, никто первоначально не мог знать: как часто мы должны будем обновлять «социальный контракт», ведь технико-технологические изменения оказались столь стремительными.

Электронно-цифровые технологии постоянно прогрессируют и очень быстро выходят из моды, оставляя пользователей в недоумении: многое они не успевают ни понять, ни использовать. Результатом столь активных изменений становятся психологические и этические затруднения как для обычных «юзеров», так и для представителей социально-гуманитарного знания. Сам факт того, что развитие технологий оказалось настолько заставило американское движение «Компьютерные значительным, профессионалы за социальную ответственность» утверждать, что мы должны поставить под сомнение саму этику процесса разработки новых технологий [2, с. 62]. Постоянный характер изменений информационных технологий меняет этико-аксиологическую проблематику и, в какой-то степени, способность большинства современников в полной мере «отслеживать» трансформацию моральных ценностей по мере их изменения, хотя очевидно, что это должно стать нашей обязанностью в современном технологическом мире. Серьезность ситуации была отмечена и правоведами: темпы изменений в электронных технологиях настолько быстры, что медленный и совещательный процесс юридической и политической систем остается далеко позади и, в действительности, зачастую новые технологии оказываются вне правового поля. Например, к тому времени, когда будет подготовлен и принят закон, чтобы ограничить определенную форму нарушения авторских прав, что стало возможно благодаря технологии обмена файлами, сама эта технология может устареть.

Все многообразие информационно-коммуникационных технологий условно можно подразделить на три различных группы. Все они: записывают (хранят), передают (общаются), организуют и / или синтезируют информацию. Например, книга представляет собой запись информации, телефон используется для передачи информации, а десятичная система Дьюи организует информацию. Многие электронные технологии могут выполнить более одной из вышеперечисленных функций и, самое главное, компьютер может выполнить все из них, поскольку он может быть описан как универсальная машина, так что может быть запрограммирован на соответствие любой форме информационных технологий.

Анализ этических проблем первой группы технологий в первую очередь соотносится с возможностями современной цифровой экономики. Мы живем в мире, богатом данными и технологиями для производства, записи и хранения огромных объемов этих данных (Big Data), поэтому владение информацией и контроль над ней может пониматься как форма власти, в том числе, политической. Главная нравственная проблема в данной ситуации заключается в том, что, когда мы собираем, храним и / или получаем доступ к информации, крайне важно, чтобы это было сделано справедливо и в интересах всех заинтересованных сторон. Информационные технологии заставили нас переосмыслить и понятие конфиденциальности. связанное с письмом. записками. сообщениями. книгой, газетой, то есть с рукописными и печатными технологиями. Информационно-этические ценности, которые формировались веками и базировались на праве личности на приватность, сегодня оказались неэффективными. Все эти проблемы свидетельствуют о необходимости формирования новых отраслей этики, например, информационной, компьютерной, киберэтики, которые будут способны оценить как преимущества, так и риски передачи всех видов информации с использованием современных цифровых машин.

Простой эксперимент может показать нам, что электронные технологии не могут обеспечить правдивость, точность, достоверность при предоставлении информации. Если загрузить одновременно несколько поисковых систем и ввести одинаковые условия поиска – они предоставят различные результаты, и некоторые из них будут серьезно отличаться друг от друга. Это указывает на то, что каждая из этих служб использует свой собственный (и другой) алгоритм для предоставления пользователю результатов поиска. Следовательно, не все поиски одинаково точны и правдивы, а полезность результатов будет в значительной степени зависеть от того, какой поисковый провайдер вы используете и сколько пользовательской информации передается этому поставщику. Все поиски фильтруются различными алгоритмами и только та информация, которую поисковый провайдер считает наиболее важной передается пользователю.

Поскольку эти алгоритмы являются коммерческой тайной, пользователи вынуждены доверять этому процессу фильтрации и надеяться, что эти процессы являются морально оправданными.

Как известно, впервые разработал концепцию автоматизированного синтеза информации Норберт Винер и назвал эту теорию кибернетикой. Винер пришел к выводу, что «цифровая машина» может быть разработана для сбора любой информации о мире, которую, далее, она может проанализировать, а затем осуществить определенные действия без участия человека. Ученый делает глубокие этические выводы уже в 40-50е годы XX века и фактически предсказывает революционные социальноэтические последствия развития технологий. В книге «Человеческое человеческих существ» использование ОН **утверждает**. информационно-этические вопросы еще не поздно обратить серьезное внимание и направить развитие «цифровых машин» таким образом, чтобы расширить возможности как людей, так и машин при принятии решений, имеющих моральные аспекты [3]. Конечно, Н. Винер не был специалистом в области прикладной этики и не использовал термин компьютерная этика, однако именно его можно считать ее основателем.

Таким образом, ряд рассмотренных проблем демонстрируют нам определенные моральные парадоксы информационных технологий: с одной стороны, большинство современных пользователей хотят, чтобы информация была быстро доступной и простой в использовании, дешевой, а лучше бесплатной. А с другой стороны, «юзеры» желают, чтобы приватная и значимая для них информация была безопасной, стабильной и надежной. Хотя понятно, что минимизация стоимости приводит к невозможности предоставлять безопасную и высококачественную услугу / информацию, и наоборот. Следовательно, разработчики информационных технологий постоянно сталкиваются с неудобными компромиссами и этической проблематикой.

#### Литература и источники

- 1. Войскунский, А. Е. Становление киберэтики: исторические основания и современные проблемы / А. Е. Войскунский, О. А. Дорохова // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 69–83.
- 2. Алексеева, И. Ю. Что такое компьютерная этика? / И. Ю. Алексеева, Е. Н. Шклярик // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 60–72.
- 3. Силков, С. В. Винер Норберт // История философии: Энциклопедия. Минск, 2002. 1376 с.

# КРУГЛЫЙ СТОЛ «МОРАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ В СИТУАЦИИ ВОЙНЫ: КАК ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ В НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ?»

#### КОДА: МОГУТ ЛИ ХОРОШИЕ ПАРНИ ПОБЕДИТЬ? ПЕРЕСМОТР ПАРЫ ВОПРОСОВ

#### П. Боянич

Я взял на себя смелость использовать в названии своего доклада заголовок текста Майкла Уолцера 2013 года «Кода: могут ли хорошие парни победить?» [1], опубликованном в Европейском журнале международного права.

Я хотел бы проблематизировать кратко два близких, но довольно различных вопроса, а затем наметить возможный ответ. Название нашей конференции содержит излишне усложненную формулировку «моральная субъективность», которая лишь скрывает от нас человека или солдата на войне, действующего и оценивающего собственные действия, при этом желающего оставаться моральным (хорошим, добрым человеком), несмотря на все зло и бесчеловечность вокруг него. Название нас запутывает, поскольку оно обходит сам вопрос о том, остается ли действительно кто-либо добрым на войне или после нее. Есть ли достаточное основание для обсуждения отдельного человека или всех, но индивидуально, на войне, которая сама по себе является групповой и институциональной деятельностью? Вопрос Уолцера более точен, даже если некоторые из его понятий нелегко перевести на русский: кода музыкальный термин, означающий последнюю часть произведения или завершающую мелодию (хвост, шлейф), которая может быть как заключительной дилеммой, так и добавлением к произведению. Поэтому кода у Уолцера связана с размышлением о том, может ли группа людей («парней») победить, оставаясь хорошими, добрыми? Что означает «быть добрым»? Различие в числе - человек в единственном числе, который должен оставаться добрым, и команда, группа людей, которые вместе должны оставаться добрыми, - задает различные этические установки православного и западного понимания (слово «западный» не является точным, но условно охватывает разные концепции этики войны, прежде всего иудаизма и западного христианства) этики справедливой войны. В

первом случае, некий человек, любой человек должен пережить войну и сохранить свою человечность, несмотря на ситуацию вокруг него (слово «ситуация» упомянуто дважды и указывает на очень плохое положение, абсолютно бесчеловечный контекст). Во втором случае группа людей должна прежде всего победить и единственный вопрос в том, можно ли это сделать, не нарушив правил справедливой войны или нельзя.

Понятие «победить» остается совершенно неясным протоколом (или процедурой), которая определяет сущностное различие между двумя вопросами, рассматриваемыми мною далее. Будет легко показать, почему в названии нашей конференции отсутствует это понятие, а также почему победа является главной целью для Уолцера (Будет ли неточным настаивать на том, что в основе дилеммы Уолцера лежат знаменитые слова Уинстона Черчилля, сказанные в Парламенте в 1940 году? «Какова наша цель?.... Победа, победа любой ценой, победа несмотря на весь ужас; победа, как бы ни был долог и тяжел путь к ней, ибо без победы не будет жизни» (Слово победа – виктория – происходит от латинского глагола vinco, побеждать, указывая на действительное поражение врага, а часто на его истребление или нанесение ему тяжелого ущерба. Право победы также включает в себя «полное уничтожение другого государства» (Фукидид)). Нет никаких сомнений, что дилемма Уолцера укоренена в традиции западной мысли, где победа предстает одной из форм разрешения противоположной компромиссу (Зиммель). «победоносная война является общественным идеалом» (Кауфман) («Не "добровольное сообщество свободных людей", а победоносная война является общественным идеалом: победоносная война как последнее средство для некой наивысшей цели. На войне государство раскрывает себя в своем истинном бытии, война является его которой своеобразие деятельностью, его может развернуться»). Однако, хотя понятие и не вполне прозрачно, совершенно понятно, что победа с той или иной степенью агрессии разрушает, подчиняет, исключает, совершенно маргинализирует - своего противника или Другого. С другой стороны, в контексте православной этики войны говорить о победе весьма затруднительно по многим причинам (Этимология и происхождение славянского слова «победа» оказывается первой проблемой. В словаре Фассмера «победа» – это также поражение, катастрофа, в них содержится «беда» («победа» также в значении «поражение», а «победный» – «несчастный» («победная головушка») – от «беда»...)). Самой основной будет то, что, парадоксальным образом, поражение в войне может лучше сберечь веру и религиозное бытие народа Косовский являясь Завет, истоком государственности, возник в результате военного поражения сербской армии от турецких войск, вхождение в царство небесное гораздо важнее, чем победа в войне и удержание земной власти). Далее, лишь Бог

определяет победителя, а не сила оружия или армий. Бог также часто напрямую участвует в войне, когда война проиграна, поскольку участники - неверующие (св. Иоанн Кронштадтский) (В Миссионерском письме 277 Николай Велимирович (Николай Сербский) обращается к писателю из Загреба (я исправляю русский перевод, так как там отсутствует предложение): «Вы спрашиваете, как Господь может попускать такое несчастье людям, где же благое Его учение? На бумаге. На бумаге, в руках тех, чьи злодеяния в мирное время стали причиной войны. Если бы оно было начертано в сердцах человеческих, люди жили бы в мире»). Такое фактическое отсутствие тематизации победы в войне и различных способов ее конструировать влечет за собой два важнейших следствия для применения насилия и расчета масштаба насилия. В «Науке побеждать» Суворов откровенно запрещает необоснованное убийство. поскольку солдат попросту не есть убийца («а Бог убийцам не помогает»). Интересно то, что российские и советские военачальники во многом воспроизводят довольно недвусмысленный набор православного видения оправданного насилия. На сегодня нет разницы между попыткой М. Уолцера гарантировать условия для хороших парней действительно иметь возможность окончательной победы. В заключении своего текста Уолцер пишет: «Солдаты должны учиться сражаться справедливо, а их офицеры должны знать, как это сделать наилучшим образом. Именно некомпетентность порождает жестокость. Много спонтанной жестокости бывает на войне, особенно в пылу боя, я этого не отрицаю. Но хорошо обученные и дисциплинированные войска менее жестоки, а офицеры и солдаты в них едва ли буду считать, что жестокость необходима для победы» [1, р. 442].

Мне кажется, что сам термин и институциональное закрепление так называемого «оборонительного убийства», вошедшее в употребление в последние десять лет в тексты, так или иначе связанные с теорией справедливой войны, хорошо объясняет то, как можно регулировать жестокость насильственных действий. Однако проблема заключается не столько в насилии, совершенном в состоянии аффекта («в пылу битвы»), но в хладнокровном и рациональном производстве жестокого насилия и в нарушении правил войны ради какой-либо цели (или ради победы) (Дилемма Уолцера восходит к его тексту 1973 года «The Problem of Dirty Hands», вышедшем в Philosophy & Public Affairs в 1973 году. Эта проблема на самом деле вокруг нас в повседневной жизни. Уолцер пишет: «Он хочет выиграть выборы, говорит некто, но не хочет пачкать руки». Уолцер намекает на известный вывод Макиавелли о том, что правитель или командир должен научиться «не быть добрым», поскольку в мире живет «так много недобрых людей». Это является первым условием победы и общественного успеха. Буквальный перевод: «Любой, кто пытается оставаться добрым всегда, неизбежно погибнет среди множества тех, кто не добр. Значит, государь, желающий сохранить свою власть должен научиться не быть добрым (potere essere non buono), и использовать это знание <о добром> или воздержаться от его использования по мере необходимости»; русский перевод  $\Gamma$ . Муравьевой: «желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности»).

Второе следствие от введения, или отсутствия, института победы связано с различием между индивидуальным и групповым насилием. Война не является занятием отдельных людей, более того отдельный человек редко может повлиять на исход войны. Ясное начало и цель конфликта, а также ритуал победы в конце войны, могут скрыть от наказания / от порицания тех, кто «успешно» и «эффективно» применял жестокое насилие (В тексте 1973 годы Уолцер цитирует Василия Великого: «Убийство на войне наши отцы отличали от <преступного> убийства... тем не менее возможно будет лучше, если те, чьи руки осквернены, будут воздерживаться от причастия в течение трех лет»). Не только это: победа предполагает оправдание совместного нарушения правил справедливой войны или «бесчеловечные действия» отдельных лиц, скорее даже принимает их в качестве необходимых для выживания группы в целом. Если группа победила, то есть если она все еще существует, то она никогда не может быть построена на принципах несправедливости. Победа тогда становится для группы условием того, чтобы она не распалась, и наоборот: лишь группа, продолжающая существовать после неких коллективных действий – отдельных ее членов или группы в целом (если группа в целом может быт актором), – достигает обшественного идеала победы.

Смысл дилеммы Уолцера о нечистых руках позднее преображается в гораздо более сложных протоколах крайней необходимости и асимметричной войны (Уолцер обеспокоен реальными проблемами, которые возникают перед солдатами и гражданами. Например, в 2010 году Нью-Йорк Таймс писала о солдате, который жаловался на правила ведения боя в Афганистане, особенно о сложности одержать победу. В 2015 году Уолцер в своем интервью откровенно говорит о проблеме асимметричной войны и победе: «Можно выиграть в асимметричной войне, как доказали победившие Тамильских Тигров шриланкийцы, но лишь если вы готовы истребить большое число гражданских и мир на вас не смотрит. Но вы не сможете победить, если вы пытаетесь сражаться по моральным правилам ведения боя. В этом и заключается проблема с асимметричными конфликтами»). Для нас чрезвычайно важно подчеркнуть трудность, даже невозможность строгого следования правилам в непредсказуемых конфликтах и контекстах. Однако они единственное, что у нас сегодня

есть. Я предлагаю наметить несколько вариантов ответов на первые два вопроса с самого начала: невозможно оставаться человеком участвуя в (или будучи ответственным за) ситуации за пределами гуманности; победа скрывает жестокость отдельных людей, хотя и одновременно предполагает совершение какого-то количества «злодеяний», которые она аккумулирует и архивирует; хорошие парни могут победить, поскольку злодеяния отдельных людей иногда могут иметь решающее значение для победы и для дальнейшего существования группы.

Исследование проведено при поддержке РНФ, проект № 20–18–00240.

#### Литература и источники

1. Walzer, M. Coda: Can the Good Guys Win? / M. Walzer // The European Journal of International Law. – 2013. – Vol. 24, № 1. – P. 433–444.

### АНАЛИЗ ПОВСЕДНЕВНОГО ОПЫТА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ХОДЕ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ХХ ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ

#### Г. А. Ведерников

Война в Афганистане 1979–1989, как и любой другой военный конфликт, носит противоречивый характер. Во многом это связано с причинами политическими И экономическими ввода OKCBA войск (Ограниченный контингент советских Афганистане) территорию ДРА (Демократической республики Афганистан) для подавления Апрельской революции 1978–1979 гг. [3]. Однако наша цель не относится к сфере политических мотивов противоборствующих блоков, участников Холодной войны, главным для нас будет проанализировать личный повседневный опыт, пережитый комбатантами в ходе ведения боевых действий на территории Афганистана.

Прежде всего стоит отметить, что Афганская война является наиболее крупным военным конфликтом XX века с участием контингента советской армии на территории другой страны со времен Второй мировой войны. Отношение русскоговорящей общественности к Афганской войне, которая завершилась относительно недавно, носит спорный характер и постоянно изменяется, о чем свидетельствуют опросы Левада-центра [1]. Также диаметрально противоположные оценки действий советского командования можно найти и в личных воспоминаниях участников войны в Афганистане. «Отсутствие ясного и четкого понимания целей пребывания советских войск в иностранном государстве приводило к резкому снижению морального духа личного состава контингента, что, в свою очередь, влекло за собой многочисленные нарушения закона по

отношению как к местному афганскому населению, так и к сослуживцам» [5].

Личные дневники и интервью ветеранов Афганистана позволяют рассмотреть данный военный конфликт с точки зрения вынужденных изменений тактики ведения боя и адаптации военнослужащих к непривычным погодным условиям. «Нередки упоминания об обмороках и тепловых ударах у военнослужащих, особенно недавно прибывших в Афганистан. Также дискомфорт доставляли резкие перепады температур в дневное и ночное время суток, разница температур между равнинными участками и высотами, холод зимой...» [2, с. 85].

Агрессивные климатические условия, а также неподходящее военное обмундирование послужили причиной больших потерь среди личного состава в первые годы войны. Большое количество комбатантов были убиты в результате засад и диверсионных операций моджахедов. Но не меньшее количество солдат и офицеров отравились грязной водой, заразились инфекционными заболеваниями или получили тепловой удар. «Каждый котелок и ложка, ложку никогда не отдавал, ложка, она находилась при тебе, чтобы не заболеть, помыли, не помыли, от тифа, малярии. Ложка при тебе и чай, котелок...Все время при тебе твои вещи, нет ложки, пришел, будешь голодный» [2, с. 87].

Повседневный быт военнослужащих состоял в первую очередь в рутинных процессах соблюдения гигиены и добычи воды. «Вода была важнее еды, а иногда важнее боеприпасов. Другим способом обеззараживания воды [кроме антисептика Пантоцида] стало ее кипячение с местным растением – "верблюжьей колючкой"» [2, с. 86]. Занятия по физической подготовке, стрельбы, строевая и тактическая подготовка во время «учебки» давали лишь общие представления о войне «за речкой». навыки выживания в условиях горной местности противником, который ведет диверсионную, партизанскую войну (guarrilla war), военнослужащие СССР получали непосредственно от старших товарищей «срочников», «Например, существовали негласные запреты укрываться за бронетехникой, так как она первая попадала под обстрел, предписания прятаться не за камнями, а между ними, поскольку в противном случае боец подставлял спину врагу, офицеры старались в горных условиях не носить знаков отличия и т. д.» [2, с. 89]. Интересно, что кроме знаний и навыков новобранцы получали «в наследство» и экипировку, которая была жизненно необходима в условиях Афганистана: кроссовки, панамы, разгрузочные жилеты. «Еще у нас толком не было "лифчиков" (разгрузочных жилетов) – мы брали плавательные жилеты, там такие секции с ватой в полиэтилене - вот эту фигню мы оттуда выкидывали, и запихивали туда автоматные рожки» [2, с. 90].

Военнослужащие в составе контингента постоянно находились в состоянии стресса. Совершенно иная культура, незнакомый язык и чуждая

местность держали в напряжении, не давали расслабиться даже на территории военной базы. Каждый из солдат снимал напряжение посвоему: кто-то устраивал полевой бассейн с холодной водой, кто-то разбавлял медицинский спирт, а кто-то употреблял легкие наркотики, которые в изобилии росли на территории ДРА. Также множество солдат вели личные дневники, которые позволяли мысленно изолироваться от окружающей действительности.

Война в Афганистане показала неспособность советской армии вести успешные наступательные операции в ситуации партизанской войны, однако стала примером внутренней гибкости и адаптивности военного сообщества. Ветераны Афганистана по-разному описывают последствия возвращения обычную, гражданскую жизнь. ДЛЯ экзистенциальные потрясения явились точкой невозврата: «...мы все обречены или на глупую смерть, или, на худой конец, пьянство. Еще полгода, и мы будем бросаться на те вещи, на которые раньше не обращали внимания. Наши умы просто психологически гибнут. Нет, не от перенапряжения, а от недостатка духовной пищи. Мы будем наносить ущерб на Родине, дома, если не поймем того, что являемся свободными гражданами и в прошлом – защитники своей Родины. К сожалению, этого мы, видимо, не поймем... Живешь и не знаешь, из какого угла тебя подстрелят, как утку охотник» [4]. Для других Афганистан стал отправным пунктом в формировании ценностного отношения личности к социальной и политической обстановке позднего СССР. «...многие вещи мне как гражданину, они мне не нравятся, но сделать я ничего не могу, поэтому... Что могу, то делаю, вот экземпляр сзади стоит [указал на вошедшего сына и смеется]. Они пришли заниматься в клуб, у нас [есть] военнопатриотический клуб "Рубеж" кроме "Русича" [военно-патриотического клуба]. <...> Я как пограничник, мы организовали такой клуб "Рубеж", они [молодые ребята] повырастали... пока плохого слова от них ни от кого не слышал, поэтому это тоже какой-то показатель» [6].

В целом повседневный опыт военнослужащих ОКСВА состоял в постоянной адаптации к климату, к противнику, к нововведениям военного командования. В современной российской медиасреде Афганская, как и Чеченские войны, темы если не табуированные, то явно не пользующиеся популярностью. На наш взгляд это связано с ангажированностью нынешней политической элиты, которая понимает, что в глазах ветеранов Афганской войны российская власть является приемником руководства позднего СССР.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект N 20–18–00240).

#### Литература и источники

- 1. Афганская война 1979—1989 гг. // Аналитический центр Юрия Левады «Левада-Центр» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.levada.ru/2014/02/13/afganskaya-vojna-1979—1989-gg. Дата доступа: 21.03.2021.
- 2. Гревцова, Т. Е. Повседневность Афганской войны (1979–1989 гг.) в воспоминаниях ее участников / Т. Е. Гревцова // НП/NР. 2019. № 3.
- 3. Ляховский, А. А. Трагедия и доблесть Афгана / А. А. Ляховский. М.: «Искона», 1995. 401 с.
- 4. Пахомов, Ю. В. Дневник / Ю. В. Пахомов // Афганистан болит в моей душе... Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане / Сост. П. Ткаченко. М.: Молодая Гвардия, 1990. 254 с.
- 5. Фоменко, М. В. Афганская война в восприятии участников и очевидцев (на основе интервью ветеранов боевых действий жителей тверского края) / М. В. Фоменко // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1.
- 6. Челпанова, Д. А. Воспоминания ветерана Афганской войны 1979—1989 гг.: интервью с Игорем Николаевичем Безбородых (часть I) / Д. А. Челпанова // НП/NP. 2019.  $N\!\!\!_{\odot}$  3.

#### НОРМАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ БЕЖЕНЦЕВ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

#### А. М. Давлетиина

Война в последнее время все больше включается в поле философских исследований, что подтверждается переизданием текстов о войне отечественных философов, публикацией современных работ о войне и т. д. Преимущественно, в работах наблюдается осмысление войны и насилия, а также морального оправдания или осуждения войны. Но как представляется, не менее интересным полем исследования, является рассмотрение не войны самой по себе, а поведения людей, оказавшихся в ситуации войны. При таком подходе войну можно понимать как экзистенциальную ситуацию, в которой человек оказывается перед моральным выбором.

Одним из таких ракурсов является рассмотрение индивидуального опыта «невольно» вовлеченных в войну — беженцев, которые были вынуждены покидать свои дома, оставлять часто родных и близких, спасаясь от смерти. В этом «бегстве» перед ними и теми, кто наблюдал их идущими по дороге, вставала моральная дилемма — помочь ли ближнему своему? Готов ли я забыть о своих бедах и взять ответственность за Другого?

Данный выбор всегда носил персональный характер, что подтверждается различными эго-документами – дневниками, автобиографиями и т. д. Например, А. Н. Афиногенов вспоминает о своей

встрече с беженцем из Минска и можно видеть, что последний принял для себя сложное решение: «Сидит передо мной беженец из Минска. Семью (жену и двух детей) оставил он в деревне у Березины, где сейчас идет сражение... может быть, никого из них уже нет в живых. А он вот приехал, добрался сюда в одной рубашке, и хочет ехать дальше, хочет жить. Мир ему...» [1]. Или В. Г. Малахиева-Мирович, вспоминая о своем периоде скитаний, описывает встречу с такой же беженкой как она: «"Погибаю, погибаю!" ... Она остановила меня в нашем переулке и стала излагать свое беженское "хождение по мукам". Все было как у всех беженцев — истрачены деньги, распроданы за бесценок вещи, нет крова, нет пищи. Чужой город. Я посоветовала ей обратиться в Наркомпрос. Что еще могла я сделать? Я сама беженец, чудом держащийся на гребне волны, пока Алешин отец не столкнет меня со своего утлого суденышка» [2]. Можем ли мы винить их за то, что не оказали помощи своей семье или тем, кто оказался в такой же ситуации?

В этом плане интересно обратиться к 3. Бауману: «исходным пунктом морали» для него является «ответственность за Другого», где сочетается универсальность и личная моральная ответственность. Жизнь человека по своей сути предполагает бытие с другими и отмечает неизбежное влияние каждого поступка или воздержание от него на судьбы других. Но взять или не взять ответственность за Другого зависит исключительно от личного выбора каждого отдельного человека. Как пишет 3. Бауман: «только беря ответственность, субъект (self) обращается в морального субъекта; только тогда к жизни вызывается моральный субъект. И можно быть уверенным – к жизни ненадежной. Моральный субъект рождается, когда Мitsein (бытие) возвышается до уровня Fürsein (бытия для)» [4, с. 11].

Во время Второй мировой войны принятие ответственности за Другого становится ключевым моментом морального выбора. При этом выбор осуществляется человеком персонально и более того, нельзя взять на себя ответственность и потом отказаться от нее: «Итак, это решено. Мы уезжаем. Куда? Пока неизвестно. ... События развертываются с невероятной быстротой. Что ждет нас впереди? Что сумели мы дать ребятам, вверенным нам? Они нервничают, бедняжки. Когда дошел до них слух, что мы уезжаем, все мальчики стали писать письма своим мамам. Надо собрать все свои силы, найти всю ласку, какая еще есть в усталом сердце, и отдать этим нашим теперь детям.... Все они стали ближе и роднее от сознания, что только мы можем дать им то, чего они лишены вдали от матерей. И больше всего должна это сделать я. Ведь возле меня нет никого из моих дорогих сердцу» [3].

Но возникает вопрос – в связи с чем мораль сохраняется в ситуации разрушения «человеческого»? Когда преимущественно включаются механизмы сохранения жизни – беги или умрешь – почему именно здесь

происходит обращение к нравственным принципам? Откуда появляется здесь ответственность за Другого? Конечно, в такой ситуации всегда оставалась возможность для морального, аморального или имморального выбора, в связи с тем, что человек из-за торжества насилия практически лишается возможности быть моральным. Но можно предположить, что ответственность за Другого (как любовь к ближнему) легла в основу определенной нормативной модели поведения в ситуации войны и стала определяющей в ситуации с беженцами.

Исследование проведено при поддержке РНФ, проект № 20–18–00240.

#### Литература и источники

- 1. Афиногенов, А. Н. 1—4 июля 1941 г. / А. Н. Афиногенов // Корпус личных дневников «Прожито» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://prozhito.org/ note/ 275984. Дата доступа: 20.03.2021.
- 2. Малахиева-Мирович, В. Г. 15—17 сентября 1942 г. / В. Г. Малахиева-Мирович // Корпус личных дневников «Прожито» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://prozhito.org/ note/ 255851. Дата доступа: 20.03.2021.
- 3. Мезько, К. Е. 10 октября 1941 г. / К. Е. Мезько // Корпус личных дневников «Прожито» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://prozhito.org/ note/539253. Дата доступа: 15.03.2021.
- 4. Троицкий, К. Е. Зигмунт Бауман: от критики универсализма к безграничной моральной ответственности / К. Е. Троицкий // Этическая мысль. -2019. Т. 19, № 1. С. 5-19.

#### ФИЛОСОФСКИЙ ЭСКИЗ «ЭТИКИ ПАРТИЗАНА»

#### А. Ю. Дудчик

Понятия партизана, партизанской войны, партизанского движения достаточно активно используются для описания военных и политических событий XX — первой четверти XXI вв., к ним обращаются, в первую очередь, историки, специалисты в области военного дела и проблем безопасности. Как правило, понятие партизана и производные от него рассматриваются в более общем контексте т. н. «малых войн» наряду близкими ему, но не тождественными понятиями участника герильи, террориста, представителя иррегулярных формирований [1, с. 251–254] и даже пирата и хакера [2, с. 300].

Наиболее теоретически нагруженным исследованием до сих пор остается работа немецкого теоретика К. Шмитта под названием «Теория партизана» (1963) [3], которая основывается на материале лекций, прочитанных им в 1962 г. Подзаголовок текста — «Промежуточное замечание по поводу понятия политического» указывает на связь с

предыдущими работами Шмитта, в частности, затрагивающими его известное определение политического как особой сферы, основывающейся на различии между другом и врагом. В этой работе Шмитт рассматривает исторические предпосылки партизанства как части военных действий, анализирует изменение содержания понятия партизана. По мнению Шмитта, принципиальные трансформации партизанства, выделение его из общего порядка европейских войн связаны с партизанским движением в Испании периода наполеоновских войн, что нашло свое теоретическое выражение в немецкой «философии войны» XIX в (работы Клаузевица). В ХХ в., в период массовых войн, идеологически мотивированных политических движений и процессов деколонизации, тема партизанства приобретает новую интерпретацию в работах Ленина и Мао Цзэдуна. Сам несколько ключевых выделяет аспектов современного партизана: его связь с пространством, в частности, родной землей («теллуричность»), иррегулярность, повышенная политическая вовлеченность (в современном мире часто основывающаяся на поддержке «третьей заинтересованной стороной» и общей связи с массовыми партийными движениями), повышенная мобильность ведения боевых действий (связанная с техническим прогрессом).

В XX в. в ходе процессов деколонизации партизанские движения были представлены в разных частях света, в Европе и особенно в славянских странах деятельность партизан наиболее ярко проявилась в период Второй Мировой войны, при этом к партизанам в широком смысле относят как представителей антифашистского сопротивления, так и членов других иррегулярных формирований, в том числе — антикоммунистической направленности. И хотя партизанские движения были представлены практически во всех европейских странах, наиболее широкую известность и признание в рамках послевоенных политик памяти получила деятельность советских и югославских партизан. Советский нарратив о партизанской борьбе в целом рассматривался как составная часть общего нарратива о подвиге советского народа, тем не менее, внимание уделялось и партизанским движениям в отдельных советских республиках, особая роль при этом отводилась Белорусской ССР.

Тема партизанства, образ партизана, своеобразный «партизанский миф» играет существенную роль для белорусской культуры, в силу развития партизанского движения на белорусской территории в военные годы, участия бывших партизан в послевоенной политической хозяйственной жизни, представленности партизанской тематики культуре после войны, использование «партизанской» самоидентификации («республика-партизанка», «народ-партизан»). Сама фигура партизана как значимого представителя военного пограничья предполагает специфическую ≪ЭТИКУ войны»: нормы поведения, ценностные представления, способы взаимодействия с противником и мирным населением и т. д., что предполагает дополнительное исследование.

Исследование проведено при поддержке РНФ, проект № 20–18–00240.

#### Литература и источники

- 1. Freudenberg, D. Theorie des Irregularen. Partisanen, Guerillas, und Terroristen im modernen Kleinkrieg / D. Freudenberg. Wiesbaden: VS Verlag, 2008. 468 s.
- 2. Мюнклер,  $\Gamma$ . Осколки войны. Эволюция насилия в XX и XXI веках /  $\Gamma$ . Мюнклер. М.: Кучково поле, 2018. 381 с.
- 3. Шмитт, К. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического / К. Шмитт //Теория партизана. М.: Праксис, 2007. С. 7–144.

# ЭТОС БЫВШЕГО СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ НА ФРОНТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ Н. С. ЕРОФЕЕВА)

#### Л. М. Латышев

Если в современных российских исследованиях взаимодействие Русской православной церкви с властью в годы Великой Отечественной войны является наиболее изученной темой, то взаимодействие бывших священнослужителей с солдатами в условиях плена и на фронте до сих пор представляет собой малоизученную область научного знания. Особенность взаимодействия бывшего священнослужителя с солдатами складывалась существовавшей противоречивой многом рамках государственно-конфессиональных непоследовательной конструкции отношений, направленных на подчинение Русской православной церкви политическим и идеологическим задачам Советского Союза. Научный интерес в отношении данной области актуализирован существованием в современном мире новых форм конфликтов и угроз, которые оказываются на стыке различных культур и политических повесток враждующих сторон. Для исследователей является важным не только нравственная обоснованность вступления в войну, но и этические нормы ведения войны в условиях конфронтации культур (светской и религиозной) на фронте.

В настоящем докладе изучается этос, предписания деятельности духовенства в годы Великой Отечественной войны со стороны командования и реальное поведение бывших священнослужителей [3], на поле боя в годы Отечественной войны с целью ответа на вопрос: какие задачи себе ставили бывшие священники на фронте Великой Отечественной войны в условиях атеистической идеологии войны? Для этого нами изучается случай поведения на фронте иеромонаха Анатолия, который описан в воспоминаниях Н. С. Ерофеева. При исследовании применяется методология обоснованной теории Страусс и Корбин, а также

симптомологическое чтение П. Боянича [1].

Объектом нашего исследования явпяются воспоминания Н. С. Ерофеева, предназначенные для публикации в 2005 году, но увидевшие свет после смерти автора в 2015 году [2]. Поводом для актуализации и записи воспоминаний стала эмоциональная реакция автора «Штрафбат», в сериала котором представлены значительно модернизированные и далекие от фронтовой повседневности представления о Великой Отечественной войне. В своих воспоминаниях Н. С. Ерофеев критикует кинокартину И приводит собственные наблюдения и впечатления о бывшем священнослужителе – иеромонахе Анатолии, который был репрессирован и впоследствии вместе с освобожденными заключенными прибыл на Второй Прибалтийский фронт. Данные воспоминания были опубликованы писателем В. Н. Ерофеевым без правок, но с дополнительными примечаниями.

Как указывает историк О. В. Терешина, несмотря на то, что в годы Великой отечественной войны советское руководство предложило Русской православной церкви, «прирученному оппоненту», некоторые уступки в борьбы с коллаборационизмом и достижения внешнеполитических результатов, тем не менее, негативное отношение к Русской православной церкви у командования армии и даже в среде партизан не изменялось [4]. В обращениях к мирскому духовенству, которое совершало богослужения в поселениях на линии фронта или оккупированных территориях, применялось общее агитационное клише «поп» вне зависимости от статуса священнослужителя. Историк приводит архивные данные, свидетельствующие политизированном восприятии даже мирского духовенства в среде партизан: «попу было поручено при исповеди опросить... по ряду интересующих нас вопросов... попам было поручено провести... молебны [которые] были направлены на разоблачение немецкой лжи о партизанах», хотя при этом «верующее население... начало улучшать свое отношение к партизанам...» [4]. Данное восприятие священнослужителей объяснялось идеологическими противоречиями, которые взаимодействия обычно не замечали. Например, митрополит Николай (Ярушевич) в своих речах указывал на борьбу с фашистами как иноверцами, сатанистами, а советский народ воспринимал как носителя православной культуры (например, «духом будем с вами все мы, весь наш советский народ», «будем пламенно молиться о победе нашего оружия» [4]), что противоречило официальным идеологическим установкам.

В советской армии никаких должностей военного духовенства не существовало, регулярная армия воспринималась в идеологическом концепции атеизма, без дополнительной религиозной символики и атрибутики. Религиозные проповеди воспринимались как реальная угроза единству боевой части, поскольку из-за них для дискредитации

командования могли быть использованы различные слухи и домыслы, которые препятствовали функционированию боевой единицы. Солдатам предписывалось носить уставную форму. Если проповедники и попадали в армию в чине солдата, то им воспрещалось проводить открытые проповеди и молитвенные собрания. Н. С. Ерофеев вспоминает: «Такой проповедник, скорее всего, был бы просто застрелен на месте. Даже если бы такой проповедник и не дорожил своей собственной жизнью, то он ставил бы под угрозу жизнь своих слушателей, не говоря уже о командире» [2].

Запрет на общие и тайные проповеди был обоснован негласным представлением о некотором поликонфессиональном и полинациональном единстве боевой части, и проповедь в какой бы то ни было форме, как считалось, могла это единство нарушить, усилить конфликты между бойцами.

По воспоминаниям Н. С. Ерофеева бывшие священнослужители, прошедшие годы репрессий и воевавшие на фронте отличались спокойством и замкнутостью, что, очевидно, было следствием соблюдения вышеуказанных гласных и негласных принципов поведения бывшего священнослужителя на фронте.

Бывшие священнослужителя пользовались большим авторитетом среди бойцов: солдаты обращались к ним за авторитетным решением или советом, если возникали конфликты или споры. В некоторых случаях солдаты просили бывшего священника сопровождать офицера и патронировать его, и бывший священнослужитель охотно исполнял данные просьбы, поскольку это соответствовало его пониманию миссии на поле боя: «Так вот, я был глубоко тронут, когда узнал, что мои солдаты поручили одному из бывших священнослужителей в бою неотступно находиться рядом со мной и... читать за меня молитвы» [2].

Помимо молитв о сохранении боевой части можно отметить специальные молитвы бывших священнослужителей о заступничестве высших сил и их помощи для сохранения боеспособности подразделения. В воспоминаниях Н. С. Ерофеева указано, что бывший священник после одной из таких молитв попросил командующего по окончании войны «...заказать молебен Спасителю».

Таким образом, учитывая невозможность публичных богослужений и молитв, сопровождения атаки, бывшие священники, оказавшись в рядах советской армии, вели себя таким образом, чтобы оказывать поддержку бойцам в межличностных отношениях, к которым относились и чтения специальных молитв, и сопровождение командира. Посредством данных действий бывшие священнослужители воспринимали себя на войне как источников «духовной поддержки» боевых единиц, они ставили себе задачу сохранить религиозную культуру боевой части, но данные задачи бывших священников противоречили официальным целям войны и интерпретации врага.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00240).

#### Литература и источники

- 1. Боянич, П. Насилие и мессианизм / П. Боянич. Екатеринбург М.: «Кабинетный ученый», 2018. 224 с.
- 2. Ерофеев, Н. С. Священники на фронтах Великой Отечественной / Н. С. Ерофеев [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://proza.ru/ 2015/ 11/06/2403. Дата доступа: 27.02.2021.
- 3. Оссовская, М. Рыцарь и Буржуа / М. Оссовская. М. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.-525 с.
- 4. Терешина, О. В. Православная церковь в годы Великой Отечественной войны / О. В. Терешина // Вопросы истории. 2014. Вып. 6. С. 147–159.

#### «ВОСТОРГ, КОТОРЫЙ СОЛДАТ ИСПЫТЫВАЕТ НА ВОЙНЕ»: ОДИН ЭПИЗОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 ГГ. ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОГО ВОЕННОГО ЖУРНАЛИСТА

#### А. С. Луньков

Опыт британского военного журналиста ирландского происхождение Френсиса Маккалага (Francis McCullagh, 1874–1956) по освещению Русско-японской войны 1904–1095 гг. является показательным в плане анализа дискурса, в котором выражаются эмоции и переживания автора, его индивидуальный опыт войны. Остановимся на одном из эпизодов его работы в Манчжурии – участие в так называемом «рейде Мищенко» (в отечественной литературе «набег на Инкоу»). Этот рейд бы операцией русских кавалерийский (прежде всего казачьих и горских) частей под командованием генерала П. И. Мищенко, который предполагал вторжение в глубокий тыл японской армии в Манчжурии с целью разгрома ее баз снабжения и нарушения железнодорожного сообщения на участке Ляохэ – Порт-Артур. Ф. Маккалаг был аккредитован при русской армии и пользовался определенной степенью свободы действий, часто нарушая правила работы и требования цензоров [1, с. 88].

Необходимо отметить, что в описании своего участия в «рейде Мищенко» Маккалаг пользуется несколькими дискурс-моделями, с помощью которых он стремиться донести свой опыт войны до читателя. Первая из этих моделей это «дискурс Античности». Когда автор описывает состав разнородных сил, подчиненных генералу Мищенко, он сетует, что «Когда я пытаюсь составить перечень различных сил, из которых он [отряд Мищенко — прим. А. Лунькова] состоит, я чувствую желание, подобно Гомеру, призвать дочерей Юпитера помочь мне, поскольку я сам по себе не в состоянии отдать должное столь обширному предмету» [2, р. 164].

Прямая отсылка ко второй песне «Илиады», где перечисляются все вожди ахейцев, сразу настраивает читателя на нужный лад. Так как изучение древнегреческой литературы, особенно Гомера, было обязательным в рамках европейского образования, автор одной фразой вызывает массу коннотаций: русский отряд превращается в огромное многонациональное войско, обычная кавалерийская операция приобретает масштаб эпического противостояния и т. д. В других местах описания этого похода Маккалаг прибегает к следующим элементам «дискурса Античности»: «описание сигнальных костров, которые принесли в Аргос известие о падении Трои» [2, р. 173], к казакам применимо то, «что Тацит говорил о сарматах» [2, р. 182] и т. д. Тем самым автор пытается и весьма успешно апеллировать к понятным европейскому сознанию мотивам. Перечень исторических мотивов дополняется упоминанием походов Суворова, Наполеоновских войн, походов Чингисхана и т. д., то есть всего того, что в европейском общественном мнении может ассоциироваться с русской военной угрозой.

Есть в дискурсе Ф. Маккалага и специфически британские элементы. Наверное ключевым фрагментом описания рейда Мищенко является следующий: «Когда наши сильные свежие лошади скакали под нами по бескрайней равнине, я впервые начал понимать восторг, который солдат испытывает на войне» [2, р. 174]. И далее, в качестве развития темы автор пишет: «Как времяпрепровождение, совершаемое ради самого себя. война – в том виде, что давал нам тогда старый Мищенко – оставляет далеко позади охоту на лис. В обоих случаях вам предстоит тяжелая верховая езда, свежий воздух и великолепные просторы страны; но на войне у вас острая пикантность опасности, и, даже если вы не воин, опьяняющее чувство силы, без которого поездка по стране всегда будет казаться вам салатом без уксуса, яйцом без соли» [2, р. 174–175]. Подобный дискурс романтически-аристократического восприятия войны имеет некоторые свойства психологической природы. Во-первых, ощущение силы немедленно пропадает, как только ты лишаешься коня. «Пехотный» взгляд на войну психологически принципиально иной. Пехотинец не может быстро скрыться от войны, оказавшись в боевой ситуации, он может только участвовать в ней до ее завершения. Попытки к бегству предпринять можно, но их успешность под большим вопросом. Во-вторых, подобный взгляд на войну «блокирует» восприятие ее ужасов. Полным антиподом двух приведенных выше цитат является описание Маккалагом мертвых хунхузов: «я видел только два трупа, оба трупа китайцев, одетых как хунхузы, которых мы убили во время набега Плаутина, и в них нет ничего примечательного» [2, р. 176]. В них нет ничего примечательного. Вражеский солдат становится предметом, автоматом, который может совершать какие-то действия и который ломается под напором нашей боевой силы.

Таким образом, передача личностного опыта войны структурируется некоторыми элементами дискурса, которые должны обеспечить единство восприятия и интерпретации. Отсылки к Античности должны работать на широкий круг европейских читателей, получивших классической образование в школе. Романтически-аристократический взгляд на войну как интересное времяпрепровождение ориентирован на высшие слои британского общества.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00240).

#### Литература и источники

- 1. Мамонова, Ю. О. Цензоры и военкоры в Маньчжурии в 1904—1905 гг.: трудности взаимодействия / Ю. О. Мамонова // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 86—94.
- 2. McCullagh, F. With the Cossacks. Being the Story of an Irishman who rode with the Cossacks throughout the Russo-Japanese war / F. McCullagh. London: Eveleigh Nash, 1905. 392 p.

# АРМЯНСКИЕ ВОЙСКА НА СЛУЖБЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЯ МАВРИКИЯ (582–602): ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА С ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТЬЮ

#### А. Д. Назаров

По условиям мирного договора 591 г. Византия получила от Ирана большую часть Армении. С этого момента представители армянской родовой аристократии (нахарары) были обязаны служить не иранскому шаханшаху, а другому суверену — восточноримскому правителю. Однако новая социально-политическая реальность устраивала далеко не всех нахараров, поскольку многие из них были отправлены на Балканский полуостров, находившийся вдали от их родины. Помимо депортационной политики, ситуацию усложняло то, что Маврикий стремился склонить армян к принятию Халкидонского Символа веры [1, с. 49–50].

Реакция нахараров на эти события была различной. Некоторые из них вполне успешно адаптировались к переменам, поскольку обрели существенные выгоды, сотрудничая с Восточной Римской империей. Речь идет, в частности, о семействе Мамиконянов, которое имело тесные связи с Византией и нередко поддерживало ее в конфликтах сначала с Ираном, где правили Сасаниды, а позднее с Арабским халифатом [1, с. 43, 47—50; 2].

Тем не менее известны многочисленные случаи неповиновения армян императору. Немало нахараров бежало из империи в Иран. Шаханшах Хосров II Парвиз, зная об упомянутых разногласиях, старался

переманить к себе еще большее число недовольных армян [1, с. 45–46, 61–62]. Вместе с тем У. Э. Кэги предположил, что воины, переведенные из Закавказья во Фракию, сыграли важную роль в подготовке армейского мятежа, в результате которого был свергнут Маврикий [3, р. 103].

Нужно отметить, что византийскому императору отказывались повиноваться лишь разрозненные группы аристократов. Это было связано, в том числе с феодальным характером армянского общества VI в. Различные знатные семейства соперничали за власть и влияние друг с другом, прибегая при этом к поддержке восточноримских и иранских правителей [4, р. 329–333].

Главной проблемой для нахараров, вынужденных отправиться на Балканский полуостров, была смена их социального положения. Длительное пребывание вдали от родных земель вело к разрыву или по меньшей мере угасанию прежних связей, утрате авторитета среди сородичей и, как следствие, исчезновению политического влияния. По сути, Маврикием была осуществлена попытка превращения родовой знати, положение которой основывалось на собственном происхождении, в функционеров, чьи позиции в большей мере зависели от успешной карьеры на государственной службе. Возможно также, что свобода выбирать себе собственного сюзерена воспринималась нахарарами как привилегия, а посягание на нее – как весомый повод для возмущения.

В историческом сочинении, приписываемом Себеосу, представлена армянская точка зрения на политику Маврикия, которая рассматривалась как, несомненно, враждебная. Между тем в императорской армии служили и другие чужеземцы: германцы, гунны, славяне, берберы и др. Эти группы были лишены собственного голоса в истории, и как следствие, не оставили свидетельств о перенесенных невзгодах.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00240).

#### Литература и источники

- 1. История епископа Себеоса // Пер. С. Малхасянца. Ереван: Изд-во Арм. филиала АН СССР, 1939. 184 с.
- 2. Garsoian, N. Mamikonean Family / N. Garsoian // Encyclopaedia Iranica [Electronic resource]. Mode of access: https://iranicaonline.org/ articles/mamikonean. Date of access: 12.03.2021.
- 3. Kaegi, W. E. Byzantine Military Unrest 471–843. An Interpretation / W. E. Kaegi. Amsterdam: A. M. Hakkert, 1981. 383 p.
- 4. Preiser-Kapeller, J. Aristocrats, Mercenaries, Clergymen and Refugees: Deliberate and Forced Mobility of Armenians in the Early Medieval Mediterranean (6th to 11th Century A. D.) / J. Preiser-Kapeller // Migration Histories of the Medieval Afroeurasian Transition Zone: Aspects of Mobility between Africa, Asia and Europe, 300–1500 C. E. / Ed. by J. Preiser-Kapeller, L. Reinfandt, Y. Stouraitis. Leiden Boston: Brill, 2020. P. 327–384.

### КОНЦЕПЦИЯ «ТОТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ» К. ШМИТТА И ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ «СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ»

#### И. Н. Сидоренко

В XX в. к проблематике справедливой войны обращались в своих трудах такие мыслители, как Н. Фоушин, М. Уолтцер, Дж. Джонсон, Х. Маргентау, К. Уолтц, и др.. Наиболее целостно-обобщенный подход представлен в исследовании норвежского теоретика войны Хенрика Сисе «Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах» [1]. Исходя из реалистической трактовки права войны, Х. Сисе отметил в качестве «справедливой войны» меру нравственности субъектов вооруженного противоборства. Так, нравственность является критерием возможности начинать и вести военные действия. Это порождает стремление наложить практику на использования военной силы нравственно-правовые ограничения.

Выделяются две группы этико-правовых принципов «справедливой войны»: jus ad bellum (право на войну), т. е. обоснованное начало войны; jus in bello (военное право, право войны) - справедливое ведение войны. Суть принципов jus ad bellum сводится к следующему: 1) у войны должны быть справедливые мотивы, а ее цель могла бы быть оправдана с точки зрения морали; 2) война должна вестись в соответствии с установленной справедливой целью; 3) войну может объявлять только легитимная власть; 4) война должна быть последним средством в разрешении поставленной задачи; 5) она не может быть начата в отсутствии разумных шансов на успех; 6) предполагаемое бремя войны должно быть адекватным практическим целям. Принципы jus in bello в современной теории справедливой войны трактуются как наиболее приемлемые в плане морально правомерных определения во время войны противоборствующих сторон. Х. Сисе отмечал, что одни войны безнравственны и поэтому недопустимы, другие же могут быть оправданы с моральной точки зрения. Поэтому, исходя из этих принципов, возможно определить, когда правомерно прибегать к войне и что сделает ее справедливой.

Итак, в современной теории «справедливой войны» анализируются критерии этико-правовой легитимности применения военных средств при решении конфликтов, а также морально-правовые аспекты действий. Несмотря на то, что идея и концепция справедливой войны имеет свою историю, а ее принципы получили закрепление в международных документов, принятых после Второй мировой войны, этическая составляющая справедливого вооруженного противоборства неочевидна, тем более что ни в одной войне принципы справедливого военного противостояния полностью не исполнялись и не могут исполниться.

Однако смысл данной концепции состоит в том, что она позволяет осмыслить, рационализировать и нормировать ограничения военных действий и определить четкие критерии как нравственной, так и правовой оценок войны как явления, находящегося вне пространства нравственности и права.

Целесообразно подчеркнуть языковую проблему трактовки: концепт bellum justum в традиции русского языка переводится как «справедливая война», а в традиции английского – как «законная война». При этом важно отметить, что Х. Сисе, говоря о нравственности, предполагает правовые основания нравственных действий. Русский перевод не раскрывает этой связи понятий «справедливости» и «законности». Более того, этическая составляющая понятия «справедливость» для мировоззрения человека, сформированного в русскоязычном пространстве более значима, чем его правовая составляющая. В силу этого, суть проблемы может быть выражена следующим образом: в англоязычной традиции определение войны как справедливой не предполагает ее нравственной составляющей, в русскоязычной традиции такая война оказывается неприемлемой с позиции морали и нравственности, а, значит, не может быть в принципе оценена как справедливая. На основании этого полагаем правомерным рассматривать современные концепции «справедливой войны» как амбивалентные пространстве проблематики трансформации «справедливой войны» в «тотальную». Для подтверждения этого тезиса обратимся к анализу концепции К. Шмитта.

Итак, совершенно противоположную точку зрения высказывал К. Шмитт [2; 3]. Он проводил различие между регулярной войной, которая регламентируется и ограничивается как концепцией «справедливой войны», так и международным правом, и современной «справедливой войной», которая становится иррегулярной и, будучи реализуема в «серых зонах» современного глобализирующегося мира, выводится как из сферы морали, так и из сферы права и политики. Разрабатывая свою политическую концепцию «враждебности», К. Шмитт настаивал необходимости рассматривать врага политически, т. е. видеть в нем противника, а не преступника, так как только с противником можно заключить мир, а значит, ограничить войну. Следовательно, включение врага в политическую сферу делает возможным взаимное признание друг друга, что выступает условием возможности мира. «Оформленная» война на принципах jus ad bellum и jus ad bello может быть определена как справедливая только при условии определения врага как справедливого, включенного в сферу политических отношений. Основными характеристиками этой войны также являются симметричность и «оформленная» регулярность. Другими словами, война урегулированным столкновением суверенных и формально равных государств; она содержит естественное ограничение: политическое

принятие врага, что, по мысли К. Шмитта, не позволяет ей перерасти в тотальную войну как слепое взаимоуничтожение.

Однако такая война осталась в XIX в. Как отмечал К. Шмитт, после подписания Версальского договора «оформленная» или традиционная война, к которой до определенной степени была применима оценка «справедливая», уже невозможна. На смену ей пришла новая война, врага как равноправного субъекта политических. международных отношений: отныне тот, кто объявляет войну, считается виновным. Последствия этого, с точки зрения мыслителя, катастрофичны, так как война превращается в борьбу добра со злом, которая развертывается между теми, кто присваивает себе право судить, и теми, кто оказывается подсудимым. Постепенно с начала XX в. война покидает сферу политического. Именно поэтому современную справедливую войну К. Шмитт характеризовал как антиполитичную, а в соответствующих концепциях видел дискриминационную сущность войны, позволяющую применять против «неверных» любые средства. «Современная теория справедливой войны стремится именно к дискриминации противника, ведущего несправедливую войну. Сама война становится преступлением в уголовном значении этого слова. Агрессор объявляется преступником в самом что ни на есть уголовном смысле слова; он становится таким же outlaw, как и пират» [2, с. 135]. Такое отношение к врагу приводит к его криминализации. Согласно замечанию французского А. де Бенуа, объявление врага преступником приводит политическому отрицанию, лишает его статуса политического субъекта. Оказавшись вне поля политических отношений, враг определяется как опасное по своей природе существо, не имеющее право на отстаивание своих идей. Учитывая, что современные формы борьбы ведутся во имя абсолютной идеи, чего-то, что обладает абсолютным значением, можно отметить, что враг в такой борьбе обесценивается, другими словами превращается в нечто-то такое же абсолютное, но с отрицательным знаком [4, р. 40–41].

Следовательно, ограниченная война преобразуется в войну тотальную, а враг, признанный преступником, становится тотальным врагом. Именно поэтому современную войну нового типа К. Шмитт описывал как бесчеловечную. Криминализация врага делает из него бесчеловечное чудовище, которое недостаточно победить, его необходимо уничтожить. Исходя из этого, современную войну правомерно определить как «перевертыш» справедливости: она претендует на справедливость, имея своей целью наказание врага как преступника [5, с. 138]. Таким образом, справедливость этой войны не имеет ничего общего с основными установками справедливости, предложенными в средневековой концепции. Критерий справедливости теперь иной – это универсальные понятия, идеи, обладающие абсолютной ценностью (например, такие как «человечество»,

«свобода» и т. д.). Поэтому, если война ведется во имя человечества, она неизбежно становится «справедливой». Именно такая расстановка акцентов порождает иллюзию «вечного мира», который может превратиться в бесконечную войну.

#### Литература и источники

- 1. Сисе, X. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах / Хенрик Сисе. М.: Издательство «Весь мир», 2007. 176 с.
- 2. Шмитт, К. Номос Земли в праве народов / Карл Шмитт // Пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринц; под ред. Д. Кузницына. СПб.: «Владимир Даль», 2008.-562 с.
- 3. Шмитт, К. Политическая теология. Сборник / Карл Шмитт. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000.-336 с.
- 4. Benoist, de A. Carl Schmitt Today: Terrorism, «Just» War, and the State of Emergency / Alain de Benoist. London: Arktos, 2013. 108 p.
- 5. Сидоренко, И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту / И. Н. Сидоренко. Минск: БГУ, 2017. 175 с.

#### ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И МОДЕРН: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ТЕХНИКИ И ЕЕ ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

#### Д. М. Султанов

Повседневность как модус существования человека — одна из центральных тем, произведшая заметный парадигмальный сдвиг в социальных и гуманитарных дисциплинах. Прежде всего, это касается философии, социологии и истории, самым существенным образом повлияло на развитие философской антропологии. Содержательно этот парадигмальный сдвиг означает значительное смещение акцентов в исследовании социального взаимодействия.

Во-первых, посредством тематизации повседневности социальные и гуманитарные дисциплины при описании поступков индивидов стремятся, в первую очередь, отталкиваться от понимания смысла поступков как он интерпретируется самими индивидами. Далеко не всегда такого рода самоинтепретация поступков индивидов дается виде артикулированной саморефлексии, поэтому вскрытие «смыслового центра» поступков индивидов требует от ученого изрядной доли изобретательности.

Во-вторых, существование человека в повседневности в качестве демонстрирует определенную проблематичность описания характера его агентности. Иными словами, всегда возможно описание социального действия человека через психологическое, экономическое, классовое, политическое (на уровне гражданина государства) и ряда других

истолкований поступков индивида. Любой из взятых в качестве примера способов интерпретации действия индивида предполагает а) вторичность других (например, прежде всего поступки индивида мотивированы его психологией и уже потом национальной, классовой, гражданской принадлежностями) и b) постоянство человека в этом качестве (психология человека неизменна и поэтому такое истолкование его поступков всегда будет релевантным). Однако, для пропонентов и первооткрывателей повседневности каждая такая интерпретация неизбежно демонстрирует свою однобокость.

Иначе говоря, повседневность демонстрирует, что все эти способы описания поступков индивида всегда существуют одновременно и поскольку они существуют дополняют друг друга. Кроме того, одновременно, индивид способен переключаться между Действительность социального взаимодействия таком оказывается многослойной, а смысловые центры и способы интерпретации пересечении. ИΧ содержания оказываются В сложно взаимном Соответственно, индивид оказывается не раз и навсегда установленным в каком бы то ни было качестве, а скорее через воспроизведение действий он каждый раз заново устанавливает характер собственной идентичности.

Первенство тематизации повседневности принадлежит феноменологической традиции в европейской философии. Для нас это значит, что результаты довольно трудоемкой феноменологической работы по прояснению очевидности самого очевидного могут казаться (что для восприятия феноменологии неизбежно) суждениями самыми банальными. Потому при обращении к повседневности предпочтительно держаться некоторых простых феноменологических наблюдений, о чем, в частности, говорит М. Хайдеггер. В определенном смысле, феноменологическая интерпретация стремится отличать «повседневное» от «тривиального», «примитивного» [1, с. 161]. Такого рода уточнения делаются постольку, поскольку исследования повседневности военного конфликта [2, с. 192] на наш взгляд содержат некоторые допущения, которые нуждаются в определенном прояснении.

Прежде всего, тематизация повседневности хронологически совпадает с определенным этапом развития модерного общества: в нем преобладает капиталистическое производство, которому сопутствует техническая рациональность. Общества становятся вертикальными», в силу чего действие индивида в обществе с обилием горизонтальных связей (одна из характеристик модерного общества) руководствуется истолкованием собственных действий (один из ведущих исследовании повседневности). А. Шюп – действующее лицо, ответственное 3a введение сопиологию феноменологических методов исследования – называет работу тем, благодаря чему индивид повседневной актуализирует В жизни

собственные ценностные установки и каждый раз организует их сообразно степени их релевантности в данный конкретный момент [3, с. 406].

Мировая война 1914—1918 гг. явила собой первый пример тотальной войны, в которой целые государства, дабы адекватно отвечать масштабам конфликта вынуждено проходили через масштабную мобилизацию материальных и человеческих ресурсов. Поскольку Первая мировая война стала беспрецедентным событием в истории, явившем масштабы «технизации» государств Европы, в результате чего военные действия становились рутинными в такой же степени, в какой рутинным оказывалось, например, фабричное производство [4, с. 96].

Рутинизация убийства в качестве «работы» оказывается способом загладить чувство собственной вины, дать участнику войны оправдание собственных действий в ходе вооруженного конфликта [4, с. 228]. Иными словами, работа как способ актуализации индивидом собственных ценностных установок протекает в виде освоения чисто технических действий. И именно здесь коренится совершенно определенная проблема. На поверхности может показаться, что повседневность совершенно нивелирует моральный аспект существования человека. Действительно, полагая, что мы всегда «рассеяны» в нашем повседневном существовании и руководимы всегда по-разному организующимися мотивами, трудно не придти к выводу, что вопрос об этических установках теряет свою значимость. Более того, поскольку повседневным могут считаться даже травмирующие реалии военного конфликта, вопрос об этическом измерении повседневности становится все более насущным. Феноменологическое оставляет истолкование повседневности возможность для разговора об этике, коль скоро «работа» делает возможным «... открытое существование в отношении к универсальному горизонту всемирности существования всех разумных существ» [5, с. 24], но в таком случае реалии военного конфликта нельзя назвать повседневностью в феноменологическом смысле.

Ответ на данное затруднение зависит от того, каким образом в работе как фокусирующем действии повседневности представлены другие индивиды, в связи с чем предлагается оценка интерсубъективного измерения (в котором, собственно, и возникает возможность говорить об повседневности рутинизированной И его преломления образом технический характер деятельности, a также – каким повседневности влияет на представление о других индивидах.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20–18–00240).

#### Литература и источники

1. Хайдеггер, М. Пролегомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер. – Томск: Издательство «Водолей», 1998. – 384 с.

- 2. Сенявская, Е. С. Окопный быт Первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности / Е. С. Сенявская М.: ООО «Учитель», 2014. 219 с.
- 3. Шюц, А. Избранное: мир, светящийся смыслом / А. Шюц М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
- 4. Людтке, А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с.
- 5. Мухутдинов, О. М. «Кант и Гегель, мнимое право и "мир наизнанку"» / О. М. Мухутдинов // Кантовский сборник. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2016. № 3 (57).

### СМЕРТЬ НА ВОЙНЕ: ПРОБЛЕМА ПЕРСОНАЛЬНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ОПРАВЛАНИЯ

#### Е. С. Черепанова

Событие войны является для всех его участников тяжелым испытанием, требующем мобилизации всех физических и духовных сил, так как смерть входит в круг жизненных обстоятельств каждого. Война актуализирует проблемы оправдания убийства врага, соразмерности жертвы для победы, и другие вопросы, ответы на которые вынуждены искать все участники военных событий.

В рамках православной культуры сформировалась определенная практика толкования этих нравственных проблем, позволяющая понять, какие аргументы могут быть использованы человеком в персональном осмыслении опыта войны. При этом стоит отметить, что смерть в мирной реальности понимается как естественное завершение земной жизни, срок которой определен Богом. Жизнь представляется дорогой / путем, длина которого не известна, как и скорость, с которой пройдет этот путь живущий. Василий Великий, к примеру, приводит именно этот образ в смерти, называя живущего рассуждениях 0 «путешественником». «Помышляй, что те, которые в сей разлучаются сопряжены. потом смертию подобны И путешественникам, по одному и тому же идущем пути; а для беспрерывного между собой разглаголствия неким, как бы знакомством соединенным» [3]. Предполагается, что человек должен быть всегда готов предстать перед Богом, и лучше бы накануне смерти человек имел возможность совершить таинства покаяния и причастия. желанный образ смерти, который дается В словах молитвы безболезненная, не постыдная и мирная кончина. Это дополняется, репрезентированным в культуре образом «правильного» последнего дня: достигший глубокой старости человек умирает в кругу семьи, дома.

Какие доводы служат оправданием смерти во время военных

событий? Во-первых, самым значимым аргументом является статус войны. Оправданной считается защита самого важного для православного христианина – защита веры, что трактуется как борьба со злом, с дьяволом [1]. «По евангельски ведется война против войны, против греха, против диавола. "Наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы века сего" (Еф 6, 12)». Надо отметить, что в российской практике оправдания войны аргумент защиты православной веры дополняется идеей православного Отечества, православной земли и воплощается в концепте «христолюбивого воинства».

Во-вторых, смерть за веру почетна, достойна. Это должно утешать и того, кто воюет, и его близких. И поэтому страх смерти может быть преодолен искренней верой, которая на войне раскроется в человеке с новой силой.

В-третьих, оправданным является и насилие / убийство, если к нему пришлось прибегнуть для защиты веры. В этом случае, как правило, обсуждается трактовка заповеди «Не убий!». «Не позволительно убивать; но убивать врагов на войне — законно, и похвалы достойно. Так великих почестей сподобляются доблестные в брани, и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходные деяния» [2, с. 368].

При всем многообразии и сложности толкований указанные аргументы сохраняли свою значимость и воспроизводились в том числе и в российской государственной идеологии, в военных лозунгах и уставах. К настоящему времени опубликовано значительный объем архивных материалов, в том числе всего писем, позволяющих представить, как личное отношение к событием войны соотносилось с имеющимися в культуре практиками ее морального оправдания.

Так, к примеру, в письмах участников русско-японской войны 1904—1905 года можно видеть, что солдаты и офицеры, как правило, воспроизводят типичный для того времени образ воинского служения — защищать Отечество, служить царю и надеяться на Бога. «На то мы и рождены, чтобы служить государю и защищать родную свою землю» — пишет оренбургский казак А. А. Маслов [4, с. 275]. Отечество, вера, государь — это то, что оправдывает войну и ее тяготы. Близость смерти переживается тяжело, но принимается как неизбежность войны: «каждую минуту ждешь смерти, прилетит какая-нибудь дура и век, значит закончился. Но на все Господь, все упование возлагаешь на Бога» [4, с. 278]. В пространных письмах младшего офицера Д. И. Дарагана, много рассуждений об ошибках военной кампании, но виноваты в них «не царь и не единодержавие» [4, с. 554], царь и Бог для него — однопорядковые ценности [4, с. 551], относительно которых происходит оценка своих поступков.

Вместе с тем имеется также и ряд сложных нравственных вопросов,

на которые у авторов писем нет готовых идеологем, так что приходится вырабатывать собственные моральные аргументы. Напрасные жертвы, позор поражения рассматриваются как в личном, так и в национальном масштабе. «Мы воевать не умеем, не любим, не говоря уже о недостатках. Мы потеряли в этом отношении, по-моему, все азиатское, тогда как японцы зверски по натуре и хорошо усвоили новейшие военные хитрости. Мы, воюя, обманываем себя. Я не могу убить человека, но я стараюсь лучше помочь комендору выстрелить и причинить тот ужас, от которого содрогаюсь на собственном корабле» [4, с. 554].

Что поддерживает этого офицера в его рефлексии о происшедшем? Главным аргументом становится культурное различие в отношении к смерти между русскими и японцами – «У нас лучше. Мы топим судно, а людей готовы спасать, а там (выше шла речь о японской армии прим. Е. С. Черепановой) вся цель – избивать людей» [4, с. 551]. То есть из этого текста следует, что в качестве оправдания убийства выбирается принцип меньшего зла – коль скоро на войне приходится убивать, то нельзя убивать напрасно. Утешением становится указанная градация злодеяния, а также тот факт, то русские уже не такие азиаты, что русские лучше: мы вынуждены убивать, но не хотим, они стремятся убивать. В числе тем, которые вызывают у автора письма необходимость моральной рефлексии также проблема применения современного оружия, которое приводит к массовой гибели воюющих, вопрос об ответственности офицеров и государства, духовная цена победы.

Очевидно, что такого рода документы позволяют ввести в круг анализ этики войны новые прецеденты и выявить персональные моральные стратегии участников военных действий. Иначе говоря, можно видеть, каким образом религиозные аргументы «работают» в ситуациях морального выбора и в рефлексии по поводу его результатов.

Исследование проведено при поддержке РНФ, проект № 20–18–00240.

#### Литература и источники

- 1. Архимандрит Иустин (Попович). Толкование на Евангелие от Матфея (главы 16–25, 27–28).
- 2. Афанасий Великий. Послание к Аммуну монаху / Афанасий Великий // Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великаго, архиепископа Александрийскаго. Изд. 2-е, испр. и доп. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра собственная тип., 1902 1903. 524 с.
- 3. Василий Великий. О смерти / Василий Великий // Нравственные слова [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/ otechnik/ Vasilij\_Velikij/ nravstvennye-slova/#0\_11. Дата доступа: 15.03.2021.
- 4. XX век: письма войны: [антология военной корреспонденции] // Под ред. Сергея Ушакина и Алексея Голубева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 839 с.

#### КРУГЛЫЙ СТОЛ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ ПРОБЛЕМ И ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА»

#### НАСЫЩЕННОСТЬ ФАТАЛЬНОСТИ ИЛИ ФАТАЛЬНОСТЬ НАСЫЩЕННОСТИ

#### А. П. Занина

Основоположник феноменологического движения Э. Гуссерль [1] призвал обратиться «назад к самим вещам», коими оказываются феномены без учета предположений об их реальности (редукция). При всей многообразности понятия «феномен», его толкование начинается с самого обыденного значения: как явления, которое постигается человеком посредством чувственного восприятия. Длительная история вопроса о том, что является феноменом, насколько он тождественен чувственному переживанию, имеет, прежде всего, целью понимание отношение феномена или явления и являемого, сущности — открывает ли он ее, равен ли он ей, коррелятивны ли они, и скрывается ли за феноменом что-либо. Дофеноменологическая философия предполагала, что такие переживания помогают приблизиться к сущности самих вещей, к тому, что помогает познавать природу или мир, как если бы они существовали независимо от познающего субъекта.

Со временем феноменология перерастает классическую модель, заданную Гуссерлем и дополненную М. Хайдеггером. сосредотачиваются Э. Левинаса. феноменологи на исследовании феноменальности как таковой, которая была ограничена условностями в гуссерлевской феноменологии. Также приобретает соответствующие изменения феномен. В предложенном Хайдеггером в §7 «Бытия и времени» [2] определении феномена Ж.-Л. Марион усматривает различие в степени данности самого феномена. Благодаря этому, наименование получила та группа феноменов, которая выходила за рамки классической феноменологической модели: «сверх-данные» или «насыщенные» [3] феномены характеризуются избытком собственной данности, их горизонт представляется возможным в полной степени интенсивность схватывает субъекта, застигая его врасплох, и превосходит границы единственного смысла. К таким феноменам относится событие как явление, не соотносимое с каким-либо деятелем. Сталкиваясь с насыщенным феноменом, конституирующий субъект претерпевает над собой воздействие и утрачивает положение инициатора активности в происходящем с ним, оказываясь лишь претерпевающим, над которым совершается действие (См. также: [4] и [5]).

Помимо своего поглощающего воздействия на субъекта, особенность события заключается в его частичном предвосхищении и том, что воспоминание о событии частично воспроизводит опыт события (пример: психологически травмирующий опыт и ретравматизация от неконтролируемого напоминания). Насыщенность события продолжили рассматривать А. Мальдине [6] и К. Романо [7]. Всякий раз анализ в постфеноменологии показывал, что феномен предоставляет возможность субъекту себя увидеть, а не наоборот, и событие своей одновременной историчностью и внеисторичностью тем более открывает субъекту его, субъекта, историческое существование, ткет его исторический нарратив, иначе понимаемый как судьба.

Противоречивая связь события с историей возникает при каждой попытке репрезентации самого события, что воздействует на хронологию последовательности истории. Находясь в каждом временном моменте как в прошедшем, в настоящем, так и в будущем, одно событие способно затмить другое, исходя из степени значимости, которая открывается во время предвосхищения или припоминания. Помимо этого существуют так называемые «чистые исторические события» [3, с. 98], которые являются неповторимыми и оказываются непредвиденными. В рамках такого события субъект фактически понимается самим событием. Отсюда возникает вопрос о фатальности события и о ее возможном отношении к истории в целом. По-разному развивавшиеся (у стоиков как «фатум» [8], у Б. Спинозы [9] в виде «необходимости» или у Ф. Ницше [10] с его «вечным возвращением» в цикличности бытия, бесконечного по времени, но ограниченного во множестве своих элементов), понятия фатальности, судьбы, предопределенности (очевидно, отличные, но смежные по значению), сошли на обочину современного философского дискурса, как термины утратили самостоятельное регулярное употребление и остались частью словника энциклопедий. И «насыщенность» события как феномена позволяет заново обратиться к фатальности и ее переживанию: сверхфеномена предполагает неопределенность, его непредсказуемость и неотвратимость - как в прошлом, как переживание сейчас того, чего уже нет, так и в будущем, где попытка предугадывания судьбоносного события не отменяет ни его неопределенности как избыточного по отношению к интенции, ни его непредсказуемости в его «как», его качественного отношения от первого лица по отношению к субъекту, ни переживания его неотвратимости. Итак, насыщенные

феномены невозможны и непонятны, где возможность значит предсказуемость, а значит фатальность не должна считаться феноменально насыщенной, но переживание фатальности вполне соответствует характеристике насыщенности, согласно Мариону: «недосягаемый по количеству, невыносимый по качеству, абсолютный по отношению, неусматриваемый по модальности» [11, р. 280] (Цит. по: [12, с. 96]). В докладе мы представляем основания для феноменологического анализа фатальности с применением аппарата пост-феноменологии.

#### Литература и источники

- 1. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль // Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
- 2. Хайдеггер, М. Бытие и Время / М. Хайдеггер // Пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
- 3. Марион, Ж.-Л. Насыщенный феномен / Ж.-Л. Марион // (Пост) феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М.: Гаудеамус; Академический проект, 2014. С. 63—99.
- 4. Ямпольская, А. В. Жан-Люк Марион и редукция к данности / А. В. Ямпольская // Философские науки. 2013. № 2. С. 100–114.
- 5. Ямпольская, А. В. Искусство феноменологии / А. В. Ямпольская. М.: РИПОЛ классик, 2018. 342 с.
- 6. Мальдине, А. О сверхстрастности / А. Мальдине // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М.: Гаудеамус; Академический проект, 2014. С. 151–204.
- 7. Романо, К. Авантюра времени / К. Романо. М.: Рипол-классик, 2017. 221 с.
- 8. Сенека, Л. А. Нравственные письма к Луцилию / Л. А. Сенека. М.: Наука, 1977. 384 с.
- 9. Спиноза, Б. Богословско-политический трактат / Б. Спиноза // Избранные произведения. Т. 2. М.: Государственное издательство Политической литературы, 1957. 633 с.
- 10. Ницше, Ф. Веселая наука / Ф. Ницше // Полное собрание сочинений. Т. 3. М.: Культурная революция, 2014. 641 с.
- 11. Marion, J.-L. Etant donné. Essai d'une phénoménologie de la donation / J.-L. Marion. Paris: PUF, 1997. 452 p.
- 12. Карро, В. Современная французская феноменология / В. Карро // Философские науки. 2011. N 3. С. 89—96.

#### СОВРЕМЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА И КРИЗИСА ТРУДА

#### О. Г. Нестеров

Доклад посвящен анализу кризиса капитализма и кризиса труда в философии западных мыслителей. Исследование обращается к работам таких авторов, как Зигмунд Бауман, Гай Стэндинг, Ник Срничек, Алекс Уильямс, Андре Горц, Ульрих Бек, и другие. Результаты проведенного анализа показали, что в западном понимании сути упомянутых кризисов существуют значительные упущения, последствия которых могут оказать влияние на политические и экономические решения сторонников исследуемых мыслителей. Так же, сформулирована основная проблема и намечены очертания путей решения современных кризиса капитализма и кризиса труда, с точки зрения автора.

Кризис капитализма и кризис труда в понимании западных мыслителей

Все чаще говоря о кризисе труда, современные авторы акцентируют внимание на форме трудовой организации, на политических аспектах, на отсутствии института, способного произвести переход к пост-капитализма, на социологических и статистических наблюдениях, на материальной составляющий жизни людей, однако все реже говорят об обществе, ценностях, смыслах, и о человеке, которые в действительности и отражают полноту кризиса капитализма и кризиса труда. В частности, все исследуемые авторы, размышляя о кризисах капитализма и труда, рассматривали их как будто через поляризованные очки. В работах перечисленных авторов словно нет дискурса о человеке, хотя о нем-то, собственно, и должна идти речь в первую очередь, при обсуждении общественных кризисов. В основу человеческого существования, смысла жизни или условий существования, мыслители ставят стабильность заработка, правовую защищенность работы, уверенность в завтрашнем дне, материальный базис, и такое чувство, что в последнюю очередь счастье. Как будто оно зависит только от наличия «гроша в кармане» (Гай Стэндинг [6], Ульрих Бек [3], Зигмунд Бауман [2]). Авторы не пишут об этом явно, но их критика современности, выраженная в нападках на гибкие формы труда, переменный заработок, фриланс, удаленный формат работы, и т. д., очевидно, указывает на это. Зигмунд Бауман пишет, что индивидуализированный человек, то есть человек, поставленный в условия, в которых он предоставлен самому себе, несет ответственность за успехи и неудачи, не всегда зависящие от него, не является личностью [2]. Я частично согласен с ним. Однако, это является не оттенком заката, как он полагает, а может быть первым лучом рассвета, который, в общем-то, может быть скрыт последующими тучами при неблагоприятном развитии

истории.

#### Отчуждаемый и отчужденный труд

Суть кризиса труда лежит не в возрастающей гибкости форм его как полагает Гай Стэндинг [6], И глобализирующейся автоматизации, как считают ряд мыслителей (Андре Горц [4], Ник Срничек [5]), и не в вынужденной индивидуализации (Зигмунд Бауман [2]). Суть кризиса труда, подобно ХХму веку, изначально коренится в отчуждении человека трудом, хотя в XXI веке это отчуждение и принимает иной характер – характер безразличного забвения даже в той деятельности, которая обусловлена только не стандартными повторяющимися операциями.

Ближе всего к моему пониманию кризиса оказывается Андре Горц, описывающий кризис нематериального труда, а именно идею отчуждения знания до стандартизированных коммерциализируемых форм, то есть до форм, которые можно легко распространить / передать и продать [4]. Формализация знания, точно так же, как и стандартизация труда, ведет к отчуждению человека, к его забвению. Под забвением я понимаю утрату ощущения времени. Под отчуждением понимается посвящение времени чему-либо тому, чему при иных условиях, при желании, можно было бы его не посвящать, или, иначе говоря, и проще - тому, что нежелательно, но необходимо. Как мы знаем из труда Ханны Аренд «Vita activa, или о деятельной жизни», работа из необходимости характеризовала рабов и многих работников всех времен [1], таким образом, можно предположить, что рабство просто изменило форму своего существования и воплощения. Теряя счет времени, мы забываемся и впадаем в забвение, и вместе с этим отчуждаемся от жизни. Формализованные знания лишаются своей креативности, они приобретают характер продукта, который можно дублировать и передать / продать, о чем и пишет Андре Горц [4]. Интеллектуальный труд или «нематериальный» труд может принимать, как минимум, две различные формы: «креативный» интеллектуальный труд и «формальный» интеллектуальный труд. Тем не менее, и тот и другой могут носить характер отчуждения, поскольку оно зависит в первую очередь не от сути труда, хотя и этого тоже, но в меньшей степени, а от желания и выбора индивида, и условий, которые их сопровождают. Креативный плодотворный труд может приносить радость от создания, в то время как отчужденный труд его не приносит, а скорее развивает апатию и безразличие.

В сущности, любая деятельность может быть забвенной, т. е. отчуждающей от жизни, и отчужденной. Отчуждение труда происходит тогда, когда рабочий отрывается от предмета своего труда, отчуждение же от жизни наступает посредством одновременного присутствия в деятельности необходимости и нежелательности, а забвение вследствие вовлеченности или апатии / безразличия. Забвение обязательная составная

часть отчуждения от жизни. Рабочий у станка, ІТ-менеджер или кто-либо другой может следовать нескольким тактикам проведения рабочего дня: например, кто-то может работать активно беспамятно с полной отдачей «от звонка до звонка», а другой пассивно, неважно, повторяет ли он при этом одну и ту же операцию несколько тысяч раз, или специалист коллцентра отвечает на трехсотый звонок подряд, разговаривая монотонным голосом с недовольным клиентом, или он - школьный охранник, играющий в игры на смартфоне во время рабочего дня, или офисный планктон, делающий работающий вид, а по факту раскладывающий пасьянсы и переписывающийся с приятелями на неформальные темы. Сущность кризиса труда заключается именно в отчуждении трудящегося от жизни, которое сопровождается безразличным забвением. Подчеркну, что труд желательный, пусть даже и необходимый, не является отчуждающим от жизни, хотя может быть и забвенным вследствие вовлеченности. Таким образом, современная организация труда ворует время, и, следовательно, саму жизнь, у человека. Карл Маркс отлично понимал суть отчуждения труда и его границы, но сегодня отчужден не труд, отчуждена сама жизнь, а реальны только безразличие и апатия. Социализм в XX веке, вдохновившись видимой границей труда, направился к ней с небывалым ранее рвением, но потерпел поражение, поскольку зациклился сам на себе. И вот, в XXI веке, веке цифровизации и алгоритмических технологий, пересмотра отношения к труду и форм его организации, у человечества и философии впервые за последние 100 с лишним лет появляется шанс осмыслить и очертить новые возможные границы труда, которые видятся в воплощении образа пост-трудового общества. Появляется надежда на возвращение жизни в забвенный мир человека. Речь идет об обществе, лишенном труда, в его классическом понимании, в смысле отчуждаемого и отчужденного труда.

#### Результаты и перспективы

#### анализа кризиса капитализма и кризиса труда

В результате проведенного анализа ряда работ, посвященных кризисам капитализма и труда, стало понятно, что то, в чем многие современные западные мыслители видят негативные последствия развития капитализма, и, собственно, что составляет сущность кризиса капитализма и кризиса труда по их мнению, может быть его положительным разрешением, поскольку возрастающая гибкость труда, трансформация его форм, рост интереса к интеллектуальному труда, автоматизация процессов и прочее, открывает новые горизонты труду, дарит небывалые ранее возможности для качественного прорыва в борьбе с отчуждающим и отчужденным безразличным забвенным трудом, начиная с роста гибкости труда и его форм, и заканчивая отречением от него. Суть пост-трудового общества, анализ механизмов его достижения, вариация возможных форм его воплощения, трудовая этика, экономические и политически аспекты

возможности общества пост-труда, требуют отдельного исследования, которое будет проведено позднее по мере реализации диссертационного проекта.

### Литература и источники

- 1. Арендт, X. Vita activa, или О деятельной жизни / X. Арендт // Пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина; под ред. Д. М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000
- 2. Бауман, 3. Индивидуализированное общество / 3. Бауман // Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002
- 3. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2000
- 4. Горц, А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / А. Горц // Пер. с нем. и фр. М. М. Сокольской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.
- 5. Срничек, Н. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Н. Срничек, А. Уильямс. М.: Стрелка Пресс, 2019.
- 6. Стендинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стендинг. М.: OOO «Ад Маргинем Пресс», 2014.

# КИТАЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

### Ян Цзиньцю

Феномен темпов и направленности социально-экономического развития Китая в последние десятилетия XX века и первые десятилетия XXI столетия является одним из самых значительных явлений современной цивилизационной динамики и привлекает неизменное внимание многих философов, экономистов, представителей политической и культурной элиты различных стран мира. При этом оценки реальных успехов Китая в осуществлении процессов фронтальной модернизации его экономики и дальнейших перспектив китайской модели социально-экономического развития весьма различны. Как правило, они варьируются в широком диапазоне от восторженного одобрения до скептического и даже откровенно отрицательного к ним отношения.

Так, один из широко известных и авторитетных социальных аналитиков и футурологов Збигнев Бжезинский отмечает, что история Китая всегда была историей национального величия. Китайская элита считала Китай естественным центром мира. Само обозначение Китая — Chung-Kuo или «Срединное королевство» указывает на то, что государство занимает центральное положение в делах мира и ойкумены. В нем всегда уделялось большое внимание развитию философии, культуры, искусства. Вплоть до 1600 года Китай «занимал ведущие позиции в мире по производительности сельскохозяйственного труда, промышленным

нововведениям и уровню жизни» [1, с. 189].

Именно поэтому и последние успехи Китая в проведении системных социально-экономических реформ 3. Бжезинский оценивает весьма положительно, считая «что в течение примерно двух десятилетий Китай станет мировой державой, равной Соединенным Штатам и Европе...» [1, с. 190].

Столь же высокая оценка современного курса Китая на социальноэкономическую модернизацию содержится и в обстоятельном исследовании «Китай: поиск гармонии», приуроченном к 75-летию академика М. Л. Титаренко. В нем отмечается, что «Китай продолжает оставаться одним из мировых лидеров по годовому приросту ВВП» [2, с. 11].

Вместе с тем многие исследователи и политические аналитики не разделяют этих оптимистических оценок нынешнего китайского курса модернизации и считают, что этот социальный проект обречен на провал и неудачу. К их числу принадлежит профессор Калифорнийского университета Питер Наварро. Он считает, что Китай уже в самом ближайшем будущем столкнется с колоссальными проблемами. Причиной этому станут экологические и социально-политические аномалии и противоречия как неизбежные следствия стремительного и плохо управляемого роста Китая в экономике и природопользовании. «Как специалиста в области экономики, – пишет он, – меня беспокоит угроза, исходящая от единственной страны в мире – Китая... Грядущие войны Китая будут вестись на всех фронтах» [3, с. 11].

Еще более радикален в своих оценках будущего Китая как страны, осуществляющей глобальную экономическую модернизацию и впечатляющую экспансию на рынки многих стран мира, американский футуролог и политолог Джордж Фридман. «Любое обсуждение будущего, – отмечает он, – нужно начинать с обсуждения Китая. На его территории проживает четверть населения Земли, и об этой стране нам уже давно говорят как о будущей сверхдержаве. За последние 30 лет экономика Китая сделала огромный шаг вперед, что позволило ему стать мощным государством. Но 30 лет еще не означают, что подобный рост будет длиться вечно...Я не разделяю точку зрения людей, которые считают, что Китай станет одной из главных мировых держав. Я даже не верю, что он сумеет сохранить свою территориальную целостность» [4, с. 122].

Д. Фридман полагает, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе подлинным центром силы останется Япония, а отнюдь не Китай. Как не странно, с ним солидаризируется и З. Бжезинский, считая, что даже при условии сохранения высоких темпов экономического развития и преодоления угрозы политических кризисов, Китай в лучшем случае сохранит за собой статус региональной державы в Восточной Азии, но никак не глобального мирового центра силы. И основной причиной этого

станет растущее противоречие между его экономической и политической системами

О политическом режиме современного Китая сказано немало. При всех его разнообразных характеристиках и квалификациях как системы авторитарного правления большинство экспертов единодушны в том, что система политической власти в Китае кардинально отличается от либерально-демократических форм социального управления в странах Запала.

Известно, что в современном политическом лексиконе демократия позиции. безусловно, лидирующие Она как лучшая и приоритетная форма государственного рамках которой власть принадлежит осуществляется им в собственных интересах. Свободные выборы, парламентаризм, разделение властей, независимая пресса, права человека и другие атрибуты демократии стали несомненной ценностью в западной цивилизации и получили там широкое распространение. Однако сегодня все чаще звучат мнения о том, что такое идеализированное представление о демократии уже не соответствует современной реальности. В различных странах и регионах мира возникают свои в значительной мере модифицированные модели демократического правления. Поэтому в современных политических дискуссиях используются такие понятия как «эффективные». «комбинированные» демократии. И в этом отношении китайский опыт организации специфической системы политического управления страной представляет несомненный интерес.

Китай – одна из самых древних цивилизаций мира, в которой на протяжении многих веков и тысячелетий сохраняется преемственность в развитии культуры и государственности. Одной из особенностей Китая являлось то, что в нем всегда господствовал так называемый «азиатский способ производства». Еще К. Маркс показал, что при этом способе производства государство и аппарат управления выступают в роли формального собственника. Соответственно методы осуществления государственной власти предполагают блокирование и сдерживание товарно-денежных отношений. В них доминируют формы авторитарного правления на основе использования административного ресурса и прямого принуждения и подавления. То есть восточный деспотизм предполагает личностной свободы, права собственности, предпринимательской инициативы. Но в случае с Китаем такие утверждения не являются справедливыми и адекватными. «На самом деле Китайский авторитаризм с сопровождавшими его философскими идеями "ненасилия", "гармонии", "человечности", "морали" нельзя полностью отождествлять с тоталитаризмом» [2, с. 161].

Зачатки своеобразной демократии можно увидеть во многих

философских трактатах и политических практиках древнего Китая. Конфуцианство отстаивало принцип управления на основе моральных норм (ли) и соблюдения правил долга и человеческого общежития по примеру семейных отношений. Легизм делал ставку на использование общеобязательных законов (фа). Идеалом Лао-цзы было «слабое государство» и опора на нравственные качества правителя. В результате в классической китайской философии И традиционной государственного управления обосновывалась идея, согласно которой каждый отдельный человек изначально включен в определенную социальную общность, его настоящее и будущее зависит от общества и государства. Всякое индивидуальное начало личности имеет смысл только в аспекте ее сопричастности к общему, той или иной социальной страте или корпорации.

Эта оказалась идея не только центральной, смыслопорождающей на всем протяжении существования и развития китайской государственности. Она обнаруживается в программе реформ лидера китайского революционно-демократического движения доктора Сунь Ятсена. Ее влияние присутствует и в концепции «демократической диктатуры народа» Мао Цзэдуна. В определенной степени она повлияла и на разработку стратегии реформ, инициатором и идеологом которых выступил Дэн Сяопин. Хотя изложенная на XII съезде КПК в 1982 году программа «строительства социализма с китайской спецификой» во многом порывала с прежней стратегией административнокомандной модели социального управления, тем не менее она сохраняла положение 0 решающей роли Коммунистической партии в политическом и экономическом развитии страны.

После смерти Дэн Сяопина в 1997 году становится все более очевидно, что впечатляющие результаты социально-экономических реформ и рост ВВП страны в четыре раза за 20 лет, с неизбежностью ведет Китай в «ловушку модернизации». То есть, снова актуализируется проблема синхронизации политической власти и политического режима с новой экономической реальностью. В этих условиях снова особенно актуальным становится обращение к конфуцианскому философскому наследию. А это означало, что такие традиционные китайские ценности, как подчинение законам, искренность в отношениях между людьми, трудолюбие, служение долгу, умеренность в потреблении, толерантность и другие становятся важнейшими императивами поведения и деятельности в условиях «общества средней зажиточности».

Но главное состоит в том, что по-прежнему, краеугольным камнем китайского политического режима остается идея сильного государства с большим объемом полномочий в сфере не только внешней, но и внутренней политики. Таким образом, китайская модель политической

власти исключает возможность ослабления государства и передачи его полномочий институтам гражданского общества и общественной самоорганизации. Для того, чтобы обеспечить внешнюю безопасность и внутреннюю стабильность необходимо сохранять сильную государственную власть и так называемый «мягкий авторитаризм», позволяющий реально осуществлять союз власти и народа в такой огромной и чрезвычайно разнообразной стране, как Китай.

#### Литература и источники

- 1. Бжезинский, 3. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические перспективы / 3. Бжезинский. М.: Международные отношения, 1999.
- 2. Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М. Л. Титаренко. М.: ИД «Форум», 2009.
- 3. Наварро, П. Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы / Питер Наварро. М.: Вершина, 2007.
- 4. Фридман, Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века / Д. Фридман. М.: Эксмо, 2010.

## Сведения об авторах

Адуло Тадеуш Иванович, заведующий Отделом социальнофилософских и антропологических исследований Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Александренков Юрий Викторович, доцент кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); кандидат социологических наук, доцент.

Анохина Виктория Валентиновна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Антюшин Сергей Сергеевич, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия (г. Москва); доктор философских наук, доцент.

Афанасьева Светлана Анатольевна, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Школы права Института права и управления Московского городского педагогического университета; кандидат юридических наук, доцент.

*Балаклеец Наталья Александровна*, доцент кафедры философии Ульяновского государственного технического университета; кандидат философских наук, доцент.

*Беляева Елена Валериевна*, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск); доктор философских наук, доцент.

*Беляцкая Елизавета Владимировна*, магистрант кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск).

*Богатая Лидия Николаевна*, автор и куратор проекта «Практики многомерного человека» (г. Одесса); доктор философских наук, профессор.

Бочарова Елена Викторовна, старший научный сотрудник Института аграрных проблем РАН (г. Саратов); кандидат социологических наук.

*Боянич Петар*, профессор Университета Белграда, Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; кандидат философских наук (PhD).

*Брага Лилия Ивановна*, старший научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований (г. Кишинев); кандидат философских наук, доцент.

Булеарка Мариус, старший научный сотрудник отдела экономики добывающей промышленности Центра экономики промышленности и

услуг Национального института экономических исследований «Costin C. Kiritescu» Румынской академии (г. Бухарест).

*Бурак Петр Михайлович*, и. о. заведующего кафедрой философии и права Белорусского государственного технологического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Бурьянов Максим Сергеевич, юрист, эксперт Global Shapers Community Moscow, молодежный посланник Целей устойчивого развития России.

Бурьянов Сергей Анатольевич, доцент кафедры международного права и прав человека школы права института права и управления Московского городского педагогического университета; кандидат юридических наук, доцент.

Бэдиляну Марина, координатор отдела «Экономика энергетики» Центра промышленности и экономики услуг Национального института экономических исследований "Costin C. Kiritescu" Румынской академии (г. Бухарест); доктор экономики, старший научный сотрудник.

*Бэлан Мариана*, профессор-исследователь Института экономического прогнозирования Румынской академии (г. Бухарест); доктор математических наук, доктор экономических наук, профессор.

Ведерников Георгий Андреевич, ассистент кафедры Института переподготовки и повышения квалификации Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Веренич Мария Ивановна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Веруш Алла Ивановна, заведующий кафедры непрерывного образования в спорте и туризме Белорусского государственного университета физической культуры (г. Минск); кандидат политических наук.

Веряскина Валентина Петровна, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН (г. Москва); кандидат философских наук, доцент.

Водопьянов Павел Александрович, профессор кафедры философии и права Белорусского государственного технологического университета (г. Минск); доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси.

*Газимагомедов Газимагомед Гамзатович*, профессор кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета; доктор политических наук.

Георгеску Луминица-Изабель, научный сотрудник Центра промышленности и экономики услуг Национального института экономических исследований «Costin C. Kiritescu» Румынской академии (г. Бухарест).

Головач Алла Анатольевна, заведующая кафедрой философии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Грак Светлана Станиславовна*, заведующий сектором организационного обеспечения социологических исследований Центра оперативных исследований Института социологии НАН Беларуси.

*Гримов Олег Александрович*, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета (г. Курск); кандидат социологических наук.

Давлетиина Анна Маратовна, ассистент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельпина.

Давлятова Елена Валентиновна, заведующий кафедрой философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; кандидат исторических наук, доцент.

Данилов Александр Николаевич, заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); доктор социологических наук, профессор, членкорреспондент НАН Беларуси.

Деркачёв Артур Олегович, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Военной академии Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого (г. Балашиха); кандидат философских наук, доцент.

Донских Сергей Владимирович, доцент кафедры туризма и культурного наследия Гродненского государственного университета имени Янки Купалы; кандидат культурологии, доцент.

Дудчик Андрей Юрьевич, заместитель директора по научной работе Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент.

Жоголь-Лабзеева Ирина Петровна, заместитель начальника управления мониторинга качества образования Национального института образования Министерства образования Республики Беларусь (г. Минск).

Жук Виктор Иванович, директор Института юридических, политических и социологических исследований Министерства образования, культуры и исследований Республики Молдова; хабилитированный доктор политических наук, профессор.

Жук Екатерина Ивановна, преподаватель кафедры философии культуры Белорусского государственного университета.

Занина Александра Павловна, магистрант философского факультета Российского государственного гуманитарного университета.

Ивлев Виталий Юрьевич, заведующий кафедрой философии Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана; доктор философских наук, профессор.

*Ивлева Марина Левенбертовна*, заведующий кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов (г. Москва); доктор философских наук, профессор.

*Игнатенко Виктор Андреевич*, аспирант Института философии РАН (г. Москва).

*Ильянович Екатерина Борисовна*, доцент кафедры философии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь); кандидат философских наук, доцент.

*Иноземцев Владимир Александрович*, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана; доктор философских наук, профессор.

*Интымакова Лариса Григорьевна*, доцент кафедры общей педагогики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Таганрог); кандидат философских наук, доцент.

Ионел Пинтилий, докторант Университета «Apollonia» (г. Яссы).

*Калита Цезари Казимерович*, профессор факультета общественных наук Естественно-гуманитарного университета в г. Седльце; доктор философских наук, профессор.

Калмыков Владимир Николаевич, профессор кафедры философии Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины; доктор философских наук, профессор.

*Камалиденова Асия Закашевна*, ассоциированный профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Казахстанско-Британского технического университета (г. Алматы); кандидат философских наук.

Карпец Любовь Анатольевна, заведующая кафедрой, профессор кафедры украинского и иностранных языков Харьковской государственной академии физической культуры; доктор философских наук, профессор.

Кирик Тамара Викторовна, заведующая кафедрой украинского и латинского языков Киевского медицинского университета; кандидат педагогических наук, доцент.

Колесникова Галина Ивановна, профессор кафедры философии Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского; доктор философских наук, профессор.

Колчигин Сергей Юрьевич, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы); доктор философских наук, профессор.

Колядко Илья Николаевич, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук

Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук.

Комаровская Анастасия Сергеевна, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Коноваленко Наталья Васильевна, доцент кафедры философии и психологии Донецкой академии управления и государственной службы; кандидат философских наук, доцент.

Королева Ксения Аркадьевна, аспирант Института философии РАН (г. Москва).

Косенков Александр Юрьевич, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Костеева Наталия Владимировна, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

*Кравцов Олег Юрьевич*, аспирант Национального института образования (г. Минск); соискатель ученой степени кандидата философских наук.

*Криштапович Лев Евстафьевич*, профессор кафедры межкультурных коммуникаций Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Ксенофонтов Владимир Николаевич, профессор кафедры «Философия, социология и история» Российской открытой академии транспорта (МИИТ) (г. Москва); доктор философских наук, профессор.

*Ксенофонтов Владислав Анатольевич*, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук Военной академии Республики Беларусь (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Кузнецов Анатолий Владимирович, доцент кафедры социальногуманитарных дисциплин Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (г. Минск); кандидат философских наук, лопент.

*Кузнецов Виталий Владимирович*, доцент кафедры социальногуманитарных дисциплин Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (г. Минск); кандидат философских наук.

Куксачёв Николай Николаевич, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

*Курбачёва Ольга Владиславовна*, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Лапшина Валентина Семёновна*, доцент кафедры истории, философии, педагогики и психологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета; кандидат философских наук.

*Латышев Дмитрий Михайлович*, аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

*Лещинская Ирина Ивановна*, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Лисеев Игорь Константинович, главный научный сотрудник Института философии РАН (г. Москва); доктор философских наук, профессор.

*Лойко Александр Иванович*, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета; доктор философских наук, профессор.

Луньков Александр Сергеевич, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского Федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; кандидат исторических наук, доцент.

*Малыхина Галина Ивановна*, заведующая кафедрой философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Мартынов Владимир Федорович*, заведующий кафедрой культурологии Института современных знаний имени А. М. Широкова (г. Минск); доктор культурологии, профессор.

Масько Сергей Геннадьевич, доцент кафедры философии и гуманитарных проблем образования Минского государственного института развития образования; кандидат философских наук, доцент.

*Мацевич-Духан Ирина Янушевна*, докторант Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Медведев Николай Владимирович*, заведующий кафедрой философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина; доктор философских наук, профессор.

Можейко Марина Александровна, профессор кафедры философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Молчанов Виктор Игоревич, главный научный сотрудник Центра феноменологической философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); доктор философских наук, профессор.

*Морару Виктор*, вице-президент Академии наук Молдовы (г. Кишинев); хабилитированный доктор политических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Молдовы.

Морозова Инесса Ивановна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат филологических наук, доцент.

*Мушинский Николай Иосифович*, доцент кафедры философских учений Белорусского национального технического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Мятникова Ирина Владимировна, заведующий сектором аналитического обеспечения социологических исследований Центра оперативных исследований Института социологии НАН Беларуси, соискатель Института социологии НАН Беларуси.

Назаров Андрей Дмитриевич, инженер-исследователь лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Наливайко Инна Михайловна, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, профессор.

*Нестеров Олег Георгиевич*, аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

*Никитина Юлия Федоровна*, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

*Нягу Корнелия*, старший научный сотрудник отдела экономики природных ресурсов Центра экономики промышленности и сферы услуг (г. Бухарест); кандидат менеджмента, старший научный сотрудник.

*Огородник Виктор Иосифович*, доцент кафедры философии и психологии Донецкой академии управления и государственной службы; кандидат философских наук, доцент.

*Орленко Елена Михайловна*, доцент кафедры гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры; кандидат исторических наук, доцент.

*Орлова Елена Евгеньевна*, заместитель начальника Главного управления международного научно-технического сотрудничества аппарата НАН Беларуси (г. Минск); кандидат биологических наук.

Павловская Ольга Александровна, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Пальчевский Борис Васильевич, профессор кафедры информационных технологий в образовании Минского городского института развития образования; доктор педагогических наук, профессор.

Петрунин Владимир Владимирович, доцент кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности

Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева; кандидат философских наук; доцент.

Подкопаев Владимир Викторович, начальник Главного управления международного научно-технического сотрудничества аппарата НАН Беларуси (г. Минск); кандидат политических наук.

*Подоль Рудольф Янович*, заведующий кафедрой философии и методологии науки Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина; доктор философских наук, профессор.

Познякова Ольга Леонидовна, заведующий кафедрой философии и политологии Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Прохоров Александр Николаевич, помощник генерального директора АНО «Платформа новой школы», исполнительный директор Ассоциации популяризации и внедрения ПМО «Успех каждого» (г. Москва).

Прохоров Михаил Михайлович, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета; доктор философских наук, профессор.

Ратникова Ирина Михайловна, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Рогожа Мария Михайловна, профессор кафедры этики, эстетики и культурологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; доктор философских наук, профессор.

Рожков Александр Олегович, студент Института теологии имени свв. Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета (г. Минск).

Рубанов Анатолий Владимирович, профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); доктор социологических наук, профессор.

Салтан Наталья Николаевна, доцент кафедры гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры; кандидат исторических наук, доцент.

Сахарова Екатерина Владимировна, заведующий сектором информационного обеспечения социологических исследований Центра оперативных исследований Института социологии НАН Беларуси.

Семенова Владислава Николаевна, заведующий кафедрой философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Сидоренко Ирина Николаевна, профессор кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; доктор философских наук, доцент.

Сима Кристиан, старший научный сотрудник отдела экономики добывающей промышленности Центра экономики промышленности и услуг Национального института экономических исследований "Costin C. Kiritescu" Румынской академии (г. Бухарест); кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

Скворец Владимир Алексеевич, заведующий кафедрой социологии Запорожского национального университета; доктор философских наук, доцент.

Смоляков Дмитрий Анатольевич, научный сотрудник Белорусскокитайского исследовательского центра философии и культуры Линнаньского педагогического университета и Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Смульский Сергей Владимирович, профессор кафедры информационной аналитики и политических технологий Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана; доктор политических наук, профессор.

Старикова Оксана Михайловна, заведующий кафедрой философии и гуманитарных проблем образования Минского государственного института развития образования; кандидат педагогических наук, доцент.

Стародубцева Зинаида Григорьевна, доцент кафедры русского языка и литературы Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Таганрог); кандидат филологических наук, доцент.

Сташис Владислав Олегович, аспирант кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета.

Стребков Александр Иванович, профессор кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета; доктор политических наук, профессор.

Стэнеску Симона Мария, профессор-исследователь Исследовательского института качества жизни Румынской академии (г. Бухарест); доктор социологических наук, профессор.

Султанов Данис Марсович, магистрант Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

*Теодор Серджиу*, докторант Института юридических, политических и социологических исследований (г. Кишинев).

*Ткачева Ирина Викторовна*, инженер-лаборант кафедры философии Южного Федерального Университета (г. Таганрог); кандидат философских наук.

Федорова Жанна Викторовна, доцент кафедры Философии и медиакоммуникаций Казанского государственного энергетического университета; кандидат филологических наук, доцент.

Филиппович Алексей Валентинович, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии искусств (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Хамутовская Светлана Викторовна, старший научный сотрудник отдела социологии государственного управления Института социологии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат социологических наук, доцент.

*Цибизова Лилия Александровна*, доцент кафедры истории и философии Всероссийского государственного института имени С. А. Герасимова (ВГИК) (г. Москва); кандидат философских наук, доцент.

*Червинская Ирина Александровна*, научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси (г. Минск).

Черепанова Екатерина Сергеевна, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; доктор философских наук, профессор.

Черникова Дарья Васильевна, заместитель директора Научнообразовательного центра урбанистики и регионального развития Национального исследовательского Томского государственного университета; кандидат философских наук, доцент.

*Черникова Ирина Васильевна*, заведующая кафедрой философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета; доктор философских наук, профессор.

*Чуешов Виктор Иванович*, заведующий кафедрой социальной политики и идеологии Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Чумак Светлана Петровна, координатор Центра политических исследований и международных отношений Института правовых, политических и социологических исследований Министерства образования, культуры и исследований Республики Молдова (г. Кишинев); доктор экономики, старший научный сотрудник.

Шепетюк Виталий Васильевич, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

*Шоркин Алексей Давыдович*, профессор кафедры философии Таврической академии Крымского федерального университета (г. Симферополь); доктор философских наук, профессор.

Щербин Вячеслав Константинович, заведующий сектором исследования макроэкономических рисков Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси (г. Минск); кандидат филологических наук.

Яковлев Лев Сергеевич, профессор кафедры социологии и социальной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина) (г. Саратов); доктор социологических наук, профессор.

Ян Цзиньцю, магистрант кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета.

Яхно Валентина Николаевна, доцент кафедры социальногуманитарных и правовых дисциплин Гомельского государственного технического университера имени П. О. Сухого; кандидат философских наук, доцент.

#### Научное издание

## ФИЛОСОФИЯ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ:

## к 90-летию Института философии НАН Беларуси

Материалы Международной научной конференции (15–16 апреля 2021 года, г. Минск)

В трех томах Том 2

На русском, белорусском, английском, польском языках

Статьи публикуются в авторской редакции

Издано при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований по договору № К21–07 от 07.04.2021 г.

Ответственный за выпуск А. О. Карасевич

Подписано в печать 20.08.2021. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 21,62. Уч.-изд. л. 21,52. Тираж 45 экз. Заказ 846.

Издатель и полиграфическое исполнение: ОДО «Издательство "Четыре четверти"». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий № 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013. Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск. Тел./факс: +375 17 350 25 42. E-mail: info@4-4.by